

# ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ 1 (31) / 2017

**2017**  
**1 (31)**

Ψλ

---

**Институт  
Языкознания**  
Российской академии наук



---

# ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

2017  
1 (31)  
Москва

---

# JOURNAL OF PSYCHOLINGUISTICS

2017  
1 (31)  
Moscow

## **СОУЧРЕДИТЕЛИ:**

ФГБУН ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН  
НОУ ВПО «МОСКОВСКАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ»  
Регистрационный ПИ № ФС 77-38423  
ISSN 2077-5911  
Подписной индекс Роспечати 37152

## **РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**

**Тарасов Евгений Федорович**, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

**Уфимцева Наталья Владимировна**, заместитель главного редактора, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

**Балясникова Ольга Вениаминовна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

**Дмитрюк Сергей Валерьевич**, ответственный секретарь, кандидат филологических наук, редактор издательского отдела Московской международной академии, Москва (Россия)

**Марковина Ирина Юрьевна**, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, Москва (Россия)

**Маховиков Денис Викторович**, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора общей психолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

**Свинчукова Елена Геннадьевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института языкознания РАН, Москва (Россия)

**Степанова Анна Александровна**, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики Института языкознания РАН, Москва (Россия)

## **РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**

**Ахутина Татьяна Васильевна**, доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)

**Гольдин Валентин Евсеевич**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов (Россия)

**Гриценко Елена Сергеевна**, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород (Россия)

**Демьянков Валерий Закиевич**, доктор филологических наук, профессор, заместитель директора Института языкознания РАН, Москва (Россия)

**Дмитрюк Наталья Васильевна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Южно-Казахстанского государственного педагогического института, Чимкент (Казахстан)

**Залевская Александра Александровна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка Тверского государственного университета, Тверь (Россия)

**Карасик Владимир Ильич**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

**Кирилина Алла Викторовна**, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московской международной академии, Москва (Россия)

**Ли Тоан Тханг**, доктор филологических наук, профессор Вьетнамского института лексикографии и энциклопедий Вьетнамской академии общественных наук, Ханой (Вьетнам)

**Мартин Ф. Линч**, Ph.D., профессор Университета Рочестера, Рочестер (США)

**Мягкова Елена Юрьевна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных, социальных и естественнонаучных дисциплин Тверского института экологии и права, Тверь (Россия)

**Овчинникова Ирина Германовна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики обучения лиц с ограниченными возможностями, Хайфский университет, Хайфа (Израиль)

**Пильгун Мария Александровна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры интегрированных коммуникаций, заместитель руководителя научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций Высшей школы экономики, Москва (Россия)

**Поляков Федор Борисович**, доктор, профессор, директор Института славистики Венского университета, Вена (Австрия)

**Стернин Иосиф Абрамович**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета, Воронеж (Россия)

**Терентий Ливиу Михайлович**, кандидат политических наук, ректор Московской международной академии, Москва (Россия)

**Чжао Цюе**, доктор филологических и педагогических наук, профессор, директор Института славянских языков Харбинского педагогического университета Китая, Харбин (Китай)

**Черниговская Татьяна Владимировна**, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, заведующая лабораторией когнитивных исследований и кафедрой проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук СПбГУ, Санкт-Петербург (Россия)

**Шапошникова Ирина Владимировна**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН; заведующая кафедрой истории и типологии языков и культур Новосибирского государственного университета, Новосибирск (Россия)

**Шаховский Виктор Иванович**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград (Россия)

**Шкатова Людмила Александровна**, доктор филологических наук, профессор, профессор Челябинского государственного университета, Челябинск (Россия)

Научный журнал теоретических и прикладных исследований.

Издается с 2003 года. Журнал выходит 4 раза в год.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

г. Москва 2017

© ФГБУН Институт языкознания РАН, 2017

© НОУ ВПО «Московская международная академия», 2017

© Авторы, 2017

Подписано в печать 24.03.2017. Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 21,53. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии «Канцлер», г. Ярославль, e-mail: kancler2007@yandex.ru

---

## COFOUNDERS:

INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES  
MOSCOW INTERNATIONAL ACADEMY

Registration number № ФС 77-38423

ISSN 2077-5911

## EDITORIAL BOARD

**Evgeny F. Tarasov**, chief editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**Natalya V. Ufimtseva**, deputy editor, Doctor of Philology, Professor, Head of Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**Olga V. Balyasnikova**, Candidate of Philology, Senior Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**Sergey V. Dmitryuk**, executive secretary, Candidate of Philology, Editor of the Publishing Department of the Moscow Institute of Linguistics, Moscow (Russia)

**Irina Yu. Markovina**, Candidate of Philology, Head of the Department of Foreign Languages, Sechenov Moscow State Medical University, Moscow (Russia)

**Denis V. Makhovikov**, Candidate of Philology, Researcher, Department of General Psycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**Elena G. Svinchukova**, Candidate of Philology, Department of Foreign Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**Anna A. Stepanova**, Candidate of Philology, Researcher, Sector of Ethnopsycholinguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

## ACADEMIC ADVISORY BOARD

**Tatyana V. Akhutina**, Doctor of Psychology, Professor, Head of the Laboratory of Neuropsychology, Faculty of Psychology, Moscow State University, Moscow (Russia)

**Valentin Ye. Goldin**, Doctor of Philology, Professor, Professor of Language Theory, History and Applied Linguistics Department, Saratov State University, Saratov (Russia)

**Elena S. Gritsenko**, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of Nizhny Novgorod State Linguistic University, Nizhny Novgorod (Russia)

**Valery Z. Demyankov**, Doctor of Philology, professor, deputy director of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

**Natalya V. Dmitryuk**, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, South Kazakhstan State Pedagogical Institute, Shymkent (Kazakhstan)

**Alexandra A. Zalevskaya**, Doctor of Philology, Professor, Department of English, Tver State University, Tver (Russia)

**Vladimir I. Karasik**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Philology, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

**Alla V. Kirilina**, Doctor of Philology, Professor, Pro-rector of the Moscow International academy, Moscow (Russia)

**Ly Toan Thang**, Doctor of Philology, Professor, Vietnam Institute of Lexicography and Encyclopedia, Vietnam Academy of Social Sciences, Hanoi (Vietnam)

---

**Martin F. Lynch**, Ph.D., Professor, the University of Rochester, Rochester (USA)

**Elena Yu. Myagkova**, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Humanities, Social and Natural Sciences, Tver Institute of Ecology and Law, Tver (Russia)

**Irina G. Ovchinnikova**, Doctor of Philology, Professor, Professor of Department of Learning Disabilities, Haifa University, Haifa, (Israel)

**Maria A. Pilgun**, Doctor of Philology, Professor, Professor of Integrated Communications Department, Deputy Head of the Laboratory of Business Communications, Higher School of Economics, Moscow (Russia)

**Fedor B. Polyakov**, Doctor, Professor, Director of the Institute of Slavic Studies, the University of Vienna, Vienna (Austria)

**Iosif A. Sternin**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and Stylistics, Voronezh State University, Voronezh (Russia)

**Liviu M. Terenty**, Candidate of Political Science, Rector of the Moscow International academy, Moscow (Russia)

**Zhao Qiuye**, Doctor of Philology and Pedagogics, Professor, Director of the Institute of Slavic Languages, Harbin Pedagogical University of China, Harbin (China)

**Tatiana V. Chernigovskaya**, doctor of Philology and Biology, Professor of St. Petersburg State University, Head of Laboratory for Cognitive Studies, Deputy Director-Coordinator of the Cognitive Branch of Kurchatov Institute, Saint-Petersburg, Moscow (Russia)

**Irina V. Shaposhnikova**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History and Typology of Languages and Cultures, Novosibirsk National Research State University, Chief Researcher of the Sector of the Russian Language, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia)

**Viktor I. Shakhovsky**, Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, Volgograd State Social Pedagogical University, Volgograd (Russia)

**Ludmila A. Shkatova**, Doctor of Philology, Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk (Russia)

Scientific journal of theoretical and applied research.

4 issues per year. The journal has been published since 2003.

All rights reserved.

The materials of the journal may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis.

Moscow, 2017

© Institute of linguistics of Russian academy of sciences, 2017

© Moscow International Academy, 2017

© Authors, 2017

## ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<b>Ахутина Т.В., Корнеев А.А., Матвеева Е.Ю.</b> ( <i>Москва, Россия</i> ) Две стратегии понимания логико-грамматических конструкций у первоклассников.....	10
<b>Богданова Е.С.</b> ( <i>Рязань, Россия</i> ) Проблемы интерпретации метафорических выражений старшими школьниками.....	30
<b>Валуева Е.А., Данилевская Н.М., Лаптева Е.М., Ушаков Д.В.</b> ( <i>Москва, Россия</i> ) Когнитивная сложность художественных текстов для детей: квантитативные методы оценки.....	42
<b>Волкова Л.Б.</b> ( <i>Санкт-Петербург, Россия</i> ) Невербальный язык радости русских и китайцев (лингвофеноменологический аспект).....	62
<b>Медведева И.А.</b> ( <i>Москва, Россия</i> ) Мать гладит по шерсти, а мачеха наоборот: коммуникативные модели поведения через призму теории архетипов.....	74
<b>Нистратов А.А.</b> ( <i>Москва, Россия</i> ) Анализ значений пословиц в контексте ситуаций их употребления.....	85
<b>Порхомовский В.Я.</b> ( <i>Москва, Россия</i> ) Письмо как социокультурный и психологический феномен.....	97
<b>Сигал К.Я.</b> ( <i>Москва, Россия</i> ) Дислокационно-компрессивная метонимия (на материале субстантивно-адъективных словосочетаний).....	110
<b>Тивьяева И.В.</b> ( <i>Тула, Россия</i> ) Когнитивно-коммуникативный подход к исследованию языковой репрезентации процессов памяти.....	124

## ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ШТУДИИ

<b>Колесов В.В.</b> ( <i>Санкт-Петербург, Россия</i> ) Концептуальное поле русского сознания: подсознание.....	140
<b>Карпов В.И.</b> ( <i>Москва, Россия</i> ) Исследование омонимии в зонах взаимодействия языка и диалектов: вопросы методологии.....	163

## Трибуна молодых ученых

<b>Матюшина В.В.</b> ( <i>Москва, Россия</i> ) Ассоциативное поле ценности «толерантность» как один из инструментов описания образа сознания носителей русского языка.....	174
<b>Разумкова А.В.</b> ( <i>Москва, Россия</i> ) Коми, какие они? или автостереотипы и гетеростереотипы коми (зырян).....	188
<b>Савицкая С.В.</b> ( <i>Новосибирск, Россия</i> ) Сопоставительное исследование языкового сознания русских и якутов (на примере образа родины).....	203
<b>Хуан Тяньдэ</b> ( <i>Москва, Россия</i> ) Образ «китаец» в сознании носителей своей и чужой культуры (на материале корпусов китайского и русского языков).....	217

**Яровикова В.О.** (*Москва, Россия*) Концепт «страх» в контексте религиозного и медийного дискурсов (на примере портала «Православие и мир»).....226

### ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: ЛЮДИ И ИДЕИ

**Постовалова В.И.** (*Москва, Россия*) Отечественная лингвистика XX века и ее корифеи. Б.А. Серебренников: жизнь и творчество.....238

### НАШ АРХИВ

**Автор неизвестен** Литературное творчество Алика Леонтьева с 5-ти до 9-ти лет.....254

### РЕЦЕНЗИИ

**Уфимцева Н.В.** (*Москва, Россия*) Рецензия на книгу В.Д. Попкова «Покидая пределы этничности. Постсоветская эмиграция в Германии» (Изд-во «Посев», Франкфурт-на-Майне, 2016, 484 с.).....269

**Волкова П.С.** (*Краснодар, Россия*) Рецензия на монографическое исследование В.И. Шаховского «Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции» (Волгоград: изд-во ИП Поликарпов И.Л., 2016. 504 с.).....272

### ИНФОРМАЦИЯ





## THEORETICAL AND EXPERIMENTAL STUDIES

<b>Tatyana V. Akhutina, Aleksei A. Korneev, Ekaterina Yu. Matveeva</b> ( <i>Moscow, Russia</i> ) Two Strategies of the Comprehension of Reversible Sentences in Primary School Students.....	10
<b>Elena S. Bogdanova</b> ( <i>Ryazan, Russia</i> ) Senior Schoolchildren's Problems in Interpreting Metaphoric Expressions.....	30
<b>Ekaterina A. Valueva, Nina M. Danilevskaya, Ekaterina M. Lapteva, Dmitry V. Ushakov</b> ( <i>Moscow, Russia</i> ) Cognitive Complexity of Children Fiction: Quantitative Methods of Evaluation.....	42
<b>Larisa B. Volkova</b> ( <i>St. Petersburg, Russia</i> ) Nonverbal Russian and Chinese Emotional Language of Joy (Linguophenomenological Aspect).....	62
<b>Irina A. Medvedeva</b> ( <i>Moscow, Russia</i> ) Every Mother Thinks her Own Gosling a Swan: Communication Models of Behavior via the Aspect of the Theory of Archetypes.....	74
<b>Aleksandr A. Nistratov</b> ( <i>Moscow, Russia</i> ) Analysis of the Meaning of Proverbs in Use.....	85
<b>Viktor Ya. Porkhomovskiy</b> ( <i>Moscow, Russia</i> ) Writing as a Sociocultural and Psychological Phenomenon.....	97
<b>Kirill Ya. Seagal</b> ( <i>Moscow, Russia</i> ) Dislocative and Compressive Metonymy (on the Material of Substantive-Adjectival Word-Combinations).....	110
<b>Irina V. Tivyaeva</b> ( <i>Tula, Russia</i> ) Cognitive-Communicative Approach to Verbal Representation of Mnemonic Processes.....	124

## PHILOLOGICAL STUDIES

<b>Vladimir V. Kolesov</b> ( <i>St. Petersburg, Russia</i> ) Conceptual Field of Russian Conscience: Unconscious.....	140
<b>Vladimir I. Karpov</b> ( <i>Moscow, Russia</i> ) Study of Lexical Homonymy in the Zones Where the Language and Its Dialects Contact.....	163

## YOUNG SCHOLARS' STUDIES

<b>Vasiliisa V. Matjushina</b> ( <i>Moscow, Russia</i> ) The Associative Field of the Value 'Tolerance' as a Tool To Describe the Russian Language Speaker Picture of Consciousness.....	174
<b>Anna V. Razumkova</b> ( <i>Moscow, Russia</i> ) What are the Komi like? Or Autostereotypes and Geterostereotypes of the Komi (Zyran).....	188
<b>Sardana V. Savitskaya</b> ( <i>Novosibirsk, Russia</i> ) Comparative Study of Language Consciousness of Russians and Yakuts (On the Example of the Image of Homeland).....	203
<b>Huang Tiande</b> ( <i>Moscow, Russia</i> ) Image "Chinese" in the Consciousness of Speakers of Own and Other National Cultures (on the Material of the Chinese and Russian National Corpus).....	217

**Vladislava O. Yarovikova** (*Moscow, Russia*) Concept “Fear” in Religious and Media Discourses (Based on “Pravoslaviye i Mir” Portal).....226

**LINGUISTIC HISTORIOGRAPHY: PERSONS AND IDEAS**

**Valentina I. Postovalova** (*Moscow, Russia*) Russian Linguistics of the XX<sup>th</sup> Century and its Prominent Figures. B.A. Serebrennikov: his Life and Scientific Work.....238

**OUR ARCHIVE**

**Unknown Author** Literary Activity by Alik Leontyev aged 5-9.....254

**REVIEW**

**Natalia V. Ufimtseva** (*Moscow, Russia*) Review of the book by V.D. Popkov “Leaving the Limits of Ethnicity. Postsoviet Emigration in Germany” (Publ. “Posev”, Frankfurt on the Main, 2016, 484 p.).....269

**Polina S. Volkova** (*Krasnodar, Russia*) Review of the monograph by V.I. Shakhovskiy “Dissonance of Ecologicity in Communication: Person, Language, Emotions” (Volgograd: Publ. IP Polikarpov I.L., 2016. 504 p.).....272

**INFORMATION**



**ДВЕ СТРАТЕГИИ ПОНИМАНИЯ ЛОГИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ  
КОНСТРУКЦИЙ У ПЕРВОКЛАССНИКОВ**

*Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ №16-06-01001,  
«Понимание синтаксических конструкций у младших школьников с разными  
вариантами развития высших психических функций»*

**Ахутина Татьяна Васильевна**

Зав. лабораторией нейропсихологии  
МГУ им. М.В. Ломоносова  
*akhutina@mail.ru*

**Корнеев Алексей Андреевич**

Старший научный сотрудник лаборатории нейропсихологии  
МГУ им. М.В. Ломоносова  
*korneeff@gmail.com*

**Матвеева Екатерина Юрьевна**

Старший научный сотрудник лаборатории нейропсихологии  
МГУ им. М.В. Ломоносова  
*obukhova1@yandex.ru*

В статье описаны результаты эмпирического исследования понимания логико-грамматических конструкций (ЛГК) младшими школьниками. В работе предпринимается попытка выделить различные стратегии понимания таких конструкций. С этой целью использовалась компьютерная версия методики оценки способности понимать ЛГК, в которой детям предъявлялись синтаксические конструкции разного типа: обратимые и необратимые, с прямым или обратным порядком слов, с пассивным и активным залогами и т. п. Также проводилось нейропсихологическое обследование испытуемых. Исследовано 36 детей первого класса (средний возраст  $7.3 \pm 0.5$  лет). Анализ правильности и скорости понимания ЛГК позволил разделить детей на три группы: (1) с преобладанием ориентации на порядок слов (пассивная конструкция с обратным порядком слов, т.е. ПО, понимается лучше, чем предложения с прямым порядком, т.е. ПП), (2) с ориентацией на падежные флексии и порядок слов (ПП понимается лучше ПО) и (3) группа, безошибочно понимающая логико-грамматические конструкции. Сравнение состояния различных компонентов высших психических функций в этих трех группах и корреляционный анализ характеристик понимания ЛГК и результатов нейропсихологического обследования показали, что стратегия, демонстрируемая первой группой – билатеральная с более значительным вкладом правого полушария. Во второй группе стратегия, скорее, аналитическая левополушарная. В обсуждении рассматривается общая картина развития понимания ЛГК.

**Ключевые слова:** понимание, компьютерные тесты, обратимые грамматические конструкции, дети, левое и правое полушария, нейропсихология.

### Введение

Понимание логико-грамматических конструкций (ЛГК) – одна из сложных речевых функций, предполагающая участие разных речевых операций и взаимодействие различных мозговых структур. Как и в любом произвольном действии, в нем участвуют функции программирования и контроля и функции поддержания оптимального тонуса бодрствования. Оно требует участия лексико-семантических операций, а в случае обратимых конструкций еще и участия операций грамматического анализа предложения [Caramazza, Zurif 1976]. Обратимыми конструкциями являются такие, где члены предложения, обозначающие различные семантические роли (например, агента и объекта действия, как в предложении «Мальчик спас девочку»), могут меняться местами, и их роль должна быть декодирована. Необратимыми конструкциями являются те, где такая мена ролей невозможна («Мальчик съел котлету») и для понимания достаточно лексико-семантических операций и знаний о мире. Грамматический анализ более сложен в случае обратного порядка слов («Девочку спас мальчик» или «Мальчиком спасена девочка») и пассивного залога («Девочка спасена мальчиком»). Большая сложность пассивного залога для детей и больных с афазией показана на материале английского и многих других языков [Slobin 1970; Slobin, Bever 1982; Nakuta 1982; Pleh 1981], влияние и залога и порядка слов – на русском [Ахутина 1978; 1989; Статников 2015].

Анализ афазии у взрослых показывает, что нарушения понимания ЛГК возникают при поражениях как нижних отделов левой премоторной области в синдроме эфферентной моторной афазии и переднего аграмматизма, так и левой зоны ТРО в синдроме пространственных расстройств и семантической афазии [Лурия 1947; 1975; Ахутина 1989; Драгой и др. 2015; Berndt, Caramazza 1981; Goodglass, Menn 1976; Schwartz, Saffran, Marin 1980]. Трудности понимания ЛГК возможны и при поражении средне-височных отделов левого полушария из-за снижения слухоречевой памяти [Ахутина, 1989]. Эти данные подтверждаются современными нейровизуализационными исследованиями [Grodzinsky, Friederici 2006; Rodd et al. 2010; Den Ouden et al. 2012].

Исследования развития понимания обратимых конструкций на материале активного и пассивного залогов, проведенные в 70-80 гг. прошлого века, показали, что у детей, говорящих на разных языках, отмечена тенденция увеличивать число ошибок в пассивных конструкциях с прямым порядком слов в возрасте около 4 лет [Slobin, Bever 1982]. В английском языке это явление объяснялось сверхгенерализацией правила, в соответствии с которым первое имя существительное (N) в последовательности NVN является именем деятеля (агента/агенса). Однако и в других языках с менее жестким порядком слов, чем в английском, была обнаружена тенденция к увеличению выбора первого имени как носителя роли агента действия (в работе [Slobin, Bever 1982] приведены данные по английскому, итальянскому, сербо-хорватскому и турецкому языкам). Рассмотрим работу с детьми, говорящими на японском языке, выполненную в этом русле [Nakuta 1982]. В японском языке семантические роли в первую очередь передаются частицами (как в русском – падежными окончаниями), тогда как порядок слов играет меньшую роль. В эксперименте на манипулирование двумя куклами, когда дети в возрасте от 2 до 6 лет изображали

действие, соответствующее услышанному предложению, были получены следующие средние данные: продуктивность понимания активных предложений с прямым и обратным порядком слов (0.819 и 0.569) была выше, чем пассивных (0.434 и 0.521). При этом в активных предложениях с прямым порядком слов (АП) ошибок было значительно меньше, чем в предложениях с обратным порядком (АО), тогда как среди пассивных конструкций, наоборот, лучше понимались предложения с обратным порядком слов (ПО). Т.е. в лучше освоенных активных конструкциях при выборе деятеля дети опирались на частицы, а в пассивных конструкциях – на порядок имен. В пассивных предложениях с прямым порядком слов (ПП), где имя деятеля на втором месте, опора на порядок слов вела к тому, что число правильных ответов падало ниже уровня случайного выбора (0.434).

В 1985 году Вера Кемпе под руководством Т.В. Ахутиной провела эксперимент на понимание активных и пассивных конструкций русско-говорящими и немецко-говорящими детьми 3, 4 и 5 лет [Кемпе 1985; Ахутина, Величковский, Кемпе 1988; Ахутина 1989: 170-173]. Наличие стратегии «первое имя – агент» было обнаружено у 8 из 20 трехлетних детей, у 14 из 20 четырехлетних детей и у 8 из 20 пятилетних детей. Симптомами использования стратегии «первое имя – агент» было уменьшение ошибок в ПО (от 61% у русских трехлеток до 25% у четырехлеток и от 58% до 22% у немецких детей соответствующего возраста) и увеличение ошибок в ПП и АО. Эти данные позволили выделить такой параметр использования стратегии «первое имя – агент»: меньшее число ошибок в пассивных конструкциях с обратным порядком слов (ПО) по сравнению с ПП.

Таким образом, в литературе вопроса накоплены данные об изменении стратегий понимания ЛГК с возрастом. Одновременно обсуждался вопрос и об изменении не только организации функции, но и ее локализации. Исследования показывают, что у детей в сравнении с взрослыми в процесс понимания значительно больше вовлечены структуры правого полушария. Об этом говорят данные и психологического анализа [Bates et al. 1997; 2003; Киселев и др. 2007; Лапшина 2010] и нейровизуализации [Kagunayaka et al. 2007]. Роль серийной организации речи и зрительно-пространственных функций в понимании ЛГК у детей 7 лет была показана А.И. Статниковым [Статников 2013; 2015]. Он же обнаружил следы действия правила «первое имя – агент» у типично развивающихся детей 7 лет и более отчетливо у их сверстников с общим недоразвитием речи (там же). Однако в этих работах вопрос о роли функций левого и правого полушария мозга специально не обсуждался.

Для речевых функций в целом показан сдвиг от правополушарной и биполушарной латерализации к левополушарной, причем у разных речевых функций этот сдвиг происходит в разное время [Neville, Bavelier 2002; Bates et al. 2003; см. обзор Ахутина и др. 2013]. Остаются, однако, неясными вопросы о латерализации понимания ЛГК у детей 7 лет и зависимости понимания ЛГК от состояния других ВПФ.

**Цель** настоящего исследования – выявление различных стратегий понимания ЛГК у детей 7 лет и их связи с состоянием других ВПФ и, в частности правополушарных и левополушарных функций.

**Испытуемые.** В исследовании приняло участие 36 учащихся первого класса московских школ (14 мальчиков, средний возраст  $7.3 \pm 0.5$  лет).

**Методика.** Дети выполняли компьютерный тест «Методика оценки способности понимать логико-грамматические конструкции» [Статников 2013]. Процедура теста такова. Испытуемому, сидящему перед компьютером, через наушники предъявляется предложение, одновременно на экране появляются две картинки. Ребенок должен выбрать изображение, соответствующее услышанному предложению, нажав кнопку на клавиатуре компьютера. Методика реализована с помощью свободно распространяемой системы для организации психологических экспериментов Affect 4.0 [Spruyt et al. 2010]. Программа обеспечивает предъявление стимулов и регистрацию ответов детей. В методике используются 4 типа ЛГК: с действительным залогом, со страдательным залогом, предложные, инструментальные. Каждый из этих типов варьируется по двум параметрам: обратимые / необратимые по смыслу и с прямым и обратным порядком слов [Статников 2013]. Всего предъявлялось 80 пар изображений и предложений.

Все ученики проходили также нейропсихологическое обследование, адаптированное для детей 5-9 лет [Ахутина и др. 2016].

**Первичная обработка результатов и анализируемые параметры** Специальная программа теста на понимание ЛГК позволяла определить процент правильных ответов и среднее время ответов от момента начала предъявления стимулов (в мс). Эти два параметра были рассчитаны отдельно для обратимых и необратимых ЛГК. Среди обратимых ЛГК были подсчитаны результаты по следующим типам конструкций: с действительным /страдательным залогом, предложные и инструментальные конструкции. Наиболее подробно анализировались обратимые конструкции с разными залогами: актив с прямым порядком слов (*Мальчик спас девочку*, АП), актив с обратным порядком слов (*Девочку спас мальчик*, АО), пассив с прямым порядком слов (*Девочка спасена мальчиком*, ПП) и пассив с обратным порядком слов (*Мальчиком спасена девочка*, ПО). Для каждого из типов ЛГК процент правильных ответов и среднее время ответа испытуемого рассчитывались отдельно.

По результатам нейропсихологического обследования рассчитывались индексы, отражающие следующие компоненты ВПФ: 1) функции программирования и контроля (управляющие функции), 2) функции серийной организации движений; 3) функции переработки кинестетической, 4) слуховой, 5) зрительной и 6) зрительно-пространственной информации. Кроме того, были рассчитаны интегральные показатели 7) левополушарных и 8) правополушарных функций, а также 9) суммарный показатель состояния развития ВПФ, в который вошли оценки по индексам 1-6. Индексы рассчитывались по принципу штрафных баллов, то есть большее значение индекса соответствует худшему состоянию функций, при этом среднее по выборке было равно нулю, отрицательные значения соответствовали состоянию функций выше среднего. Подробнее о составе и алгоритме расчета индексов см. [Корнеев, Ахутина 2016].

### **Результаты**

Все испытуемые были разделены на три группы в зависимости от применяемых ими стратегий понимания, которые определялись по соотношению правильности понимания двух типов обратимых пассивных конструкций: пассив с прямым

порядком слов (ПП) и пассив с обратным порядком слов (ПО). В первую группу вошли те испытуемые, которые пользовались стратегией «первое имя – агент», они делали меньше ошибок в понимании ПО по сравнению с ПП (17 человек, далее Группа 1). Во вторую вошли те, которые использовали для определения ролей не только порядок слов, но и падежные окончания существительных, они делали меньше ошибок при понимании ПП по сравнению с ПО (13 человек, далее Группа 2). В третью группу вошли дети с безошибочным пониманием этих типов конструкций (3 человека, у которых ПО=ПП, далее Группа 3).

Соотношение результатов понимания разных типов ЛГК в этих трех группах представлено в Таблице 1.

*Таблица 1*

Основные показатели выполнения проб на понимание ЛГК в трех группах (средние, в скобках указано стандартное отклонение)

Тип конструкций	Параметр	Группа 1 ПО лучше ПП	Группа 2 ПП лучше ПО	Группа 3 ПО=ПП
Необратимые	Доля прав. ответов	0.94 (0.08)	0.93 (0.07)	0.99 (0.01)
	Ср. время ответа	3325 (361)	3240 (165)	3517 (186)
Обратимые	Доля прав. ответов	0.78 (0.1)	0.79 (0.13)	0.97 (0.02)
	Ср. время ответа	3774 (503)	3792 (383)	4048 (411)
Пассивный/ активный залог	Доля прав. ответов	0.76 (0.12)	0.78 (0.15)	0.97 (0.03)
	Ср. время ответа	3709 (531)	3783 (470)	3939 (567)
Предложные конструкции	Доля прав. ответов	0.83 (0.14)	0.82 (0.15)	0.98 (0.06)
	Ср. время ответа	3910 (760)	3946 (432)	3954 (631)
Инструменталь- ные конструкции	Доля прав. ответов	0.83 (0.15)	0.79 (0.17)	0.96 (0.05)
	Ср. время ответа	3723 (431)	3649 (381)	3977 (411)
Актив с прямым порядком слов	Доля прав. ответов	0.92 (0.12)	0.84 (0.18)	0.94 (0.09)
	Ср. время ответа	3481 (559)	3494 (537)	3921 (684)
Актив с обратным порядком слов	Доля прав. ответов	0.72 (0.19)	0.8 (0.21)	0.96 (0.09)
	Ср. время ответа	3725 (679)	3753 (539)	3725 (454)
Пассив с прямым порядком слов	Доля прав. ответов	0.57 (0.24)	0.86 (0.16)	1 (0)
	Ср. время ответа	3746 (806)	3774 (433)	4177 (535)
Пассив с обратным порядком слов	Доля прав. ответов	0.86 (0.17)	0.64 (0.18)	1 (0)
	Ср. время ответа	3740 (645)	3608 (518)	3776 (935)

В силу малого размера группы детей, не допуская ошибок, статистическое сравнение было проведено только между группами 1 и 2. Значимых различий в выполнении ЛГК не было обнаружено ( $p > 0.235$  по критерию Манна-Уитни). Таким образом, помимо различий в понимании конструкций двух типов (ПО и ПП) группы отличаются незначительно. Более интересная картина наблюдается при сравнении результатов нейропсихологического обследования в этих же группах. Описательная статистика и результат сравнения трех групп с помощью критерия Краскелла-Уоллиса приведены в Таблице 2.

Таблица 2

Нейропсихологические индексы в трех группах испытуемых

	Группа 1 ПО лучше ПП	Группа 2 ПП лучше ПО	Группа 3 ПО=ПП	Различия между группами по критерию Краскелла- Уоллиса
Суммарный индекс	<b>1.13</b> (3.61)	<b>-0.63</b> (3.22)	-5.5 (2.31)	<b>p=0.046</b>
Программирование и контроль	0.34 (0.85)	-0.24 (0.98)	-0.75 (1.27)	p=0.163
Серийная организация	0.24 (1.07)	-0.03 (0.99)	-1.07 (0.73)	p=0.119
Перераб. кинест. информации	-0.15 (0.96)	0.09 (1.14)	0 (1.26)	p=0.916
Перераб. слуховой информации	0.07 (1.08)	0.14 (0.93)	-0.91 (0.8)	p=0.236
Перераб. зрительной информации	0.08 (0.93)	-0.11 (0.94)	-0.72 (0.46)	p=0.481
Перераб. зр-простр. информации	0.32 (0.98)	-0.48 (1.07)	0.09 (0.25)	p=0.056
Левополуш. функции	<b>0.34</b> (1.07)	<b>-0.2</b> (0.86)	-1.35 (0.53)	<b>p=0.048</b>
Правополушарные функции	0.2 (1.14)	-0.07 (0.87)	-0.73 (0.19)	p=0.501

Как видно из Таблицы 2, группы различаются, при этом худшие результаты обнаружены в первой группе. Значимые различия получены по суммарному индексу и индексу левополушарных функций и субзначимые – по индексу переработки зрительно-пространственной информации.

Для выявления соотношения состояния ВПФ детей и их понимания ЛГК мы провели корреляционный анализ взаимосвязи между продуктивностью / временем понимания ЛГК и нейропсихологическими индексами детей двух групп. Этот анализ проводился в несколько этапов. На первом были рассчитаны корреляции показателей продуктивности понимания обратимых и необратимых ЛГК в целом с суммарным нейропсихологическим индексом, показателями левополушарных и правополушарных функций, с показателем функций программирования и контроля, а также переработки слуховой и зрительно-пространственной информации. Корреляции при этом рассчитывались отдельно для групп «ПО лучше ПП» и «ПП лучше ПО». В первой группе продуктивность понимания *необратимых ЛГК* показало значимую корреляцию только с индексом левополушарных функций ( $r=-0.571$ ,  $p=0.021$ , здесь и далее использовался коэффициент корреляции Спирмена). Продуктивность понимания *обратимых ЛГК* в этой группе значимо коррелирует с суммарным индексом ( $r=-0.599$ ,  $p=0.014$ ), показателями правополушарных функций



( $r=-0.602$ ,  $p=0.014$ ), функций переработки зрительно-пространственной и слуховой информации ( $r=-0.685$ ,  $p=0.002$  и  $r=-0.507$ ,  $p=0.038$  соответственно). Также наблюдаются субзначимые корреляции этого параметра с показателями функций программирования и контроля ( $r=-0.442$ ,  $p=0.056$ ) и индексом левополушарных функций ( $r=-0.462$ ,  $p=0.071$ ). В группе «ПП лучше ПО» при аналогичном анализе значимых корреляций не было получено, одна субзначимая корреляция наблюдается между продуктивностью понимания *обратимых ЛГК* и оценками функций переработки зрительно-пространственной информации ( $r=-0.489$ ,  $p=0.09$ ).

На следующем этапе аналогичным образом были проанализированы корреляции продуктивности понимания трех типов обратимых ЛГК: конструкций с пассивным/активным залогом, предложных и инструментальных конструкций с теми же нейропсихологическими индексами. В группе «ПО лучше ПП» первый тип конструкций обнаружил значимую корреляцию с суммарным индексом ( $r=-0.702$ ,  $p=0.002$ ), показателями правополушарных функций ( $r=-0.705$ ,  $p=0.002$ ), переработки зрительно-пространственной информации и программирования и контроля ( $r=-0.567$ ,  $p=0.018$  и  $r=-0.569$ ,  $p=0.018$  соответственно). Схожая картина наблюдается при рассмотрении корреляций продуктивности понимания *предложных ЛГК*. Этот показатель значимо коррелирует с суммарным индексом ( $r=-0.725$ ,  $p=0.001$ ), индексами правополушарных и левополушарных функций ( $r=-0.624$ ,  $p=0.01$  и  $r=-0.529$ ,  $p=0.035$  соответственно), функций переработки зрительно-пространственной и слуховой информации ( $r=-0.488$ ,  $p=0.047$  и  $r=-0.597$ ,  $p=0.011$ ) и программирования и контроля ( $r=-0.496$ ,  $p=0.043$ ). У детей этой группы не было обнаружено корреляций нейропсихологических индексов с правильностью понимания *инструментальных конструкций*. В группе «ПП лучше ПО» именно с правильностью понимания этих конструкций была обнаружена одна значимая корреляция, корреляция индекса левополушарных функций ( $r=-0.565$ ,  $p=0.044$ ), а также субзначимая корреляция с оценками функций переработки слуховой информации ( $r=-0.501$ ,  $p=0.081$ ).

Наконец, на третьем этапе мы рассмотрели корреляции продуктивности понимания ЛГК четырех типов: АП, АО, ПП и ПО. В группе «ПО лучше ПП» продуктивность понимания конструкций с активным залогом значимо коррелирует только в одном случае: АО и индекс правополушарных функций ( $r=-0.512$ ,  $p=0.043$ ). Конструкции с пассивным залогом обнаружили корреляции с суммарным индексом ( $r=-0.533$ ,  $p=0.034$  и  $r=-0.623$ ,  $p=0.01$  для ПП и ПО соотв.), с показателями правополушарных функций ( $r=-0.680$ ,  $p=0.004$  и  $r=-0.498$ ,  $p=0.049$ ), переработки зрительно-пространственной ( $r=-0.729$ ,  $p=0.001$  и  $r=-0.660$ ,  $p=0.004$ ) и слуховой ( $r=-0.591$ ,  $p=0.013$  и  $r=-0.571$ ,  $p=0.017$ ) информации. В группе «ПП лучше ПО» значимая корреляция наблюдается только между продуктивностью понимания конструкций типа АП и индексом переработки зрительно-пространственной информации ( $r=-0.695$ ,  $p=0.008$ ), а также две субзначимые корреляции между пониманием ПП и индексами левополушарных функций ( $r=-0.533$ ,  $p=0.061$ ) и переработки зрительно-пространственной информации ( $r=-0.495$ ,  $p=0.085$ ).

Следует отметить, что аналогичный анализ соотношения временных показателей выполнения пробы и результатов нейропсихологического обследования показал практически полное отсутствие значимых корреляций.

Невысокие значимости найденных корреляций связаны с небольшими размерами групп детей, однако значения самих коэффициентов корреляции достаточно велики. Кроме того, повторяющийся паттерн корреляций также может свидетельствовать в пользу неслучайности описанных результатов. Мы рассмотрим его при обсуждении результатов.

### **Обсуждение результатов**

Проведенное исследование понимания ЛГК у первоклассников обнаружило, что использование параметра «соотношение правильности понимания ПП и ПО» позволило разделить детей на 3 группы. Самая многочисленная группа детей, показавшая лучшие результаты при понимании предложений ПО, действовала по правилу «первое имя – агент». Следуя этому правилу, дети правильно понимали АП и ПО конструкции (92 и 86% ответов), тогда как с конструкциями, где имя деятеля на втором месте, они справились значительно хуже: 72% правильных ответов в АО и 57% в ПП, что не выходит за рамки случайного выбора ( $p > 0.18$  по биномиальному критерию). У второй группы детей с лучшим пониманием ПП было обнаружено распределение ответов, соответствующее учету поверхностных грамматических признаков конструкций: прямой порядок понимается лучше обратного, актив – лучше пассива (АП 84%, АО 80%, ПП 86% и ПО 64%). Третья группа с отсутствием ошибок в ПП и ПО была самой малочисленной (3 человека), у этих детей ответы в активных конструкциях были хуже, но насколько это случайно, трудно сказать из-за малого объема выборки.

Сравнение нейропсихологических показателей детей трех групп выявило, что наихудшие результаты были у детей первой группы, средние – у второй и лучшие – у третьей (суммарные индексы трех групп соответственно 1.13, -0.63 и -5.5). При этом дети первых двух групп различались не только по общему суммарному показателю, но и показателям левополушарных функций и переработки зрительно-пространственной информации (в последнем случае субзначимые различия). Эти данные свидетельствуют, во-первых, о том, что понимание ЛГК зависит от состояния ВПФ. Во-вторых, они позволяют предположить, что использование стратегии с опорой на признаки поверхностной синтаксической структуры связано с достаточно хорошим состоянием функций левого полушария.

Участие функций правого и левого полушария в осуществлении стратегий исследовалось с помощью анализа корреляций между нейропсихологическими индексами и продуктивностью понимания конструкций. Было выявлено, что у детей первой группы, использовавших правило «первое имя – агент», обнаруживается большое число корреляционных связей между пониманием обратимых ЛГК и нейропсихологическими индексами. При понимании обратимых ЛГК в целом, залоговых конструкций, предложных ЛГК и пассивных конструкций были обнаружены значимые связи с суммарным индексом (4 раза), показателем правополушарных функций (4 раза), переработки зрительно-пространственной (4 раза) и слуховой информации (3 раза), а также индексом программирования и контроля (2 значимых и 1 субзначимая корреляция). Понимание АО коррелировало с показателем правополушарных функций. С показателем левого полушария было обнаружено 3 значимые корреляции: понимания предложных конструкций, ПО, необратимых ЛГК, а

также субзначимая корреляция с пониманием обратимых залоговых конструкций в целом.

Эти данные отчетливо контрастируют с теми, которые были обнаружены у детей второй группы. У этой группы было найдено всего 2 значимых и 4 субзначимых корреляции. Это корреляции показателя левополушарных функций с пониманием инструментальных конструкций (значимая) и с пониманием ПП (субзначимая), а также показателя переработки зрительно-пространственной информации с пониманием обратимых конструкций и ПП (субзначимые) и АП (значимая). Обращает на себя внимание тот факт, что у этой группы в отличие от первой не было найдено ни одной корреляционной связи с состоянием функций правого полушария.

Наличие указанного контраста позволяет выдвинуть предположение о латерализации стратегий. Наши данные позволяют прийти к заключению, что стратегия понимания ЛГК с выявлением семантических ролей по правилу «первое имя – агент» опирается на участие обоих полушарий с ведущей ролью правого полушария. Второй вывод: использование стратегии с опорой на признаки поверхностной синтаксической структуры предполагает активное участие левого полушария и, в частности, функций переработки зрительно-пространственной информации. Этот вывод вытекает не только из корреляционного анализа, но и из анализа отличительных особенностей состояния ВПФ у детей второй группы.

Строго говоря, в связи с тем, что выборки исследования малочисленны, указанные выводы носят предварительный характер. Тем не менее, полученные результаты подтверждаются данными нашего исследования второклассников. Там тоже выделяются аналогичные три группы детей, причем их доли ожидаемым образом изменились. Доля детей первой группы (16 человек) сократилась до 25%, а доли второй и третьей группы (по 24 человека) составили по 37,5%. Характер корреляций также в основном соответствует полученным на выборке первоклассников. У группы «ПО лучше ПП» продуктивности разных видов обратимых конструкций обнаруживают 6 значимых (на уровне  $p < 0.05$ ) корреляций с состоянием правополушарных функций, 4 – с индексом зрительно-пространственных функций, 3 – слуховых функций и 1 – с функциями программирования и контроля. У второклассников этой группы увеличивается число корреляций с функциями левого полушария – их становится 4. У второй и третьей групп значимых корреляций почти нет. У группы 2 получена одна субзначимая корреляция между пониманием АО и индексом правополушарных функций. У группы 3 обнаружены три значимые корреляции с индексом зрительно-пространственных функций. Таким образом, данные по распределению второклассников по группам и корреляции понимания ЛГК с нейропсихологическими индексами поддерживают наши выводы.

Данные о стратегиях понимания ЛГК детьми получены на материале залоговых конструкций. Возникает вопрос, как влияет предпочтение стратегий на понимание других конструкций, в частности предложений с предложениями. Если сравнить две обратимые предложные конструкции *Мальчик кладет сумку в коробку* и *Мальчик кладёт в коробку сумку*, то они отличаются порядком слов. При этом первое предложение проще, потому что оно отражает в языковой форме динамику положения тела и движений рук человека, иными словами, оно соответствует

«сенсо-моторному стереотипу» [Драгой и др. 2015]. В данном примере реальная последовательность взаимодействия с предметами такова: *Сначала взять сумку, затем положить ее в коробку*, поэтому порядок слов в первом предложении можно назвать прямым, а во втором – инвертированным.

Если действие стратегии приписывания семантических ролей в соответствии с порядком слов, обнаруженное у детей первой группы, распространяется и на предложные конструкции, то у них различие в успешности понимания предложений с прямым и инвертированным порядком слов должно быть максимальным. Поскольку во второй группе мы ожидаем опору на грамматические признаки поверхностной структуры, то там соответствие порядка слов сенсомоторному стереотипу должно оказывать меньшее влияние. Рассмотрим полученные данные (для удобства читателей мы представляем результаты здесь, а не в Таблице 1).

Доли правильных ответов при понимании обратимых предложных конструкций в трех группах таковы: 0.86, 0.87, 1.00 при прямом порядке и 0.75, 0.81, 0.95 при обратном. При этом время ответов составило: 3847, 4012 и 3930 мс при прямом порядке и 3896, 3872 и 4018 мс при инвертированном порядке. При сопоставлении двух первых групп (17 и 13 человек) мы не ожидали статистических различий из-за малого размера наших выборок, однако качественный анализ показывает, что у первой группы максимальное различие по продуктивности между прямым и обратным порядком слов. Что касается времени, то дети второй группы при понимании предложений с инвертированным порядком вообще ускорили выполнения заданий. Таким образом, полученные данные не противоречат сказанному выше, хотя для их полноправного подтверждения нужны большие выборки.

Косвенное подтверждение сделанным выводам можно найти и при обращении к данным афазии. Так, было обнаружено, что при грубом нарушении поверхностного синтаксиса больные с передним аграмматизмом опираются на правило «первое имя агент» и при порождении речи и при понимании обратимых ЛГК [Ахутина 1978; 1989]. У этих больных число правильных ответов в ПО составляло 79%, а в ПП – 32%, тогда как при более легкой форме аграмматизма успешных ответов в ПО было 63%, а в ПП – 81% [Ахутина 1989: 162]. Нейролингвисты из ВШЭ при анализе понимания обратимых ЛГК больными с моторной афазией обнаружили, что больные правильно понимали 72% обратимых предложных конструкций с прямым порядком при 63% конструкций с обратным порядком [Статников и др. 2011], однако они не делили больных по грубости аграмматизма.

Как встраиваются полученные данные в общую картину развития понимания ЛГК у детей? Для ответа на этот вопрос воспользуемся данными по немецкому языку, где также как и в русском могут быть построены активные и пассивные конструкции с прямым и обратным порядком слов. В статье 2014 года М. Dittmar и ее соавторы, в число которых входят известные исследователи детской речи М. Томаселло и Е. Ливен, развивающие узуальную (*usage-based*), т.е. основанную на употреблении теорию усвоения языка, представили следующие данные [Dittmar et al. 2014]. Дети в возрасте 2.1 понимают активные конструкции со знакомыми глаголами, но не переносят это умение на новые глаголы, являющиеся псевдословами. В возрасте 2.6 или 2.7 они понимают активные конструкции и со знакомыми и

новыми глаголами, если оба существительных маркированы флексиями и артиклями. Если такой маркировки нет, АП и АО понимаются на уровне случайности. ПП со знакомыми глаголами понимаются в 38% случаев (при 55% с новыми глаголами) из-за интерференции с активными конструкциями. В 3.7 дети понимают ПП со знакомыми глаголами, а в 4.7 – как со знакомыми, так и новыми глаголами (79 и 82%). К 7-8 годам достигается стопроцентное понимание ПП, а понимание АО становится выше случайного в конструкциях с обоими вариантами глаголов [Dittmar et al. 2014]. Отметим, что, по данным эксперимента В. Кемпе [Кемпе 1985], для немецких детей конструкция АО самая сложная, как для русских детей ПО.

Приведенные данные демонстрируют постепенность («островковость») освоения синтаксиса и могут служить иллюстрацией положения узальной теории усвоения языка: «правила, оперирующие классами слов, возникают только после того, как имело место основательное item-based (поштучное) освоение индивидуальных комбинаций слов» [Bannard, Lieven, Tomasello 2009; см. обзор Brooks, Kempe 2012]. Правила типа «первое имя – агент» возникают у детей значительно позже успешного построения и понимания предложений с агентом на первом месте, правильность которых обеспечивается действием по аналогии с усвоенными образцами и наличием полной маркировки. В эксперименте В. Кемпе 12 из 20 трехлетних детей (3.0-3.6) понимают достаточно хорошо часто встречающиеся конструкции АП и АО. Русские дети делают в них только 21 и 25% ошибок, при этом в АП и АО, где маркированы оба имени, допускают всего 8% ошибок [Кемпе 1985; Ахутина 1989]. Как и дети 2.7 лет в эксперименте Dittmar, они не справляются с пассивными конструкциями (в ПП и ПО 58 и 61% ошибок). Каков механизм этой грамматики?

По мнению М. Томаселло [Томаселло 2015], дети при усвоении языка полагают двумя сформированными ранее наборами когнитивных навыков: навыками «чтения намерений» взрослых (*intention-reading*) и навыками «нахождения образцов» (*pattern-finding*) в поведении и речи взрослых. Он же, как и Л.С. Выготский, считает, что «в ранней языковой коммуникации детей не слово, а именно высказывание является той элементарной единицей, с которой дети начинают свой языковой опыт» [Томаселло 2015: 760]. Когнитивный навык «чтения намерений» позволяет строить смысловые модели ситуаций [см. данные и обзор Ахутина 2014: главы 21-23] и соотносить их с целостным смыслом синтаксической структуры. Это соответствует мнению М. Томаселло о том, что в узальной грамматике единицей анализа являются конструкции уровня предложений (аргументные структуры) [Tomasello 2000]. Построение смысловых моделей ситуаций – функция преимущественно правополушарная [Ахутина 2014: главы 21-23] и можно думать, что ранняя грамматика тоже холистическая правополушарная.

Как уже говорилось во вступлении, для речевых функций в целом показан сдвиг от правополушарной и биполушарной латерализации к левополушарной, причем у разных речевых функций этот сдвиг происходит в разное время [Neville, Bavelier 2002; Bates et al. 2003; см. обзор Ахутина и др. 2013]. Левополушарный сдвиг, связанный с накоплением словаря, происходит около 18-20 мес., аналогичный сдвиг на служебные слова (слова закрытых классов) – в 36-42 месяца [Neville,

Bavelier 2003; Ахутина 2014: глава 23]. Поскольку служебные слова осваиваются внутри синтаксических конструкций [Levy, Nelson 1994] и освоение словосочетаний и синтаксических конструкций тоже начинается по одному (item-based), то можно думать, что оно до трех лет связано с функциями обоих полушарий с преобладанием правого полушария. Так, по данным [Neville, Bavelier 2003], в 28-30 мес. при предъявлении служебных слов наблюдается двусторонняя активация с большим акцентом в левом полушарии.

Стратегия, которая обнаруживается у детей в 4 года, предполагает использование правила, связанного с классами слов. Это проявляется в хорошем понимании АП и ПО (11 и 25% ошибок) при увеличении числа ошибок в АО и ПП (31 и 61% ошибок). Для этой стратегии маркировка имен не существенна: в ПП, где маркированы оба имени, дети делают максимальное количество ошибок, в ПО правильность понимания фактически не зависит от маркировки [Кемпе 1985; Ахутина 1989]. Именно эту стратегию мы нашли у первой группы детей 7 лет ( $7.3 \pm 0.5$  лет). Наличие многочисленных корреляций с функциями правого полушария и меньшее число корреляций с функциями левого полушария, которое мы обнаружили у детей первой группы, позволило нам предположить, что эта стратегия билатеральная с более значительным вкладом правого полушария. Переход от действия по аналогии к действию по правилу, предполагает аналитическую стратегию, однако анализ порядка слов может осуществляться холистической правополушарной стратегией. Так, неудержание порядка слов при сохранении объема слов является одним из симптомов слабости правого полушария [Корсакова, Московичюте 1988: 36]. Таким образом, данные нейропсихологии не противоречат нашему предположению о том, что стратегия понимания предложений, зависящая от иерархии семантических ролей и объясняющая понимание залоговых конструкций правилом «первое имя – агент» и предложных конструкций правилом «объект раньше места», опирается на участие обоих полушарий с ведущим вкладом правого. Насколько долго удерживается эта стратегия в возрастной динамике развития понимания ЛГК, покажут дальнейшие исследования.

Результаты позволяют предположить, что стратегия, найденная нами у большинства детей 5 лет [Кемпе 1985; Ахутина 1989] и детей второй группы 7 лет, аналитическая левополушарная. Учет таких деталей поверхностной синтаксической структуры как грамматические аффиксы требует сформированной аналитической стратегии. Можно предположить, что дети третьей группы тоже пользуются этой стратегией. Остается, однако, под вопросом, насколько она является универсальной для детей старше 7 лет и взрослых.

В литературе о понимании ЛГК взрослыми и детьми старшего школьного возраста указывается ведущая роль левого полушария при участии зон правого полушария, однако участие правого полушария дебатруется. Так, двусторонняя активация была найдена при исследовании большой выборки испытуемых 5-18 лет [Schmithorst et al. 2006; Karunanayaka et al. 2007] и 6-24 лет [Lidzba et al. 2011], но в других была обнаружена лишь левополушарная активация [Ahmad et al. 2003].

В исследовании [Yeatman et al. 2010] указывается, что у испытуемых 10-16 лет понимание предложений вызывало активацию верхневисочных отделов слева

и справа, задних отделов теменной доли, среднелобной и прецентральных извилин, что вполне соответствует тем корреляциям между показателями понимания обратимых конструкций и нейропсихологическими индексами, которые мы получили по всей выборке. При усложнении синтаксических конструкций (но не длины предложения) было обнаружено увеличение активации зоны ТРО слева и правой верхней височной извилины. Анализ корреляций правильности выполнения самой сложной для детей 1 класса конструкции ПП с нейропсихологическими индексами обнаружил самые высокозначимые корреляции с показателем зрительно-пространственный функций (зона ТРО), левым и правым показателями и показателем слуховых функций ( $r$  от  $-0.645$  до  $-0.447$ ), что вполне согласуется с данными [Yeatman et al. 2010].

При этом в литературе мы не нашли нейровизуализационных данных о левополушарном сдвиге у детей 4 лет, как и данных о наличии двух параллельно существующих у детей одного возраста стратегий. В наших планах исследование наличия двух стратегий у детей других возрастных групп.

### Литература

*Ахутина Т.В.* Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 422.

*Ахутина Т.В.* О понимании и построении активных/пассивных конструкций больными с афазией. // *Badania lingwistyczne nad afazja*. Warszawa, Ossolineum, 1978. С. 31-38

*Ахутина Т.В.* Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: Издательство МГУ, 1989. 216 с.

*Ахутина Т.В., Величковский Б.М., Кемпе В.* Семантический синтаксис и ориентация на порядок слов в онтогенезе // *Семантика в речевой деятельности*. М.: Наука, 1988. С. 5–19.

*Ахутина Т.В., Засыпкина К.В., Романова А.А.* Предпосылки и ранние этапы развития речи: новые данные / *Вопросы психолингвистики*, 2013. Вып. 17 (1). С. 20-43.

*Ахутина Т.В., Корнеев А.А., Матвеева Е.Ю. и др.* Методы нейропсихологического обследования детей 6-9 лет. Москва, 2016. 280 с.

*Драгой О.В., Бергельсон М.Б., Искра Е.В., Лауринавичюте А.К., Маннова Е.М., Скворцов А.И., Статников А.И.* Сенсомоторные стереотипы в языке: данные патологии речи // *Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика*. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 697–720.

*Кемпе В.* Ориентация на порядок слов в понимании предложений у русских и немецких детей: дипломная работа. [Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова]. М.: МГУ, 1985.

*Киселёв С.Ю., Пермякова М.Е., Лапишина Ю.Ю.* Исследование нейропсихологического профиля у детей со специфическими нарушениями речи // *Культурно-историческая психология*. № 2, 2007. С. 84–92.

*Корнеев А.А., Ахутина Т.В.* Подсчет нейропсихологических индексов // *Ахутина Т.В., Корнеев А.А., Матвеева Е.Ю. и др.* Методы нейропсихологического обследования детей 6-9 лет. Москва, 2016. С. 171–186.

*Корсакова Н.К., Московичюте Л.И.* Клиническая нейропсихология. М.: Изд-во МГУ, 1988. 48 с.

*Лапишина Ю.Ю.* Нейропсихологический подход к диагностике нарушений логико-грамматических конструкций языка у детей 4-6 лет // Известия Уральского государственного университета, №6 (85), ч.2. 2010. С. 122–135.

*Лурия А.Р.* Основные проблемы нейролингвистики. М.: Изд-во МГУ, 1975. 253 с.

*Лурия А.Р.* Травматическая афазия: клиника, семиотика и восстановительная терапия. М.: Изд-во АМН РСФСР, 1947. 367 с.

*Статников А.И.* Механизмы понимания логико-грамматических конструкций: данные компьютеризированных тестов // Вопросы психолингвистики №1 (17), 2013. С. 194–203.

*Статников А.И.* Синдромный анализ трудностей овладения пониманием логико-грамматических конструкций // Национальный психологический журнал №2 (18), 2015. С. 62–70.

*Статников А.И., Драгой О.В., Бергельсон М.Б., Искра Е.В., Маннова Е.М., Скворцов А.А.* Особенности понимания логико-грамматических конструкций при различных формах афазии. // Когнитивная наука в Москве: новые исследования. Тезисы конференции (16 июня 2011 г.) М.: Букиведи, 2011. С. 238-242.

*Томаселло М.* Узуальная теория усвоения языка. // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 755–784

*Bannard C., Lieven E., Tomasello M.* Early grammatical development is piecemeal and lexically specific // Proceedings of the National Academy of Science, T. 106. №. 41, 2009. С. 17284-17289.

*Bates E., Thal D., Janowsky J.S.* Early language development and its neural correlates // Handbook of neuropsychology. T. 7, 1992. С. 69-69.

*Bates E. et al.* From first words to grammar in children with focal brain injury // Developmental Neuropsychology. T. 13, №. 3, 1997. С. 275-343.

*Berndt R.S., Caramazza A.* Syntactic aspects of aphasia // Acquired aphasia. 1981. С. 157-181.

*Caramazza A., Zurif E.B.* Dissociation of algorithmic and heuristic processes in language comprehension: Evidence from aphasia // Brain and language. T. 3. №. 4, 1976. С. 572-582.

*den Ouden D.B. et al.* Network modulation during complex syntactic processing // Neuroimage. T. 59. №. 1, 2012. С. 815-823.

*Dittmar M. et al.* Familiar verbs are not always easier than novel verbs: How German pre-school children comprehend active and passive sentences // Cognitive science. T. 38, №. 1, 2014. С. 128-151.

*Goodglass H., Menn L.* Agrammatism // Studies in neurolinguistics. T. 1, 1976. С. 237-260.

*Grodzinsky Y., Friederici A.D.* Neuroimaging of syntax and syntactic processing // Current opinion in neurobiology. T. 16, №. 2, 2006. С. 240-246.

*Hakuta K.* Interaction between particles and word order in the comprehension and production of simple sentences in Japanese children // Developmental psychology. T. 18. №. 1, 1982. С. 62-76.



*Karunanayaka P.R., Holland S. K., Schmithorst V. J., Solodkin A., Chen E. E., Szaflarski J. P., Plante E.* Age-related connectivity changes in fMRI data from children listening to stories // *Neuroimage*. T. 34, №. 1, 2007. C. 349-360.

*Levy E., Nelson K.* Words in discourse: A dialectical approach to the acquisition of meaning and use // *Journal of child language*. T. 21, №. 02, 1994. C. 367-389.

*Neville H.J., Bavelier D.* Specificity and plasticity in neurocognitive development in humans // *The new cognitive neurosciences*. T. 2, 2000. C. 83-98.

*Pléh C.* The role of word order in the sentence interpretation of Hungarian children // *Folia Linguistica*. T. 15, №. 3-4, 1981. C. 331-344.

*Rodd J.M. et al.* The functional organisation of the fronto-temporal language system: evidence from syntactic and semantic ambiguity // *Neuropsychologia*. T. 48, №. 5, 2010. C. 1324-1335.

*Schmithorst V.J., Holland S.K., Plante E.* Cognitive modules utilized for narrative comprehension in children: a functional magnetic resonance imaging study // *Neuroimage*. T. 29, №. 1, 2006. C. 254-266.

*Schwartz M.F., Saffran E. M., Marin O.S.* The word order problem in agrammatism: I. Comprehension // *Brain and language*. T. 10, №. 2, 1980. C. 249-262.

*Slobin D.I., Bever T.G.* Children use canonical sentence schemas: A crosslinguistic study of word order and inflections // *Cognition*. T. 12, №. 3, 1982. C. 229-265.

*Spruyt, A., Clarysse, J., Vansteenwegen, D., & Baeyens, F. i Hermans, D.* Affect 4.0: A free software package for implementing psychological and psychophysiological experiments. // *Experimental Psychology*. № 57, 2010. C. 36-45.

*Tomasello M.* Do young children have adult syntactic competence? // *Cognition*. T. 74, №. 3. 2000. C. 209-253.

*Yeatman J.D. et al.* Individual differences in auditory sentence comprehension in children: An exploratory event-related functional magnetic resonance imaging investigation // *Brain and language*. T. 114, №. 2, 2010. C. 72-79.

## **TWO STRATEGIES OF THE COMPREHENSION OF REVERSIBLE SENTENCES IN PRIMARY SCHOOL STUDENTS**

**Tatyana V. Akhutina**

Head of Laboratory of neuropsychology, Lomonosov Moscow State University  
*akhutina@mail.ru*

**Aleksei A. Korneev**

Senior research associate in Laboratory of neuropsychology,  
Lomonosov Moscow State University  
*korneeff@gmail.com*

**Ekaterina Yu. Matveeva**

Senior research associate in Laboratory of neuropsychology,  
Lomonosov Moscow State University  
*obukhova1@yandex.ru*

The results of empirical study of comprehension of grammatical constructions (GC) in primary school students are described in the paper. We try to distinguish different strategies of comprehension of reversible GC. The computer-based test was used. The material includes different types of the syntactic constructions: reversible and irreversible, with direct and inverse word order, passive and active voices etc. Also the neuropsychological assessment of children was conducted. 36 first-grade children participated in the study (mean age –  $7.3 \pm 0.5$  y.o.). The analysis of accuracy and speed of comprehension of passive reversible GC allows to divide the subjects into three groups with different strategies: (1) taking into account the word order (passive constructions with inverse word order were understood better than with direct word order); (2) taking into account case endings and word order (passive constructions with direct word order were understood better than with inverse word order); (3) children with 100% comprehension of the passive GC. The comparison of the higher mental functions in the groups and analysis of correlation between the results of the neuropsychological assessment and the comprehension of GC were conducted. The results allowed suggesting that the strategy in the first group seemed to be bilateral with a significant contribution of the right hemisphere functions, whereas the strategy in the second group seemed to be connected rather with state of cognitive functions of left hemisphere. Finally, we consider a general picture of the development of reversible sentences comprehension.

**Keywords:** comprehension, computer-based methods, children, reversible syntactic constructions, right hemisphere, left hemisphere, neuropsychology.

### References

*Ahutina T.V.* Nejrolingvističeskij analiz leksiki, semantiki i pragmatiki [The neurolinguistic analysis of lexis, semantics and pragmatics]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014. 422 p.

*Ahutina T.V.* O ponimanii i postroenii aktivnyh/passivnyh konstrukcij bol'nymi s afaziej [The comprehension and organizing active/passive constructions in aphasia]. // *Badania lingwistyczne nad afazja* [Linguistic research on aphasia]. Warszawa, Ossolineum, 1978, pp. 31-38.

*Ahutina T.V.* Porozhdenie reči: Nejrolingvističeskij analiz sintaksisa [The speech production: neurolinguistic analysis of syntax]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1989. 216 p.

*Ahutina T.V., Velichkovskij B.M., Kempe V.* Semantičeskij sintaksis i orientacija na porjadok slov v ontogeneze [Semantic syntax and order of words in ontogenesis] // *Semantika v rečevoj dejatel'nosti* [Semantics in speech production]. Moscow: Nauka, 1988, pp. 5–19.

*Ahutina T.V., Zasypkina K.V., Romanova A.A.* Predposylki i rannie jetapy razvitija reči: novye dannye [The presuppositions and early stages in development of speech: new data] / *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics]. Vol 17 (1), 2013, pp.20-43.

*Ahutina T.V., Korneev A. A., Matveeva E. Ju. i dr.* Metody nejropsihologičeskogo obsledovanija detej 6-9 let [Methods of neuropsychological assessment in 6-9 years old children]. Moscow, 2016, 280 p.

*Dragoj O.V., Bergel'son M.B., Iskra E.V., Laurinavichjute A.K., Mannova E.M., Skvorcov A.I., Statnikov A.I.* Sensomotornye stereotipy v jazyke: dannye patologii rechi [Sensriomotor stereotypes in language: data from pathology of speech] // *Jazyk i mysl': Sovremennaja kognitivnaja lingvistika* [The language and thought: contemporary cognitive linguistics]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015, pp. 697–720.

*Kempe V.* Orientacija na porjadok slov v ponimanii predlozhenij u russkix i nemeckix detej [The role of order of words in comprehension of sentences in Russian and German children]. Moscow: MGU, 1985.

*Kisel'jov S.Ju., Permjakova M.E., Lapshina Ju.Ju.* Issledovanie nejropsihologičeskogo profilja u detej so specificheskimi narushenijami rechi [The study of neuropsychological profile in children with specific speech disorders] // *Kul'turno-istoričeskaja psihologija* [Cultural-Historical Psychology]. 2007, № 2, pp. 84–92.

*Korneev A.A., Ahutina T.V.* Podščet nejropsihologičeskix indeksov [The calculation of neuropsychological indexes] // *Metody nejropsihologičeskogo obsledovanija detej 6-9 let* [Methods of neuropsychological assessment in 6-9 years old children]. Moscow, 2016, pp. 171–186.

*Korsakova N.K., Moskovichjute L.I.* Kliničeskaja nejropsihologija [Clinical neuropsychology]. Moscow: MGU, 1988, 48 p.

*Lapshina Ju.Ju.* Nejropsihologičeskij podhod k diagnostike narushenij logiko-grammaticeskix konstrukcij jazyka u detej 4-6 let [Neuropsychological approach to diagnostics of impairment of grammatical constructions in 4-6 years old children] // *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Ural State University]. 2010, №6 (85), vol.2, pp. 122–135.

*Lurija A.R.* Osnovnye problemy nejrolingvistiki [The basic issues of psycholinguistic]. Moscow: MGU, 1975, 253 p.

*Lurija A.R.* Travmatičeskaja afazija: klinika, semiotika i vosstanovitel'naja terapija [Traumatic aphasia: clinics, semiotics and remediation]. Moscow: AMN RSFSR, 1947, 367 p.

*Statnikov A.I.* Mehanizmy ponimanija logiko-grammaticeskix konstrukcij: dannye komp'juterizirovannyh testov [The mechanisms of comprehension of grammatical constuctions: the data from computer-based tests] // *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of psycholinguistics]. 2013, №1 (17), pp. 194–203.

*Statnikov A.I.* Sindromnyj analiz trudnostej ovladenija ponimaniem logiko-grammaticeskix konstrukcij [Syndrome analysis of mastering of grammatical constructions] // *Nacional'nyj psihologičeskij zhurnal* [National psychological journal]. 2015, №2 (18), pp. 62–70.

*Statnikov A.I., Dragoj O.V., Bergel'son M.B., Iskra E.V., Mannova E.M., Skvorcov A.A.* Osobennosti ponimanija logiko-grammaticeskix konstrukcij pri razlichnyh formah afazii [The comprehension of grammatical constructions in different types of aphasia]. // *Kognitivnaja nauka v Moskve: novye issledovanija* [Cognitive science in Moscow: new studies]. Tezisy konferencii (16 ijunja 2011 g.) Moscow: Bukivedi, 2011, pp. 238-242.

*Tomasello M.* Uzual'naja teorija usvoenija jazyka [The usage-based theory of language acquisition] // *Jazyk i mysl': Sovremennaja kognitivnaja lingvistika* [Language and thought: contemporary cognitive linguistics]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015, pp. 755–784.

*Bannard, C., Lieven, E., & Tomasello, M.* Early grammatical development is piecemeal and lexically specific. In *Proceedings of the National Academy of Science* Vol. 106. 2009, No. 41, pp. 17284-17289.

*Bates, E., Thal, D., & Janowsky, J. S.* Early language development and its neural correlates. *Handbook of neuropsychology*. 1992, No 7, pp. 69-69.

*Bates, E., Thal, D., Trauner, D., Fenson, J., Aram, D., Eisele, J., & Nass, R.* From first words to grammar in children with focal brain injury. *Developmental Neuropsychology*, Vol. 13. 1997, No. 3, pp. 275-343.

*Berndt, R.S., & Caramazza, A.* Syntactic aspects of aphasia. *Acquired aphasia*. 1981, 157-181.

*Caramazza, A., & Zurif, E. B.* Dissociation of algorithmic and heuristic processes in language comprehension: Evidence from aphasia. *Brain and language*, Vol. 3. 1976, No. 4, pp. 572-582.

*den Ouden, D.B., Saur, D., Mader, W., Schelter, B., Lukic, S., Wali, E., & Thompson, C. K.* Network modulation during complex syntactic processing. *Neuroimage*, Vol. 59. 2012, No. 1, pp. 815-823.

*Dittmar, M., Abbot-Smith, K., Lieven, E., & Tomasello, M.* Familiar verbs are not always easier than novel verbs: How German pre-school children comprehend active and passive sentences. *Cognitive science*, Vol 38. 2014, No. 1, pp. 128-151.

*Goodglass, H., & Menn, L.* Agrammatism. *Studies in neurolinguistics*. 1976, No. 1, pp. 237-260.

*Grodzinsky, Y., & Friederici, A.D.* Neuroimaging of syntax and syntactic processing. *Current opinion in neurobiology*, Vol. 16. 2006, No. 2, pp. 240-246.

*Hakuta, K.* Interaction between particles and word order in the comprehension and production of simple sentences in Japanese children. *Developmental psychology*, Vol. 18. 1982, No. 1, pp. 62-76.

*Karunanayaka, P.R., Holland, S.K., Schmithorst, V.J., Solodkin, A., Chen, E.E., Szaflarski, J.P., & Plante, E.* Age-related connectivity changes in fMRI data from children listening to stories. *Neuroimage*, Vol. 34. 2007, No 1, pp. 349-360.

*Levy, E., & Nelson, K.* Words in discourse: A dialectical approach to the acquisition of meaning and use. *Journal of child language*, Vol. 21. 1994, No. 2, pp. 367-389.

*Neville, H.J., & Bavelier, D.* Specificity and plasticity in neurocognitive development in humans. *The new cognitive neurosciences*. 2000, No. 2, pp. 83-98.

*Pléh, C.* (1981). The role of word order in the sentence interpretation of Hungarian children. *Folia Linguistica*, Vol. 15. 1981 No. 3-4, 331-344.

*Rodd, J.M., Longe, O.A., Randall, B., & Tyler, L.K.* (2010). The functional organisation of the fronto-temporal language system: evidence from syntactic and semantic ambiguity. *Neuropsychologia*, Vol. 48, No. 5, 1324-1335.

*Schmithorst, V.J., Holland, S. K., & Plante, E.* (2006). Cognitive modules utilized for narrative comprehension in children: a functional magnetic resonance imaging study. *Neuroimage*, Vol. 29, No. 1, 254-266.

*Schwartz, M.F., Saffran, E.M., & Marin, O.S.* (1980). The word order problem in agrammatism: I. Comprehension. *Brain and language*, Vol. 10, No. 2, 249-262.

*Slobin, D.I., & Bever, T.G.* (1982). Children use canonical sentence schemas: A crosslinguistic study of word order and inflections. *Cognition*, Vol. 12, No. 3, 229-265.

*Spruyt, A., Clarysse, J., Vansteenwegen, D., & Baeyens, F. i Hermans, D.* (2010). Affect 4.0: A free software package for implementing psychological and psychophysiological experiments. *Experimental Psychology*, No. 57, 36-45.

*Tomasello, M.* (2000). Do young children have adult syntactic competence? *Cognition*, Vol. 74, No. 3, 209-253.

*Yeatman, J.D., Ben-Shachar, M., Glover, G.H., & Feldman, H.M.* (2010). Individual differences in auditory sentence comprehension in children: An exploratory event-related functional magnetic resonance imaging investigation. *Brain and language*, Vol. 114, No. 2, 72-79.

*Bannard, C., Lieven, E., & Tomasello, M.* (2009). Early grammatical development is piecemeal and lexically specific. In *Proceedings of the National Academy of Science* Vol. 106, No. 41, pp. 17284-17289.

*Bates, E., Thal, D., & Janowsky, J.S.* (1992). Early language development and its neural correlates. *Handbook of neuropsychology*, 7, 69-69.

*Bates, E., Thal, D., Trauner, D., Fenson, J., Aram, D., Eisele, J., & Nass, R.* (1997). From first words to grammar in children with focal brain injury. *Developmental Neuropsychology*, Vol. 13, No. 3, 275-343.

*Berndt, R.S., & Caramazza, A.* (1981). Syntactic aspects of aphasia. *Acquired aphasia*, 157-181.

*Caramazza, A., & Zurif, E. B.* (1976). Dissociation of algorithmic and heuristic processes in language comprehension: Evidence from aphasia. *Brain and language*, Vol. 3, No. 4, 572-582.

*den Ouden, D. B., Saur, D., Mader, W., Schelter, B., Lukic, S., Wali, E., ... & Thompson, C. K.* (2012). Network modulation during complex syntactic processing. *Neuroimage*, Vol. 59, No. 1, 815-823.

*Dittmar, M., Abbot-Smith, K., Lieven, E., & Tomasello, M.* (2014). Familiar verbs are not always easier than novel verbs: How German pre-school children comprehend active and passive sentences. *Cognitive science*, Vol 38, No. 1, 128-151.

*Goodglass, H., & Menn, L.* (1976). Agrammatism. *Studies in neurolinguistics*, 1, 237-260.

*Grodzinsky, Y., & Friederici, A.D.* (2006). Neuroimaging of syntax and syntactic processing. *Current opinion in neurobiology*, Vol. 16, No. 2, 240-246.

*Hakuta, K.* (1982). Interaction between particles and word order in the comprehension and production of simple sentences in Japanese children. *Developmental psychology*, Vol. 18, No. 1, 62-76.

*Karunanayaka, P. R., Holland, S. K., Schmithorst, V. J., Solodkin, A., Chen, E. E., Szaflarski, J. P., & Plante, E.* (2007). Age-related connectivity changes in fMRI data from children listening to stories. *Neuroimage*, Vol. 34, No 1, 349-360.

*Levy, E., & Nelson, K.* (1994). Words in discourse: A dialectical approach to the acquisition of meaning and use. *Journal of child language*, Vol. 21, No. 2, 367-389.

*Neville, H.J., & Bavelier, D.* (2000). Specificity and plasticity in neurocognitive development in humans. *The new cognitive neurosciences*, No. 2, 83-98.

*Pléh, C.* (1981). The role of word order in the sentence interpretation of Hungarian children. *Folia Linguistica*, Vol. 15, No. 3-4, 331-344.

*Rodd, J.M., Longe, O.A., Randall, B., & Tyler, L. K. (2010).* The functional organisation of the fronto-temporal language system: evidence from syntactic and semantic ambiguity. *Neuropsychologia*, Vol. 48, No. 5, 1324-1335.

*Schmithorst, V.J., Holland, S. K., & Plante, E. (2006).* Cognitive modules utilized for narrative comprehension in children: a functional magnetic resonance imaging study. *Neuroimage*, Vol. 29, No. 1, 254-266.

*Schwartz, M.F., Saffran, E.M., & Marin, O. S. (1980).* The word order problem in agrammatism: I. Comprehension. *Brain and language*, Vol. 10, No. 2, 249-262.

*Slobin, D.I., & Bever, T. G. (1982).* Children use canonical sentence schemas: A crosslinguistic study of word order and inflections. *Cognition*, Vol. 12, No. 3, 229-265.

*Spruyt, A., Clarysse, J., Vansteenwegen, D., & Baeyens, F. i Hermans, D.(2010).* Affect 4.0: A free software package for implementing psychological and psychophysiological experiments. *Experimental Psychology*, No. 57, 36-45.

*Tomasello, M. (2000).* Do young children have adult syntactic competence? *Cognition*, Vol. 74, No. 3, 209-253.

*Yeatman, J.D., Ben-Shachar, M., Glover, G.H., & Feldman, H. M. (2010).* Individual differences in auditory sentence comprehension in children: An exploratory event-related functional magnetic resonance imaging investigation. *Brain and language*, Vol. 114, No. 2, 72-79.



## ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ СТАРШИМИ ШКОЛЬНИКАМИ

Богданова Елена Святославовна

старший научный сотрудник

Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина

390000, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46

*helensim@mail.ru*

В статье приводится обзор описанных в лингвистическо-философской литературе взглядов на природу метафоры, ее структуру, сущностные свойства и функции в речи. Обсуждается дискуссионный вопрос о путях понимания и интерпретации художественного текста, в том числе декодирования метафорических выражений. В статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается старшеклассник в ходе интерпретации текста, содержащего метафорические выражения. Автор приводит данные экспериментального исследования, которое нацелено на выявление способности школьников распознавать и толковать метафорические выражения в художественном тексте, выделяются типичные ошибки и анализируются их причины. Основные проблемы сводятся к нераспознаванию метафор школьниками или приписывание метафоризации выражениям с прямыми номинациями, неумению осознать авторский замысел, увидеть сигналы скрытого смысла. Школьники проявляют неспособность опереться на лексическое значение слов вследствие бедности лексикона, слабого представления о расширенном значении слова, способах переноса значения. На основе анализа данных эксперимента автор делает выводы методического характера. В качестве важных направлений работы рекомендуются анализ метафорических выражений, развитие ассоциативного мышления, освоение способов интерпретации метафорических выражений с опорой на регулятивные структуры текста, фоновые знания, социокультурный комментарий, сравнение разных вариантов интерпретации и др.

**Ключевые слова:** метафора, метафорическое выражение, интерпретация текста школьниками, понимание метафорических выражений.

**Введение.** Многие исследователи, например А.А. Потебня, М.Н. Кожина, В.А. Пищальникова и др., признавали, что *метафоричность* – важнейшая черта художественного текста (ХТ) и что авторская, образная метафора является основой создания художественного мира.

Общепринятое для отечественной теории определение понятия «метафора» принадлежит Н.Д. Арутюновой: «Метафора (от греч. *metaphora*) – троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [Арутюнова 1990: 296].

В современной лингвистическо-философской литературе метафору описывают не только как один из тропов, основанный на переносе свойств одного предмета или объекта на другой на основании их сходства, но и как любой тип переноса значения слова: «В расширительном смысле термин “метафора” относят также к другим видам переносного значения слова» [Виноградов 1963: 128]. В когнитивной лингвистике метафора получила новое определение: под ней понимается не просто перенос значения, троп, средство создания образности текста, а ментальная операция, участвующая в концептуализации и категоризации опыта человека и устанавливающая соотношение между языком и мыслительными процессами.

В структуре метафоры М. Блэк выделяет два компонента – фокус и рамку [Блэк 1990: 155]. Фокус метафоры соотносится с тем понятием, которое поясняется через метафорическое сопоставление, как предикат. Рамка метафоры связана с расширением значения фокусного слова. Чтобы понять метафору, надо одновременно создавать значение сопоставляемых или противопоставляемых в ней объектов и иметь в виду прямое и расширенное значение слов.

В метафорических переносах центральная роль принадлежит коннотациям слова. На основании удаленности от основного значения слова Г.Н. Скляревская разделяет коннотативные значения на коннотации I, II, III и т.д. порядка [Скляревская 2004: 15-17]. Если актуализируется коннотация первого порядка, возникает языковая метафора, а если второго, третьего, удаленные от семантического ядра, – то художественная, основанная на индивидуальных авторских ассоциациях, часто непонятных читателю.

Исследование метафоричности, иносказательности, скрытого смысла обязательно приводит к вопросу о путях понимания и интерпретации ХТ, связанных с декодированием метафор. Как пишет И.А. Стернин, когда читающий интерпретирует эксплицитно выраженную информацию, в том числе представленную в метафорических суждениях, он сопоставляет воспринятые посредством органов чувств языковые знаки с хранящимися в его тезаурусе образами и синтезирует полученную информацию в общий смысл отдельного высказывания и текста. Извлечение имплицитной информации требует наличия в языковом сознании реципиента определенных ментальных (когнитивных) схем, которые И.А. Стернин назвал рецептивными схемами, то есть присущими сознанию людей и определяемые социальным опытом схемами (моделями) понимания, используемыми в процессе восприятия (рецепции) текста. Восприятие и интерпретация скрытого смысла метафорических выражений осуществляются путем аппликации рецептивных схем, т.е. применения к конкретной фразе определенной, свойственной данной культуре схемы: «...Понимание скрытого смысла высказывания в тексте осуществляется по ментальным рецептивным схемам языкового сознания социума» [Стернин 2012: 46]. При этом интерпретатор должен усвоить континуум таких схем в процессе обучения и социализации.

Чтобы применить рецептивную схему, читатель должен заметить сигнал скрытого смысла, обратить на него внимание. Этот процесс связан, во-первых, с рефлексивной деятельностью, которая состоит, прежде всего, в осмыслении собственного понимания: *что я понял? почему я понял так? почему понял так, а не*



*иначе? что еще я должен понять?* Таким образом, первый шаг в толковании метафорических выражений – их распознавание.

М. Блэк указывает, что пониманию метафоры способствует знание исторического фона, анализ словесного окружения метафорически использованной единицы и интонация: «Вычленение и интерпретация метафоры может нуждаться в обращении к особым обстоятельствам ее произнесения» [Блэк 1990: 157]. Кроме того, по М. Блэку, значение метафорического выражения должно реконструироваться с учетом намерений говорящего, а это уже лежит в сфере коммуникативной компетенции читателя. Чтобы понять, что имеет в виду пишущий, используя метафорические выражения, следует выяснить, считает ли автор использованное метафорическое выражение единственным возможным для передачи смысла, который не может быть передан никакими эквивалентами в прямых номинациях, или лишь стилистическим приемом, или его применение нацелено на некую игру с читателем, поскольку «читателю приятно решать головоломки, или он радуется умению автора наполовину скрыть, наполовину обнаружить истинный смысл, или же он находится в состоянии “приятного удивления”» [Блэк 1990: 160].

Непрямое сообщение, отраженное через специально подобранные лексико-грамматические и другие метафорические структуры ХТ, интерпретируется читателем с опорой на возникающие при чтении ассоциации, череда которых способствует выстраиванию образно-символической системы ХТ, связанной с культурой общества, принятой в нем символикой: «В художественном слове читается культурный подтекст, создающий общий смысл произведения» [Любичева, Ольховик 2005: 174]. Скрытые смыслы становятся ясными за счет элиминирования текстовых лагун (смысловых скважин), при котором реципиент соединяет текстовую информацию с имеющимся в его долговременной памяти объемом фоновых знаний энциклопедического характера.

Думается, что для интерпретации метафор в ХТ важны в равной степени следующие факторы: 1) знание природы ХТ и метафоры, ее функций, умение распознать метафорическое выражение в тексте, 2) понимание спектра прямых и переносных значений использованных лексем, 3) представление о возможных трансформациях смысла, которые возникают под воздействием контекста и системы общепринятых ассоциаций, быстро активизирующихся в сознании при восприятии концепта и связанных с особенностями менталитета народа, поскольку в силу культурно-исторических причин одни и те же метафоры у представителей разных культур могут вызывать разные ассоциативные ряды, 4) знание исторического фона создания текста и текстового времени, 5) знание символики использованных лексем, 6) осознание намерения и замысла автора, что связано с наличием у читателя коммуникативной компетенции, 7) наличие в когнитивной базе реципиента рецептивных схем, обеспечивающих восприятие скрытых смыслов, а также развитого ассоциативного мышления.

**Основная часть.** Эффективность речевого развития учащихся определяется в том числе и их способностью воспринимать, понимать, интерпретировать метафорические выражения в ХТ и применять их при порождении собственных речевых произведений. Исследователи проблемы формирования умения понимать

и интерпретировать метафорические выражения говорят сегодня о «метафорической компетенции» как способности идентифицировать метафоры в дискурсе, правильно их интерпретировать и применять в собственной речи (А.В. Немировская, Ю.И. Клименова, С.Л. Мишланова, С.А. Сюксяева и др.). Не затрагивая проблему использования школьниками метафор в собственных текстах, остановимся на выяснении уровня сформированности их способности распознавать и интерпретировать данные выражения.

Для определения уровня сформированности умения распознавать и толковать метафорические выражения в ХТ мы провели исследование, которое состояло из нескольких этапов (май – ноябрь 2015 г.).

**На первом этапе исследования** учащимся XI классов школ г. Рязани (56 чел.) было предложено задание отметить в текстах стихотворений М. Цветаевой «Над синевой подмосковных рощ...» (*текст № 1*) и С. Есенина «Я по первому снегу бреду» (*текст № 2*) метафорические выражения. В результате анализа выполненных работ было выявлено, что учащиеся допускают ошибки, связанные как с нераспознаванием метафорических выражений, так и с приписыванием метафорического переноса выражениям, которые употреблены в прямом значении. Данные об этих ошибках представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Ошибки в дифференциации прямых и метафорических выражений

Текст	Не распознали метафорические выражения (количество ошибок, % учащихся)					Приписали метафоризацию (количество ошибок, % учащихся)				
	0	1	2	3	4	0	1	2	3	4
№ 1	7	50	32,1	10,7	-	50	32,2	10,7	3,5	3,5
№ 2	17,8	25	14,3	32,1	10,7	60,7	21,4	17,8	-	-

Таким образом, в тексте № 1 лишь 7%, а в тексте № 2 – 17,8% учащихся обнаружили все метафорические выражения без ошибок; приписали же метафорическое значение прямым сообщениям в текстах № 1 и 2 соответственно 50% и 39,3% испытуемых. Наибольшее количество ошибок в распознавании метафор пришлось на выражения из текста № 1 «*смиранных странников, во тьме поющих бога*» (46,5%), «*куст... и от уступчивости речи русской*» (85,7%) и текста № 2 «*греет кровь мою легкий мороз*» (46,5%), «*о веселье оснеженных нив*» (71,5%). Чаще других усматривали метафоризацию в следующих прямых высказываниях: текст № 1 – «*бредут слепцы Калужскою дорогой*» (17,8%), текст № 2 – «*может, вместо зимы на полях это лебеди сели на луг*» (42,8%), «*хороша ты, о белая гладь*» (14,3%).

**На втором этапе исследования** мы преследовали цель определить, насколько сформировано умение старшеклассников адекватно интерпретировать метафорические выражения в ХТ. Испытуемым (учащиеся XI классов школ г. Рязани) было предложено несколько заданий. Задание 1 выполняло 56 чел., задание 2 – 52 чел.

**Задание 1.** Дидактическим материалом послужило стихотворение Н. Заболоцкого «Поэма весны». В тексте было выделено несколько слов, которым необходимо было дать толкование и охарактеризовать их стилистическую окраску

(*менестрель, пуанты, чинуша* и др.). После этого требовалось интерпретировать несколько метафорических выражений и ответить на ряд вопросов. Анализ работ учащихся позволил нам получить следующие данные.

Общий смысл стихотворения уловили практически все испытуемые: стихотворение о весеннем настроении (30,3%), о том, что весной всё оживает (42,8%), о том, как весна делает жизнь яркой, веселой (23,2%). Ряд учащихся отметил, что «автор разговаривает с весной», «обращается к весне, как к одушевленному существу» (33,9%). Однако утверждать, что читатели, участвовавшие в эксперименте, смогли верно интерпретировать произведения, нельзя, о чем говорит результат толкования ими отдельных метафорических выражений.

Толкуя выражение «*петь на свирели*», школьники дали следующие ответы: не знаю (5,4%), играть на свирели (16%), на музыкальном инструменте (26,8%), на скрипке, флейте, дудке (7%), петь, издавать звуки (7%), поднять настроение, вызвать радость (28,6%), разбудить природу (1,8%), принудить кого-то что-то делать (3,6%). Таким образом, большая часть опрошенных в этом выражении понимает слово *петь* в близком к его основному значению, а не в метафорическом смысле. Только 30,4% из опрошенных почувствовали здесь трансформацию смысла, связанную с общим семантическим фоном произведения: *петь на свирели – поднять настроение, вызвать весеннее оживление*. Конечно, сложность интерпретации данного метафорического выражения связывается с тем, что здесь просматривается удаленность смысла от семантического ядра и возникновение актуализации коннотаций третьего уровня (по терминологии Г.Н. Склярёвской).

Выражение «*погрузившись в чины и медали*» имело следующие толкования: о тех, кто думает только о должностях, званиях, карьере, занят только благосостоянием – 32,1%; важные, серьезные люди, которые заняты работой – 19,6%; кто получил признание, награды – 8,9%; кто погружен в житейские дела – 10,7%, кто прошел тяжелый путь, прожил нелегкие годы, воевал, ветераны – 14,2%, кто зазнался из-за статуса – 12,5%. Имели место единичные ответы: кто получил результат, ничего не делая; кто погрузился в думы, вспоминает прошлые заслуги. Таким образом, видно, что 44,6% уловили неодобрительную стилистическую окраску высказывания. Стоит отметить, что при характеристике стилистической окраски слова «*чинуши*» лишь 12,5% указали на его неодобрительное, сниженное или грубое звучание. Большинство отнесло это слово к устаревшим, официально-деловым и нейтральным.

Толкование выражения «*те, кто по креслам сидят*» включало варианты: высокопоставленные, представители высшего сословия – 32,1%; чиновники, те, кто служит – 19,6%; занятые люди, те, кто много работает, не любит развлекаться – 14,2%; кто ничего не делает, ленивые – 12,5%; ветераны, пожилые люди – 10,7%. Встречались единичные варианты: те, кто долго был в спячке зимой, работники умственного труда, кто работает дома. Ответ «не знаю» дали 5,4% учащихся.

Трудность вызвал вопрос «*Почему в стихотворении жук назван менестрелем?*». Ответ «не знаю» дали многие учащиеся – 67,8%. Лишь небольшое количество испытуемых указало на какое-либо сходство жука со средневековым певцом и поэтом: жужжание напоминает песню – 14,2%, скачет, танцует, странствует по полю – 5,4%. Ряд учащихся считает, что автор привел это сопоставление «просто

для красоты, для придания образности» – 5,4%. При этом именно те, кто увидел сходство между объектами перенесения смысла (*менестрель* и *жук*) дали толкование этому метафорическому выражению. Из них знали значение слова «менестрель» 9%, остальные догадались с опорой на контекст о его ядерном значении (певец). Значительная часть опрошенных (25%) считает, что «менестрель» – это «вид жука». Ответ на вопрос «С кем поэт сравнивает бабочку?» вызвал меньше затруднений: 67,8% считают, что с балериной, еще 12,5% – с танцовщицей. Затруднились ответить 12,5% учащихся. В работах 19,6% школьников не дано или дано неверно толкование слова «*пуанты*»; среди ошибочных встречались варианты «сапоги», «лапы», «средневековая обувь», «стоять не на полной стопе». Прослеживается явная связь: школьники, не знающие значения этого слова, не смогли выделить объект сравнения и не назвали его вообще либо расширили до танцовщицы.

Анализ задания 1 привел нас к следующим выводам: непонимание метафорических выражений школьниками связано с незнанием лексического значения слов, неразличением стилистической окраски, неумением идентифицировать метафорическое выражение или трансформацию значения (расширение рамки).

**Задание 2.** В качестве материала для исследования мы использовали отрывки стихотворных текстов, задание же заключалось в толковании смысла представленного высказывания.

**Текст 1.** Отрывок из поэмы А. Ахматовой «Реквием»:

*Это было, когда улыбался*

*Только мертвый, спокойствию рад.*

*И ненужным привеском качался*

*Возле тюрем своих Ленинград.*

О том, что не поняли текст, сказали 21,1% испытуемых, неадекватная интерпретация выявлена в 61,6% работ. Так, поняли, что в четверостишии описывается время репрессий 1,9% испытуемых; 1,9% определил это время как «период, когда невинных сажали»; 13,7% – как «неспокойное, трудное время». Ряд учащихся считает, что описана Великая Отечественная война, блокада Ленинграда (17,8%). Довольно значительное число испытуемых увидели в стихотворном отрывке не описание эпохи, а мораль: «не нужно опускать руки», «живые должны бороться», «живым надо радоваться» – 17,3%; некоторые интерпретировали фрагмент как вывод о жизни: «живой не может без эмоций», «улыбка спасает от проблем», «спокойствие приходит только к мертвым», «война разрушает», «Ленинград переживет всё, выстоит», «счастлив тот, кто умирает за Родину». **Вывод:** учащиеся при встрече с метафорическим выражением не всегда замечают регулятивные структуры текста, которые способны дать ключ к интерпретации метафор (в данном случае это слово «*тюрем*»). Кроме того, за метафорическим выражением школьник не всегда правильно угадывает намерение автора. В нашем случае только 34,8% осознали, что автор показывает образ времени, тогда как другие школьники увидели его намерение дать совет, вывод о жизни, научить, вывести некую норму.

**Текст 2.** Отрывок из поэмы А. Ахматовой «Реквием»:

*Звезды смерти стояли над нами,*

*И безвинная корчилась Русь  
Под кровавыми сапогами  
И под шинами черных марушь.*

При интерпретации данного отрывка 55,7% испытуемых увидели просто описание «какой-то войны», другие – многовековые страдания Руси (34,6%) или отдельно взятых людей (11,5%), у некоторых возникли мысли о татаро-монгольском иге, Отечественной войне 1812 года, Великой Отечественной войне (13,4%), и лишь незначительная часть молодых образованных читателей выстраивает картину репрессий периода тоталитаризма (5,7%). Не помог распознаванию эпохи и символ кремлевской звезды. При этом отметим, что произведение является программным, а исследование проходило в конце периода систематического изучения литературы и истории. **Вывод:** искажения в интерпретации фрагмента мы связываем с недостаточностью фоновых знаний школьников из области литературы и истории, из области символического значения слов. ХТ требует понимания на уровне языка и на уровне культуры, а степень адекватности интерпретации метафорического образа зависит от уровня социокультурной компетенции учащихся.

**Текст 3.** Отрывок из стихотворения С. Есенина «Я иду долиной. На затылке кепи...»:

*Ах, перо – не грабли, ах, коса – не ручка, –  
Но косою выводят строчки хоть куда.  
Под весенним солнцем, под весенней тучкой  
Их читают люди всякие года.*

Варианты интерпретации этого фрагмента были очень разнообразны. Часть учащихся связала замысел автора с книгой, стихотворным творчеством, значением поэзии в жизни людей, ценностью классической литературы (42,3%). Другие увидели в отрывке тему труда (30,7%), причем замысел автора связали с констатацией трудолюбия народа, важности любого труда, утверждением того, что умственный труд отличается от физического, о том, что раньше труд ценили больше. 7,6% считают, что цель автора – сравнить орудия труда, 7,6% – показать, что главное – не орудие письма, а душа. Лишь в 3,8% работ указано, что, по мнению автора, труд в поле тяжел, еще в 3,8% говорится, что автор описал сенокос. 19,2% в своей интерпретации вышли далеко за возможный коридор смыслов («у каждого свой талант», «малый предмет может иметь большое значение», «у каждого свое понимание истории» и др.). **Вывод:** неадекватная интерпретация метафорического выражения может быть связана с неправильным выделением объекта метафоризации. Так, в данном случае в качестве объекта метафоризации школьники выделили не только труд в поле, но и работу вообще, книгу, процесс стихосложения, природу, талант и др.

**Текст 4.** Отрывок из стихотворения С. Есенина «Поэтам Грузии»:  
*Писали раньше  
Ямбом и октавой.  
Классическая форма  
Умерла.  
Но ныне, в век наш*

*Величавый,  
Я вновь ей вздернул  
Удила.*

Отрывок, в котором С.А. Есенин заявляет о своем намерении возродить классические традиции стихосложения, адекватно интерпретировали 17,3% школьников. Еще ряд учащихся так или иначе связали смысл отрывка с актуальностью классической литературы (15,3%), с необходимостью сохранять классическую форму письма (11,5%), со сравнением классической литературы и современной (11,5%). Отход от идеи автора был связан со стремлением обобщить смысл: многие говорили о связи старого и нового, смене старого новым (36,5%), некоторые написали о красоте и грамотности речи вообще, а не поэтической. **Вывод:** неадекватность интерпретации метафорических выражений школьниками связывается с их представлением о том, что в ХТ за частным случаем обязательно стоит обобщенный смысл (в стихах о старом и новом стиле, но школьники считают, что о взаимозависимости старого и нового вообще). Встречаются случаи, когда старшеклассники пытаются видеть скрытый смысл там, где его нет, и автор говорит лишь то, что непосредственно стоит за словами, не используя аллегорию.

**Текст 5.** Отрывок из стихотворения М. Цветаевой «Сини подмосковные холмы...»:

*– Я уже заболеваю летом,  
Еле выздоровев от зимы.*

В этих строчках многие школьники увидели мотив перемен, но связали эти перемены с любовными отношениями, сменой чувств, событиями и проблемами жизни, их быстротечностью, чередой хорошего и плохого в жизни, состоянием здоровья, болезнью. Мотив смены времени года и мироощущения героини отметили 36,5% испытуемых, однако в большинстве работ состояние героини как жажда лета после зимы не описано. **Вывод:** при интерпретации не прямых сообщений в ряде случаев школьники понимают буквально то, что используется в метафорическом плане («заболеваю»). «Рамка» метафоры часто включает смыслы, близкие по оценкам к исходным (болезнь – проблемы – трудности – неприятности в отношениях), и не включает отличающиеся от них («заболеваю» – жду, предвосхищаю, жажду). Кроме того, вне поле внимания школьника-интерпретатора часто находится эмоциональная информация, связанная с переживаниями автора или лирического героя.

**Текст 6.** Отрывок из романа в стихах А. Пушкина «Евгений Онегин»:

*Он рыться не имел охоты  
В хронологической пыли  
Бытописания земли...*

Анализ работ показал, что 71,1% испытуемых осознал, что здесь в метафорической форме представлен процесс изучения истории. Сложность вызвала интерпретация субъекта, не желающего изучать прошлое: 17,3% написали «какой-то герой», «человек», 25% – «он», 11,5% – «все люди»; 3,8% – «автор»; 1,9% – «Онегин». Ошибки в интерпретации сводились к следующим: тема связывалась не с

историей, а с прошлым, с личными качествами героя (равнодушие, лень), с его стремлением жить настоящим, уйти от реальности, от проблем, его принципом «не оглядываться на прошлое», «не лезть не в свое дело», «не придавать значения мелочам», «не вспоминать старые обиды». Встречались варианты, в которых испытуемые писали, что «герой устал от обиденности», «он накапливает знания», «делает порой то, что не хочет», «верит только в то, что увидел лично», «не хочет считать историю с земли и природы». Некоторые приписали автору стремление заявить о том, что всем следует изучать историю. В нескольких работах лексема «пыль» толкуется буквально. **Вывод:** здесь также прослеживается непонимание коммуникативного намерения автора (описать отношение героя к истории – сказать о себе – констатировать что-то о людях – сделать нравоучение). Встречаются варианты неправильной интерпретации, обусловленные нераспознаванием метафор и толкованием слов в их буквальном значении.

**Заключение.** Анализ результатов исследования позволил нам обобщить выводы о том, что умение толковать метафорические выражения у учащихся старших классов сформировано недостаточно. Основные проблемы при этом сводятся к нераспознаванию метафор, неспособности опереться на лексическое значение слов вследствие бедности лексикона учащихся, их слабому представлению о расширенном значении слова, способах переноса значения. Вероятно, значительную роль в способности толковать метафоры играет ассоциативное мышление, которое у старшеклассников развито недостаточно, в связи с чем им не удается осмыслить авторские ассоциации, на основе которых и построено метафорическое выражение. Особую трудность представляют метафоры, передающие чувства и эмоции человека (автора, героя), так как эмоциональная информация остается вне поля зрения ученика. Кроме того, стоит отметить и недостаточную сформированность социокультурной компетенции и узость энциклопедических знаний школьников, что, безусловно, создает препятствие для толкования метафор и опознавания в них реалий настоящего и прошлого: школьники не видят авторский мотив для метафорического переноса, не осознают предметно-логические связи объектов вещного мира. Отметим также и стремление школьников за всяким выражением искать скрытые смыслы, даже там, где их нет. Думается, что причина этого в том, что подросток боится не распознать аллегорию и мораль, а следствие – приписывание автору намерения, которого у него не было. И последнее: искаженная интерпретация метафор напрямую связана с несформированностью умений текстовоспринимающей деятельности, которая в идеале должна опираться на регулятивные структуры текста – лексемы, знаки препинания и другие сигналы, направляющие процесс восприятия читающего [Болотнова 2009: 164-165]. В результате школьники не замечают в тексте те элементы, которые способствуют иницированию поиска сигнала скрытого смысла и правильному определению субъекта и объекта метафоризации, осознанию способа и основания переноса значения, признака или имени и очерчиванию рамки метафоры.

Сказанное определяет важность методического обоснования работы над распознаванием и интерпретацией метафорических выражений в художественном тексте в старшей школе.

В содержание работы над метафоричностью ХТ целесообразно включить следующие направления.

1. Осознание метафоричности ХТ как его важной особенностью и эстетической ценности метафоры, ее роли в коммуникации и когнитивных процессах.

2. Обучение распознаванию метафорических выражений в ХТ на основании знакомства с сигналами скрытого смысла.

3. Ознакомление с понятиями концептуальная и подтекстовая информация.

4. Сопоставление прямых и не прямых сообщений.

5. Обучение способам осознания коммуникативного намерения автора при включении в ХТ метафоры.

6. Наблюдение за денотативным и коннотативным значениями лексических единиц, трансформацией смысла в контексте.

7. Анализ метафорических выражений: выявление в их структуре субъектов, способов и оснований переноса значения, свойства или имени, логической и эмоциональной информации. Толкование метафор.

8. Освоение способов интерпретации метафорических выражений с опорой на контекст (регулятивные структуры текста), фоновые знания, социокультурный комментарий, сравнение разных вариантов интерпретации.

9. Развитие ассоциативного мышления: составление ассоциативных рядов, работа с ассоциативным словарем, анализ авторских ассоциаций.

10. Трансформация метафорических выражений: поиск варианта замены прямыми номинациями, словесное рисование, комментирование и др.

Задача формирования умения интерпретировать метафорические выражения требует рефлексии, предметом которой будет как итог деятельности, так и ее способы. Целесообразно задать вопрос: «Какие приемы работы помогли нам понять текст?», и в результате поиска ответа учащиеся должны прийти к выводу о том, что адекватная интерпретация стала возможной благодаря актуализации фоновых исторических и социокультурных знаний, толкованию архаизмов, анализу эмоционально-оценочной информации, скрывающейся за метафорическими выражениями, и определению авторского мотива использования средств создания ХТ.

### **Литература**

*Арутюнова Н.Д.* Метафора // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 987 с.

*Блэк М.* Метафора // Теория метафоры: сборник статей. Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. М.: Прогресс, 1990. С. 153-172.

*Болотнова Н.С.* Коммуникативная стилистика текста. Словарь-тезаурус. М.: Флинта, 2009. 384 с.

*Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: АН СССР, 1963. 255 с.

*Любичева Е.В., Ольховик Н.Г.* От текста к смыслу и от смысла к тексту (Текстовая деятельность учащихся): учебное пособие / Под ред. Е.В. Любичевой. СПб.: Сага; Азбука-классика, 2005. 368 с.

*Склярская Г.Н.* Метафора в системе языка. СПб.: ФилФак СПбГУ, 2004. 165 с.



*Стернин И.А.* Метод аппликации ментальных схем в выявлении скрытого смысла высказывания // Текст. Дискурс. Картина мира. Вып. 8. Воронеж: Истоки, 2012. С. 38-48.

## SENIOR SCHOOLCHILDREN'S PROBLEMS IN INTERPRETING METAPHORIC EXPRESSIONS

**Elena S. Bogdanova**

Senior researcher  
Yesenin Ryazan State University  
*helensim@mail.ru*

The article presents a review on the linguistic and philosophical views on the concept of metaphor, its nature, structure, peculiar features and functions in speech. Moreover, it considers a debatable issue of understanding and interpreting a literary text, focusing on decoding metaphoric expressions. The article deals with the problems that senior schoolchildren face when interpreting metaphoric expressions in a text. The author provides the results of the experimental research aiming at revealing schoolchildren's abilities to recognize and interpret metaphoric expressions in the literary text. Besides, typical mistakes are singled out and their causes are analyzed. The common mistakes of senior school students are connected with inability to identify a metaphor, wrong attribution of a collocation with direct nominations to metaphors, inability to understand the author's intention and see the signs of implication. School students often cannot rely on the lexical meaning of a word due to their poor vocabulary, vague idea of an extensive lexical meaning and ways to transfer the meaning. Basing on the analysis of the experimental data the author makes methodological conclusions. Thus, the focus area should include analysis of the metaphoric expressions, developing associate thinking, mastering different ways of interpreting metaphoric expressions based on the regulative structures of the text, background knowledge, sociocultural commentary, comparison of different versions of interpretation, etc.

**Keywords:** metaphor, metaphoric expression, schoolchildren's text interpretation, interpreting metaphoric expressions.

### References

- Arutjunova N.D.* Metafora [Metaphor] // *Lingvističeskij jenciklopedičeskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1990. 987 s.
- Bljek M.* Metafora [Metaphor] // *Teorija metafory: sbornik statej*. [Theory of Metaphor] Per. s ang., fr., nem., isp., pol'sk. jaz. M.: Progress, 1990. S. 153-172.
- Bolotnova N.S.* Kommunikativnaja stilistika teksta. Slovar'-tezasus. [Communicative Text Stylistics] M.: Flinta, 2009. 384 s.
- Vinogradov V.V.* Stilistika. Teorija pojetičeskoj reči. Pojetika [Stylistics. Theory of Poetic Speech. Poetics]. M.: AN SSSR, 1963. 255 s.

*Ljubicheva E.V., Ol'hovik N.G.* Ot teksta k smyslu i ot smysla k tekstu (Tekstovaja dejatel'nost' uchashhihsja) [From text to sense and from sense to text (Students' Textual Activity)]: Uchebnoe posobie / Pod red. E.V. Ljubichevoj. SPb.: Saga; Azbuka-klassika, 2005. 368 s.

*Skljarevskaja G.N.* Metafora v sisteme jazyka [Metaphor in Language System]. SPb.: FilFak SPbGU, 2004. 165 s.

*Sternin I.A.* Metod aplikacii mental'nyh shem v vyjavlenii skrytogo smysla vyskazyvanija [Method of mental schemes application in the identification of hidden sense in the utterance] // Tekst. Diskurs. Kartina mira [Text. Discourse. World Picture]. Vyp. 8. Voronezh: Istoki, 2012. S. 38-48.



**КОГНИТИВНАЯ СЛОЖНОСТЬ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ  
ДЛЯ ДЕТЕЙ: КВАНТИТАТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ<sup>1</sup>**

**Валуева Екатерина Александровна**

кандидат психологических наук  
научный сотрудник, Институт психологии РАН  
ведущий научный сотрудник,  
Московский городской психолого-педагогический университет  
*ekval@list.ru*

**Данилевская Нина Михайловна**

филолог, независимый исследователь  
*ninadan@mail.ru*

**Лаптева Екатерина Михайловна**

кандидат психологических наук  
ведущий научный сотрудник,  
Федеральный институт развития образования  
*ek.lapteva@gmail.com*

**Ушаков Дмитрий Викторович**

член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор  
заведующий лабораторией, Институт психологии РАН  
*dv.usakov@gmail.com*

В статье излагаются результаты исследования языковых маркеров простоты/сложности художественных текстов на материале сравнения детской и подростковой художественной литературы, издававшейся с 1900 по 2016 гг. Для проведения анализа были подобраны тексты произведений, наиболее популярных в соответствующий временной период. Произведения были подобраны по категориям «русская литература», «европейская литература», «американско-канадская литература». Все тексты были разбиты на 4 возрастные категории: «дошкольный возраст», «младший школьный возраст», «средний школьный возраст», «старший школьный возраст». В анализ вошли 588 книг на русском языке и 118 текстов на английском языке. В каждом тексте подсчитывались значения ряда количественных показателей, измеряющих объем текста, а также ряд показателей, характеризующих структуру и содержание текстов. Результаты статистического анализа показали, что существуют компоненты художественных текстов, которые можно расценивать как маркеры усложнения когнитивной организации. Выявленные параметры могут составить основу инструментария для дальнейших сравнительных операций с текстами, связанных с исследованием речевого развития человека в процессе чтения и сопряженных с этим эффектов.

**Ключевые слова:** детская художественная литература, XX в., когнитивная сложность.

---

<sup>1</sup> Исследование поддержано грантом президента РФ № МК-7584.2015.6

### Введение

Понимание текстов, в том числе – художественных, предполагает разворачивание когнитивной деятельности, которая тем сложнее, чем более насыщенным и трудным для понимания является текст [Dehaene 2007]. Каждый образованный человек, имевший в жизни дело с большим количеством текстов, по опыту знает, что понимать некоторые из них намного труднее, чем другие: например, текст из «Мурзилки» понять заведомо проще, чем фрагмент «Поминок по Финнегану» Дж. Джойса или «Бытия и времени» М. Хайдеггера. Однако вопрос о причинах этой сложности и ее формальных признаках остается весьма непростым.

Очевидно, что источником сложности могут быть как выражаемые мысли, так и форма выражения. Авторы, как правило, стремятся выразить свои мысли по возможности доступно, но это не всегда удается в равной мере.

Согласно влиятельной и достаточно хорошо эмпирически фундированной теории Ф. Джонсон-Лэрда, процесс понимания начинается и заканчивается невербальной репрезентацией, или умственной моделью. Однако для передачи другому человеку эта репрезентация должна быть преобразована говорящим в вербальную, или пропозициональную, форму. Слушающий должен произвести обратное преобразование пропозициональной репрезентации в умственную модель. Поскольку коммуниканты обладают индивидуальными особенностями, их вербальный интеллект и языковая компетентность неодинаковы. На стороне говорящего это приводит к тому, что умственная модель отражается в тексте с большей или меньшей степенью адекватности, а сам текст обладает большей или меньшей ясностью, то есть требует от слушателя или читателя различных усилий для восстановления умственной модели. На стороне слушателя получается, что один и тот же текст приводит к созданию умственных моделей, с различной степенью адекватности отражающих смыслы текста.

Согласно модели Т.Н. Ушаковой, понимание текста предполагает соответствие между когнитивными системами говорящего и слушающего (или пишущего и читающего) на нескольких уровнях: на уровнях вербальных сетей, т.е. ассоциативных связей между элементами, грамматических структур и контекста [Ушакова 1998; Ушакова, Белова, Валуева 2010]. Тем самым в когнитивную проблематику вводится более широкий контекст понимания – к реконструкции понимающим умственной модели, лежащей в основе текста, добавляются ассоциативные коннотации и контекстуальный смысл. Действительно, если трудность понимания, например, научного текста может быть в большой мере сведена к сложности умственной модели, то в отношении поэтического текста должно приниматься во внимание ассоциативное богатство [Ушакова 1989, 1990].

К анализу причин сложности текстов, определяемых умственными моделями, намечены продуктивные подходы. Начиная с Ж. Пиаже, психология онтогенетического развития сумела показать последовательность появления у ребенка различных возможностей структурирования репрезентаций и сопутствующих им речевых форм. Так, понимание причинно-следственных отношений у ребенка, согласно Ж. Пиаже, возникает примерно в 7-8 лет. С этого же возраста формируется адекватное употребление причинных союзов. Как показал Ж. Пиаже, дифференцированное

употребление союзов «потому что» и «поэтому» происходит вместе с формированием понимания причинности.

Аналогично в пиажеанской психолингвистике (Э. Синклер де Зварт) установлено, что сравнительные формы (больше-меньше) начинают употребляться ребенком с того момента, как у него формируется возможность репрезентации асимметричных транзитивных отношений ( $A < B < C \dots$ ) и решения основанных на таких репрезентациях задач, например, сериации. Таким образом, сложность структурирования умственной модели оказывается важным фактором трудности понимания текста [Ушаков 1997, 2009].

Для разработки обсуждаемой проблематики существенным оказывается вопрос о языковых маркерах когнитивной сложности текста. С одной стороны, этот вопрос позволяет пролить свет на источники сложности текстов, связанные со структурированием репрезентаций. Из сказанного выше следует, что наличие в тексте определенных маркеров, например, слов «потому что» или «больше», указывает на такие характеристики репрезентаций, которые связаны с определенной сложностью когнитивных процессов, необходимых для их обработки. Соответственно исследование таких маркеров в связи со сложностью текстов позволяет проверять гипотезы относительно когнитивных процессов, происходящих при понимании текстов, а также создаваемой ими когнитивной нагрузки и их онтогенетического развития.

С другой стороны, это исследование имеет важный методический аспект. Выявленные параметры могут составить основу инструментария для дальнейших сравнительных операций с текстами, связанных с исследованием речевого развития человека в процессе чтения и сопряженных с этим эффектов. Например, можно проследить глобальные тенденции упрощения или усложнения текстов художественной литературы на протяжении отрезков времени либо сравнить соответствующие средние показатели по разным странам. Это могло бы выявить интересные корреляции и закономерности.

Понятно, что сложность текста растет по мере увеличения возрастной категории читателей, которой адресован текст. Сравнительный психолингвистический анализ текстов, предназначенных для разных возрастных категорий, может выявить конкретные параметры простоты/сложности их восприятия. В связи со сказанным нами было проведено исследование языковых маркеров простоты/сложности художественных текстов на материале сравнения детской и подростковой художественной литературы, издававшейся с 1900 по 2016 гг.

### Материалы

Для выполнения поставленных задач мы подобрали детские и подростковые художественные произведения, издававшиеся в период с 1900 по 2016 гг. Произведения были подобраны по категориям «русская литература», «европейская литература», «американско-канадская литература». Все проанализированные зарубежные произведения издавались также на русском языке. Дополнительно к категории «американско-канадская литература» были найдены оригиналы текстов на английском языке для сопоставления результатов анализа и оценки адекватности использования переводных источников. В каждой из этих трех категорий исходя

из авторских и издательских рекомендаций тексты делились на возрастные диапазоны: «дошкольный возраст», «младший школьный возраст», «средний школьный возраст», «старший школьный возраст». Для проведения анализа были подобраны тексты произведений, наиболее популярных в соответствующий временной период. Главный критерий, по которому отобраны книги, – их популярность на родине, выражаемая либо в количестве переизданий, либо в завоевании престижных премий (Медаль Джона Ньюбери и Медаль Кальдекотта в США; Премия имени Ханса Кристиана Андерсена, Международная литературная премия Астрид Линдгрэн; Сталинская премия, Государственная Премия СССР и др.). При выборе русских произведений учитывались также отзывы известных деятелей культуры (например, Марина Цветаева о Лидии Чарской) и современные читательские интернет-рейтинги.

Всего в анализ вошли 588 книг на русском языке и 118 текстов на английском языке. В таблице 1 представлено общее количество произведений в соответствии с категориями.

Таблица 1

Количество анализируемых произведений по периодам издания, возрастам и регионам на русском/английском языках

Возраст	Регион	Период издания				Всего
		1900-1930	1931-1969	1970-2000	2001-2016	
Дошкольники	Америка, Канада	0/0	3/3	3/3	1/0	7
	Европа, Англия	3	4	2	9	18
	Россия	4	9	6	3	22
Младшая школа	Америка, Канада	8/8	15/12	9/6	25/0	57
	Европа, Англия	20	22	20	14	76
	Россия	10	8	10	16	44
Средняя школа	Америка, Канада	19/19	16/15	14/13	19/0	68
	Европа, Англия	13	13	16	18	60
	Россия	16	17	16	14	63
Старшая школа	Америка, Канада	13/13	14/14	15/15	16/0	58
	Европа, Англия	19	12	14	16	61
	Россия	14	15	13	12	54
<b>Всего</b>		<b>139</b>	<b>148</b>	<b>138</b>	<b>163</b>	<b>588</b>

Нам необходимо было выявить те характеристики текста, которые имеют возрастную динамику, т.е. связаны с увеличением умственного возраста читателя. Мы выделили широкий спектр показателей. Анализ этих показателей позволил нам отобрать те из них, которые значимо изменяются при переходе от одной возрастной группы к другой.

Для каждой книги были рассчитаны 2 типа показателей: абсолютные и относительные. К абсолютным показателям относятся количественные показатели, которые характеризуют объем текстов: 1) общее количество знаков в тексте; 2) общее количество слов в тексте; 3) количество предложений в тексте; 4) количество запятых в тексте. К относительным показателям мы отнесли, во-первых, формальные характеристики, такие как: 5) средняя длина слова, 6) средняя длина предложения (медиана количества слов в предложении), 7) количество запятых в тексте (относительно общего количества слов в тексте); во-вторых, содержательные характеристики, которые, по нашему мнению, связаны с усложнением когнитивной организации целевой аудитории. В последнюю группу были отнесены морфологические и синтаксические компоненты.

### *Морфологические компоненты:*

8) количество вводных слов и словосочетаний (относительно общего количества слов в тексте). Примерами вводных слов являются такие слова, как «однако», «в общем», «видимо» и т.д. (полный список анализируемых вводных слов см. в Приложении). Вводные слова имеют множество особенностей и функций, усложняющих структуру высказывания. В первую очередь, они связаны не с содержанием предложения, а с миром говорящего («*Виджу*, ты боишься») или адресата высказывания («*Видишь ли*, ты боишься»). Они могут выражать отношение автора к высказыванию («*К счастью*, дождь кончился») или неуверенность в достоверности содержащейся в нем информации («*Вероятно*, дождь кончился»). Вводные слова могут также упорядочивать и иерархизировать большой поток информации («*во-первых*», «*во-вторых*», «*прежде всего*», «*главное*»), организовывать сложные (причинно-следственные, уступительные, противительные и др.) связи между высказываниями или их частями («*Ты, стало быть*, боишься»; «*Дождь, правда*, не кончился»; «*К вечеру, впрочем*, должно проясниться»). Кроме того, вводные слова и словосочетания придают смысловые оттенки суждениям, зачастую повышая неоднозначность и неопределенность высказываемых мыслей (ср., например: «Он профессионал своего дела» и «Он, так сказать, профессионал своего дела»: вторая фраза содержит имплицитный иронический оттенок, уловить который способен только человек, находящийся на достаточно высокой ступени речевого развития);

9) количество компаративов, то есть прилагательных и наречий в сравнительной степени (относительно общего количества слов в тексте). Опираясь на частотные словари русского языка [Частотный словарь 1977; Ляшевская, Шаров 2009], мы взяли наиболее распространенные прилагательные и наречия и поставили их в степень сравнения («дальше», «ближе», «веселее», «проще» и т.д. (см. Приложение)). Слова, выражающие степень сравнения, вносят дополнительное логическое звено в характеристику объектов действительности, требуют осознания непростых взаимоотношений между ними, поэтому могут служить маркерами

усложнения когнитивной организации. Кроме того, компаративы прилагательных и наречий имеют идентичную форму; адекватная интерпретация этой омонимии требует от читателя дополнительной умственной нагрузки и работы с контекстом (например, фраза «Она лучше» может соответствовать как высказыванию «Она более хорошая», так и к эллиптическому высказыванию «Она (что-то делает) более хорошо»; фраза «Это хуже» может относиться как к характеристике существительного среднего рода – «Это платье хуже», так и к оценке действия или ситуации – «Так хуже»);

10) количество простых производных предлогов (относительно общего количества слов в тексте). Согласно нашей гипотезе, одним из проявлений сложности текста должна была стать его большая детализация и визуализированность по сравнению с элементарными субъектно-предикатными текстами, адресованными дошкольникам и детям младшего школьного возраста (ср.: «Мама мыла раму»). Грамматически за эти построения в значительной степени отвечают предлоги. Во избежание амбивалентных ситуаций (типа «в течение дня» / «в течение реки»), не поддающихся статистическому анализу в крупных объемах, мы ограничились простыми производными предлогами, такими как: «в», «за», «на», «под», «перед» и т.д. (см. Приложение);

11) количество междометий и 13) ономотопеической лексики [Тимошук 1994] (относительно общего количества слов в тексте). Логично предположить, что такие лексические средства, как междометие («ах», «ох», «ну») и ономотопея («мычать», «квакать», «журчать» и т.д. (см. в Приложении)), передающие информацию не денотативно, а непосредственно через звукоподражание, должны преобладать в более «детских» текстах (еще в «Риторике для Геренния» (I в.н.э.), иногда приписываемой Цицерону [Rhetoricon ad Herennium libri IV 1890-1907], говорилось о примитивном характере «этого вида украшений»). Как известно, вообще в сравнении со взрослыми детские книги в большей степени апеллируют к эмоциям читателей, нежели к рассудку [Якобсон 1998]. В частности, представляется очевидным, что с точки зрения познания мира и развития личности ситуация, описанная фразой: «Ой, доска кончается...» для ребенка 3-х лет будет намного более эффективной, чем нейтральная констатация: «Бычок испугался края доски». Таким образом, эмотивная и ономотопеическая лексика в нашей концепции, является механизмом, «упрощающим», а не «усложняющим» текст;

12) количество модальных частиц (относительно общего количества слов в тексте). Модальные частицы вносят в предложение эмоционально-оценочные, вопросительные, уступительные, персуазивные (со значением достоверности-недостоверности) и другие семантические оттенки. Но, в отличие от междометий с пересекающимися функциями, делают это более «по-взрослому» – реализуя стилистическое смещение от разговорного языка к художественному. Давно замечено, что уменьшение возрастной категории книги коррелирует с уменьшением зазора между повседневно-разговорным языком, составляющим коммуникативную практику ребенка, и языком текста [Бибик 2013]. На наш взгляд, на пути «овзроствления» текста частицы являются промежуточным звеном между акустической денотацией (междометие, звукоподражание) и дескриптивным способом передачи соответствующих смыслов. Например, цепочка денотативного усложнения в ситуации



удивления могла бы выглядеть следующим образом: «Ого!» (междометие) – «Подумать только!» (использование частицы) – «Ты меня удивляешь!» (местоименно-глагольная дескрипция).

Однако, сохраняя стилизацию устно-разговорной стихии, частицы могут отражать сложную взаимосвязь контекстов. Например, частица «все-таки» подразумевает, что в предшествующем текстовом пространстве содержались условия, частично или полностью противоречащие высказыванию (Ср.: в предложении: «Мы все-таки пойдем гулять» заложена информация о каких-то негативных сопутствующих обстоятельствах: плохой погоде, альтернативных планах, запрете и т.п.).

Таким образом, в целом, согласно нашим предсказаниям, частица должна быть маркером когнитивного усложнения.

*Синтаксические компоненты:*

14) количество сложноподчиненных предложений (относительно общего количества предложений в тексте). Эти синтаксические конструкции характерны для предложений, описывающих сложную картину взаимосвязей в окружающем мире. Зачастую эти взаимосвязи трудно различимы, и для того, чтобы воспринять их согласно авторскому замыслу, требуется соответствующий жизненный опыт. Например: «Он пришел пораньше, дабы...» (цель) и «Он пришел пораньше, ибо...» (причина); «Я грущу, если ты веселишься» (условие) и «Я грущу, хотя ты веселишься» (уступка). Количество сложноподчиненных предложений оценивалось по количеству в тексте подчинительных союзов, таких как «где», «дабы», «если», «который» и т.д. (см. «Приложение»).

Во избежание «шума» в данных мы постарались минимизировать количество омонимичных в русском языке синтагм, наподобие «лишь», «лишь только», способных выступать как в качестве подчинительного союза в придаточном предложении времени («Лишь только вечер затеплится синий..., отвори потихоньку калитку»), так и в качестве выделительно-ограничительной частицы («Лишь только с вами я хотел бы жизнь провести...»).

15) количество вопросительных и 16) восклицательных предложений (относительно общего количества предложений в тексте). На наш взгляд, концентрация восклицательных предложений (исходя из предшествующих рассуждений) должна падать по мере «взросления» текста. Концентрация же вопросительных предложений, судя по всему, должна наоборот расти, придавая повествованию полемическую остроту. Причем это может происходить как в рамках диалоговой/полилоговой организации текста, так и в рамках вопросно-ответной формы авторских рассуждений (в качестве примера можно привести особую концентрацию вопросительных предложений в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети», сложная социальная и экзистенциальная проблематика которого практически целиком вычитывается из разговоров персонажей и риторических вопросов автора: «Неужели их молитвы, их слезы бесплодны? Неужели любовь, святая, преданная любовь не всемогуща?» и т.п. [Мартыанова 1981; Пустовойт 1981]).

### **Обработка текстов**

Вся обработка производилась в автоматическом режиме с использованием программы R. Перед проведением обработки все тексты были переведены в формат txt. Все слова книги переводились в нижний регистр.

Предложением считалась часть текста, которая заканчивается точкой, вопросительным или восклицательным знаком. В предложениях подсчитывалось количество слов как отдельных объектов, состоящих из одной или более букв алфавита. Количество слов в тексте является суммой количества слов в предложениях. Средняя длина слова рассчитывалась по формуле: *(количество знаков в книге – количество знаков пунктуации)/количество пробелов*.

Количество слов, относящихся к морфологическим показателям (частицы, союзы, компаративы и др.) производилось суммированием всех случаев совпадения слов книги со словами из этой подгруппы. Количество подчинительных союзов было скорректировано на количество вопросительных слов, которые совпадают с ними по форме. Для этого из текста книги выделялись все вопросительные предложения и по ним подсчитывалось общее количество слов, совпадающих в подгруппах «вопросительные слова» и «подчинительные союзы». Полученное число было вычтено из показателя, рассчитанного для всего текста по подгруппе «подчинительные союзы».

### Результаты

В первую очередь были сопоставлены русские переводы и оригинальные англоязычные тексты для американско-канадской литературы. Корреляции всех показателей<sup>2</sup> оказались высокими и значимыми – коэффициенты корреляции варьировали от 0.49 до 0.96 (см. таблицу 2). Наиболее низкая корреляция (0.49) была получена для показателя «относительное количество запятых», что, по всей видимости, связано с различиями в правилах пунктуации в русском и английском языках.

Таблица 2

Корреляции показателей между английскими оригиналами и русскими переводами (все корреляции значимы на уровне  $p < 0.001$ )

Количество знаков	0.96
Количество слов	0.96
Количество предложений	0.96
Количество запятых	0.92
Средняя длина слова	0.70
Средняя длина предложения	0.86
Относительное количество запятых	0.49

На втором этапе анализа для каждого выделенного показателя была оценена его возрастная динамика. В таблице 3 приведены средние значения соответствующих показателей для каждой возрастной группы, а также результаты однофакторного дисперсионного анализа. Для показателя «Ономатопеическая лексика», имеющего сильные выбросы, предварительно была произведена процедура упорядоченной ранговой трансформации [ Wobbrock, Findlater, Gergle, & Higgins 2011].

Так как четыре количественных показателя (общее количество знаков в тексте, количество слов в тексте, количество предложений в тексте, количество

<sup>2</sup> Для англоязычных текстов не рассчитывались показатели, связанные с содержательным анализом слов, т.к. привлечение соответствующих специалистов на данном этапе исследования не представлялось возможным.

запятых в тексте) очень высоко коррелировали между собой (коэффициенты корреляции от 0.93 до 0.99), они были объединены в общую шкалу «объем текста». Значения шкалы «объем текста» рассчитывались как среднее z-оценок входящих в нее показателей.

Из таблицы 3 следует, что все показатели, кроме количества вводных слов и компаративов, демонстрируют значимую возрастную динамику. Количество междометий, звукоподражательных глаголов и восклицательных предложений – падает. Значения остальных показателей растут по мере увеличения возраста читателей.

На рисунках 1-3 изображена возрастная динамика стандартизованных показателей (стандартизация показателей была проведена с целью унификации единиц измерения для более наглядного представления результатов).

Несмотря на значимость фактора возраста в целом, апостериорные сравнения (Games-Howell post-hoc test) показывают более детальную динамику показателей с возрастом. Так, например, для фактора «Объем текста» и входящих в него показателей, а также для показателей «Относительное количество запятых» и «Количество восклицательных предложений» различия значимы между всеми возрастными группами (все  $p < 0.001$ ). Для показателя «Средняя длина предложения» – различия значимы между дошкольниками и всеми остальными возрастными группами (все  $p < 0.01$ ). Для показателя «Непроизводные предлоги» – между всеми возрастными группами (все  $p < 0.01$ ), кроме пар дошкольники – младшая школа и средняя школа – старшая школа. Показатель «Междометия» значимо ниже в старшей школе, чем во всех остальных возрастных группах ( $p$  от 0.001 до 0.065), в средней школе по сравнению с младшей ( $p = 0.09$ ). По показателю «Ономатопеическая лексика» различия значимы между старшими школьниками и всеми остальными возрастными группами (все  $p < 0.01$ ). Для показателя «Частицы» различия не значимы лишь между младшей и средней школой (все остальные различия значимы на уровне  $p < 0.01$ ). Для показателя «Количество сложноподчиненных предложений» – между дошкольниками и всеми остальными возрастными группами (все  $p < 0.001$ ) и между младшими и старшими школьниками ( $p = 0.03$ ). По показателю «Количество вопросительных предложений» на уровне тенденции различаются средняя школа и старшая школа ( $p = 0.06$ ); значимые различия наблюдаются между дошкольниками и старшими школьниками ( $p = 0.02$ ).

Анализ отдельно по регионам («Америка, Канада», «Европа, Англия», «Россия») показал, что основные паттерны результатов остаются теми же независимо от принадлежности к региональной группе. Можно лишь отметить, что в некоторых группах выявленные общие тенденции не достигают принятого уровня значимости. Так, например, в группах «Европа, Англия» и «Россия» незначимыми оказываются рост количества вопросительных предложений и средней длины предложения. Также в русской литературе незначимой оказалась возрастная динамика междометий.

Таблица 3

Возрастная динамика показателей

	Показатель	Возрастная группа				F	p
		Дошколь-ники	Млад-шая школа	Сред-няя школа	Стар-шая школа		

1	Кол-во знаков	90791	209415	361214	552822	<b>45.49</b>	<b>0.000</b>
2	Кол-во слов	15119	34416	58679	89106	<b>44.60</b>	<b>0.000</b>
3	Кол-во предложений	1601	3624	5938	8614	<b>38.22</b>	<b>0.000</b>
4	Кол-во запятых	1549	3605	6505	10149	<b>44.95</b>	<b>0.000</b>
	Объем текста	-0.73	-0.39	0.03	0.56	<b>44.34</b>	<b>0.000</b>
5	Средняя длина слова	4.71	4.85	4.93	5.01	<b>28.72</b>	<b>0.000</b>
6	Средняя длина предложения	7.10	8.04	8.40	8.50	<b>5.64</b>	<b>0.001</b>
7	Относительное кол-во запятых	0.094	0.104	0.109	0.114	<b>28.46</b>	<b>0.000</b>
8	Вводные слова	0.0046	0.0049	0.0048	0.0049	0.34	0.797
9	Компаративы	0.0042	0.0043	0.0042	0.0042	0.59	0.619
10	Непроизводные предлоги	0.083	0.088	0.091	0.092	<b>15.85</b>	<b>0.000</b>
11	Междометия	0.0026	0.0025	0.0021	0.0018	<b>8.30</b>	<b>0.000</b>
12	Ономатопеическая лексика <sup>3</sup>	0.00027	0.00017	0.00013	0.00009	<b>9.60</b>	<b>0.000</b>
13	Частицы	0.0026	0.0038	0.0039	0.0045	<b>15.04</b>	<b>0.000</b>
14	Сложноподчиненные предложения	0.221	0.307	0.317	0.345	<b>13.44</b>	<b>0.000</b>
15	Вопросительные предложения	0.0794	0.0920	0.0906	0.0986	<b>5.02</b>	<b>0.002</b>
16	Восклицательные предложения	0.173	0.133	0.098	0.075	<b>37.05</b>	<b>0.000</b>

<sup>3</sup> Для показателя «Ономатопеическая лексика» приведены значения медиан, т.к. в этом случае перед анализом проводилась ранговая трансформация.

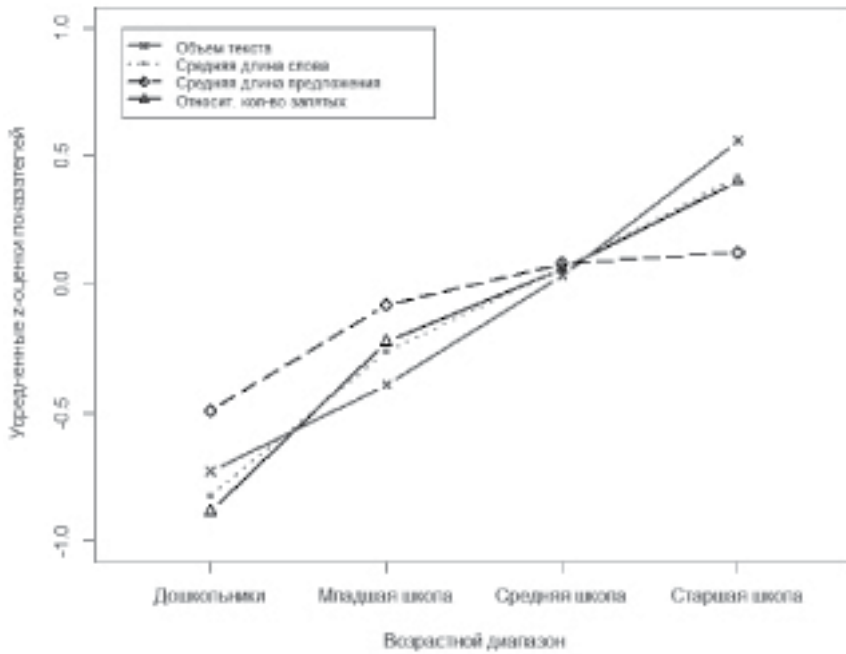


Рисунок 1. Возрастная динамика абсолютных и относительных формальных показателей

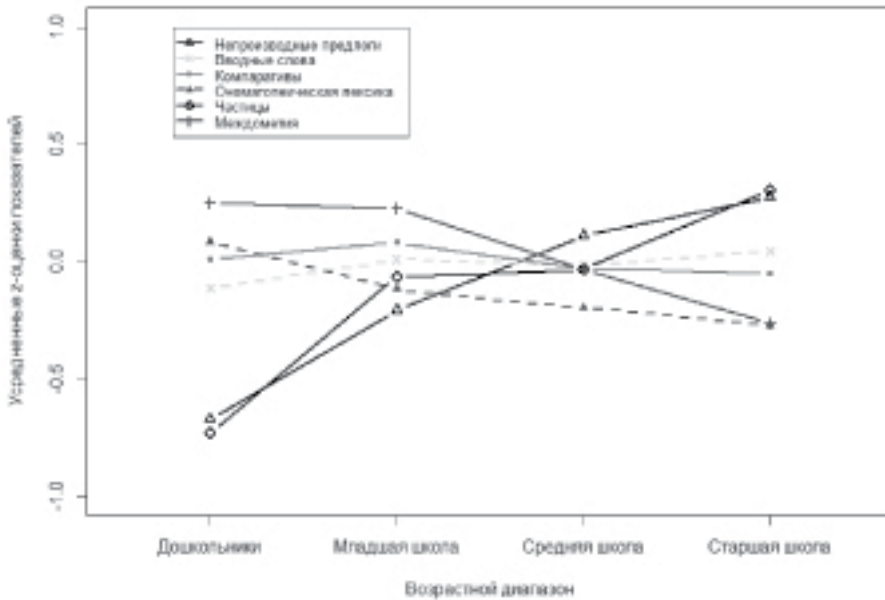


Рисунок 2. Возрастная динамика морфологических показателей

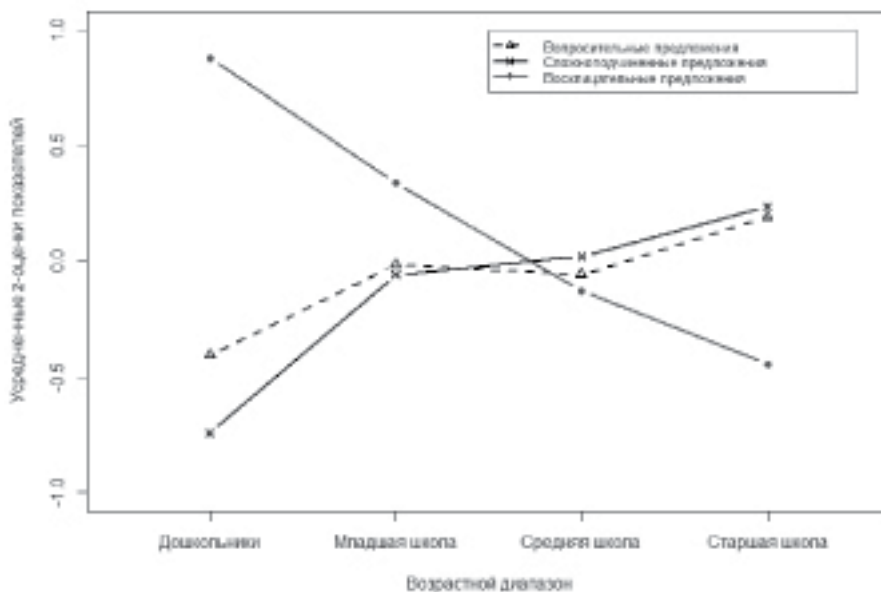


Рисунок 3. Возрастная динамика синтаксических показателей

### Обсуждение результатов

Результаты статистического анализа показали, что существуют компоненты художественных текстов, которые можно расценивать как маркеры усложнения когнитивной организации. Во многом подтвердив ожидания, эти результаты, однако, поставили перед нами и ряд вопросов.

#### Абсолютные показатели

Совокупный рост всех абсолютных показателей по мере «взросления» текста демонстрирует очевидное: чем старше читатель, тем больший объем информации он способен удержать в голове; тогда как младшая читательская аудитория предпочитает получать информацию в раздробленном виде (сборник сказок/рассказов, а не, допустим, равные по общему объему повесть/роман).

#### Относительные показатели

##### Относительные формальные показатели

Усложненная структура (длина) предложения и, соответственно, концентрация запятых являются очевидными показателями «взрослости» текста. Более любопытно осмыслить результат, касающийся средней длины слова. Действительно (подобно цепочке: «сад» – «школа» – «колледж» – «университет»), по мере взросления читателя, лексемы, пополняющие его словарный запас, удлиняются и/или обрастают «шубой» морфем (ср.: «хитр-ый» – 2 морфемы – и «бес-хитр-ост-н-ость» – 6 морфем, включая нулевую флексию).

##### Относительные содержательные показатели

##### Морфология

Обращает на себя внимание отсутствие возрастной динамики вводных слов и компаративов. Наперекор нашим ожиданиям оказалось, что восприятие этих речевых элементов, не представляет дополнительной сложности для человека, находящегося на «читающей» стадии развития. Возможно, подобно таблице сложения до десяти, раз выученной и работающей автоматически, с равной скоростью, на протяжении всего дальнейшего периода интеллектуального развития, усвоение моделей «лучше-хуже», «добрее-злее» с определенного этапа уже приобретает совершенный автоматизм и не прогрессирует. С восприятием вводных слов, очевидно, работает аналогичный принцип: исследование показало, что расширение по крайней мере пассивного словарного запаса ребенка на эту языковую единицу происходит в «дочитательском» возрасте. Свойство же вводных слов в определенных контекстах приобретать коннотативные значения с точки зрения когнитивного усложнения оказалось несущественным.

Довольно интересным явился также результат статистического анализа показателя «Частицы». Медленное нарастание их количества показывает, возможно, то, что в процессе «взросления» текста действуют два взаимокомпенсирующих механизма: с одной стороны, уменьшение «детской» эмоционально-разговорной парадигмы (типа «ведь не я же!»), с другой стороны, нарастание «взрослой» сложной семантической парадигмы (включающей уточнительные, персуазивные, причинно-следственные, интенциональные и другие смыслообразующие возможности таких частиц, как «даже», «вряд ли», «ведь», «разве что», «все-таки»). В целом кривая роста частиц свидетельствует о «перевесе» этого широкого спектра модальностей.

Абсолютно предсказуемым оказалось поведение ономастической лексики, «населяющей» в основном дошкольно-младшешкольный литературный мир «хрюкающих свинок» и «крякающих уток». Впоследствии этот пласт языка практически сходит на нет, в более серьезных текстах в основном бытуя не в животнораздражательном, а в шумовом амплуа (Ср. тютчевское: «...весенний первый гром... *грохочет* в небе голубом»).

«Падение» междометий тоже хорошо согласуется с теоретическими предсказаниями: эмоциональная сфера человеческой жизни во взрослых текстах определенно теряет акустическую денотацию. Однако удивительным оказался тот факт, что этого не происходит в русской литературе. По всей вероятности, традиции, заложенные классикой («*Ба!* Знакомые всё лица!»; «*Татьяна ах!* А он реветь...»), на русской почве двадцатый век не изжил.

### *Синтаксис*

Несильно выраженная динамика вопросительных конструкций, предположительно, связана с их амбивалентной функцией в художественном тексте. Если в дошкольной и младшешкольной литературе вопросительные предложения участвуют в весьма частотной организации простой разговорной структуры («Кто там?» – «Мышка норушка»), то к старшей школе на первый план выходят и резко прогрессируют другие структуры: вопросно-ответная форма изложения авторской мысли и риторические вопросы (вот, например, фрагмент из повести В.Пелевина «Омон Ра»: «...меня по-прежнему удивляло – как это я вижу? И кто этот я, который видит? И что это вообще значит – видеть? Вижу ли я что-то внешнее или

просто гляжу сам на себя? И что такое – вне меня и внутри меня?»). При этом сохраняется и диалогово-полилоговая структура текста, но, в отличие от дошкольно-младшешкольных текстов, она нагружена глубоким идейно-философским и драматическим пафосом. Например, такой диалог:

– А ты думаешь, что с этой вот ногой меня еще признают годным? – спрашивает он с горечью.

– Ты ее не спеша подлечишь. Ведь сустав цел. Может, все еще уладится.

(Э.М. Ремарк «На западном фронте без перемен»).

Таким образом, здесь (подобно феномену частиц) мы имеем основание фиксировать два взаимокомпенсирующих процесса, с превалированием «взрослой» тенденции (что интересно, не выраженной в русской литературе, отражающей, таким образом, повествовательно-рассужденческие авторские предпочтения).

В полном согласии с предсказаниями повели себя восклицательные предложения, явив совершенно отчетливый падающий тренд и тем самым показав сопутствующий «взрослению» текста спад экспрессивности.

Симметричную закономерность продемонстрировали сложноподчиненные предложения, относительное преобладание которых во «взрослых» текстах интуитивно не подлежало сомнению.

Осмывая механизмы усложнения когнитивной организации текста, мы пришли к необходимости альтернативной (дополнительной) систематики значимых показателей. Помимо деления на *абсолютные* и *относительные* (включающие в себя *формальные* и *содержательные* – разделенные в свою очередь на *морфологические* и *синтаксические*), мы разделили все показатели исходя из разных принципов отношения с текстом, разных способов его усложнения/упрощения. Мы заметили, что одна часть показателей относится к структуре текста – так сказать, к его внешнему аспекту, а другая часть – к смыслу, то есть к внутреннему аспекту текста. Таким образом, мы разделили все показатели на *структурные* (это совокупный объем текста, относительное количество запятых, относительная длина предложения, относительная длина слова и количество сложноподчиненных предложений) и *смысловые* (это количество междометий, ономастопей, частиц, предлогов, а также вопросительных и восклицательных предложений). Эта упрощенная систематика поможет избежать терминологической путаницы в дальнейших исследованиях.

### **Выводы**

Подводя итоги сказанному, мы можем наметить гипотетические области применения методик оценки простоты/сложности текстов, а также перспективы дальнейших статистических исследований, связанных с когнитивными возможностями художественной литературы.

Легко заметить, что, в связи с понижением конкурентоспособности литературы среди прочих, менее трудозатратных, активно развивающихся средств познания мира, наиболее популярные современные тексты становятся лаконичнее, остросюжетнее, эмоциональнее [Шапошников 2010]. Они содержат меньше описаний и рассуждений (наглядным примером чему может служить, в частности, сверхпопулярность книжных серий наподобие «Иллюстрированной адаптированной классики», выпускаемой издательством «Астрель»; это произведения



Ж. Верна, М. Твена, Р.Л. Стивенсона, Ч. Диккенса, из которых изъяты «скучные» длинноты, угрожающие свести на нет нетерпеливый интерес сегодняшнего читателя). Было бы интересно и важно, во-первых, оценить совокупные тенденции к усложнению/упрощению современной художественной литературы; во-вторых, выявить актуальные для сегодняшних вызовов специфические маркеры простоты/сложности текстов. Например, интересно было выработать алгоритм подсчета глаголов и деепричастий (концентрация которых, на наш взгляд, обратно пропорциональна «сложности» текста), а также прилагательных и наречий (связанных с описательным, то есть более «сложным» компонентом текста).

И, безусловно, наиболее интересным дальнейшим направлением представляется разработка на основе статистических подсчетов и сопутствующих психолингвистических исследований общей методики оценки когнитивной эффективности текста. Это позволит более точно определять возраст целевой аудитории и специфику влияний, которые может оказать произведение на интеллектуальное и личностное развитие человека.

### Литература

*Библик С.П.* Разговорный стиль в контексте национальной культуры // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, 2013. №1, том 1, С. 164-171.

*Ляшевская О.Н., Шаров С.А.* Частотный словарь современного русского языка. М.: Азбуковник, 2009.

*Мартыанова И.А.* Синтаксические способы выражения и роль обобщений в романах Тургенева // Функционирование синтаксических категорий в тексте. Л., 1981. С. 132-141.

*Пустовойт П.* Диспут поколений (Роман «Отцы и дети» И. С. Тургенева) // Вершины. М., 1981. С. 193-210.

*Тимошук М.* Ономапоеические глаголы в русском языке // Rozprawy Uniwersytetu Warszawskiego. T. 425. С. 10. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1994. 150 с.

*Ушаков Д.В.* Одаренность, творчество, интуиция // Основные современные концепции творчества и одаренности. Москва, 1997. С. 78-89.

*Ушаков Д.В.* Когнитивная система и развитие // Когнитивные исследования. Проблема развития / Под ред. Д.В. Ушакова. М., ИПРАН, 2009. С. 6-12.

*Ушакова Т.Н.* Текст как объект психологического анализа // Психологический журнал, 1989. Т. 10. № 1. С. 107-116.

*Ушакова Т.Н.* Природная организация речевого процесса и восприятие поэтического произведения (на примере лирических стихов А. Ахматовой) // Современные модели психологии речи и психолингвистики. М., ИПАН СССР, 1990. С. 104-112.

*Ушакова Т.Н.* Природные основания речезыковой способности ребенка (анализ раннего речевого развития) // Языковое сознание: формирование и функционирование. Москва, Институт языкознания РАН, 1998. С. 7-23.

*Ушакова Т.Н., Белова С.С., Валеева Е.А.* Лингвопсихологическое исследование вербальной семантики // Психологический журнал, 2010. Т. 31. № 6. С. 83-97.

Частотный словарь / Под ред. Л.Н. Засориной. М.: «Русский язык», 1977.

*Шапошников В.* Тенденции современной литературы в языковом аспекте // Сборник статей по итогам конференции «XXI век. Итоги литературного десятилетия: Язык – культура – общество / Под ред. А.Ю. Большаковой и А.А. Дырдина. Ульяновск: УлГТУ, 2011. С.406.

*Яacobсон П.М.* Психология чувств и мотивации. Воронеж: МОДЭК; Москва: Институт практической психологии, 1998.

*Dehaene S.* Les Neurones de la lecture. Paris: Éditions Odile Jacob, 2007.

*Rhetoricon ad Herennium libri IV* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (Т. 26, с. 622). СПб., 1890 – 1907.

*Wobbrock J.O., Findlater L., Gergle D., Higgins J.J.* (2011). The aligned rank transform for nonparametric factorial analyses using only ANOVA procedures. CHI '11 Conference on Human Factors in Computing Systems. P. 143–146. <http://doi.org/10.1145/1978942.1978963>

## **Приложение**

Использованные для анализа слова

### **Вводные слова**

безусловно, в двух словах, в общем, в самом деле, в частности, вернее сказать, вероятно, видимо, во-вторых, возможно, вообще, вообще сказать, во-первых, впрочем, главное, грубо говоря, действительно, допустим, естественно, знать, значит, итак, казалось бы, конечно, короче, кроме того, кстати, лучше сказать, между прочим, можно сказать, можно сказать, мягко говоря, на самом деле, наверное, наверняка, надо сказать, наконец, наоборот, например, напротив, однако, одним словом, очевидно, по сути говоря, по-видимому, подлинно, пожалуй, по-моему, предположительно, прежде всего, проще говоря, прямо сказать, разумеется, с другой стороны, с одной стороны, сказать правду, скорее, скорее всего, следовательно, словом, собственно говоря, стало быть, так сказать, таким образом, тем не менее, точнее сказать, честно говоря, честно сказать.

### **Компаративы**

белее, ближе, более, больше, быстрее, важнее, веселее, выше, главнее, глубже, горячее, дальше, длиннее, добрее, дольше, дороже, живее, западнее, известнее, интереснее, короче, красивее, крупнее, левее, легче, лучше, любимее, менее, меньше, моложе, необходимее, ниже, новее, нужнее, огромнее, опаснее, позже, полнее, правее, проще, прямее, раньше, роднее, светлее, свободнее, серьезнее, сильнее, скорее, слабее, сложнее, современнее, способнее, старше, страшнее, счастливее, темнее, теплее, тоньше, точнее, тяжелее, увереннее, холоднее, хуже, целее, чаще, человечнее, чернее, чище, шире, ярче.

### **Подчинительные союзы**

будто, где, дабы, едва, ежели, если, зачем, ибо, как, как бы, какой, когда, коли, который, кто, куда, лишь, насколько, несмотря на то что, откуда, пока, потому что, почему, поэтому, пускай, пусть, с тем чтобы, сколько, словно, так как, хотя, что, чтобы.

### **Частицы**

же, неужели, разве, вряд ли, даже, ведь, уж, все-таки.

### **Междометия**

ах, ох, ух, уф, фу, ага, ну, ой, ай, эй, ха, ха-ха-ха, о-о-о, а-а-а, тс, гм, хм.

### **Подчинительные союзы**

будто, где, дабы, едва, ежели, если, зачем, ибо, как, как бы, какой, когда, коли, который, кто, куда, насколько, несмотря на то что, откуда, пока, потому что, почему, поэтому, с тем чтобы, сколько, словно, так как, хотя, что, чтобы.

### **Ономатопейческая лексика**

гавкать, гавкал, гавкала, гавкали, гавкаю, гавкает, гавкал, гавкала, гавкали, гавкаю, гавкает, загавкал, загавкала, загавкали, загавкаю, загавкает, мяукать, мяукал, мяукала, мяукали, мяукаю, мяукает, замяукал, замяукала, замяукали, замяукаю, замяукает, мычать, мычал, мычала, мычали, мычу, мычит, замычал, замычала, замычали, замычу, замычит, квакать, квакала, квакали, квакаю, квакает, квакала, квакали, квакаю, квакает, крякать, крякал, крякала, крякали, крякаю, крякает, закрякал, закрякала, закрякали, закрякаю, закрякает, кукарекать, кукарекал, кукарекали, кукарекаю, кукарекает, закукарекал, закукарекали, закукарекаю, закукарекает, рычать, рычал, рычала, рычали, рычу, рычит, зарычал, зарычала, зарычали, зарычу, зарычит, хрюкать, хрюкал, хрюкала, хрюкали, хрюкаю, хрюкает, захрюкал, захрюкала, захрюкали, захрюкаю, захрюкает, жужжать, жужжал, жужжала, жужжали, жужжу, жужжит, жужжал, жужжала, жужжали, жужжу, жужжит, бахнула, бахнуло, бахнули, бахнул, бахну, бахнет, бухнуться, бухнулся, бухнулась, бухнулись, бухаюсь, бухается, бухнется, грохнуть, грохнул, грохнула, грохнули, грохаю, грохнет, грохает, грохотать, грохотал, грохотала, грохотали, грохочу, грохочет, загрохотал, загрохотала, загрохотали, загрохочу, загрохочет, хохотать, хохотал, хохотала, хохотали, хохочу, хохочет, захохотал, захохотала, захохотали, захохочу, захохочет, ахать, ахал, ахала, ахали, ахаю, ахает, заахал, заахала, заахали, заахаю, заахает, охать, охал, охала, охали, охаю, охает, заохал, заохала, заохали, заохаю, заохаает, чихать, чихал, чихала, чихали, чихаю, чихает, чихнуть, чихнул, чихнула, чихнули, ахаем, бахнем, бухаемся, гавкаем, грохаем, грохочем, жужжим, заахаем, загавкаем, загрохочем, жужжим, заквакаем, закрякаем, закукарекаем, замяукаем, замычим, заохаем, зарычим, захохочем, захрюкаем, квакаем, крякаем, кукарекаем, мяукаем, мычим, охаем, рычим, хохочем, хрюкаем, чихаем, ахает, бахнешь, бухаетесь, гавкаешь, грохает, грохочешь, жужжишь, заахает, загавкаешь, загрохочешь, жужжишь, заквакаешь, закрякаешь, закукарекаешь, замаукаешь, замычишь, заохаешь, зарычишь, захохочешь, захрюкаешь, квакаешь, крякаешь, кукарекаешь, маукаешь, мычишь, охает, рычишь, хохочешь, хрюкаешь, чихает, ахаете, бахнете, бухаетесь, гавкаете, грохаете, грохочете, жужжите, заахаете, загавкаете, загрохочете, жужжите, заквакаете, закрякаете, закукарекаете, замаукаете, замычите, заохаете, зарычите, захохочете, захрюкаете, квакаете, крякаете, кукарекаете, маукаете, мычите, охаете, рычите, хохочете, хрюкаете, чихаете, ахают, бахнут, бухаются, гавкают, грохают, грохочут, жужжат, заахают, загавкают, загрохочут, жужжат, заквакают, закрякают, закукарекают, замаукают, замычат, заохают, зарычат, захохочут, захрюкают, квакают, крякают, кукарекают, маукают, мычат, охают, рычат, хохочут, хрюкают, чихают, тарыхтеть, тарыхтел, тарыхтела, тарыхтели, тарыхтит, затарыхтел, затарыхтела, затарыхтели, затарыхтит.

## COGNITIVE COMPLEXITY OF CHILDREN FICTION: QUANTITATIVE METHODS OF EVALUATION

**Ekaterina A. Valueva**

Ph.D. Researcher,  
Institute of psychology of Russian Academy of Sciences  
Leading researcher,  
Moscow State University of Psychology & Education  
29 Sretenka str., Moscow, 127051, Russian Federation  
*ekval@list.ru*

**Nina M. Danilevskaya**

Philologist, Independent researcher  
*ninadan@mail.ru*

**Ekaterina M. Lapteva**

Ph.D. Leading Researcher  
Federal Institute of Education Development  
9/1 Chernyakhovskogo Str., Moscow, 125319, Russian Federation  
*ek.lapteva@gmail.com*

**Dmitry V. Ushakov**

Corresponding member of Russian Academy of Sciences, D.Sc., Professor  
Head of the laboratory,  
Institute of psychology of Russian Academy of Sciences  
*dv.usakov@gmail.com*

The current study addresses the language markers of the text complexity in children and adolescent literature published from 1900 to 2016. The literature for the analysis consists of the most popular books of the appropriate period. The design of the study has three independent variables: time, book origin (Russian literature, European literature and American and Canadian literature) and the target age (preschool, primary school, middle school and high school). In total 588 texts in Russian and 118 texts in English have been analyzed. We have calculated various volume measures, structure and content measures for each text. The statistical analysis has revealed that some text characteristics have the age-related dynamics and therefore they may be accounted as the markers of text cognitive complexity. These parameters may be used as the basic tool for the further studies of the human speech development in reading that involve text comparison.

**Keywords:** children fiction, the XX<sup>th</sup> century, cognitive complexity.

### References

*Bibik S.P.* Razgovornyj stil' v kontekste natsional'noj kul'tury [Conversational style in the context of national culture] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina, 2013. №1, tom 1, P. 164-171.

Chastotnyj slovar' [Frequency dictionary] / Ed. L.N. Zazorina. M.: «Russkij yazyk», 1977.

*Dehaene S.* Les Neurones de la lecture. Paris: Éditions Odile Jacob, 2007.

*Lyashevskaya O.N., Sharov S.A.* Chastotnyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Frequency dictionary of the contemporary Russian language]. M.: Azbukovnik, 2009.

*Mart'yanova I.A.* Sintaksicheskie sposoby vyrazheniya i rol' obobshhenij v romanakh Turgenjeva [Syntactic styles and a role of generalizations in I.S. Turgenev's novels] // Funkcionirovanie sintaksicheskikh kategorij v tekste [Syntactic categories functioning in literary works]. L., 1981. P. 132-141.

*Pustovojt P.* Disput pokolenij (Roman «Ottsy i deti» I.S. Turgenjeva) [Generation dispute (I.S. Turgenev's novel «Fathers and Sons»)] // Vershiny. M., 1981. P. 193-210.

Rhetoricon ad Herennium libri IV // Entsiklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona [Brokgauz's and Efron's encyclopaedic dictionary]: v 86 t. (Vol. 26, p. 622). SPb., 1890 – 1907.

*Shaposhnikov V.* Tendentsii sovremennoj literatury v yazykovom aspekte [Contemporary literature tendencies from the linguistic point of view] // Sbornik statej po itogam konferentsii «XXI vek. Itogi literaturnogo desyatiletija: Yazyk – kul'tura – obshhestvo» [Papers from the conference «XXI century. Summing up the literary decade: Language – culture – society»] / Eds. A.Yu. Bol'shakova i A.A. Dyrdin. Ul'yanovsk: UIGTU, 2011. P. 406.

*Timoshuk M.* Onomatopeicheskie glagoly v russkom yazyke [Onomatopoeic verbs in Russian] // Rozprawy Uniwersytetu Warszawskiego. Vol. 425. P. 10. Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1994. 150 pp. Ushakov D.V. Kognitivnaya sistema i razvitie [Cognitive system and development] // Kognitivnye issledovaniya. Problema razvitiya [Cognitive research. The problem of development] / Ed. D.V. Ushakov. M., IPRAN, 2009. P. 6-12.

*Ushakov D.V.* Odarennost', tvorchestvo, intuitsiya [Giftedness, creativity, intuition] // Osnovnye sovremennye kontseptsii tvorчества i odarennosti [Mainstream theories of creativity and giftedness]. Moskva, 1997. P. 78-89.

*Ushakova T.N.* Prirodnaya organizatsiya rechevogo protsessa i vospriyatие poeticheskogo proizvedeniya (na primere liricheskikh stikhov A. Akhmatovoj) [Natural organization of vocal process and poetry perception (by the example of A. Akhmatova's lyrics)] // Sovremennye modeli psikhologii rechi i psikholingvistiki [Contemporary models in psycholinguistics]. M., IPAN SSSR, 1990. P. 104-112.

*Ushakova T.N.* Prirodnye osnovaniya rechezzykovoj sposobnosti rebenka (analiz rannego rechevogo razvitiya) [Natural basis of child's speech and language abilities (analysis of early speech development)] // Yazykovoe soznanie: formirovanie i funkcionirovanie [Language consciousness: formation and functioning]. Moskva, Institut yazykoznanija RAN, 1998. P. 7-23.

*Ushakova T.N.* Tekst kak ob'ekt psikhologicheskogo analiza [Text as an object of psychological studies] // Psikhologicheskij Zhurnal [Psycholinguistic Journal], 1989. T. 10. № 1. P. 107-116.

*Ushakova T.N., Belova S.S., Valueva E.A.* Lingvo-psychological study of verbal semantics // Psikhologicheskij Zhurnal [Psycholinguistic Journal], 2010. T. 31. № 6. P. 83-97.

*Wobbrock, J. O., Findlater, L., Gergle, D., & Higgins, J. J. (2011). The aligned rank transform for nonparametric factorial analyses using only ANOVA procedures. CHI '11 Conference on Human Factors in Computing Systems, 143–146. <http://doi.org/10.1145/1978942.1978963>*

*Yakobson P.M. Psikhologiya chuvstv i motivatsii [Psychology of feelings and motivation]. Voronezh: MODEK; Moskva: Institut prakticheskoy psikhologii, 1998.*

Ψ λ

УДК 81.33+ 811.58

**НЕВЕРБАЛЬНЫЙ ЯЗЫК РАДОСТИ РУССКИХ И КИТАЙЦЕВ  
(ЛИНГВОФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

**Волкова Лариса Борисовна**

доцент, Санкт-Петербургский государственный университет  
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д.7-9  
*lb-volkowa@yandex.ru*

Статья посвящена экспериментальному исследованию осознания и языкового описания невербального выражения радости носителями русского и китайского языка. В отличие от лингвокультурологических работ, базирующихся на анализе культурно-маркированного языкового материала и направленных на репрезентацию эмоциональных концептов, а также от собственно психологических трудов, ориентированных на определение сущности радости как психического феномена, наше исследование имеет целью экспериментально установить сходства и различия в значимости невербальных эмоциональных проявлений радости, выявить доминантные признаки рефлексивного представления кинем - эмотивов и их языковых коррелятов в русской и китайской культуре. Экспериментальный материал позволил дифференцировать шесть групп эмоциональных кинем, актуальных для репрезентации радости: 1) экспрессивно-выразительная мимика; 2) моторная активность; 3) тактильный контакт; 4) изменение поведения и внутреннего состояния, 5) просодика и 6) вегетативные реакции.

Факт об универсальной значимости мимики для опознавания и осознания радости подтверждается высокой корреляцией между мимическими выражениями русских и китайцев. Другие невербальные проявления, являясь биологически естественными, осознаются носителями разных языков как более или менее существенные, определяя таким образом формирование национально-культурного концепта эмоции. В китайском невербальном языке эмоций акцент в большей степени делается на физическом возбуждении, двигательной активности; русским свойственно внимание к своему душевному миру, что приводит к актуализации средств описания изменения внутреннего состояния.

Полученные результаты согласуются с феноменологией радости К. Мидоуза. Эмоцию радости у китайцев, по результатам исследования, можно описать в параметрах индивидуальности и возбуждения как личный, свойственный отдельному субъекту энергичный подъем, воодушевление, восторг. Радость у русских характеризуется в большей мере коллективностью и спокойствием: это стремление к общей гармонии, к душевному покою и миру.

**Ключевые слова:** невербальный язык, базовая эмоция, радость, жесты, мимика, тактильный контакт, возбуждение, спокойствие, коллективность, индивидуальность.

Эмоции составляют важную часть нашей жизни, они пронизывают все сферы человеческой деятельности, затрагивают отношения не только близких людей,

но и деловое общение, поэтому неудивительно, что изучению эмоций уделяется большое внимание в различных научных областях: в психологии и психоанализе, в социологии и культурологии, в антропологии и лингвистике. Независимо от национальности, языка и религии люди радуются победам, огорчаются из-за неудач, опасаются кризисов, интересуются будущим. Понимание эмоционального состояния собеседника, умение распознать знаки и символы, выраженные не только вербально, но и невербальными средствами, представляет одну из основных составляющих лингвосоциокультурной компетенции, особенно значимой в межкультурном диалоге. Вопрос об универсальных и культурно маркированных компонентах эмоций не имеет простого и однозначного решения в силу сложности объекта исследования, но интерес к межкультурным сопоставлениям велик и в когнитивистике, и в теории межкультурной коммуникации, и в лингвокультурологии.

В теории фундаментальных эмоций выделены и описаны сформировавшиеся в результате эволюции человека базовые эмоции, которые имеют специфические нервные субстраты, соотносятся с особым психическим переживанием и проявляются посредством определенной выразительной мимики. Базовые эмоции влияют на мотивационную сферу человека, способствуют его биологической и социальной адаптации [Изард 2000]. Ученые-психологи расходятся во мнении относительно количественного и качественного состава базовых эмоций: максимальный список из 10 эмоций (радость, печаль, страх, интерес, удивление, гнев, отвращение, презрение, стыд, вина) предлагает К. Изард, 7 эмоций (гнев, отвращение, презрение, страх, радость, печаль, удивление) относит к базовым П. Экман [Изард 2000; Экман 2010].

Радость, согласно мнению большинства психологов, представляет собой базовую эмоцию, которая появляется и проявляется у человека очень рано: уже младенец в возрасте трех недель начинает улыбаться. В работах П. Экмана и его коллег представлены детальные описания инструментов для исследования и измерения мышц лица (FACS – Facial Action Coding System), благодаря которым были получены надежные данные об универсальности микродвижений лицевых мышц, сопровождающих фундаментальные эмоции, в частности радость. Высокая степень опознаваемости радости представителями разных культур также свидетельствует об универсальности эмоции, ее независимости от национально-культурных факторов [Экман 2010].

Однако радость представляет собой достаточно сложный психо- и социокультурный феномен, так как в отличие от других эмоций (например, интереса, отвращения или страха) ее невозможно формировать или развивать, не всегда возможно объяснить появление радости, не до конца изученными остаются вопросы связи радости с другими эмоциями и чувствами. В психологических работах радость определяется как активная положительная эмоция, выражающаяся в хорошем настроении и ощущении удовольствия, переживании удовлетворенности самим собой и окружающим миром [Изард 2000]. По мнению Е.П. Ильина, главной отличительной чертой радости является сильное удовлетворение [Ильин 2001]. Психологические определения радости близки по содержанию дефинициям в толковых словарях русского языка: радость – «веселое чувство, ощущение большого



душевного удовлетворения» [Ожегов, Шведова 2010: 589]; «чувство удовольствия, ощущение большого душевного удовлетворения» [Кузнецов 2004: 1058]. Если принять во внимание, что удовлетворение рассматривается как чувство удовольствия от исполнения желаний, потребностей, стремлений, то к основным концептуальным признакам радости можно отнести: 1) душевное удовлетворение, 2) удовольствие, 3) веселое чувство, 4) осуществление желаемого. В китайском толковом словаре радость (高兴/gao xing) объясняется прежде всего как приятное чувство, воодушевление, возбуждение, подъем.

Внутреннюю форму слова «радость» в русском языке достаточно детально вскрывает Ю.С. Степанов: радость – это «ощущение внутреннего комфорта, удовольствия бытия, возникшее в ответ на осознание (или просто ощущение) гармонии меня со средой, «заботы» кого-то обо мне ... и сопровождающееся моей готовностью проявить такую же заботу в отношении другого» [Степанов 2004: 428]. Внутренняя форма слова радость 高兴(gao xing) в китайском языке может быть понята через рассмотрение составляющих бином иероглифов 高(gao) и 兴(xing), где первый иероглиф – 高(gāo) значит «сильный, мощный; громкий, звонкий» (高聲音 – «громкий звук»; 高眼力 – «острое зрение»), а второй – 兴(xing) – «вдохновение, пылкий энтузиазм, воодушевление, (душевный) подъем, пафос, порыв; страсть; возбуждение; настроение, интерес, увлечение; удовольствие, наслаждение; веселье». Таким образом, и в словарном толковании лексемы 高兴(gao xing – радость), и при объяснении ее внутренней формы появляется признак возбуждения, динамичности, повышенной психической активности, подъема, т.е. акцентируется психофизиологическое состояние субъекта. В русском языке в лексеме «радость» актуализируются признаки внутреннего довольства, удовлетворения и стремления это удовлетворение разделить с другим, т.е. подчеркивается психологическая составляющая.

В связи с этим нельзя не согласиться с А. Вежицкой, неоднократно подчеркивавшей роль языка в вербализации и концептуализации эмоциональных состояний личности: «способ интерпретации людьми своих собственных эмоций зависит, по крайней мере до некоторой степени, от лексической сетки координат, которую дает им родной язык <...>. Эмоции не могут быть идентифицированы без помощи слов, а слова принадлежат какой-то одной культуре и приносят с собой культурно-специфическую точку зрения» [Вежицкая 1999: 505].

Эмоции объективируются в языке, поэтому анализ лингвистического, главным образом фразеологического, материала часто служит основным источником описания эмоциональных концептов с целью выявления их лингвокультурной специфики (см., например: [Попова, Стернин 2003; Шаховский 1996; 2001; Воркачев 2007; Kövecses 1990]). Однако сопоставление лингвистического материала не всегда может быть проведено корректно, так как конечный результат обуславливается выбранными толковыми, синонимическими, фразеологическими словарями, литературными источниками, вследствие чего результаты исследования отражают лишь часть реальной картины. Интересный материал могут дать экспериментальные данные, которые позволяют проверить психолингвистическую реальность результатов лингвистических исследований, а также получить новые

факты о сходстве/различии в концептуальной репрезентации эмоций. Безусловно, экспериментальные данные также нельзя рассматривать как абсолютную истину, так как на итоги эксперимента оказывают влияние многие факторы субъективного характера, в частности референтная группа респондентов, условия эксперимента, инструкция и ее интерпретация испытуемыми и т.д. В то же время на основании экспериментальных данных может быть получено более точное представление об актуальном содержании языкового сознания и выделены психологически релевантные единицы.

Как уже отмечалось, сторонники универсальности эмоций основываются в первую очередь на сходстве экспрессивно-выразительных черт эмоций и их одинаковой опознаваемости представителями разных культур. Не подвергая сомнению теорию базовых эмоций и в то же время признавая национально-культурную специфику в языковом кодировании эмоциональных состояний представителями разных культур, мы поставили задачу проверить, как осознается и каким образом описывается невербальный язык эмоций носителями русского и китайского языков, есть ли приоритеты и доминантные сферы в рефлексивном представлении кинем-эмотивов и их языковых коррелятов. С этой целью группам китайских<sup>1</sup> и русских студентов (50 и 38 человек соответственно в каждой группе) было предложено описать, с помощью каких средств русские и китайцы выражают эмоцию радости, т.е. какие жесты, мимику используют, в чем проявляется эмоция радости. В результате были получены списки дескрипторов эмоции радости на русском (143 дескриптора) и китайском языке (164 дескриптора).

Полученный экспериментальный материал был проанализирован с лексико-семантической точки зрения и ранжирован по частоте встречаемости того или иного дескриптора. В одну группу включались:

1) дескрипторы, выраженные однокоренными словами, относящиеся к разным частям речи, например: *улыбка, улыбаться; смех, смеется*;

2) развернутые дескрипторы, т.е. описания, содержащие атрибутивные или адвербиальные характеристики, например: *смеяться до упаду, счастливый смех* и т.д.;

3) дескрипторы-квазисинонимы, т.е. описания, которые можно рассматривать как синонимы в определенном контексте: *блеск в глазах, горящие глаза, огонь, пожар в глазах* и т.д.

Было выделено 6 групп дескрипторов, соотносимых с мимикой, кинесикой, такесикой, просодикой, внутренним состоянием человека и его поведением, которые воспринимаются с помощью различных органов чувств (зрения, слуха, осязания и т. д.). К данным группам относятся: 1) экспрессивно-выразительная мимика; 2) моторная активность; 3) тактильный контакт; 4) изменение поведения и внутреннего состояния; 5) просодика и 6) вегетативные реакции.

С лексико-семантической точки зрения каждая группа представляет собой совокупность дескрипторов (или экспрессивно-выразительных средств описания), объединенных общим значением, которое может характеризоваться различ-

---

<sup>1</sup> В проведении эксперимента и обработке материала принимала участие китайская магистрантка СПбГУ Сю Сяо.

ной степенью отвлеченности, абстрактности. Общее значение группы выступает в функции дескриптивного признака невербального эмоционального языка радости. Некоторые группы в свою очередь делятся на классы на основе более конкретных семантических признаков (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Относительные частоты эмоциональных кинем русских и китайцев

Класс дескрипторов	русские	китайцы
	частота %	частота %
<b>1. Мимические выражения</b>	<b>33.9</b>	<b>36.0</b>
Улыбка	14.0	12.3
Смех	10.8	8.5
Хохот	0.7	9.1
Усмешка	1.4	-
Глаза	7.0	6.1
<b>2. Моторная активность</b>	<b>25.9</b>	<b>52.5</b>
Подпрыгивания	8.4	11.0
Танцы	5.6	11.0
Разнообразная жестикуляция	5.6	9.8
Символические жесты	3.5	14.6
Аплодисменты	2.8	6.1
<b>3. Тактильный контакт</b>	<b>8.4</b>	<b>1.8</b>
<b>4. Изменение внутреннего состояния, поведения, отношения к жизни</b>	<b>16.4</b>	<b>3.0</b>
<b>5. Характеристика вербального поведения</b>	<b>11.2</b>	<b>4.3</b>
<b>6. Вегетативные реакции</b>	<b>4.2</b>	<b>1.2</b>

Для сопоставления результатов эксперимента были использованы относительные частоты дескрипторов, выделенных русскими и китайскими респондентами. Представленные в Таблице №1 данные, с одной стороны, демонстрируют универсальность невербального экспрессивно-выразительного языка радости, с другой – позволяют увидеть этнокультурную специфику, проявляющуюся прежде всего в количественных показателях.

Общей в осознании эмоции радости оказывается мимика (33.9% и 38.3% – у русских и китайцев соответственно), что полностью согласуется с теорией базовых эмоций о панкультурной тождественности мимических черт радости. Универсальным признаком радости является *улыбка, счастливый, веселый смех, хохот*, радостный человек *расплывается в улыбке, жмурится, смеется до упаду, держась за живот, хохочет во весь голос* и т.д.

Вместе с тем уже на уровне подгрупп проявляется этнокультурная специфика: так, *хохот во весь голос*, как интенсивное проявление эмоции, имеет частоту у русских – 0,7%, у китайцев – 9,1 %. Китайцы же не только *хохочут до упаду*, но, выражая радость, могут *смотреть на небо, широко раскрыв рот, и протяжно хохотать*. Кроме того, в ответах русских встречается фиксация как знака радости *ухмылки и усмешки* (2,6 %), т.е. самодовольной, насмешливой, презрительной улыбки.

Качественные (содержательные) различия обнаруживаются в описаниях мимики глаз: русские замечают *блеск, огонь, пожар в глазах, глаза у них горят, сияют, светятся*, а китайцы обращают внимание на то, что глаза *щурятся, превращаются в узкие щелки, а от уголков глаз идут морщинки*, т.е. китайцы фиксируют внешние релевантные признаки радости, а русские – физиологические изменения.

Наибольшие количественные различия проявляются в группах, относящихся к: 1) изменению внутреннего состояния и поведения (разрыв в 5.5 раз); 2) такесике (разрыв в 4.6 раза); 3) просодике (разрыв в 2.6 раза), 4) моторной активности (разрыв в 2 раза).

Бурная двигательная активность: *бегать, прыгать, танцевать, топтать ногами, размахивать руками, бить себя в грудь, резвиться, стучать по столу, вертеть головой, отбивать такт пальцами* и т. п. – все это сопровождает эмоцию радости. Повышение моторной деятельности как феноменологический признак радости описано еще в конце XIX в. датским медиком К.Г. Ланге, который отмечал, что «радость сопровождается возбуждением двигательных центров, приводящим к разряду моторного возбуждения (жестикуляции, подпрыгиваниям, хлопанию в ладоши), усилением кровотока в мелких сосудах (капиллярах), вследствие чего кожа тела краснеет и становится теплее» [Ильин 2001: 162]. Прыжки и танцы можно считать почти такими же универсальными признаками радости как смех и улыбка: количественные показатели русских и китайских респондентов практически одинаковы (20% и 22%), хотя в целом китайская жестикуляция более разнообразна, энергична и количественно превосходит русскую (и это несмотря на то, что, в соответствии с китайским этикетом «стоять надо как сосна, а сидеть как настольные часы» [Шен 2010: 162]). Для китайцев в большей мере характерна символическая демонстрация радости посредством жестов «ОК», «виктория», поднятием вверх большого пальца или двух рук. И русские, и китайцы от радости хлопают в ладоши, но китайцы отмечают этот жест в два раза чаще.

Количественно различаются дескрипторы, относящиеся к такесике, т.е. физическим контактам субъектов: прикосновениям, объятиям, поцелуям, рукопожатиям и т.п. Больше половины русских включили объятия и поцелуи в знаки выражения радости, и только 6% китайских респондентов отметили дескрипторы *обнимать друзей, обнимать людей рядом*. Однако поцелуй как сигнал радости вообще не вошел в список китайских кинем-эмотивов. Низкий процент «тактильных» дескрипторов можно объяснить, с одной стороны, культурной традицией, так как с древних времен в Китае действует система запретов на физическое прикосновение, особенно строго регламентирующая статусные отношения, с другой стороны, отсутствием потребности в тактильных ощущениях. Тактильный контакт как знак радости непосредственно отражает желание человека передать радость окружающим, не только близким, но и первому встречному, не только живому, но и неживому миру (ср., например: *Потом я от радости обнял скамейку, ту самую скамейку, на которой мы сидели еще т-о-г-д-а, потом я обнял забор, который стоял возле березы, а потом мы вместе с Костей обняли березу, ту самую березу, под которой стояла та самая скамейка...* (В. Медведев. Баранкин, будь человеком!). В китайской культуре эмоция направлена на самого субъекта, а не на внешний мир.

Наибольшие расхождения наблюдаются в группе признаков, фиксирующих изменение внутреннего состояния и поведения. Русские респонденты значительно чаще отождествляют с радостью изменения в восприятии мира и окружающих, они отмечают, что становятся вежливее, великодушнее, милосерднее и благороднее, проявляют снисходительность к недостаткам, испытывают желание совершать добрые дела, дарить радость другим людям, повышается общительность и коммуникабельность (см., например: *Мы радуемся, когда что-то получаем, но радость вдвойне больше и глубже, когда что-то даришь сам!* АиФ, № 4, 2016). Радость может приводить к умиротворению, спокойствию, а может приводить к повышению активности, стремлению к деятельности, вызывать прилив сил и энергии. Практически единичные фиксации китайскими респондентами изменения состояния распределились между дескрипторами, обозначающими активность, восторг и состоянием облегчения, расслабления, отдыха (放松 – *отдыхать, расслабляться*; 喜悦 – *радость, восторг*).

Общепризнан факт влияния эмоций на речь и речевое поведение человека в целом. Как показывают результаты опроса, и у русских, и у китайцев радость может сопровождаться изменением интонации, тембра и темпа речи, от радости *напевают*; кроме того, русские начинают говорить *сбивчиво, громко (кричат, вопят), шутят, свистят*.

Эмоции непосредственно вызывают неконтролируемые вегетативные реакции организма, которые описываются респондентами как: *учащается сердцебиение, краснеет лицо* (面色红润 – *румяное лицо*), могут появиться *слезы*. И русские, и китайцы от радости иногда *плачут*, хотя с русскими это может случиться в 4 раза чаще.

Что же касается лексического сходства между средствами описания эмотивных кинем в русском и китайском языках, то следует отметить высокую степень совпадений словников на уровне общеупотребительных и частотных слов: улыбка – 微笑; улыбаться – 面露微笑; уголки губ (рта) вверх – 嘴角向上; жмуриться – 眯眼睛; расплываться в улыбке – 脸上笑开了花, смех – 笑, хлопать в ладоши – 拍手 (拍手); аплодировать – 鼓掌; обниматься с близким человеком, с первым встречным – 拥抱身边的人; обнимать людей рядом, друзей – 与朋友拥抱; хлопать кого-либо по плечу / 拍对方的肩膀; чувствовать облегчение / 放松; становиться коммуникабельнее – 说话变多 (становиться разговорчивее); плакать от радости – 喜极而泣; напевать себе под нос – 哼歌 (唱歌); прыгать, подпрыгивать (у китайцев: 活蹦乱跳 (蹦蹦跳跳) резвиться, подпрыгивать, 欢呼雀跃 радостно кричать и прыгать, 走路蹦蹦跳跳 ходить, подпрыгивая). С другой стороны, описания некоторых жестов носителями китайского языка отличаются большей образностью, вниманием к деталям, например, выражение улыбки на лице передается как: 脸部肌肉往上运动 (мышцы лица поднимаются вверх); 挤出鱼尾纹 (от уголков глаз идут морщины), 眼睛眯起 (щуриться, поднимая вверх глаза), 嘴角上扬露出标准八颗牙 (уголки рта растягиваются, обнажая зубы). Смех и хохот конкретизируется детерминантами: 前仰后合 (смеяться до упаду); 弯腰捧腹大笑 (смеяться, держась за живот), 掩嘴笑 (смеяться, прикрывая рот рукой); 呵呵笑 смеяться звуками хе-хе; 血盆大口仰天长笑 (глядя на небо, протяжно хохотать, широко раскрыв рот). Символическая жестикуляция

(食指和中指摆; V手势; 单手或双手; 剪刀手 – демонстрировать жест «виктория» (рукой или двумя руками); 竖大拇指 – поднимать большой палец вверх (в значении «все отлично»); ОК手 – показать жест «ОК»; 高举双手/ 双手举在胸部以上 – поднимать руки; 握拳 – сжимать кулак) как демонстрация своего чувства окружающим представлена только в списках китайских респондентов, а обозначения внутреннего состояния – в списках русских.

Описание невербальных средств выражения радости в целом не отличается разнообразием языковых и выразительных средств, в ответах практически не встречается устойчивых словосочетаний или идиом. К отражению национальной специфики можно отнести лишь несколько выражений: у китайцев от радости 手舞足蹈 (руки пляшут, ноги пританцовывают); они 双手在胸前上下扇 (обмахивают себя руками как веером), 拂发 (гладят волосы), а русские – *танцуют ча-ча-ча* или *лезгинку, выпячивают грудь, выпрямляют спину*, хотя данные кинемы находятся на периферии списка.

Таким образом, проведенный анализ осознания и языковой фиксации невербальных средств выражения радости носителями русского и китайского языка позволил выявить некоторые закономерности и подтвердить теоретические и экспериментальные данные, полученные другими исследователями и иными методами [см., например, Мацумото 2003]. Бесспорным является факт об универсальной психофизиологической и культурно обусловленной значимости мимики (улыбки и смеха) для выражения, опознавания и осознания радости. Другие невербальные проявления, являясь биологически естественными, закрепляются в языке и осознаются его носителями как более или менее существенные, определяя таким образом формирование национально-культурного концепта эмоции. Так, в китайском невербальном языке эмоций акцент в большей степени делается на физическом возбуждении, двигательной активности, что находит выражение как во внутренней форме слова 高兴 (радость), так и в описании активной жестикуляции. Русским свойственно внимание к своему душевному миру, что приводит к актуализации средств описания изменения внутреннего состояния. Этим же обуславливается их фиксация на вегетативных проявлениях эмоции (на сердцебиении, покраснении, слезах). С древнейших времен известна приверженность китайцев к знакам, символам, ритуалам, этикету, поэтому закономерна частотность символических жестов при выражении радости. Русская культура иногда определяется западными культурологами как «глазеющая», так как глаза многое говорят об истинных настроениях и переживаниях человека, выступают, по мнению американского психолога Э. Эриксона, в качестве «эмоционального рецептора ... алчного захватчика и ... органа взаимной душевной капитуляции» [Эриксон 1996: 519], чем и объясняется частота дескрипторов, фиксирующих выражение глаз у русских.

Полученные результаты согласуются с феноменологией радости К. Мидоуза, предложившего для типологического описания радости 14 параметров, четыре из которых оказываются релевантными для нашего материала: возбуждение, спокойствие, индивидуальность и коллективность [Meadows 1975]. Возбуждение, с точки зрения К. Мидоуза, характеризует взволнованную, экзальтированную радость, сопровождающуюся ходьбой, бегом, прыжками, активной жестикуляцией. Спокойная

радость вызывает у человека чувство умиротворения, тишины, довольства и гармонии. Переживание радости, сопряженное с чувством своей отделенности, замкнутости в личном пространстве, соотносится с параметром индивидуальности, напротив, стремление делиться радостью с миром, открытость миру характерна для коллективности. Эмоцию радости у китайцев, по результатам исследования, можно описать в параметрах возбуждения и индивидуальности как личный, персональный, свойственный отдельному субъекту энергичный подъем, воодушевление, восторг. Радость у русских характеризуется в большей мере коллективностью и спокойствием: это стремление к общей гармонии, к душевному покою, миру и безмятежности. Дихотомию коллективности/индивидуальности хорошо иллюстрируют пословицы: «Можно вместе переносить невзгоды, но нельзя вместе делить радость» (кит.) и «Горе на двоих – полгоря, радость на двоих – две радости» (рус.).

Сделанные выводы, на первый взгляд, могут показаться противоречащими традиционным наблюдениям о коллективизме китайцев, их сдержанности в проявлении чувств и эмоций. В данном случае необходимо принять во внимание три фактора: 1) различие между культурно детерминированными правилами поведения и этикета и психологической реальностью переживания, осознания и фиксации эмоции; 2) возраст респондентов и их социальный статус; 3) относительный характер данных – речь идет о тенденции, а не абсолютной истине. Возможно, осознание эмоции радости (и эмоций вообще) как чересчур динамичного, сильного, активного чувства и привело к необходимости регламентации способов ее демонстрации что, соответственно, отразилось в языке и поведении, так же как и русский концепт радости с его внутренней формой «оказался приемлемым для христианства, и, с другой стороны, способным “принять в себя” христианскую струю» [Степанов 2004: 429].

Результаты исследования могут быть использованы в курсах по лингвокультурологии и межкультурной коммуникации, в практике преподавания РКИ китайским студентам, а экспериментальная методика, воспроизведенная или модифицированная, может оказаться полезной в кросс-культурных экспериментах по дальнейшему изучению языка эмоций.

### Литература

*Вежбицкая А.* «Грусть» и «гнев» в русском языке, неуниверсальность так называемых базовых человеческих эмоций // Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 503-525.

*Воркачев С.Г.* Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. Волгоград: ВолГУ, 2007. 400 с.

*Изард К.Э.* Психология эмоций / Перев. с англ. СПб.: Питер, 2000. 464 с.

*Ильин Е.П.* Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2001. 752 с.

*Кузнецов С.И.* Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

*Мацумото Д.* Психология и культура. СПб.: Питер, 2003. 720 с.

*Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: А Темп, 2010. 874 с.

*Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2003. 191 с.

*Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

*Шаховский В.И.* Эмоции и их концептуализация в различных лингвокультурных контекстах / В. И. Шаховский // Русистика: Сборник научных трудов. Киев, 2001. Вып.1 . С. 13-19.

*Шаховский В.И.* Эмоциональные культурные концепты: параллели и контрасты // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград – Архангельск: Изд-во «Перемена», 1996. С. 80-96.

*Шен Х.* Национальная природа невербальных средств общения // Вестник Бурятского университета. 2010. Т.8. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.bsu.ru/content/pages2/1073/2010/SHenHaybo.pdf> (дата обращения: 10.12. 2015).

*Экман П.* Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. СПб.: Питер, 2010. 376 с.

*Эриксон Э.* Детство и общество. СПб.: Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. 592 с.

*Kövecses Z.* Emotion concepts. New York etc.: Springer-Verlag, 1990. 225 p.

*Meadows C. M.* The phenomenology of joy: An empirical investigation. Psychological Reports, 1975, 37. P. 39-54. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.amsciepub.com/doi/pdf/10.2466/pr0.1975.37.1.39>.(дата обращения: 10.12.2015).

## **NONVERBAL RUSSIAN AND CHINESE EMOTIONAL LANGUAGE OF JOY (LINGUOPHENOMENOLOGICAL ASPECT)**

**Larisa B. Volkova**

Associate Professor of St Petersburg State University,  
Russia, 199034, Sankt-Peterburg, Universitetskaja nab., d.7-9  
[lb-volkova@yandex.ru](mailto:lb-volkova@yandex.ru)

The current experimental study deals with such non-verbal expressions of emotion of joy as body language as well as facial expressions by Russian and Chinese speakers.

Unlike the cultural linguistic works which are based on the analysis of the ethnocultural linguistic data and are directed to represent the emotional concepts and as distinct of psychological papers focused on joy as a mental phenomenon, our research aims to reveal experimentally similarities and distinctions in the nonverbal emotional manifestations of joy by studying Russian and Chinese gesture descriptions.

Based on empirical data we classify such non-verbal expressions into six categories: 1) facial expressions; 2) motor activity; 3) tactile contact; 4) behavior and psychological features, 5) prosodic characteristics of speech and 6) reactions of the autonomic nervous system and reveal features universal for both cultures as well as those peculiar only either to Russian or Chinese cultures.



We also analyse our findings with respect to Meadows Phenomenology of Joy. In the Chinese nonverbal language of emotions the emphasis is more placed on physical activity, as Russians pay more attention to their psychological state, that leads to actualization of psychological descriptions of internal state. The emotion of joy at Chinese can be described in parameters of excitement and individuating as personal vigorous rise, enthusiasm, delight. Joy of Russians is to a large extent characterized as serene and affiliative: this aspiration to the general harmony, to peace of mind and serenity.

**Keywords:** nonverbal (body) language, basic emotion, joy, excitement, serenity, gestures, facial expressions, affiliation, individuation, cultural specificity.

### References

*Wierzbicka A.* "Sadness" and "anger" in Russian: The non-universality of the so-called "basic human emotions" // Wierzbicka A. Semantic universality and description of languages [Semantic Universals and Description of Languages]. M.: Languages of the Russian culture, 1999, pp. 503-525.

*Vorkachev S.G.* Linguokul'turnyj koncept: tipologija i oblasti bytovanija [Linguocultural Concept: typology and areas of an existing]. Volgograd: VolGU, 2007. 400 p.

*Izard C. E.* Psihologija jemocij [The Psychology of Emotions]. Perv. s angl. SPb.: Piter, 2000. 464 p.

*Il'in E.P.* Jemocii i chuvstva [Emotions and Feelings]. Spb.: Piter, 2001. 752 p.

*Kuznecov S.I.* Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Big Explanatory Dictionary of Russian]. SPb.: Norint, 2000. 1536 p.

*Matsumoto D.* Psihologija i kul'tura [Culture and Psychology]. SPb.: Piter, 2003. 720 p.

*Ozhegov S.I., Shvedova N.Ju.* Tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Explanatory Dictionary of Russian]. M.: A Temp, 2010. 874 p.

*Popova Z.D., Sternin I.A.* Oчерки po kognitivnoj lingvistike [Sketches on Cognitive Linguistics]. Voronezh: Istoki, 2003. 191 p.

*Stepanov Ju. S.* Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury [Constants: Dictionary of the Russian Culture]. 3-e ed. M.: Akademicheskij proekt, 2004. 992 p.

*Shahovskij V.I.* Jemocii i ih konceptualizacija v razlichnyh lingvokul'turnyh kontekstah [Emotions and their conceptualization in various linguocultural contexts]. / V. I. Shahovskij // Rusistika: Sbornik nauchnyh trudov [Russian Philology: Collection of scientific works]. Kiev, 2001, no.1, pp. 13-19.

*Shahovskij V.I.* Jemocional'nye kul'turnye koncepty: paralleli i kontrasty [Emotional Cultural Concepts: parallels and contrasts] // Jazykovaja lichnost': kul'turnye koncepty [Language Personality: Cultural Concepts]. Volgograd – Arhangel'sk: «Peremena», 1996, pp. 80-96.

*Shen H.* Nacional'naja priroda neverbal'nyh sredstv obshhenija [National nature of nonverbal means of communication] // Vestnik Burjatskogo universiteta [Bulletin of the Buryat University]. 2010. T.8. [Electronic resource]. URL: <http://old.bsu.ru/content/pages2/1073/2010/SHenHaybo.pdf> (date of the address: 10.12. 2015).

*Ekman P.* Psihologija jemocij. Ja znaju, chto ty chuvstvuesh'[Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life]. SPb.: Piter, 2010. 376 p.

*Ericsson E.* Detstvo i obshhestvo [Childhood and Society]. SPb.: Lenato, ACT, Fond «Universitetskaja kniga», 1996. 592 p.

*Kövecses Z.* Emotion concepts. New York etc.: Springer-Verlag, 1990. 225 p.

*Meadows C. M.* The phenomenology of joy: An empirical investigation. Psychological Reports, 1975, 37. P. 39-54. [Electronic resource]. URL: <http://www.amsciepub.com/doi/pdf/10.2466/pr0.1975.37.1.39> (date of the address: 10.12.2015).



**МАТЬ ГЛАДИТ ПО ШЕРСТИ, А МАЧЕХА НАСУПРОТИВ:  
КОММУНИКАТИВНЫЕ МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ  
ТЕОРИИ АРХЕТИПОВ**

**Медведева Ирина Александровна**

куратор рег. отдела РА «Алькасар» (г. Москва)  
*orange\_planet@mail.ru*

Статья посвящена исследованию универсалий вербального поведения, позволяющих описывать речь человека целостно, комплексно, как систему с опорой на личность коммуниканта и ее мотивы. Автор предлагает вариант типологии архетипов коммуникативного поведения, в статье фиксируются их интенциональные установки и лингвистические маркеры.

Архетипический конструктор строится с опорой на список архетипов К.Г. Юнга. В рамках типологии выделяются пять архетипов (мать, отец, старец, ребенок, любовник) и пять теней (мачеха, тиран, критик, разбойник, строптивый). Автор рассматривает реализацию описанных вербальных моделей на примере телевизионного дискурса. Эмпирической базой для поиска лингвистических маркеров архетипов и типовых схем поведения послужили видеозаписи популярных русскоязычных телепрограмм.

Детальное внимание в статье уделяется описанию архетипа матери. В результате дискурс-анализа текстов выделяются ключевые маркеры архетипа: глаголы со значением сопереживания, лексемы, описывающие действительность как враждебную среду по отношению к собеседнику, тактики подбадривания и похвалы, лексемы с положительной оценкой и т.д.

Автор замечает, что в речевой среде телевизионных программ преобладает архетип отца, особенно это касается передач, построенных в жанре интервью. Это связано с тем, что любое телевизионное шоу оказывается площадкой, на которой у зрителей появляется возможность через ведущего выразить свое одобрение или осуждение по отношению к публичной персоне и ее деятельности.

**Ключевые слова:** архетип, тень, интенциональная установка, лингвистические маркеры, перлокутивный эффект, телевизионный дискурс.

Пристальное внимание ученых к личности коммуниканта делает все более тесными связи лингвистики с психологией. При этом и психология, и лингвистика, внося свой вклад в оптимизацию процесса общения, не только дополняют друг друга, но и взаимно полезны: нет более удобного доступа к душе человека, кроме как через язык, вместе с тем именно психология со своим многочисленным багажом ценных сведений о человеке и его возможностях часто выступает навигатором лингвистического поиска.

В последнее время к эффективным факторам, влияющим на исход коммуникации и определяющим механизмы воздействия, причисляется архетип. Термин

встречается в различных научных дисциплинах: этнографии, социологии, лингвистике, религиоведении, культурологии и т.д. Родоначальник теории К.Г. Юнг описывал архетипы как «первичные образы», «повторяющиеся модели опыта», которые составляют содержание коллективного бессознательного человечества [Юнг 2009: 91]. В аналитической психологии архетип рассматривался в первую очередь как инструмент, способствовавший самопознанию и развитию личности, как источник целительных сил. Последователи К.Г. Юнга стремились через интерпретацию глубинных сил и мотиваций человека, стоящих за его поведением, помочь ему в самореализации и обретении целостности личности (Д.Ш. Болен, Ж. Парис, М. Руффлер, Ч. Спеццано, К. Хэнстке, Б. Эмануэл Грей, Т. Эмануэл Грей, П.К. Эстес и другие).

Вне связи с юнгианством архетип часто рассматривали как универсальный концепт, элемент, образующий матрицу культуры: «механизмы шифровки культурного опыта людей» [Шомова 2016], «родовые способы концептуализации действительности» [Смирнов 1981], «базовую модель человеческого мировосприятия» [Степанов 2001] и др. Идея «первичных», «врожденных» моделей опыта имела различные определения, которые отвечали взглядам и задачам конкретного исследователя (С.С. Аверинцев, П.С. Гуревич, М.К. Мамардашвили, Е.М. Мелетинский, Ж. Пиаже, В.Н. Топоров, Н. Хомский, М.А. Чешков и другие).

Отмечаемые как ключевые характеристики архетипа первичность, универсальность и константность связаны не просто с повторяемостью определенной поведенческой модели, но и со способностью побуждать субъекта к этому повторению. По замечанию А.Ю. Большаковой, одной из главных способностей архетипа сейчас признается его моделирующая функция: способность к активизации человека и регулированию его поведения – не только внешнего, выражающегося в поступках, но и ментального [Большакова 2011: 77]. Как пишет В.М. Сторчак: «...архетип – это не только отпечатки постоянно повторяющихся опытов, но и ... силы и тенденции к повторению тех же самых опытов, поскольку он несет в себе некоторое особое влияние или силу, благодаря которой воздействие его носит «нуминозный», то есть зачаровывающий либо побуждающий к действиям характер» [Сторчак 1997: 32]. Подтверждение этой мысли можно увидеть в исследовании Ю.М. Жукова: ученый в ходе одного из своих экспериментов случайно обнаружил, что введение в задание «культурного образца» самопрезентации (говорить от лица выскочки, шестерки и т.д.) значительно влияет на рост ее успешности [Жуков 1990: 40].

Другими словами, ученые представляют архетип как свернутую до одного образа универсальную модель поведения и одновременно с этим «энергию» на ее реализацию – некоторый мотив (интенцию), побуждающий индивида к тем или иным коммуникативным действиям. Можно предположить, что в этом понимании архетип, вне зависимости от степени осознанности речевых действий, задает координаты процессу общения, а также позволяет говорящему адаптироваться к коммуникативной ситуации. Все это делает архетип интересным для ученого-лингвиста, который будет видеть в нем, прежде всего, инструмент исследования универсалий вербального поведения, позволяющий описывать речь целостно, комплексно, как систему – и не саму по себе, а с опорой на личность коммуниканта и ее мотивы.

**Цель** настоящей работы – предложить типологию моделей коммуникативного поведения с опорой на теорию архетипов. В рамках исследования под архетипом понимается модель вербального поведения, для которой характерны специфические интенции, лингвистические маркеры, схемы текстообразования и амбивалентность намерений и действий.

По поводу прагматического взгляда на теорию архетипов А.Ю. Большакова пишет: «Архетипы нейтральны в отношении добра и зла – потому... они могут быть использованы в самых противоположных целях» [Большакова 2011: 77]. Говоря о содержании архетипа в этом ключе, необходимо отдельно подчеркнуть его амбивалентность. В юнгианской традиции архетип является цельной, двойственной структурой – имеет позитивный и негативный аспекты (нельзя назвать архетипом образ, обладающий только светлой или только темной стороной: за положительным архетипом матери обязательно будет скрыта тень мачехи). Негативным аспектам архетипа в теории К.Г. Юнга было дано название – «тьень». Использование этой идеи предоставляет дополнительные ресурсы для моделирования речеповеденческих реакций, а также расширяет спектр ситуаций, к которым архетип может быть применен сознательно.

Отрицательный аспект коммуникативного архетипа, вслед за К.Г. Юнгом, вполне можно назвать теньевым. Если архетип содержит коммуникативные модели поведения, играющие, как правило, позитивную роль в общении (поддержание отношений, трансляция положительных эмоций), то тень содержит отрицательные (разрыв отношений, трансляция деструктивных эмоций). Лексема «тьень» в данном случае используется не столько для частоты терминологического заимствования, сколько как удачная метафора, олицетворяющая модели поведения, которые принято относить к социально неприемлемым, осуждаемым, тем, которые не принято демонстрировать.

Для обозначения вербальных моделей были выбраны архетипы семьи, символизирующие основные социальные роли и отношения близкого круга: ребенок, любовник, мать, отец, старец, а также их негативные проявления: разбойник, строптивый, мачеха, тиран, критик. Выбор образной системы связан не только с легкой узнаваемостью и той определяющей ролью, которую архетипы семьи играют в формировании языкового сознания любого человека, но и с их первичностью и универсальностью. К.Г. Юнг отмечал: «Чем явственней в символе отображается качество первобытного образа, тем более сильное эмоциональное воздействие он оказывает, формируя определенное поведение человека» [Юнг 2009: 224]. Способность универсальных образов эмоционально воздействовать делает их особенно ценными в дидактических целях.

Эмпирической базой для поиска лингвистических маркеров архетипов и типовых схем поведения послужили видеозаписи программ «Школа злословия» (40 выпусков), «Гордон Кихот» (19 выпусков), «Наедине со всеми» (25 выпусков), «Временно доступен» (10 выпусков), «Девчата» (10 выпусков). Объем исследуемого материала суммарно составил 4814 минут, то есть более 80 часов эфирного времени. Выбор дискурса телевизионного шоу обусловлен несколькими причинами: во-первых, возрастающей ролью дискурса телевизионного шоу в формировании

современных речевых стереотипов; во-вторых, в центре внимания передачи оказывается успешная личность с развитой речевой культурой (поэт, ученый, актер, шоумен и т.д.), что дает богатый материал для анализа вербальных моделей поведения. В процессе описательной работы автор обращался также к материалу сказок и пословиц, художественным текстам, живой речи и словарю ассоциаций [Караулов, Черкасова, Уфимцева, Сорокин, Тарасов 2002].

В результате дискурс-анализа текстов была составлена следующая классификация архетипов.

**Архетип матери.** Интенциональная установка проявляется в желании помочь и эмоционально поддержать собеседника: говорящий жалеет, утешает, сочувствует, сострадает, поддерживает, предлагает помощь, откликается на просьбы, заботится, выражает любовь, хвалит, умиляется. Среди лингвистических маркеров архетипа можно выделить глаголы со значением сопереживания (*сочувствую, понимаю, верю*); лексемы, описывающие действительность как враждебную среду по отношению к собеседнику (*проблемы, испытания, страдания*), а его самого представляющие как страдальца (*бедный, уставший, натерпевшийся*), часто реализуются тактики подбадривания, похвалы (*молодец, умница*), много прилагательных с положительной оценкой (*хороший, лучший, любимый, талантливый*), ласковых обращений, часто звучат предложения помощи, задаются вопросы о эмоциональном состоянии и здоровье.

**Тень мачехи.** Интенциональная установка проявляется в желании эмоционально задеть, дистанцироваться: говорящий демонстрирует равнодушие, нелюбовь, прогоняет, высмеивает, подкалывает, язвит, оскорбляет, давит на больное. Среди лингвистических маркеров можно выделить: утверждения о разных типах неполноценности собеседника (*недостаток интеллектуальных или иных способностей, внешние изъяны*), которые часто преувеличиваются; обороты, дискредитирующие авторитет человека и его потребности (*Кого вы слушаете? Чего захотел?*); существительные и прилагательные с негативной оценкой (*дурак, дальтоник, дурной, пошлости*); глаголы со значением неприятия, нелюбви (*не люблю, ненавижу, не принимаю, не понимаю*), лексемы, подчеркивающие дистанцию с собеседником (*мы разные; я так, как ты, не поступаю; у меня так не бывает*).

**Архетип отца.** Интенциональная установка проявляется в желании утвердить или защитить определенный порядок (закон, традиции, интересы), подчинить авторитету, побудить собеседника к действию: говорящий требует, приказывает, поручает, устанавливает правила, повелевает, принуждает, сообщает о решении, призывает к ответственности, обвиняет, поощряет, награждает, оценивает, судит, защищает, контролирует, призывает быть сильным и т.д. Среди лингвистических маркеров можно выделить следующие: ссылки на авторитет (*закон, традиции*); активное использование категории «свой/чужой», с помощью которой подчеркивается уважение чужих границ и неприкосновенность своих; глаголы в повелительном наклонении без слов-смягчителей (*принеси, сделай, выполни*); глаголы, обозначающие само волеизъявляющее действие (*требую, настаиваю, решаю*); слова со значением долженствования, дозволения или недозволения (*надо, можно, нельзя, приемлемо, неприемлемо*); глаголы и существительные, передающие положительную

социальную оценку (*уважать, чтить, статус, авторитет, достоинство*); лексемы, обозначающие соответствие действий собеседника заданным правилам (*правильно, неправильно, справедливо, несправедливо, законно, незаконно*); правила часто формулируются с помощью предлога «*если..., то...*».

**Тень тирана.** Интенциональная установка проявляется в желании подчинить своей воле окружающих: говорящий безосновательно обвиняет, требует, диктует, угрожает, запугивает, карает, милует, подкупает и т.д. Среди лингвистических маркеров можно выделить глаголы в повелительном наклонении (*сделай, скажи, иди*), образующие грубые требования и распоряжения, часто сопровождающиеся поторапливающими словами (*быстро, живо, немедленно*); вопросы, обозначающие контроль чужих действий (*Зачем ты это делаешь? Я разрешил?*); обороты, эксплицитно или имплицитно демонстрирующие политику «двойных стандартов» (*тебе нельзя, а мне можно*); может присутствовать апелляция к семейному, дружескому или социальному долгу (*я же твоя сестра, друг, начальник*), глаголы с агрессивной физиологической тематикой (*убью, оторву, получишь, всыплю*); скрытые или косвенные угрозы (*Ты знаешь, что будет, если...*); стратегия «крючок прошлого одолжения» (*Я же тебе в прошлый раз помог*).

**Архетип старца.** Интенциональная установка проявляется в желании дать интеллектуальную поддержку собеседнику: говорящий подсказывает, объясняет, разъясняет, советует, рекомендует, делится опытом, приводит примеры, показывает пути и возможности решения вопроса и т.д. Среди лингвистических маркеров можно выделить вопросы на уточнение параметров ситуации (*кто? где? как? зачем?*), цель которых - подвинуть собеседника к анализу, нейтрализовать эмоции; обороты, обозначающие смену ракурса (*Если посмотреть на это с другой стороны? Как бы ты поступил на его месте? Как выглядит ситуация с его стороны?*); глаголы, представляющие положительный опыт собеседника (*приобрел, научился, получил, стал*); аналогии (*Это можно сравнить с...*); нарративы, транслирующие личный опыт говорящего, закономерности, тенденции, результаты исследований, авторитетные тексты; обороты, подчеркивающие относительность любых выводов (*Любую теорию можно опровергнуть. Все относительно. Все зависит от целей, которые ты ставишь перед собой*).

**Тень критика.** Интенциональная установка проявляется в желании исправить, научить: говорящий критикует, поучает, читает мораль (лекции), акцентирует внимание на ошибках, настаивает на использовании его личного опыта и т.д. Среди лингвистических маркеров тени можно выделить: отрицания (*не верно, не правда, не так*), монологическую речь; вопросы, в которых уже заключен ответ (*Разве это важно?*); обороты, подчеркивающие интеллектуальное превосходство говорящего (*как эксперт могу сказать, я столько всего видел*); обороты, показывающие отрицательный опыт собеседника (*потерял, не понял, деградировал, сделал ошибку*); обороты, повышающие важность личного опыта говорящего (*Я тебе сказал, как сделать. Плохого не посоветую*).

**Архетип ребенка.** Интенциональная установка проявляется в желании получить эмоциональную и интеллектуальную помощь, быть уважаемым, оцененным по достоинству: говорящий просит о помощи и об оценке, благодарит за помощь,

соглашается с чужим мнением, советуется, учится, слушает, интересуется, ждет одобрения и похвалы, делится своим самочувствием, мыслями, спрашивает разрешения, принимает правила и ответственность, отчитывается и т.д. Среди лингвистических маркеров можно выделить такие: просьбы о помощи и совете (*помогите, как мне поступить?*), высказывания, отражающие готовность человека брать на себя ответственность (*Что я должен делать? Что входит в мои обязанности?*), обороты, обозначающие запрос обратной связи (*Вам понравилось? Что вы скажете?*); лексемы, репрезентирующие ценности говорящего (*ценю, восхищаюсь, всегда хотел, верю в, серьезно отношусь к, интересно, неинтересно*); искренние рассказы о себе, своем состоянии (*чувствую себя плохо, волнуюсь, мне обидно, я боюсь, я надеюсь, я так рад*), которые часто сопровождаются самохарактеристикой, отражающей готовность говорящего довериться, сократить дистанцию (*Я говорю искренне / честно / откровенно / от всего сердца*).

**Тень разбойника.** Интенциональная установка проявляется в желании быть независимым, убрать ограничения, присутствует стремление к борьбе, неприятие авторитета и чужого мнения: говорящий закрывается, устанавливает дистанцию, отказывается от помощи, протестует, борется, спорит, нарушает правила, отрицает авторитет, не слушает и т.д. Среди лингвистических маркеров можно выделить отрицательные частицы (*не хочу, не буду*); слово «нет» и его эквиваленты (*ни за что, еще чего, больно надо*); лексемы со значением обесценивания (*все равно, безразлично, не нужно, не интересно*); местоимение «сам» (*сам знаю, я сам*); обороты, отрицающие ответственность говорящего (*Я не хочу этим заниматься. Я не буду за это отвечать*); высказывания, ставящие под сомнение авторитет собеседника (*Кто вам сказал, что я должен? Почему вы распоряжаетесь?*), обесценивающие помощь и поддержку (*сам справлюсь, я не просил мне помогать, я не нуждаюсь в*); лексемы, реализующие семантику войны (*буду бороться, на войне как на войне*); существительные и прилагательные с негативной оценкой в самохарактеристиках (*хулиган, злой, гуляка*).

**Архетип любовника.** Интенциональная установка проявляется в желании расположить к себе, добиться близости, ответной симпатии: говорящий соблазняет, признается в симпатиях, делает комплименты, говорит чувственно, вызывает желание сделать что-либо, говорит с аппетитом, рассказывает восторженно, заражает эмоциями удовольствия и т.д. Среди лингвистических маркеров можно выделить следующее: лексику со значением физиологических состояний и телесных реакций (*приятно, горячо, аппетитно, мурашки по коже, вкусно*), глаголы чувственного восприятия (*наслаждаюсь, испытываю, чувствую, ощущаю, пробую*), слова со значением эмоционального отношения (*люблю, обожаю, симпатизирую, притягивает, влечет, блаженство, соблазнительно, страстно и др.*); лексемы, раскрывающие тему телесной любви и привлекательности (*сексуальный, возбуждает*); метафоры с природной семантикой (*пожар, пламя, стихия, огонь, ураган*); экспрессивный синтаксис; комплименты, высказывания, раскрывающие положительное влияние, которое собеседник оказывает на говорящего (*С вами приятно. Я становлюсь лучше*); стратегии самопрезентации.

**Тень строптивого.** Интенциональная установка проявляется в желании отдалиться от собеседника, свести его инициативу в отношении себя к минимуму: го-



ворающий акцентирует внимание на неприятных вещах, изъясняет неудовольствие, говорит брезгливо, досадует, выражает неприязнь, отвращение, раздражение и т.д. Среди лингвистических маркеров тени можно выделить лексемы, обозначающие недовольство, раздражение и другие негативные эмоции (*надоел, достал, не терплю, раздражает, действует на нервы*), которые могут подчеркиваться словами-интенсификаторами (*очень, сильно, ужасно, бесконечно, безумно, смертельно*); сравнения и метафоры с той же семантикой (*смертельно, дико, убийственно, больной*); отрицательные местоимения и частицы (*Никто не понимает. Нет ничего хорошего. Нет никаких сил*); лексику, транслирующую неприятные ощущения (*дискомфорт, не выношу, сыт по горло, все уши прожужжал, отвратительно*); глаголы, раскрывающие отрицательный опыт общения с собеседником (*расстроилась, раздражаешь, мотаешь нервы, цепляешь, дергаешь*); стратегии самопрезентации, для которых характерно либо преувеличение достоинств, (*Я лучше всех. Тебе повезло со мной*), либо явное их принижение (*Я злая тетка. У меня всегда так*).

Активируясь в речи, каждый архетип вне зависимости от контекста сохраняет свою интенциональную установку и может быть определен по специфическим лингвистическим маркерам. Приведем пример реализации архетипа матери как коммуникативной модели поведения в телевизионном контексте, уделив особое внимание интенциям говорящего и перлокутивным эффектам.

Дискурс телевизионного шоу, ориентированный во многом на разоблачение имиджа, как ни странно, часто включает в себя речевые модели архетипа матери. Примером подобного мировосприятия и построения диалога через призму этой архетипической модели могут служить слова О. Свибловой: «...Я считаю, что о культуре и о жизни вообще нужно **говорить мягче**. Я обожаю работу «МишМаш» – это такие **камушки**, каждый из которых **обязан шапочкой**. Такие большие гальки, и на каждого под размер связана шапочка, мы **сами вязали, ручками своими**... Когда мы выставляли это в Майями в Bassмузее, работа называлась «**Будь мягче**». Мне **дико нравится**, и **начинать надо вот отсюда** (показывает на свое сердце)» [Школа злословия, выпуск от 19.03.2012].

В контексте передачи выражение безусловного принятия и желания помочь могут выступать социальной доктриной ведущего (*А. Малахов: Наверное, одна из главных особенностей моих - это то, что я люблю людей, которые приходят ко мне в студию. Честно. Кто-то может не поверить в это. Но я люблю их, смешных, невымытых, немодных, провинциальных, откровенных, честных и не очень. Когда человек приходит ко мне в студию, для меня внутренне это **родные люди**, которым мне, безусловно, **хочется помочь*** [Временно доступен, выпуск от 22.09.2013]).

Архетип может определять принципы построения отношений с гостем, программа «Наедине со всеми» Ю. Меньшовой подтверждает эту тенденцию, и не только тем, что ведущая преимущественно в вежливой и доброжелательной манере общается с собеседником (*А. Гордон: Меня поразило, как Вы вежливо относитесь к тем, кто к Вам пришел. И я подумал, когда мне позвонили: **единственная передача, где меня будут любить**. Почему не сходить?* [Наедине со всеми, выпуск от 12.03.2015]), но и выбором тем беседы, которые отвечают ценностям архетипа:

семья, нелегкий карьерный путь, душевное состояние (Д. Билан: *Я недавно звонил отцу и говорю: «Я к вам приеду, буду просыпаться поздно, кричать: Мама, сделай пирожки, пожалуйста, – и мама такая приходит с пирожками»... Понимаете, счастье выглядит так...; Меньшова: ... Придет мама, и я знаю, что она вам скажет. Знаете? Принесет вам пирожки и скажет: «Отдыхай, сынок, отдыхай!»* [Наедине со всеми, выпуск от 3.04.2016]).

Герои программ могут делиться не только положительным опытом взаимодействия в рамках архетипической диады «мать – дитя», но и отрицательным. Мать – это родительский архетип, поэтому в речи чаще проявляется пристройка «сверху», предложение помощи может быть воспринято негативно, как указание на слабость (Мария Голубкина: *Меня раздражает это ужасно, я хотела бы быть поважнее и поглавнее Ларисы Ивановны... Меня ужасно раздражает, когда мама говорит: «Чем я могу тебе помочь?»* [Наедине со всеми, выпуск от 17.10.2013]).

Неприятие собеседником в отношении себя чрезмерной, обзывающей, вербальной и невербальной поддержки зачастую граничит с нежеланием оказаться без внимания и эмоционального тепла (Геннадий Хазанов: *Да, вы знаете, важно, чтобы это тепло не превратилось в ту температуру, которая сжигает... Но еще бы холодно не было. Но это уже зависит от того, насколько тебя хватает. Но должен вам сказать, что сгореть ничуть не лучше, чем замерзнуть* [Наедине со всеми, выпуск от 27.03.2014]). Метафора холода возникает у говорящего не случайно, она является ярким признаком теневой стороны архетипа: в большинстве сказок холод становится символом «нелюбви», неродная мать часто отправляет падчерицу в холодный зимний лес.

Как и любая тень, проявляющая себя в речи, тень мачехи – это выплеск негатива, в данном случае лежащего в плоскости любовь-ненависть. Так объясняет нападки на падчерицу героиня фильма А. Роу «Морозко»: «Бывало, Настьку за косу схватишь, на себя попятишь – и сердце разом отойдет». В дискурсе телевизионной коммуникации данная модель взаимодействия может рассматриваться как способ продвижения и привлечения внимания (К. Собчак: *Мне кажется, еще одно, из-за чего я стала успешным человеком, – это то, что я говорю людям в лицо все, что я о них думаю* [Гордон-Кихот, выпуск от 03.10.2008]).

Речь мачехи, в отличие от возвышающей материнской, включает в себя утверждения о разных типах неполноценности – уровень интеллекта, внешний вид (К. Собчак о костюме В. Соловьева: *Вы пришли в цвете кремлевского ковра; В. Соловьев о платье К. Собчак: Ксения Анатольевна, во-первых, вы забыли, что цвет фуксии был популярен четыре года назад исключительно в гардинах; К. Собчак: Вы еще и дальтоник* [Девчата, выпуск от 27.10.2010]).

Адресатом речь теневой стороны архетипа воспринимается обычно болезненно (Ю. Меньшова: *Если вы увидите ложь о себе в желтой прессе, вы что?; С. Светличная: Я умираю медленно* [Наедине со всеми, выпуск от 01.12.2015]).

Объем статьи не позволяет взглянуть на дискурс телевизионного шоу с разных ракурсов, проиллюстрировать примеры реализации каждой вербальной модели. Несмотря на то, что диалог ведущего с гостями и аудиторией может строиться с позиции любого архетипа, в результате анализа материала было замечено, что в

речевой среде телевизионных программ явно преобладает архетип отца, особенно это касается программ, построенных в жанре интервью. Это связано с тем, что любое телевизионное шоу оказывается площадкой, на которой у зрителей (аудитории) появляется возможность через ведущего выразить свое одобрение или осуждение в отношении той или иной публичной персоны. Именно зритель (общество), становится авторитетом, на который опирается и к которому часто апеллирует шоумен, прибегающий к давлению (В. Познер: *Когда я чувствую, что человек уходит от вопросов, наговаривает массу словесной шелухи, я начинаю давить. Например, Фурсенко – член команды, он должен соблюдать определенные правила, и я его понимаю и даже сострадаю ему, но не беру это в расчет. Я требую ответа. Ведь я выступаю от имени зрителей. Они не смогут спросить его напрямую, потому что они никогда не попадут к нему на прием, поэтому они задают вопросы через меня. Если Фурсенко попытается их обойти, я оказываю давление, это правила игры* [Познер: Цит. по Криницын 2010: 121].

В заключении важно отметить, что архетип представляет собой именно удобную модель (а не реально существующий объект), позволяющую различать движущие силы коммуникативной личности. Автор не претендует на полноту списка архетипов и их описание. При этом предложенный архетипический конструктор позволяет более детально изучать сущность коммуниканта, его вербальное поведение, интенции, прогнозировать, а в некоторых случаях и моделировать его речеповеденческую реакцию.

Предложенная модель вносит вклад в решение проблемы ригидности вербального поведения, предлагая говорящему выбор подходящей коммуникативной модели, отвечающей ситуации и целям, а также помогает вывести на уровень осознанного наблюдения скрытые от коммуникантов мыслительные процессы.

### Литература

Большакова А.Ю. Теория архетипа и концептология // Культурологический журнал [Электронный ресурс]. № 1 (7), 2012. Режим доступа: [http://www.cr-journal.ru/rus/journals/109.html&j\\_id=9](http://www.cr-journal.ru/rus/journals/109.html&j_id=9) (дата обращения: 16.05.2016)

Большакова А.Ю. Теория архетипа и проблемы коммуникации // Сборник конференций НИЦ Социосфера. Культура, культурология. №43, 2011. С.77-88.

Жуков Ю.М. Диагностика и развитие компетенции в общении. М., 1990. 279 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.

Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Русский ассоциативный словарь. Том 1. От стимула к реакции. М.: АСТ, 2002. 784 с.

Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Русский ассоциативный словарь. Том 2. От реакции к стимулу. М.: АСТ, 2002. 992 с.

Криницын Е. Акулы интервью: 11 мастер-классов. М.: Альпина Паблишерз, 2010. 184 с.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

Парис Ж. Мудрость психики: глубинная психология в век нейронаук. М.: Когито-Центр, 2012. 336 с.

*Руффлер М.* Игры внутри нас: психодинамические структуры личности. М.: Изд-во Института психотерапии, 1998. 208 с.

*Смирнов И.П.* Диахронические трансформации литературных жанров и мотивов // Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1981. Sonderband 4. S. 60.

*Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. М., 2001. 824 с.

*Сторчак В.М.* Архетип и ментальность в контексте религиоведения: дис. канд. филос. наук. М., 1997. 146 с.

*Шомова С.А.* От мистерии до стрит-арта. Очерки об архетипах культуры в политической коммуникации. М.: Изд. Дом. Высшей школы экономики, 2016. 264 с.

*Юнг К.Г.* Структура психики и архетипы. М.: Академический проект, 2009. 328 с.

### **EVERY MOTHER THINKS HER OWN GOSLING A SWAN: COMMUNICATION MODELS OF BEHAVIOR VIA THE ASPECT OF THE THEORY OF ARCHETYPES**

**Irina A. Medvedeva**

Manager of the regional department RA»Alcazar» (Moscow)

*orange\_planet@mail.ru*

The article is devoted to the universals of verbal behavior, which allow to describe speech holistically, comprehensively, as a system, relying on the personality and his motives. The article proposes the typology of archetypes communicative behavior, investigated intentional settings and linguistic markers of archetypes are submitted in the article.

The list of archetypes is based on the theory of Carl Gustav Jung. The author identifies five archetypes (mother, father, elder, child, lover), and five shades (stepmother, tyrant, critic, outlaw, disagreeable). The author examines communication models of behavior through the example of the television discourse. The empirical basis of linguistic markers research includes videos of popular Russian-speaking TV programs.

Detailed focus is paid to the description of the mother archetype. With the help of discourse analysis the author finds key markers of archetype: words of sympathy, words of encouragement, words of praise etc.

The author concludes that the father archetype is dominated in the context of TV programs. This is due to the fact that all talk-shows are a platform on which TV viewers can express approval or condemnation to public person.

**Keywords:** archetype, shadow, intentional setting, linguistic markers, perlocutionary effect, the television discourse.

#### **References**

*Bol'shakova A.Ju.* Teorija arhetipa i konceptologija [The theory of archetypes and conceptology] // Kul'turologicheskij zhurnal [Cultural magazine, electronic resource]. № 1 (7), 2012. access mode: [http://www.cr-journal.ru/rus/journals/109.html&j\\_id=9](http://www.cr-journal.ru/rus/journals/109.html&j_id=9) (date of the application: 16.05.2016)

*Bol'shakova A.Ju.* Teorija arhetipa i problemy kommunikacii [The theory of archetypes and communication problems] // Collection conferences SIC sociosphere. Culture, Cultural Studies. №43, 2011. pp. 77-88.

*Zhukov Ju.M.* Diagnostika i razvitie kompetencii v obshhenii [Diagnosis and development of competence in communication]. M., 1990. 279 p.

*Karaulov Ju.N.* Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [Russian language and linguistic identity]. M.: Nauka, 1987. 264 p.

*Karaulov Ju.N., Cherkasova G.A., Ufimceva N.V., Sorokin Ju.A., Tarasov E.F.* Russkij asociativnyj slovar' [Russian Dictionary associative]. Tom 1. Ot stimula k reakcii [From stimulus to response]. M.: AST, 2002. 784 p.

*Karaulov Ju.N., Cherkasova G.A., Ufimceva N.V., Sorokin Ju.A., Tarasov E.F.* Russkij asociativnyj slovar' [Russian Dictionary associative]. Tom 2. Ot reakcii k stimulu [From response to stimulus]. M.: AST, 2002. 992 p.

*Krincyn E.* Akuly interv'ju: 11 master-klassov [Sharks interview: 11 master classes]. M.: Al'pina Publisherz, 2010. 184 p.

*Makarov M.L.* Osnovy teorii diskursa [Fundamentals of theory of discourse]. M.: Gnozis, 2003. 280 p.

*Paris Zh.* Mudrost' psihiki: glubinnaja psihologija v vek nejronauk [The wisdom of the psyche: depth psychology in the century of neuroscience]. M.: Kogito-Centr, 2012. 336 p.

*Ruffler M.* Iгры vnutri nas: psihodinamicheskie struktury lichnosti [Games within us: psychodynamic personality structure]. M.: Izd-vo Instituta psihoterapii, 1998. 208 p.

*Smirnov I.P.* Diahronicheskie transformacii literaturnyh zhanrov i motivov [Diachronic transformation of literary genres and motifs] // Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1981. Sonderband 4. pp. 60.

*Stepanov Ju.S.* Konstanty: slovar' russkoj kul'tury [Constants: Dictionary of Russian culture]. M., 2001. 824 p.

*Storchak V.M.* Arhetip i mental'nost' v kontekste religiovedenija [The archetype and mentality in the context of religious studies]: dis. kand. filos. nauk. M., 1997. 146 p.

*Shomova S.A.* Ot misterii do strit-arta. Oчерki ob arhetipah kul'tury v politicheskoj kommunikacii [From mystery to street art. Essays about archetypes of culture in political communication]. M.: Izd. Dom. Vysšej shkoly jekonomiki, 2016. 264 p.

*Jung K.G.* Struktura psihiki i arhetipy [The structure of the psyche and archetypes]. M.: Akademicheskij proekt, 2009. 328 p.

**АНАЛИЗ ЗНАЧЕНИЙ ПОСЛОВИЦ В КОНТЕКСТЕ СИТУАЦИЙ  
ИХ УПОТРЕБЛЕНИЯ<sup>1</sup>**

**Нистратов Александр Алексеевич**

Научный сотрудник факультета психологии

МГУ им. М.В. Ломоносова

Москва, ул. Моховая, д. 11/9

*a.nistratov@mail.ru*

Темой настоящей статьи является исследование значения пословиц и поговорок в контексте ситуаций их употребления. Метаязыком семантического анализа пословиц и поговорок в данном исследовании выступали семантические пространства, являющиеся аналогом категориальных структур обыденного сознания и применительно к данному исследованию отражающие основание классификации по которым испытуемые дифференцируют эти формы фольклора. Поэтому необходимым этапом семантического анализа является установление семантических связей анализируемых объектов и построение матрицы сходства значений пословиц и поговорок.

Был построен эксперимент, где на пересечении строк и столбцов указывалось, сколько раз данная пословица была отнесена к данной ситуации. Для эксперимента использовались 33 гипотетических жизненных ситуации и были отобраны 60 распространенных, широко известных пословиц. Полученная матрица подвергалась процедуре факторного анализа. Таким образом были получены категориальные структуры для пословиц и ситуаций. Это позволяет судить об особенностях функционирования пословиц в индивидуальном сознании и их роли в организации поведения. Результаты эксперимента показали, что пословица, выполняя функцию оценки жизненной ситуации, выражает свое нормативно-ценностное содержание через ту или иную схему поведения и служит стандартным способом осмысления ситуации с точки зрения определенных нормативов и ценностей.

**Ключевые слова:** пословицы, языковое сознание, диалог, семантические связи, категоризация, семантическое пространство.

Данную статью можно считать продолжением статьи «Анализ семантической структуры пословиц и поговорок», опубликованной в журнале «Вопросы психолингвистики» № 4(26) 2015 г. Метаязыком семантического анализа пословиц и поговорок в данном исследовании выступали семантические пространства, являющиеся аналогом категориальных структур обыденного сознания и применительно к данному исследованию отражающие основания классификации, по которым испытуемые дифференцируют эти формы фольклора.

---

<sup>1</sup> Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 14-04-12021.

Значения вообще, и в том числе значения пословиц и поговорок, существуют в системе значений и раскрываются через эту систему. Поэтому необходимым этапом семантического анализа является установление семантических связей анализируемых объектов и построение матрицы сходства значений пословиц и поговорок. Являясь средством осознания, категориальные структуры обыденного сознания могут как таковые не осознаваться самим носителем языкового сознания, поэтому значения пословиц и поговорок анализировались не в рамках «лингвистической интроспекции», а в режиме употребления их реальными носителями языка.

### *Экспериментальный материал*

Для эксперимента использовались 33 гипотетических жизненных ситуации и были отобраны 60 распространенных, широко известных пословиц. В наборе многие пословицы довольно близки друг другу по значению. Тем интереснее наблюдать отношения, в которые они вступали между собой.

### *Список пословиц*

1. Семь бед – один ответ. 2. Не так страшен черт, как его малюют.
3. Смелость города берет. 4. Не все коту масленица.
5. Посади свинью за стол – она и ноги на стол. 6. Взятся за гуж – не говори, что не дюж.
7. С кем поведешься, от того и наберешься. 8. Не подмажешь – не поедешь.
9. По одежке протягивай ножки. 10. Один в поле не воин.
11. Семь раз отмерь – один отрежь. 12. Долг платежом красен.
13. Бумага все терпит. 14. Привычка – вторая натура.
15. Яблоко от яблони недалеко падает. 16. Волков бояться – в лес не ходить.
17. Лучше поздно, чем никогда. 18. У кого что болит, тот о том и говорит.
19. Не говори гоп, пока не перепрыгнешь. 20. Правда глаза колет.
21. Своя рубашка ближе к телу. 22. Пришла беда – открывай ворота.
23. Хорошо смеется тот, кто смеется последним. 24. Близок локоть, да не укусишь.
25. Повалился кувшин по воду ходить, тут ему и голову сломить.
26. Лиха беда начало. 27. Хрен редьки не слаще. 28. Горбатого могила исправит.
29. С глаз долой – из сердца вон. 30. Обжегшись на молоке – будешь дуть и на воду.
31. В тихом омуте черти водятся. 32. Под лежачий камень вода не течет.
33. Повинную голову меч не сечет. 34. Рыбак рыбака видит издалека.
35. Куда иголка, туда и нитка. 36. Два сапога пара.
37. Всякому овощу свое время. 38. Дело мастера боится.
39. На миру и смерть красна. 40. Рука руку моет.
41. Новая метла чисто метет. 42. У семи нянек дитя без глазу.
43. Всяк кулик свое болото хвалит. 44. Куй железо, пока горячо.
45. С паршивой овцы хоть шерсти клок. 46. Где тонко, там и рвется.
47. Не рой другому яму – сам в нее попадешь. 48. Лес рубят – щепки летят.
49. Тише едешь – дальше будешь. 50. Назвался груздем – полезай в кузов.
51. Нет дыма без огня. 52. У страха глаза велики.
53. Не в свои сани не садись. 54. Как волка ни корми, он все в лес смотрит.
55. И на старуху бывает проруха. 56. Плетью обуха не перешибешь.

57. Голь на выдумки хитра. 58. Дареному коню в зубы не смотрят.

59. Без труда не вытянешь и рыбку из пруда. 60. Поспешишь – людей насмешишь.

*Список ситуаций*

1. Студентам третьего курса на экзамене по ошибке предложили билеты четвертого. Все студенты успешно сдали экзамен.

2. Журналист N решил написать очерк. Он приготовил машинку, вставил в нее лист..., но через 3 часа он так ничего и не написал.

3. N лечили во всех знаменитых клиниках, всеми возможными способами : иглоукалыванием, голоданием, психотерапией. Тем не менее он не мог спокойно пройти мимо пивного ларька.

4. M, считавший утомительным спрашивать лишний билет, так и не смог попасть в театр на Таганке.

5. На экзаменах студентам попадают именно те билеты, которых они не знают.

6. N не мог без стыда смотреть на свою картину, которая среди других полотен на выставке выглядела совершенно бездарной.

7. На экзамене по литературе у студентки спросили, что такое Ренессанс. «Лошадь Дон Кихота» , – не задумываясь, ответила она.

8. Когда M подружилась с N, которая много курила, то и она тоже вскоре начала курить.

9. M истратила все деньги на дорогое пальто, и, чтобы дожить до следующей зарплаты, ей пришлось брать в долг.

10. N взял у приятеля конспект и не вернул его. После этого никто не решался дать N свой конспект.

11. M несмотря на многократные административные взыскания продолжает опаздывать на работу.

12. О чем бы ни шла речь, M всегда находит случай, чтобы пожаловаться на своего сына.

13. Тренер профессиональной хоккейной команды в интервью газете заявил, что если его команда проиграет, он съест свою шляпу. Команда проиграла.

14. Во время выступления рабочих председатель местного комитета прятался за спины впереди сидящих.

15. Харрис не мог удержаться от смеха, увидев что Джорж уронил рубашку в реку. Однако чувство юмора ему изменило, когда он обнаружил, что это его собственная рубашка, и смех Джоржа ему показался неуместным.

16. Осужденный на длительное заключение с горечью вспоминал о припрятанных ценностях.

17. После многих просьб M, наконец, сменили номер телефона. Вместо номера телефона бывшей прачечной ему дали номер бывшего коммутатора.

18. M, которому как-то не вернули книгу, перестал давать книги даже друзьям.

19. Не говори гоп, пока не перепрыгнешь.

20. Заместитель директора магазина на следствии уверял, что директор магазина очень честный человек.

21. Никто бы не подумал, глядя на Монморенси, что это ангелоподобное существо может причинить столько беспокойства соседям.



22. N убедился на собственном опыте, что лучший способ избежать наказания, самому всё рассказать.

23. Петр I нередко прощал уличенного в казнокрадстве Меньшикова за чистосердечие.

24. Спекулянты всегда знают, кому предлагать свой товар.

25. Великий комбинатор Остап Бендер с легкостью открыл английский замок ногтем указательного пальца.

26. N рооживая в одной комнате с M, частенько вытирал ноги полотенцем M. Его сосед, не подозревая об этом, делал то же самое.

27. Комнатные цветы в помещении, где работает несколько человек, то залиты, то засушены.

28. Услышав, что профессор в хорошем расположении духа, сдавать экзамен пришли даже те, у кого экзамен был назначен на следующий день.

29. Спор студента с заместителем декана по научной работе кончился не в пользу студента.

30. После долгих просьб институту выделили пишущие машинки. Хотя они были с латинским шрифтом, институт от них не отказался.

31. М.н.с. N часто посылают в командировки по снабжению, потому что от его пребывания в лаборатории не видно пользы.

32. Заместитель директора магазина написал анонимку на директора. В результате уволены были оба.

33. Примечание на афише кинотеатра: «Дети до 16 лет не допускаются».

На основе полученных результатов была составлена групповая матрица (60 пословиц X 33 ситуации). На пересечении строк и столбцов указывалось, сколько раз данная пословица была отнесена к данной ситуации. Полученная матрица подвергалась процедуре факторного анализа. Таким образом были получены категориальные структуры для пословиц и ситуаций.

Поскольку первоочередной задачей психосемантического эксперимента является установление семантических связей между значениями на основе измерения их сходства, то предложенная процедура предназначалась прежде всего для выявления и количественного выражения отношений между пословичными значениями.

В поисках наиболее оптимального способа интерпретации факторов имеет смысл остановиться на том, чтобы выделять общую проблему, решаемую пословицами, входящими в один фактор. Оказалось, что это единственно возможный способ оценить все пословицы, входящие в данный фактор, с единой точки зрения.

То, что было описано выше как общая проблема группы пословиц, на самом деле представляет собой общую оценку исходной ситуации. Проблемность же связана с тем, что каждая пословица по-своему развивает исходную ситуацию.

Эти общие свойства собственно и составляют подлинный контекст употребления пословиц, являются ее актуализирующей ситуацией. С этой точки зрения каждый фактор представляет общие свойства актуализирующей ситуации группы пословиц. В ходе интерпретации факторов было показано, что эти свойства касаются в первую очередь оценки действующих сил, характеристики движущих мотивов

(например долг – самосохранение) и т. д., то есть выявляют субъективную сторону восприятия каждой жизненной ситуации, которая в принципе может быть оценена с различных точек зрения. Таким образом, не формальная структура реальной ситуации является актуализирующим контекстом пословицы, а та общая оценка, которую дает ей субъект.

Именно поэтому различия в моделях, образном строе, характере логического построения (всеобщность – единичность, отрицание – утверждение) не оказывают влияния на группировку пословиц в семантическом поле и даже не меняют знак пословицы по отношению к другим пословицам этого фактора, если не сопровождаются изменением исходной оценки ситуации. В то же время перенос акцентов в самом психологическом контексте (жертва долга – жалость к себе) изменяет знаки пословиц, так что оба варианта вступают в противоречие друг с другом.

#### *Обработка результатов*

На основе полученных результатов эксперимента была составлена групповая матрица (60 пословиц / 33 ситуации), по строкам которой отмечались пословицы, а по столбцам – ситуации. На пересечении строк и столбцов указывалось, сколько раз данная пословица была отнесена к данной ситуации. Матрица подвергалась процедуре факторного анализа по столбцам и строкам. Таким образом, были получены две факторные структуры: для пословиц и для ситуаций.

#### *Обсуждение результатов*

Рассмотрим сначала результаты категоризации для пословиц. После обработки данных было получено 10 категорий-факторов. Рассмотрим факторы в порядке убывания их вклада в общую дисперсию.

Интерпретируя полученные факторы, следует отметить, что они не включают пословиц, противоположных по модели поведения, как это было в эксперименте диалога пословиц [Нистратов 2015]. И это понятно, ведь в данном случае пословицы использовались для оценки заданных и вполне определенных схем поведения независимых от испытуемого, так что формальная структура ситуации отображается в факторе в неизменном виде. Однако каждый фактор по-своему освещает заданную ситуацию.

Так пословицы первого фактора

6. Взялся за гуж, не говори, что не дюж.
22. Пришла беда – отворяй ворота.
50. Назвался груздем – полезай в кузов.
19. Не говори гоп, пока не перепрыгнешь.
39. На миру и смерть красна.

1. Семь бед – один ответ.
11. Семь раз отмерь – один отрежь

характеризуют ситуации:

1. Студентам третьего курса на экзамене по ошибке предложили билеты четвертого. Все студенты успешно сдали экзамен.

2. Журналист N решил написать очерк. Он приготовил машинку, вставил в нее лист..., но через 3 часа он так ничего и не написал.

9. М истратила все деньги на дорогое пальто, и, чтобы дожить до следующей зарплаты, ей пришлось брать в долг.

13. Тренер профессиональной хоккейной команды в интервью газете заявил, что если его команда проиграт, он съест свою шляпу. Команда проиграла.

(они имеют наибольшие нагрузки по этому фактору) как безвыходные, когда человеку ничего не остается другого, как только принять выпавший жребий.

Второй фактор в известной степени отрицает значение первого:

2. Не так страшен черт, как его малюют.

3. Смелость города берет.

16. Волков бояться – в лес не ходить.

57. Голь на выдумки хитра.

38. Дело мастера боится.

26. Лиха беда начало.

В этих пословицах говорится о том, что любые трудности преодолимы, даже если силы и кажутся неравными. Ситуации имеющие наибольший вес по этому фактору:

1. Студентам третьего курса на экзамене по ошибке предложили билеты четвертого. Все студенты успешно сдали экзамен.

22. N убедился на собственном опыте, что лучший способ избежать наказания, самому всё рассказать.

25. Великий комбинатор Остап Бендер с легкостью открыл английский замок ногтем указательного пальца.

28. Услышав, что профессор в хорошем расположении духа, сдавать экзамен пришли даже те, у кого экзамен был назначен на следующий день.

В третий фактор вошли пословицы:

14. Привычка – вторая натура.

28. Горбатого могила исправит.

54. Как волка ни корми, он всё в лес смотрит.

25. Повадились кувшин по воду ходить, тут ему и голову сломить.

которые показывают, что поведение человека неразумно и не поддается регулированию.

Фактор характеризует ситуации:

11. M несмотря на многократные административные взыскания продолжает опаздывать на работу.

Четвертый фактор

40. Рука руку моет.

43. Всяк кулик свое болото хвалит.

8. Не подмажешь – не поедешь.

34. Рыб ак рыбака видит издалека.

утверждает, что люди, связанные корыстными интересами, всегда находят общий язык. Именно корысть при этом оказывается сильным движущим мотивом поведения. Ситуации, которые соответствуют этому фактору:

20. Заместитель директора магазина на следствии уверял, что директор магазина очень честный человек.

24. Спекулянты всегда знают, кому предлагать свой товар.

Пятый фактор

49. Тише едешь – дальше будешь.

53. Не в свои сани не садись.

10. Один в поле не воин.

9. По одежке протягивай ножки.

56. Плетью обуха не перешибешь.

указывает, что в некоторых ситуациях любые усилия будут напрасны, что следует быть осторожным и не браться за непосильное дело. Соответствующие ситуации:

22. N убедился на собственном опыте, что лучший способ избежать наказания, самому всё рассказать.

29. Спор студента с заместителем декана по научной работе кончился не в пользу студента.

В пословицах шестого фактора

35. Куда иголка, туда и нитка.

7. С кем поведешься, от того и наберешься.

15. Яблоко от яблони недалеко падает.

26. Лиха беда начало.

36. Два сапога – пара.

утверждается, что если один из двух близко связанных людей плох, то и другой, вероятно, не лучше. И ситуации соответственно:

8. Когда M подружилась с N, которая много курила, то и она тоже вскоре начала курить.

20. Заместитель директора магазина на следствии уверял, что директор магазина очень честный человек.

26. N проживая в одной комнате с M, частенько вытирал ноги полотенцем M. Его сосед, не подозревая об этом, делал то же самое.

Фактор седьмой

52. У страха глаза велики.

30. Обжегшись на молоке – будешь дуть и на воду.

48. Лес рубят – щепки летят.

содержит пословицы, показывающие, что в состоянии страха человек часто предпринимает неадекватные действия, что осторожность не всегда уместна, а некоторые потери все равно неизбежны.

Интерпретация восьмого фактора

32. Под лежачий камень вода не течет.

59. Без труда не вытянешь и рыбку из пруда.

не вызывает затруднений. В нем говорится, что ничто не дается без усилий.

Пословицы девятого фактора

47. Не рой другому яму – сам в нее попадешь.

48. Лес рубят – щепки летят.

55. И на старуху бывает проруха.

говорят о том, что в иных случаях чрезмерная уверенность в себе бывает наказана.

Пословицы десятого фактора

4. Не все коту масленица.

20. Правда глаза колет.

24. Близок локоть, да не укусишь.

указывают, что неудача, претерпеваемая неким субъектом, им заслужена.

Соответствующие ситуации:

13. Тренер профессиональной хоккейной команды в интервью газете заявил, что если его команда проиграт, он съест свою шляпу. Команда проиграла.

15. Харрис не мог удержаться от смеха, увидев что Джорж уронил рубашку в реку. Однако чувство юмора ему изменило, когда он обнаружил, что это его собственная рубашка, и смех Джоржа ему показался неуместным.

26. N проживая в одной комнате с M, частенько вытирал ноги полотенцем M. Его сосед, не подозревая об этом, делал то же самое.

32. Заместитель директора магазина написал анонимку на директора. В результате уволены были оба.

Эксперимент позволил выделить общие пресуппозиции пословиц: это их психологический контекст, который подразумевает определенное соотношение сил, предполагает их оценку, то есть характеризует те качества ситуации, которую видит сам субъект. Конечно, на таком ограниченном материале – 60 пословиц – нельзя детально изучить структуру норм и ценностей, представленных в пословицах. Однако можно судить об особенностях функционирования пословиц в индивидуальном сознании и их роли в организации поведения.

Результаты эксперимента показали, что пословица, выполняя функцию оценки жизненной ситуации, выражает свое нормативно-ценностное содержание через ту или иную схему поведения и служит стандартным способом осмысления ситуации с точки зрения определенных нормативов и ценностей. Ценности это ориентиры поведения. Поэтому можно предположить, что пословица используется для внутренней «разметки» реальности и направления поведения. Давая оценку, мы определенным образом интерпретируем ситуацию и тем самым определяем возможную стратегию поведения. Таким образом, оценка, выражаемая в пословице, тесно связана с моделью поведения, так что выбор той или иной пословицы в конкретной ситуации обусловлен еще и желанием направить активность участников в определенное русло.

Для индивидуального сознания значение пословицы становится своеобразным ориентиром или алгоритмом поведения, который в свернутом виде содержит определенные формы реагирования. Имеется в виду не формальное предписание, содержащееся в некоторых пословицах, а выражаемое этим предписанием отношение к явлению или проблеме.

Далее рассмотрим результаты категоризации предъявляемых ситуаций. В результате процедуры факторного анализа матрицы для ситуаций было выделено 11 факторов, которые представляют более 90% общей вариативности.

В описаниях ситуаций не дается оценка действующих сил. Каждый сюжет представляет собой просто изложение фактов, последовательность событий. Но, как известно, поступки могут говорить сами за себя. Поэтому оценка не является совершенно произвольной. Это позволяет проанализировать, какие именно аспекты ситуаций оказываются значимыми при выведении субъектом оценки. Такими

значимыми параметрами можно считать те, которые лежат в основе группировки ситуаций в семантическом пространстве.

Оказалось, что большое значение придается успеху / неудаче героя. Так, ситуации, входящие в одну группу, завершаются единообразно: только успехом или только неудачей. Исключения составляют ситуации с неопределенным концом, но они тоже попадают в один фактор.

По-видимому, успех или неудача является важным маркером при оценке поступка героя. Предположим, студенты в ситуации 1 получили бы двойки, тогда их поступок выглядел бы не смелым, а глупым и самонадеянным.

В каждой группе ситуаций можно выделить противоречие, которое создает известное напряжение в ситуации, определяет ее конфликтность. Это противоречие и служит основанием для выведения оценки. Оценка разрешает конфликт в сознании воспринимающего, поскольку она соотносит событие с принятыми нормами, позволяет обнаружить закономерное и общее в конкретном.

Факторы для ситуаций

Фактор 1. В него с наибольшими нагрузками вошли ситуации №№ 32, 26, 15. В этих ситуациях обнаруживается контраст между началом действия и его завершением. Если в начале герой убежден в своей безопасности, то в конце оказывается, что его положение ничем не лучше того, в которое он поставил другого.

Фактор 2. Это ситуации №№ 22 и 23. Здесь следствие не соответствует действию. Рассказ о провинности умеряет гнев. Это противоречие устраняется ссылкой на закономерность («Повинную голову меч не сечет»), или восхваление смелости, преодолевающей неизбежное наказание («Смелость города берет»).

Фактор 3 – ситуации №№ 3 и 11. Возникает комический эффект от сопоставления усилий, затраченных на исправление героя, и мизерного результата. Пословицы по-разному интерпретируют эту проблему: неискоренимость героя («Горбатого могила исправит», «Привычка – вторая натура»), недостаточность усилий («Плетью обуха не перешибешь», неосмотрительность («Повадился кувшин по воду ходить, тут ему и голову сломить»)) и т.д.

Фактор 4 – ситуации №№ 18 и 10. Здесь наказание превышает сам проступок. Можно предположить, что пословица «Долг платежом красен», имеющая большую нагрузку по этому фактору, говорит не столько о долге, сколько о наказании. При этом «платеж» получает переносный смысл, выступает в значении расплаты, наказания.

Фактор 5 – ситуации №№ 1, 25, 28. Противоречие возникает между объективной сложностью ситуации и неожиданной простотой решения, позволяющего герою прийти к успеху. Оно разрешается, когда мы подводим случай под общее правило, резюмируя его пословицей. Говоря, например, «голь на выдумки хитра», мы подразумеваем, что люди, не имеющие ничего, кроме смекалки, выходят из любых трудных ситуаций. Пословицей «дело мастера боится» мы хотим сказать, что героям помогли их полезные навыки. Каждая пословица является, таким образом, своеобразным путем разрешения противоречия.

Фактор 6 – ситуации №№ 9, 11, 13, 2. Они также внутренне контрастны, как и ситуации первого фактора. Герой начинает уверенно, рассчитывая на успех, но

в конце терпит фиаско. Пословицы, наиболее часто используемые в этих ситуациях, утверждают, что поспешность и неосмотрительность всегда наказываются. По-видимому, значение успеха / неуспеха героя объясняется тем, что он становится звеном композиции, элементом противостояния, от которого зависит смысл, приписываемый сюжету.

Фактор 7 – ситуации №№ 24, 20. Их нельзя рассматривать с точки зрения внутренней композиции: они не содержат изложения последовательности событий, достраиваются извне за счет того знания, которое у нас уже есть или предполагается. Основное противоречие заключается в несовпадении общественной и субъективной оценки человека. Иначе говоря, нравственные нормы искажены или не действуют там, где можно предположить корыстные отношения. Большинство использованных в этом факторе пословиц указывает на корыстные отношения между героями.

Фактор 8 – ситуации №№ 6, 16. Здесь основной конфликт связан с тем, что герой не выполнил того, что от него вправе были ожидать. В пословицах формируется чувство стыда, переживаемое героем («Правда глаза колет»), или называется причина внутреннего конфликта, состоящая в том, что человек берется не за свое дело («Не в свои сани не садись»), и т.д.

Фактор 9 – ситуации №№ 30, 31. Здесь противоречие заключается в том, что герои принимают и стараются использовать то, что им не нужно.

Фактор 10 – ситуации №№ 5, 2, 4. В конфликт вступают желание героя и то, что он на самом деле получает.

Фактор 11 – ситуации №№ 2, 16, 33. Если в десятом факторе желаемое в принципе достижимо (можно спросить лишний билет в театр или выучить все экзаменационные билеты), то в одиннадцатом факторе желаемое недоступно ни при каких обстоятельствах по объективным причинам. В первом случае (фактор 10) упор делается на недостаточной активности субъекта или его нерешительности как причине неудачи, во втором (фактор 11) – подчеркивается безвыходность ситуации и необходимость принять ее такой, какая она есть («Близок локоть, да не укусишь», «Всякому овощу свое время»).

Таким образом, подвергается оценке не сама ситуация в целом как индивидуальный, в своем роде единственный случай, а выделенная в ней проблема или противоречие, которые сами по себе не являются специфическими и обнаруживаются в самых разных ситуациях. Это тот круг проблем, для которых предназначены пословицы.

В ходе интерпретации факторов было показано, что эти свойства касаются в первую очередь оценки действующих сил, характеристики движущих мотивов (например: долг – самосохранение) и т.д., то есть выявляют субъективную сторону восприятия каждой жизненной ситуации, которая в принципе может быть оценена с различных точек зрения. Таким образом не формальная структура реальной ситуации является актуализирующим контекстом пословицы, а та общая оценка, которую дает ей субъект.

То, что было описано выше как общая проблема группы пословиц, на самом

деле представляет собой общую оценку исходной ситуации. Проблемность же связана с тем, что каждая пословица по-своему развивает исходную ситуацию.

Актуализирующая ситуация, или психологический контекст пословицы, представляет собой систему имплицитных оценок (пресуппозиций пословиц), так что употребление пословицы вне этого контекста лишает ее свойственного ей смысла. Иначе говоря, пословица как способ видения явлений приобретает свое настоящее значение только тогда, когда мы знаем, что именно видится и каким образом, какая проблема решается предлагаемым способом. Пословица не сообщает этого прямо, так же как, отвечая на вопрос, мы не повторяем его, а просто держим в голове. Поэтому действительное значение пословицы можно установить только в реальном употреблении.

С психологической точки зрения пословица представляет собой способ осмысления и восприятия реальности, в ходе которого происходит осознание проблемы, актуализация значимых сторон ситуации. Для индивидуального сознания значение пословицы становится своеобразным ориентиром или алгоритмом поведения, который в свернутом виде содержит определенные формы реагирования. Имеется в виду не формальное предписание, содержащееся в некоторых пословицах («Дареному коню в зубы не смотрят»), а выражаемое этим предписанием отношение к явлению или проблеме (в данном случае – отказ от дальнейшей борьбы). Именно этим генерализированная реакция усваивается субъектом и впоследствии становится элементом сложного поведения, в то время как прямой смысл предписания часто утрачивается с изменением форм существования («По одежке протягивай ножки»).

Это не значит, что пословицы – единственный носитель образцов и норм поведения, но они представляют собой один из древнейших способов передачи культурных норм и требований, средство воспитания культурного, или точнее, нормативного поведения. Можно заключить, что пословица как знаковая единица культуры действительно выполняет функцию актуального средства осмысления событий и ориентировки поведения. Поэтому неудивительно, что пословицы стали выражать некие элементарные, инвариантные формы реагирования, а следовательно и способы осознания, сохраняющие свое значение на всех уровнях развития поведения.

### **Литература**

*Нистратов А.А.* Анализ семантической структуры пословиц и поговорок // Вопросы психолингвистики. 2015. №4. С. 212-221.

*Osgood Ch.* Studies on Generality of affective meaning system. Amer. Psychol., 1962, v. 17, pp. 10-28.

*Osgood Ch., Suci G.J., Tannenbautn P.H.* The measurement of meaning. Urbana, 1957. 342 p.



## ANALYSIS OF THE MEANING OF PROVERBS IN USE

**Aleksandr A. Nistratov**

Researcher

Lomonosov Moscow State University

*a.nistratov@mail.ru*

The article investigates the meaning of proverbs in use. The metalanguage of the semantic analysis of proverbs and sayings in this research is semantic spaces which are analogous to categorial structures of popular consciousness. These categorial structures are the foundation of the classification for respondents who differentiate these forms of folklore. We have conducted an experiment which sets the correlation between proverbs (60 proverbs) and situations (33 situations). The coefficient of semantic links of the proverbs and the situations has been computed. The procedure of factor analysis has been implemented to obtain categorial structures for the proverbs and the situations. That allows revealing peculiarities of proverbs functioning in individual consciousness. The results of the experiment show that proverbs express normative values through a behavioural pattern and serve as a standard method of interpreting situations from the point of view of norms and values.

**Keywords:** proverbs, language consciousness, dialogue, semantic links, categorization, semantic space.

### References

*Nistratov A.A.* Analis semanticheskoy struktury poslovic i pogovorok [Analysis of the semantic structure of proverbs and sayings] // *Voprosy psiholingvistiki* [Issues of psycholinguistics]. 2015. no. 4. pp. 212-221.

*Osgood Ch.* Studies on Generality of affective meaning system. *Amer. Psychol.*, 1962, v. 17, pp. 10-28.

*Osgood Ch., Suci G.J., Tannenbautn P.H.* The measurement of meaning. Urbana, 1957. 342 p.



## ПИСЬМО КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН<sup>1</sup>

**Порхомовский Виктор Яковлевич**

профессор, главный научный сотрудник

Институт языкознания РАН

Москва 125009, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1

*vporkhom@yahoo.com*

В центре внимания настоящей статьи находится символическая функция письма, а также социальные, психологические и культурные факторы, которые формируют и определяют эту символическую функцию. Процесс создания и адаптации новой системы письма в рамках конкретной этноязыковой общности, где уже существует и функционирует определенная система письма, представляет наилучшие возможности для изучения этой проблематики. Эта ситуация позволяет четко определить характерные черты различных систем письма на основе сравнительного анализа их функций. В рамках настоящего исследования разработана типологическая классификация путей формирования нового письма. В этой классификации три первые типа относятся к бесписьменным обществам. Два остающихся типа представляют ситуации, когда в рассматриваемом обществе уже имеется определенная письменная традиция. В фокусе нашего анализа находится роль символического аспекта в процессе разработки формы графических знаков для новых оригинальных систем письма. В основу анализа положены новые системы письма, созданные в Африке, при этом особое внимание уделяется письму н'ко для языков манде, трем системам письма языка хауса и письму тифинаг у берберов. В работе также рассматриваются проблемы адаптации новых систем письма в обществах, где уже имеются письменные традиции.

**Ключевые слова:** система письма, письменные традиции, арабское письмо, латиница, письмо тифинаг, письмо н'ко, буквенное письмо, слоговое письмо, символический аспект письма.

В фокусе внимания настоящей работы находится символическая функция систем письма. Процессы создания и функционирования письменности могут происходить в контексте различных ситуаций, что необходимо учитывать в рамках исследования. Для этих целей нами была разработана представленная ниже типологическая модель основных ситуаций, в которых могут иметь место процессы создания, заимствования и адаптации новых для данного социума систем письма:

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 16-04-00373: Контакты и заимствования в становлении языковых и литературных традиций. 2016-2018.

### I. Бесписьменные общества:

- 1) первичное, независимое от внешних воздействий изобретение письма;
- 2) создание оригинальной системы письма под прямым или косвенным внешним воздействием;
- 3) заимствование письма.

### II. Общества с уже существующей письменной традицией:

- 4) заимствование новой для данного общества системы письма;
- 5) создание новой оригинальной системы письма.

Первый тип в нашей классификации, а именно первичное изобретение письма, относится к глубокой древности. Этот тип является исключительным в истории человечества. К наиболее ранним системам письма относятся шумерская и египетская, возникшие на рубеже IV – III тысячелетий до н.э., причем имеются косвенные свидетельства того, что египетская иероглифика возникла под влиянием шумерской клинописи. Таким образом, именно шумерское клинописное письмо представляет первый тип в нашей классификации. Необходимо отметить несколько дискуссионных случаев, когда не вполне ясно, являются ли соответствующие системы письма чисто пиктографическими / идеографическими, или здесь можно также предположить наличие фонетических знаков. Только наличие фонетических знаков в системе позволяет рассматривать ее как письмо в собственном смысле слова. Однако подобные случаи являются достаточно редкими, так что эта неопределенность не оказывает серьезного влияния на общую перспективу. Особое место принадлежит китайскому письму, занимающему весьма значительное место в истории письменности. Не засвидетельствовано следов внешнего влияния на процесс формирования китайского письма, однако хронологический разрыв с Месопотамией и Египтом настолько велик, что внешнее культурное влияние неизбежно должно было сыграть определенную роль. Таким образом, первичное независимое изобретение письма, т.е. первый тип по нашей классификации, занимает исключительное место в общей истории письма, но его уникальность выводит этот тип за рамки нашей типологической перспективы.

Здесь необходимо подчеркнуть, что использование рисунков или условных знаков для непосредственной передачи смыслов не вызывает эвристических трудностей и является достаточно очевидным феноменом, который возникал бесчисленное количество раз в истории человечества от первобытного общества до современности, так что изобретение и использование пиктографии и идеографии не требует особых внешних воздействий и заимствований. Вероятно, этот процесс в истории культуры можно сравнить с «одомашниванием» огня. Напротив, независимое от каких-либо внешних влияний первичное создание письма означает изобретение способа обозначения звуков человеческой речи с помощью графических знаков, что можно квалифицировать как важнейшее интеллектуальное достижение человечества. Но когда сам принцип обозначения звуков речи с помощью графики становится известным, создание систем письма, т.е. знаковых систем для фиксации звуков речи разных языков, превращается во вполне очевидную техническую задачу. Это можно сопоставить с изобретением колеса, которое невозможно увидеть в природе, но легко копировать и совершенствовать, если известен сам принцип.

Отметим, что по данным современной археологии колесо было изобретено на Балканах и в Месопотамии на несколько столетий раньше изобретения письма.

В двух последних случаях по нашей классификации, т.е. при заимствовании или создании новой для данного общества системы письма в условиях, когда там уже существует и функционирует некая письменная традиция, имеются три возможности для дальнейшего развития подобных ситуаций: 1) новая система письма вытесняет старую и начинает выполнять ее функции; 2) новая система письма существует с уже имеющейся; 3) новая система письма не получает распространения и остается на уровне эксперимента. Некоторые конкретные примеры будут рассмотрены ниже.

При заимствовании письма необходимо различать следующие основные ситуации: 1) заимствованное письмо отвечает внутренним потребностям, существующим в соответствующем обществе; 2) потенциальная потребность в письме возникает вместе с появлением самого этого письма в процессе адаптации в соответствующем обществе внешней социальной и культурной парадигмы, в которой письмо составляет необходимый имманентный компонент. Ситуация первого типа создает благоприятные условия для ассимиляции заимствованного письма, которое становится естественной составной частью местной культурной парадигмы. Среди прототипических ситуаций подобного типа можно отметить формирование коптской письменности на основе греческого алфавита в эллинистическом Египте, заимствование финикийского письма в античной Греции. В рамках этого последнего процесса на основе слогового финикийского письма впервые в истории сформировалось алфавитное письмо с полноценной нотацией как согласных, так и гласных, что является убедительным подтверждением полной культурной ассимиляции этой системы письма греческим обществом. К алфавитному греческому письму восходит большинство алфавитных систем мира.

В ситуациях второго типа, т.е. когда потребность в письме возникает в процессе распространения в обществе новой, внешней по отношению к данному обществу культурной, религиозной и социальной парадигмы, это письмо может сохранять свой чужеродный статус по отношению к локальной культуре и функционировать преимущественно в контексте той заимствованной социокультурной парадигмы, элементом которой и является данная письменная традиция. Прототипическим примером подобной ситуации является распространение письменности на основе латиницы в бесписьменных обществах Африки южнее Сахары в результате деятельности христианских миссионеров и европейской колониальной экспансии. Подобные ситуации создают психологические стимулы для пятого типа формирования письменности, т.е. для создания новой оригинальной системы письма в обществах, где уже существуют письменные традиции, о чем см. ниже.

В ситуациях формирования и адаптации новых систем письма особенно отчетливо проявляется символическое значение письма, т.е. возрастает роль социальных, культурных и психологических факторов. Именно пятый тип по нашей классификации, т.е. создание новой оригинальной системы письма в обществах с уже утвердившейся письменной традицией, представляет особый интерес в рамках нашей работы. В подобной ситуации основные функции письма осуществляются в

рамках уже существующей письменной традиции. Символическая функция является единственной, которая может в этой ситуации стимулировать создание новой системы письма. Психологическая потребность в осуществлении этой функции оказывается столь сильной, что приводит к попыткам создания новой системы письма даже в отмеченных выше ситуациях, когда практические потребности соответствующего общества в письме успешно удовлетворяются с помощью уже имеющейся системы письма. Подобные попытки создания новых оригинальных систем письма в рамках пятого типа по нашей классификации отнюдь не являются исключительными и фиксируются в самых разных частях света. По всей видимости Западная Африка лидирует в этой области, что можно трактовать как естественное следствие языковой ситуации, сложившейся в этом регионе в колониальную и постколониальную эпохи. Так, на выставке «*5000 Jahre Schrift in Afrika*», организованной университетской библиотекой Кёльнского университета в 2008 году, были представлены оригинальные системы письма, разработанные в недавнее время для многих африканских языков, в том числе: ваи, менде, кпелле, лома, баса, н'ко, волоф, бамум, фула, багам, хауса, сомали, борама, оромо. Для некоторых языков было предложено более одной новой системы, см. развернутый каталог этой выставки [*5000 Jahre Schrift in Afrika*: 2008].

Упомянутые выше попытки создания нового оригинального письма имеют целый ряд общих черт. Прежде всего это частные индивидуальные проекты, осуществляемые отдельными энтузиастами в ситуациях, когда социальные и культурные функции письменности в соответствующих обществах реализуются на импортированных языках или на местных языках, но с использованием адаптированного для фонетики местных языков импортированного письма, как правило, на латинской или арабской основе. Символическая функция оказывается единственной, которая не реализуется в этом случае. Язык является первостепенным по значимости критерием коллективной аутоидентификации. Отсюда возникает настоятельная психологическая потребность в создании эксклюзивной системы письма, относящейся исключительно к соответствующей этноязыковой общности. Форма знаков этой новой системы должна отличаться от хорошо известных графем распространенных систем письма. Поэтому создатели этих новых систем предлагают собственные оригинальные формы знаков, что характерно для перечисленных выше новых систем письма в Африке.

Автору настоящей статьи довелось непосредственно соприкоснуться с подобной ситуацией. В 70-х годах прошлого века в сектор африканских языков Института языкознания, где работает автор, поступило письмо из Сенегала, в котором была представлена новая оригинальная система письма для языка серер – одного из крупнейших местных языков. У языка серер уже сложилась письменность на основе как арабской, так и латинской графики. В полном соответствии с описанными выше принципами внешняя форма знаков этой новой графической системы, предложенной в полученном послании, была совершенно оригинальной, не имеющей ничего общего ни с арабским письмом, ни с латиницей. При внимательном изучении предлагаемой системы письма серер автор настоящей статьи обнаружил, что это была слоговая система. Отметим, что сопроводительное письмо было напи-

сано по-французски, так что создатель этой новой системы не только был знаком с принципом алфавитного письма, но и свободно им владел. Здесь, вероятно, проявилась известная типологическая стадиальность в процессах эволюции графических систем, сформулированная одним из крупнейших специалистов в этой области И.Е. Гельбом. В своем труде, впервые опубликованном в 1952 г., Гельб разработал следующую типологическую последовательность стадий развития письма [Гельб 1982: 184-198]:

- 1) предписьменность (пиктография, идеография). Гельб предложил для этой стадии термин *семасиография*;
- 2) словесно-слоговое письмо;
- 3) слоговое письмо;
- 4) буквенное (алфавитное) письмо.

В процессе создания своей графической системы ее автор ориентировался на чисто фонетическое письмо. Очевидно, что вариант словесно-слогового письма, где существенная роль принадлежит логограммам, т.е. графемам, не имеющим фонетического значения, в подобных ситуациях встречается достаточно редко, как правило, на начальных этапах разработки новой системы письма; затем довольно быстро происходит отказ от использования словесных знаков в пользу слоговых. В данном случае было разработано слоговое, а не алфавитное письмо, несмотря на очевидные практические преимущества последнего. Это позволяет сделать вывод, что создатель новой графической системы ориентировался непосредственно на устный вариант своего языка и выбрал более архаическую силлабическую систему, поскольку она точнее соответствует спонтанному акустическому восприятию устной речи. В результате он стихийным образом воспроизвел в своей работе диахроническую стадиальность эволюции письма согласно концепции Гельба вместо того, чтобы использовать хорошо известный ему принцип алфавитной системы французского языка.

Однако в условиях, когда существующая система письма удовлетворяет все практические потребности, а также при отсутствии политической воли и административных ресурсов для поддержки в данном обществе новой системы письма, одна только символическая функция, как правило, оказывается недостаточной для адаптации новых систем. Именно такова была судьба новых оригинальных систем письма, разработанных в недавнее время в Африке и за ее пределами, в том числе и упомянутого выше письма серер. Спустя какое-то время автор настоящей статьи рассказал эту историю одному известному бельгийскому африканисту, который много лет провел в Сенегале и, как оказалось, был знаком с создателем для языка серер нового письма. По словам этого бельгийского африканиста, автор новой системы письма серер не смог найти для нее поддержки в Сенегале и послал свой проект в Москву в надежде получить содействие там.

Здесь следует отметить важное исключение, а именно письмо н'ко, созданное для языков группы манде в середине XX века. Письмо н'ко распространено в Мали, Гвинее, Сенегале, Республике Кот-д'Ивуар. На н'ко имеется достаточно обширный корпус публикаций, включающий журналы, переводы Корана и Библии, учебники, философские и художественные сочинения. По уровню распространения

ности в странах Западной Африки письмо н'ко значительно уступает латинице, в том числе и в том, что касается письменности на языках манде, где также преобладает латиница. Разумеется, доминирующее положение принадлежит здесь письменной традиции на французском языке. Феномен письма н'ко представляет безусловный интерес для общей теории письма, но для адекватной интерпретации социально-культурной востребованности н'ко требуются комплексные полевые исследования в рамках социальной психологии и культурной антропологии.

Символические причины привели к возрождению письма тифинаг у берберов Северной Африки, что вполне можно рассматривать как уникальное событие в общей истории письма, хотя оно полностью находится в рамках рассмотренной выше типологической тенденции создания оригинальных систем письма в новейшее время в условиях прочно утвердившихся в соответствующих обществах письменных традиций. Консонантное письмо тифинаг сохранилось до нашего времени у туарегов – берберских кочевников Западной Сахары. Тифинаг восходит к древнеливийскому (нумидийскому) письму, которое сложилось на основе финикийского письма в Карфагене – финикийской колонии в античной Северной Африке. В самом названии этого письма отчетливо прослеживается финикийское происхождение (*t*-берберский префиксальный показатель женского рода). В последние десятилетия наблюдается тенденция распространения письма тифинаг среди различных берберских этнических групп Магриба. Как отмечено выше, современное возрождение письма тифинаг вполне соответствует ситуациям создания новых систем письма в Тропической Африке, поскольку графика письма тифинаг не вызывает никаких ассоциаций с распространенными в современном мире системами письма, в данном конкретном случае с арабской и латинской. В этой связи необходимо заметить, что латинское и арабское письмо в конечном итоге также восходят к финикийскому, однако начертания букв претерпели слишком большие изменения, так что ни о каком внешнем сходстве говорить не приходится. При этом происхождение всех трех систем письма из общего источника отчетливо прослеживается в отдельных фрагментах алфавитной последовательности, принятой в соответствующих письменных традициях.

Символическая функция может оказаться определяющей в условиях коренного изменения политической, социальной и культурной ситуации в результате революций или радикальных политических изменений, например, замена арабского письма латиницей, а затем кириллицей в СССР или переход от арабского письма на латиницу в Турецкой республике в первой половине прошлого века. Разумеется, здесь существенную роль играли и чисто прагматические факторы. Консонантное арабское письмо вызывает большие трудности в тюркских языках с их богатым вокализмом и системой сингармонизма. Однако для реформы письма потребовалась радикальная смена политической системы в обеих странах.

Необходимо отметить и противоположные случаи, когда символическая функция письма становится серьезным, иногда непреодолимым препятствием для изменений и реформ в этой области. Так, логосиллабическая графическая система письма в Древнем Египте сохранялась вплоть до заката древнеегипетской цивилизации, хотя египетские писцы не имели никаких проблем для замены мно-

гочисленных логограмм несколькими десятками уже использовавшихся в древнеегипетском письме знаков, обозначающих один или два согласных. Замена словесно-слоговой системы письма на алфавитную стала возможной лишь с формированием коптского письма на основе заимствованного греческого в условиях коренного слома древнеегипетской религиозной и культурной парадигмы. Символический аспект безусловно занимает важное место в сложной системе социальных, психологических и культурных факторов, которые препятствуют реформам китайской и японской систем письма несмотря на очевидные трудности использования этих громоздких логосиллабических систем особенно в условиях современной глобализации. Многовековое использование тюркскими языками арабского письма вплоть до революций XX века несмотря на все практические неудобства также является следствием этой первостепенной роли символического фактора.

Что касается перспектив эволюции берберского письма тифинаг, можно отметить, что символические факторы, подобные отмеченным выше, действуют в пользу системы тифинаг в качестве альтернативы арабской и латинской системам письма. В отличие от стран Африки южнее Сахары в условиях современного Магриба арабское письмо никак не может рассматриваться как чуждое, импортированное. Разумеется, современный функциональный статус французского языка в странах Магриба нельзя сопоставлять с арабским, но французский язык также едва ли может восприниматься здесь как чужеродный феномен. Достаточно отметить, что когда в последней трети прошлого века в Магрибе разворачивались интенсивные программы арабизации, бербероязычные противники этого процесса солидаризировались с местными франкофонами. Так, в работах по анализу языковых ситуаций в странах Магриба часто можно было встретить противопоставление французского языка арабскому и берберскому, т.е. европейского языка восточным, тогда как на уровне локальной социальной психологии преобладало противопоставление арабского языка берберскому и французскому. (Подробное обсуждение этого вопроса выходит за рамки настоящей работы.) Уникальность письма тифинаг для современной социолингвистической ситуации состоит в том, что это не только оригинальное письмо, не имеющее коннотаций с существующими письменными традициями, т.е. с арабской и французской, что сближает этот случай с новыми системами письма, разработанными в Африке южнее Сахары, но еще и символ древнего исторического и культурного наследия берберской цивилизации. Именно этот символический аспект обеспечивает достаточно устойчивый статус письма тифинаг в рамках традиционного берберского культурного пространства вопреки очевидным весьма жестким функциональным барьерам на всех уровнях современной социальной и культурной парадигмы стран Магриба, где фактически исключена конкуренция письма тифинаг с арабским письмом и латиницей практически во всех сферах современной общественной и культурной жизни.

В заключительной части статьи данная проблематика будет рассмотрена на примере языка хауса, который представляет в рамках нашей проблематики особый интерес. Язык хауса – второй после суахили крупнейший язык Африки



южнее Сахары. На нем говорят несколько десятков миллионов человек как на родном и втором языке в Северной Нигерии, Нигере, Гане и других странах Западной Африки. Хауса широко распространен в Тропической Африке как лингва франка.

Язык хауса обладает одной из наиболее развитых и богатых письменных традиций среди младописьменных африканских языков. В принципе следует говорить о двух письменных традициях хауса – арабографической и на основе латинской графики (о соотношении этих письменных традиций см. [Порхомовский 2002]). Однако в данном случае отсутствует резкое противопоставление обеих традиций, как, например, в ситуации с хинди и урду, где на языковой основе хиндустаны сложились две письменно-литературные нормы, ориентированные соответственно на письмо деванагари, индуизм и санскрит, с одной стороны, и на арабскую графику, ислам, арабский и персидский языки, с другой. Это привело к возникновению двух самостоятельных литературных языков в рамках единой языковой структуры.

В случае хауса письменная традиция первоначально сложилась на базе арабской графики, т.н. аджами. Первоначально этим термином арабы обозначали «плохие» местные варианты арабского языка, а также тексты в арабской графике на других языках, прежде всего на персидском. Арабы Андалусии обозначали так испанский язык. В Африке южнее Сахары термин аджами закрепился за письменностью на местных африканских языках в арабской графике. Процесс становления традиции аджами в странах хауса приходится преимущественно на XIX век, охватывая также конец XVIII и начало XX веков. Судя по данным средневековых хроник проникновение ислама в земли хауса началось еще в XIII в. В течение длительного времени единственным средством письменного общения в странах хауса являлся арабский язык. Лишь постепенно наряду с арабским в качестве письменного языка стал использоваться и хауса, естественно, в арабской графике.

В этой связи возникает интересный вопрос о роли европейского фактора в процессе становления письменной традиции аджами. Разумеется, традиция аджами возникла и сформировалась у хауса в контексте арабо-мусульманской культуры, где доминирующую роль играл классический арабский язык на основе языка Корана. Поэтому на ранних этапах формирования письменной словесности хауса важные тексты, в том числе исторические хроники хауса, часто записывались на арабском языке, и лишь затем осуществлялся их обратный перевод на язык хауса. В результате естественным образом возникает ситуация, когда письменная традиция аджами воспринимается как чужеродная по отношению к традиционной устной культуре хауса, а процесс ее адаптации и ассимиляции растягивается на весьма длительный срок. Однако в процессе создания первоначального корпуса текстов хауса на аджами следует учитывать очень важное обстоятельство, а именно во многих случаях эти тексты сочинялись или записывались (если речь шла о фиксации памятников устной традиции) по заказу европейских исследователей и коллекционеров – Дж. Ричардсона, Ф. Эдгара, А. Мишлиха и др. Так, один из крупнейших писателей и мусульманских

ученых хауса Альхаджи Умару (1858-1934) писал по заказу немецкого африканиста и крупного колониального чиновника А. Мишлиха [Порхомовский, Суетина 1999: 294-295].

С установлением британского колониального режима в Северной Нигерии возникает и письменная традиция хауса на латинской основе. Эта традиция получила в языке хауса название *boko* – «латиница», а в более абстрактном расширительном значении – «светское западное образование». В лексикографии хауса всегда было принято рассматривать этот термин как заимствованное английское слово '*book*'. Так трактовали эту лексему наиболее авторитетные словари хауса, так что данная этимология принималась без комментариев. Однако автор настоящей статьи практически с самого начала своих занятий языком хауса полагал, что это ложная этимология. В результате стандартных процессов фонетической адаптации заимствований английское слово '*book*' в языке хауса должно было дать *\*buki*. При этом следует подчеркнуть, что *boko* в значении «латиница, «светское европейское образование» полностью фонетически совпадает с хаусанским словом со значением «подделка, фальшивка, обман», в том числе и по суперсегментным характеристикам (тоны и долготы гласных). Поэтому очевидно, что здесь представлено не прямое заимствование термина *boko* из английского *book*, а результат аналогии, основанной на фонетическом сходстве лексемы *boko* «подделка, фальшивка, обман» в хауса с английским *book*, т.е. здесь представлен случай так называемой «народной этимологии», причем роль «народа» сыграли традиционные ученые и писатели хауса, негативно относившиеся к деятельности христианских миссионеров, которые прикладывали значительные усилия для разработки и распространения письменности на основе латиницы в Западном и Центральном Судане.

Это отношение хорошо видно на примере поэмы, написанной в 1965 г. хаусанским поэтом Алийу Хусайни в рамках предвыборной политической кампании в Северной Нигерии [Furniss 1995: 112-127]. Автор воспевает родословную Ахмаду Белло и его всевозможные достоинства, важное место среди которых занимает непримиримое отношение к *boko*:

Сардауна сказал, что ваше *boko* – это предательство

Мы должны относиться к *boko* как к глупости

Ведь мы не используем *boko* в нашей вере

И на Небесах нет *boko*

Да поможет Аллах тем, кто на стороне правды.

(*Сардауна* – традиционный титул хауса). Оригинальный текст на языке хауса и дальнейшую библиографию см. [Порхомовский 2011: 72-80].

В контексте британской системы косвенного управления в Северной Нигерии письменная традиция *боко* получила на протяжении прошлого века мощные импульсы для своего развития. Действовали программы языкового строительства, издавалась разнообразная печатная продукция, активно развивались процессы формирования современной письменно-литературной нормы хауса. Разумеется, во всех этих процессах письму *боко* принадлежала абсолютная монополия. Всё это означает, что письмо *боко* постепенно получило в землях хауса статус важнейшего имманентного элемента современной культурной и социальной парадигмы.

Таким образом, процесс формирования и адаптации систем письма хауса можно разделить на два этапа. На первом этапе в традиционном обществе хауса отсутствовал запрос на создание собственной системы письма, а письмо аджами воспринималось как чуждый феномен, элемент импортированной арабомусульманской культуры. Постепенно происходила ассимиляция письменной традиции аджами, в том числе и под влиянием спроса со стороны европейских заказчиков. Процесс превращения аджами в элемент традиционной культуры хауса значительно усилился с появлением письма боко, с распространением европейского образования и европейской культурной парадигмы в целом и с формированием психологической оппозиции *аджами* ~ *боко*. Естественно, что в контексте преобладания боко в современных городских социальных структурах письмо аджами, сохранявшее свои позиции в традиционной мусульманской среде, стало символизировать традиционные культурные ценности хауса, тогда как на предыдущем этапе письмо аджами скорее символизировало ценности арабомусульманской культуры, противопоставленные устным традициям культуры хауса. В результате возникла ситуация параллельного существования двух социокультурных парадигм и, соответственно, двух письменных традиций в рамках единого социума. Боко доминирует в сферах современной жизни - политической, экономической, социальной и культурной, а аджами сохраняет свой статус, ограниченный рамками традиционной мусульманской среды. Можно также отметить диалектные различия между двумя письменными традициями, вызванные сложившимся пространственным соотношением между современными социально-экономическими и историческими культурно-религиозными центрами, с одной стороны, и с диалектными ареалами хауса в Северной Нигерии, с другой. В качестве специфического подтверждения стабильного сосуществования обеих письменных традиций хауса можно привести издание Корана с параллельными текстами на арабском языке и на хауса, причем версия хауса опубликована на боко, а не на аджами, как можно было ожидать.

В то же время ситуация с двумя системами письма хауса в принципе соответствует описанным выше случаям в младописьменных обществах, когда возникает психологическая потребность в реализации символической функции, т.е. создания собственной оригинальной системы письма. В полном соответствии с этой моделью в конце прошлого века была создана оригинальная новая система письма хауса. Автор этой системы Адари Салифу назвал ее «гобири». Гобир – это историческая область хауса на северо-востоке Нигерии, родина Салифу. Гобир принадлежит к группе современных африканских систем письма, о которых речь шла выше. Во всех подобных системах реализуется принцип оригинальности графики, не имеющей параллелей в распространенных системах письма. Письмо гобир соответствует этому принципу. Салифу использовал отдельные элементы арабского и латинского письма, а также письма тифинаг. Однако ему удалось создать оригинальный алфавит, не имеющий очевидного сходства с известными системами письма. Разумеется, как и другие аналогичные системы, письмо гобир не получило распространения, но оно остается впечатляющим доказательством значимости символического аспекта письменности, требующего создания новых систем письма, отвечающих этой символической потребности, даже в условиях стабильного сосуществования

двух систем, находящихся в ситуации дополнительного распределения в том, что касается культурных и социальных аспектов.

Закончить параграф о системах письма хауса приходится следующим образом. В 2002 г., когда автор настоящей статьи опубликовал свою этимологию термина *боко*, была основана организация «Боко харам». Тогда автор не имел об этом никакого понятия. Однако за прошедшие годы специальный термин в весьма узкой области истории и теории письма в Африке получил широкую известность во всем мире из-за террористической деятельности организации «Боко харам», что в переводе с хауса означает «западное образование (< латинское письмо) запрещено законом». Таким образом, этот трагический эпилог в известном смысле подтверждает значение символического аспекта систем письма в младописьменных обществах.

В заключение необходимо отметить, что возникновение и распространение письменной традиции в обществе с абсолютным доминированием устного способа языковой коммуникации означает фундаментальный сдвиг в социокультурной парадигме или даже ее слом. Причем есть все основания предполагать, что наиболее радикальные перемены связаны не столько с первичным появлением внешней письменной традиции в бесписьменном обществе в ходе распространения там импортированного языка, сколько с адаптацией этой импортированной письменности для автохтонных бесписьменных языков.

### **Литература**

Гельб И.Е. Опыт изучения письма. (Перевод с английского). М.: Радуга, 1982. С. 184-198.

Порхомовский В.Я. Соотношение двух письменных традиций хауса в культурно-исторической перспективе // Ломоносовские чтения. Востоковедение. Тезисы докладов. Апрель 2002. М.: ИСАА при МГУ. С. 86-90.

Порхомовский В.Я. Культурная парадигма хауса и язык // Культурно-историческая парадигма и языковые процессы. М.: Эйдос, 2011. С. 72-88.

Порхомовский В.Я., Суетина Ю.Г. Устные формы языка и литературная норма в хауса // Устные формы литературного языка. История и современность. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 293-312.

Furniss G. 1995. Ideology in Practice. Hausa Poetry as Exposition of Values and Viewpoints. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 1995. 245 p.

5000 Jahre Schrift in Afrika. A. Kootz & H. Pasch (Hg). // Kleine Schriften der Universitäts- und Stadtbibliothek Köln, 24. 2008. 134 p.

## WRITING AS A SOCIOCULTURAL AND PSYCHOLOGICAL PHENOMENON

**Viktor Ya. Porkhomovskiy**

Professor, Chief researcher

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

1 str. 1 Bolshoy Kislovskiy per., Moscow, 125009

*vporkhom@yahoo.com*

The focus of the present paper is on symbolic function of writing as well as on social, psychological and cultural factors which form and determine this symbolic function. The best possibilities to analyze these problems are left by the process of creation and adaptation of the new system of writing within the framework of a given ethnolinguistic community, where a certain system of writing already exists and functions. This situation allows to determine precise characteristics of different systems of writing on the basis of comparative analysis of their functions. Typological classification of new writing systems formation ways has been worked out within the framework of the present study. Three first types in this classification pertain to societies without writing. Two remaining types describe situations where a certain written tradition already exists. Special attention is paid to the role of the symbolic aspect in the elaboration of the form of graphic signs for new original systems of writing. The analysis is based on the new writing systems created in Africa with a special focus on the N'ko script for Mande languages, three Hausa writing systems and the Tifinagh alphabet in Berber communities. The problems of the new writing systems assimilation in the societies with existing writing traditions are also examined in the present paper.

**Keywords:** writing systems, written traditions, Arabic script, Latin script, Tifinagh writing, N'ko writing, alphabet writing, syllabic writing, symbolic aspect of writing.

### References

*Furniss G.* 1995. Ideology in Practice. Hausa Poetry as Exposition of Values and Viewpoints. Köln: Rüdiger Köppe Verlag, 1995. 245 p.

*Gel'b I.E.* Opyt izuchenija pis'ma. (Perevod s anglijskogo). [A study of writing. (Translation from English)]. M.: Raduga, 1982. S. 184-198.

*Porhomovskij V.Ja.* Sootnoshenie dvuh pis'mennyh tradicij hausa v kul'turno-istoricheskoy perspektive. [Correlation of two Hausa written traditions from a cultural-historical perspective] // Lomonosovskie chteniya. Vostokovedenie. Tezisy dokladov. [Lomonossov readings. Oriental studies. Abstracts]. Aprel' 2002. M. ISAA pri MGU. S. 86-90.

*Porhomovskij V.Ja.* Kul'turnaja paradigma hausa i jazyk [Hausa cultural paradigm and language] // Kul'turno-istoricheskaja paradigma i jazykovye processy. [Cultural-historical paradigm and language processes]. M.: Ejdos, 2011. S. 72-88.

*Porhomovskij V.Ja., Suetina Ju.G.* Ustnye formy jazyka i literaturnaja norma v hausa. [Oral language forms and standard norm in Hausa] // Ustnye formy literaturnogo jazyka. Istorija i sovremennost'. [Oral forms of standard language. History and modern times]. M.: Jeditorial URSS, 1999. S. 293-312.

5000 Jahre Schrift in Afrika. A. Kootz & H. Pasch (Hg). // Kleine Schriften der Universitäts- und Stadtbibliothek Köln, 24. 2008. 134 p.



**ДИСЛОКАЦИОННО-КОМПРЕССИВНАЯ МЕТОНИМИЯ  
(НА МАТЕРИАЛЕ СУБСТАНТИВНО-АДЪЕКТИВНЫХ  
СЛОВСОЧЕТАНИЙ)**

**Сигал Кирилл Яковлевич**

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,  
заведующий отделом экспериментальных исследований речи

Институт языкознания РАН

125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., 1/1

*kjseagal@yandex.ru*

В статье предпринята попытка подойти к понятию синтаксической метонимии и рассмотреть одну из ее разновидностей в сфере свободных словосочетаний. Показано, что синтаксическая метонимия позволяет объяснять, как происходит синтаксическая развертка предложения-высказывания в условиях нестандартного семантико-синтаксического интерфейса. В последнее время синтаксическую метонимию стали исследовать в когнитивной лингвистике, в психо- и нейролингвистике, к ней обращаются в таких направлениях, как теория дискурсивной метонимии и метонимическая грамматика. В статье описан такой тип вторичной синтаксической метонимии, как дислокационно-компрессивная метонимия, на материале субстантивно-адъективных словосочетаний русского языка. В таких конструкциях наблюдается противоречие между синтаксической и семантической зависимостью адъективного компонента. Автор статьи объясняет структурный механизм этих словосочетаний, семиотико-семантическую природу, дискурсивные свойства, особенности их порождения и восприятия. В психолингвистическом эксперименте показано, что аутентичная смысловая интерпретация словосочетания с дислокационно-компрессивной метонимией обеспечивается только в дискурсе. Такие свободные словосочетания принадлежат экспрессивному синтаксису и относятся к гипаллаге. «Деривационные истории» словосочетаний с дислокационно-компрессивной метонимией свидетельствуют о том, что порождение свободных словосочетаний не исчерпывается механизмами валентностного синтаксиса.

**Ключевые слова:** словосочетание, синтаксическая метонимия, дислокационно-компрессивная метонимия, экспрессивный синтаксис, гипаллага, психолингвистический эксперимент.

*<...> metonymy in grammar should not be seen as a problem  
but as part of the solution  
[Langacker 2009: 69]*

**Введение.** Традиционно в лингвистике метонимию трактовали как семантический перенос, троп и – реже – механизм речи, отображающий в сигнификативной «перезагрузке» имени смежность двух предметов, включенных, например, в модель «часть вместо целого», что неизбежно ограничивало действие метонимии сферой вторичной словесной номинации и тем самым замыкало метонимию в

пределах лексикологии. Между тем Р.О. Якобсон допускал метонимию на разных уровнях языка, в том числе на синтаксическом, причем как в собственно позиционном, так и в семантическом аспектах [Якобсон 1996: 47]. Возникает вопрос: как же от традиционного, сугубо лексикологического, понятия метонимии перейти к понятию метонимии в сфере синтаксиса, или, говоря иначе, к понятию синтаксической метонимии?

**К понятию синтаксической метонимии.** Представляется, что здесь было бы уместно обратиться к следующему тезису А.А. Потебни: «Независимо от отношения слов первообразных и производных, *всякое слово*, как звуковой знак значения, основано на сочетании звука и значения по одновременности или последовательности, следовательно, *есть метонимия* (курсив мой. — К.С.)» [Потебня 1905: 203]. Очевидно, что А.А. Потебне была близка мысль о том, что метонимия создает словесный знак как таковой и что участие метонимии в первичном знакообразовании вообще весьма значительно. Усилиями специалистов по когнитивной лингвистике была осуществлена экстраполяция тезиса А.А. Потебни, почти никогда, к сожалению, не приводимого ими, на весь спектр языковых знаков: любой из них (и синтаксический – не исключение!) представляет своим конвенциональным значением ту или иную когнитивную структуру «редуцированно и метонимически» [Кубрякова 2012: 163].

Поэтому не приходится сомневаться в том, что возникновение синтаксических образцов разной обобщенности было обеспечено когда-то не чем иным, как метонимической сигнификацией: ведь, действительно, семантика той или иной модели словосочетания, например, «вычерпывает» из онтологии предметного отношения лишь то, что могло становиться регулярной прагматико-смысловой «скрепой» этого отношения, и, что крайне важно, предельно отвлечена от множества однотипных отношений в их предметной воплощенности. Генезис синтаксических образцов – результат действия первичной синтаксической метонимии: так, в сфере словосочетаний, какой бы денотативный диапазон предметов и их признаков ни был вовлечен в формирование атрибутивных отношений, способом их вербализации окажется одна из субстантивных моделей.

Л.С. Выготский, показавший особую роль принципа метонимии в дифференциации смысловой и фазической сторон речи, писал о том, что «смысловая сторона речи развивается от целого к части, от предложения к слову, а внешняя сторона речи идет от части к целому, от слова к предложению» [Выготский 2006: 963]. Вследствие этого для объяснения функционального генезиса синтаксических структур, в частности словосочетаний, привычная для лингвистов идея реализации является недостаточной, так как ею имплицитно «готовность» этих структур, слитность их смысловой и фазической сторон, а главное, отсутствие у них взаимодействия с другими, в чем-то аналогичными, структурами предложения-высказывания (и дискурса). Не удивительно поэтому, что при объяснении всякого рода синтаксических деформаций, демонстрирующих искусственность подобных ограничений, лингвисты обращались к метонимии, о чем свидетельствуют такие термины, как, например, «метонимический эпитет» [Москвин 2007: 403]. Это уже не что иное, как вторичная синтаксическая метонимия, проявляющаяся в таких прецедентах «овнешнения» (термин Е.Ф. Тарасова), которые нарушают предметно-смысловую



стереотипность синтаксических связей при порождении / смысловом восприятии предложения-высказывания.

Получается, что если первичная синтаксическая метонимия способствует формированию синтаксических образцов в языке, то вторичная – предоставляет равнозначный доступ к воплощению определенного синтаксического образца в речи. Метонимия в синтаксисе – это, с одной стороны, факт языка / речи, а с другой стороны, способ (но, безусловно, отнюдь не единственный) объяснения того, как происходит синтаксическая развертка предложения-высказывания в условиях нестандартного семантико-синтаксического интерфейса.

### **О месте синтаксической метонимии в современных исследованиях.**

Изучение синтаксической метонимии в такой ее трактовке, несомненно, согласуется с новыми тенденциями освещения метонимии в лингвистике. Так, например, если Дж. Лакофф отмечает, что «метонимия представляет собой одну из базовых характеристик познания» [Лакофф 2004: 111], а Р. Гиббс описывает метонимию как существенную часть повседневной мыслительной и речевой деятельности [Gibbs 1999: 61], то Р. Лангакер в рамках когнитивной грамматики выдвигает идею грамматики метонимической (*metonymic grammar*) [Langacker 2009]. По мнению Р. Лангакера, метонимическая природа грамматики состоит в том, что информация, передаваемая ее средствами, не исчерпывается их конвенциональными значениями [Langacker 2009: 46]. Метонимия как особый операциональный механизм рассматривается ныне в психо- и нейролингвистике [Bierwiazzonek 2013; Denroche 2015]. Правда, следует сказать о том, что собственно синтаксису, если не сводить его преимущественно к косвенным речевым актам, отводится весьма скромное место в той таксономии метонимических процессов, которая намечена в лингвистике последнего времени.

Исключение в этом плане составляет теория дискурсивной метонимии, где разнообразные синтаксические прецеденты включены в обоснование ключевой идеи о том, что в своих истоках «метонимия – явление дискурсивное *par excellence*» [Раевская 1999: 3], т.е. «реализуется только в рамках текста и вне его не существует» [Раевская 2000: 50]. К сожалению, в теории дискурсивной метонимии постулируется непроходимая граница между синтаксическим генезисом отдельных метонимических конструкций и их лексикализацией, а также не обсуждается метонимическая перцепция таких устойчивых словесных конструкций, которые по своему происхождению никак не связаны с синтаксической метонимией. Кроме того, метонимия в синтаксисе предстает здесь прежде всего в риторическом и семантико-стилистическом ракурсах [Сандакова 2004], тогда как описание подлинно синтаксических разновидностей метонимии с учетом их структурного механизма не рассматривается как приоритетная задача.

**Постановка проблемы.** Очевидно, что сейчас наиболее перспективно изучение отдельного типа синтаксической метонимии на материале одной синтаксической единицы, состоящее в объяснении его структурного механизма, семиотико-семантической природы, дискурсивных свойств, обращения с ним в речевой деятельности. В настоящей статье в качестве объекта подобного изучения избран такой тип синтаксической метонимии, как дислокационно-компрессивный, и такая синтаксическая единица, как субстантивно-адъективное словосочетание, являю-

щееся в языковом сознании носителей русского языка прототипическим словосочетанием [Сигал 2010]. Несмотря на то, что к речевым фактам, о которых пойдет речь далее, не раз обращались в синтаксисе, в семантике, а главное, в стилистике (и риторике), даже по отношению к ним справедливо мнение, согласно которому метонимия «настолько естественна в речи и широко используется в ней, что осознать ее часто очень трудно» [Рябцева 2005: 83].

**Дислокационно-компрессивный тип синтаксической метонимии: от описания к объяснению.** Дислокационно-компрессивная метонимия (ДКМ) представляет собой такой тип вторичной синтаксической метонимии, при котором компонент, отделяясь от целостной конструкции, смещается вверх по дереву синтаксической зависимости и ближе к началу линейно-речевой структуры предложения-высказывания, а «остатки» этой некогда целостной конструкции сокращаются. ДКМ приводит к такому синтаксическому переоформлению предложения-высказывания, при котором достигается компактность непредикативного сектора, связанная с распадом словосочетательной цепи (I), либо, наоборот, развертка непредикативного сектора, осуществляемая в результате смещения в матричное или – чаще – в новое предложение компонента из полупредикативной (II) или придаточной предикативной (III) конструкции. В том случае, когда ДКМ приводит к созданию субстантивно-адъективного словосочетания, смещенный зависимый компонент может как сохранять свой частеречный статус, так и менять его за счет транспозиции. Образующая посредством ДКМ новая целостная конструкция – субстантивно-адъективное словосочетание – характеризуется «расхождением между грамматической и семантической зависимостью прилагательного» [Раевская 2000: 51] и тем самым показывает, что ее генезис никак не обусловлен валентностным синтаксисом.

Рассмотрим подобные субстантивно-адъективные словосочетания с учетом достаточного для нужд их функционально-генетического анализа синтаксического контекста, в котором оказались совмещены исходные структуры и их дериваты – словосочетания, полученные благодаря ДКМ.

*1. Как показали результаты опытов, больные с поражением передних отделов речевых зон резко отличались от больных с поражением теменно-затылочных отделов коры. У «передних» больных ошибки носили чисто синтагматический характер* (А. Лурия. Язык и сознание). Исходное сложное словосочетание и его дериват семантически тождественны, но вместо словосочетательной цепи с базовым атрибутивным отношением, обладающей четырьмя уровнями глубины подчинения, посредством смещения определения-прилагательного с третьего уровня глубины подчинения на первый и стяжения всей конструкции образуется простое атрибутивное словосочетание. «Запуск» ДКМ вызван тем, что на целое переносится признак его внутренней части. Важно отметить, что адъективный компонент словосочетания-деривата снабжен кавычками, выступающими в качестве маркера смещенности и нестандартности семантической программы субстантивно-адъективного словосочетания. Употребление кавычек в таких случаях sporadически встречается в письменно-речевом узусе, но не является обязательным.

Применение ДКМ к словосочетательным цепям, в определенных лексико-грамматических условиях ставшее типичным, может казаться, однако,

прагматически неприемлемым, что приводит к такому самоисправлению говорящего, при котором более сложно устроенное словосочетание предпочитается менее сложно устроенному. Ср.: *...но шмотки – это не твоя личная жизнь, это часть имиджа моего главного редактора, прости, главного редактора моего издательства* (Е. Вильмонт. Мимолетности, или Подумаешь, бином Ньютона). Повидимому, метонимия, в частности ДКМ, далеко не всегда «делает... коммуникацию... в целом более «прагматичной»» [Рябцева 2005: 82].

II. *...и тем не менее он (человек. – К.С.) догнал и оставил за собой двух странных пожилых бегунов – мужчину и женщину, обтянутых синими шерстяными трико, в белых кедах. <...> Это была все та же пара синих бегунов* (В. Дудинцев. Белые одежды). От полупредикативной конструкции, представленной определяемым словом – субстантивом в атрибутивно-аппозитивном обрамлении – и обособленным атрибутивом – причастным оборотом, в результате ДКМ образуется такое сложное словосочетание, в составе которого имеется зависимое субстантивно-адъективное словосочетание, построенное из исходного определяемого слова и смещенного определения-прилагательного. При референциальном тождестве исходной синтаксической структуры и словосочетания-деривата очевидна их информационно-смысловая неравнообъемность, обусловленная сокращениями как в группе определяемого слова, так и в обособленном атрибутиве. ДКМ обеспечена характерным для вторичных словосочетаний со смещенным определением «переносом» на человека признака его одежды (в данном случае – цвета), поскольку «одежда служит как бы продолжением человеческого тела» [Коротеев 1964: 8].

Такие субстантивно-адъективные словосочетания с ДКМ, как *синие бегуны*, допуская эллипсис главного компонента, способствуют возникновению однословной номинации – субстантивата (*синие*), встречающегося, например, в спортивных комментариях. Этот факт свидетельствует о том, что вообще смещенный адъективный компонент «как бы субстантивируется семантически, но не грамматически» [Никитин 1996: 261], хотя при разрушении вторичного словосочетания такая субстантивация приобретает грамматический характер.

III. *Ничего особенного не было в этой комнате, где должна начаться новая эпоха в русской литературе, ему (Жоржу Дансу. – К.С.) нравилось так думать. <...> В эпохальной комнате стояли стол, креслице, компьютер и было много дамских безделушек...* (Т. Устинова. Дом-фантом в приданое). Придаточная предикативная конструкция с атрибутивной семантикой, присоединяемая союзным словом *где*, действием ДКМ преобразуется в субстантивно-адъективное словосочетание, в котором позицию зависимого компонента занимает прилагательное, образованное от существительного, выполнявшего функцию подлежащего в придаточной конструкции. Опорный компонент придаточной конструкции и главный компонент словосочетания-деривата – одна и та же локативная предложно-падежная словоформа. Этот случай ДКМ демонстрирует эмпирическую ограниченность термина-понятия «смещенное определение»: тот компонент, который в результате смещения оказывается определением, в исходной конструкции может являться не только определением, но и другим членом предложения. По сравнению с предикативной конструкцией словосочетание – не более чем ее смысловой «концентрат», но их единая референциальная отнесенность поддерживается самим построением дис-

курса. Применение ДКМ вызвано тем, что помещению дается оценочная характеристика, связанная с событием, которое должно в нем произойти. Перенос оценки из сферы концепта 'событие' в сферу концепта 'контейнер' придает ей ироническую коннотацию.

Субстантивно-адъективные словосочетания, возникшие вследствие ДКМ, способны решать различные собственно дискурсивные задачи. Ведущая их функция – более обобщенное и «сжатое описание» [Москвин 2007: 404] новых категориальных (точнее, субкатегориальных) сущностей. В дискурсе таким словосочетаниям обычно предшествуют более развернутые синтаксические структуры, в том числе полу- или полнопредикативные (см. приведенные выше примеры). В этом случае категоризация осуществляется в самом дискурсе и за счет дискурсивных связей. Менее характерная функция – введение в дискурс «готовой» (суб)категории, в частности в цитатном режиме, побуждающее к ее разъяснению посредством целой предикации. Ср.: *Некоторые богословы говорят, что есть «религиозные» бесы. Имеются в виду такие бесы, которые искажают характер религиозной жизни человека* (Прот. О. Стеняев. Беседы на Нагорную проповедь). В этом случае категоризация путем ДКМ состоялась прежде, вторичное словосочетание только воспроизводится, но вслед за ним требуется развернуть в дискурсе пояснительную конструкцию, выполняющую метаязыковую функцию.

ДКМ, операционально объединяя исходные структуры и словосочетания-дериваты, способствует такому насыщению дискурса атрибутивной семантикой, при котором по-разному происходит дозировка информации, а описательный модус ее подачи конкурирует либо взаимодействует с категоризационным.

ДКМ создает словосочетания метасемиотического характера, в которых «содержание и выражение... вместе становятся выражением для нового содержания на новом “мета”-уровне» [Тер-Минасова 2004: 7] и которым свойственна «семантическая стереоскопия» [Раевская 1999: 12]. «С помощью дискурсивного метонимического словосочетания, – комментирует это свойство М.В. Сандакова, – говорящий вычленяет и помещает в фокус внимания двух участников ситуации – одного, названного существительным, и другого, который репрезентируется через свойство, заимствованное у него и переданное первому» [Сандакова 2004: 106]. Важно отметить, что ДКМ чаще всего выступает как «средство выражения субъективной системы знаний» [Манчинова 1998: 13], основанной вместе с тем на вполне типичных метонимических отношениях между понятиями [Норман 1994: 184]. Не менее важен, однако, тот факт, что «живая» ДКМ неотрывна от дискурса, в котором созданные благодаря ей словосочетания обретают свою семантическую конкретность. Даже лексикализация словосочетаний, возникших в результате ДКМ, не столько освобождает их от дискурса, сколько «тянет» его за собой, превращая в импликационный фон (ср.: *колбасный поезд* и т.п.). При этом почти неизбежна идиоматическая трансформация семантики словосочетания: так, во времена дефицита на колбасных поездах ездили в Москву, конечно, не только за колбасой. Ср.: *А еще мне запомнилась так называемый «колбасный поезд». На нем ярославцы ездили в столицу, чтобы покупать колбасу и мясо, т.е. продукты, каковых в их родном городе достать было невозможно* (Прот. М. Ардов. Монография о графомане).

ДКМ, осмысляемую как частный случай гиппалаги, считают чуть ли не исключительной принадлежностью художественного дискурса [Коротеев 1964: 11; Москвин 2007: 716–717; Сквородников 2003: 131]. Представляется, что ДКМ, результатом которой является субстантивно-адъективное словосочетание, выступает, скорее, как такой общедискурсивный механизм, активизация которого наиболее заметна также в современной публицистике. Приведем несколько примеров из публикаций в газете «Московский комсомолец», связанных с недостатками в проведении переписи населения в 2010 г. Ср.: *На некоторых участках давали указания составлять как можно больше «женатых» анкет, не указывая данные о вдовах и одиноких женщинах* (Кс. Конюхова, 4 марта 2011 г.); *Говорят, переписчики сидели в ЖЭКах и в ДЭЗах – переписывали домовые книги. В процессе этой бумажной работы у них могло получиться гораздо больше бумажных людей. И стимул был: чем больше напишешь – тем больше заработаешь* (А. Минкин, 29 марта 2011 г.). По-видимому, для современной публицистики, в которой сделан особый акцент на синтаксисе воздействия, такие словосочетания с ДКМ интересны своей семантической напряженностью, нарушением семантических ожиданий, выработанных валентностным синтаксисом, побуждением к «снятию» семантического конфликта и обретению неочевидного вначале наглядного образа. Все эти семантические эффекты, несомненно, характеризуют созданные в результате ДКМ словосочетания как принадлежащие к сфере экспрессивного синтаксиса.

«Синтаксическая единица, – отмечал А.А. Леонтьев, – своего рода застывшая операция, вернее, отображение этой операции» [Леонтьев 2001: 219], еще же точнее, – отображение одной из возможных операций, участвующих в ее речевом построении. Очевидно, что ДКМ и есть одна из ряда таких операций, способных к отображению в форме субстантивно-адъективного словосочетания. Причем ДКМ ничуть не привязана к субстрату конкретного словосочетания в дискурсе, она носит абстрактно-обобщенный характер. Это видно, например, из семантического курьеза, о котором рассказал известный педагог Е. Ямбург в статье «Конец света не видно. Мартовские тезисы»: *Еще в прошлом веке в составе высокой комиссии я оказался на открытом уроке молоденькой учительницы начальных классов сельской школы. После каждого произведенного арифметического действия дети вскакивали и начинали бегать вокруг парт. После урока, когда я осторожно поинтересовался загадочной методикой обучения арифметике, учительница удовлетворила мое любопытство: «Так в методическом пособии написано: обучение беглому счету»* (Московский комсомолец, 22 марта 2011 г.).

Учительница явно восприняла словосочетание-термин сквозь призму ДКМ, поэтому для нее *беглый счет* – это, по всей видимости, ‘счет, после выполнения которого учащиеся бегают вокруг парт’. В действительности, это словосочетание вовсе не связано с ДКМ, его генезис – в валентностном синтаксисе: *беглый 2*. ‘быстрый, не задерживающийся’ [ТСРЯ 2007: 34], т.е. имеется в виду ‘счет без затруднений’. Курьезный случай, рассказанный Е. Ямбургом, беспристрастно свидетельствует о том, что опытное знание ДКМ как таковой дает возможность воспользоваться ею (точнее, семантическими гипотезами на ее основе) даже в том случае, когда происходит смысловое восприятие неметонимического по своему синтаксическому генезису субстантивно-адъективного словосочетания. Поэтому, скорее

всего, прав Р. Гиббс, настаивая на отграничении «переработки метонимического языка» (processing metonymic language) от «метонимической переработки языка» (metonymic processing of language) [Gibbs 1999: 69].

**Психолингвистический эксперимент: гипотеза, процедура, результаты, обсуждение.** Словосочетания, созданные в результате ДКМ, подобно любым другим метасемиотическим словосочетаниям, являются «абсолютно свободными», поскольку «в сочетаниях такого рода бросается в глаза абсолютная свобода говорящего, его индивидуальное творчество при соединении слов в речи» [Тер-Минасова 2009: 139]. Хотя в порождении таких словосочетаний не меньшую роль, чем в синтаксисе вообще, играет ориентация на тот или иной способ оперирования этими структурами и, в конечном счете, на один из вариантов речевого опосредования конкретной модели словосочетания, нет сомнений в том, что ДКМ, действительно, позволяет говорящему строить словосочетания (и контекст вокруг них) не автоматически и отчужденно, а как бы «отливая» их «по себе» [Флоренский 1999: 153].

Вместе с тем наблюдения показывают, что словосочетание чем менее свободно, тем более независимо от дискурса. Наоборот, так называемые абсолютно свободные словосочетания, возникшие, в частности, вследствие ДКМ, оказываются, образно говоря, привязанными к дискурсу. Достаточно напомнить, что у А. Лурия «*передние*» *больные* – вовсе не ‘больные, находящиеся впереди’, а ‘больные с поражением передних отделов речевых зон’, но в отрыве от дискурса обеспечить такой результат смыслового восприятия словосочетания почти невозможно. Вероятнее всего, подобные факты послужили основанием для утверждения о том, что «дискурсивная метонимия (в том числе ДКМ. – К.С.) вне контекста, как правило, непонятна (или понятна лишь отчасти)» [Сандакова 2004: 107]. Это утверждение, представляющее собой не что иное, как гипотезу, нуждается в экспериментальной проверке. Кроме того, рассчитывая на то, что в отрыве от дискурса словосочетание с ДКМ даст целый «веер» смысловых интерпретаций, можно надеяться найти среди неединичных реакций наиболее частотную и наименее частотную и тем самым определить те смысловые интерпретации, которые образуют границы перцептивных ожиданий, приемлемых в узусе.

Эксперимент был проведен со студентами вечернего отделения Колледжа МИД РФ в 2008 г. (39 чел.) и 2010 г. (64 чел.). Стимульное субстантивно-адъективное словосочетание с ДКМ было извлечено из заметки, помещенной в журнале «Лиза» (№ 20, 2008 г.): *Трудно требовать от ног безостановочного дансинга в клубе или многочасовых прогулок при луне, если их обладательница просиживает в офисе по 8–9 часов в сутки. «Офисные» ноги не адаптированы к активной физической нагрузке! Однако ситуация поправима, ведь ты можешь делать секретную (для шефа и коллег) гимнастику под столом.* Каждый участник эксперимента получил следующее задание: «Как Вы понимаете словосочетание *офисные ноги*? Что оно может обозначать? Дайте все допустимые, с Вашей точки зрения, варианты понимания». При подаче стимула не сообщался контекст и были «сняты» кавычки с адъективного компонента словосочетания. Время выполнения задания не ограничивалось.

При обработке анкет участников эксперимента всего было обнаружено 197 реакций. Наиболее частотной среди неединичных реакций оказалась такая смыс-

ловая интерпретация, как *курьер*, – 55 (28%) реакций. Наименее частотными среди неединичных реакций оказались смысловые интерпретации, связанные с ДКМ, – 6 (3%) реакций. Приведем каждую из них в порядке извлечения из анкет участников эксперимента: *ноги сотрудницы офиса; ноги человека, работающего в офисе; ноги работника, который сидит в офисе на одном месте; ноги помощника руководителя или другого сотрудника офиса; ноги человека, продолжительное время находящегося на службе в офисном помещении; ноги работающей в офисе женщины.*

Получается, что, по данным эксперимента, в отрыве от дискурса словосочетание крайне ограниченно воспринимается сквозь призму ДКМ, хотя такие смысловые интерпретации образуют все же нижнюю границу перцептивных ожиданий. При этом смысловые интерпретации такого рода осуществляются не в произвольной синтаксической форме, а в форме тех синтаксических конструкций, из которых благодаря ДКМ создаются субстантивно-адъективные словосочетания. Так, из 6 реакций выделяются 3 сложных словосочетания, 2 полупредикативные конструкции и 1 придаточная предикативная конструкция, причем все они выступают в функции синтаксической интерпретанты одного и того же словосочетания. Верхняя граница перцептивных ожиданий, согласно эксперименту, создается метафорической интерпретацией, косвенно указывающей на такую тенденцию в семантике субстантивно-адъективных словосочетаний, как «тяготение... к... семантической монолитности» [Смольянинова 1980: 15], к целостно-гештальтному обозначению. Словосочетание-стимул, возникшее в результате ДКМ, вполне допускает метафорическую перцепцию, но, понятое как метафора, оно оказывается не отделенным окончательно от метонимии, в данном случае – от типичной для нее модели «часть вместо целого».

Важно сказать, однако, о том, что такой добытый в эксперименте преобладающий вариант смыслового восприятия словосочетания *офисные ноги*, как ‘курьер’, неотвратно оказывается неадгерентным в смысловой организации дискурса-источника. Из этого следует, что перцептивным «гарантом» ДКМ в сфере словосочетаний выступает дискурс, или, по-другому, что смысловое восприятие словосочетаний с ДКМ является дискурсивно обусловленным. Этот факт с неизбежностью демонстрирует, что словосочетания, построенные с помощью ДКМ, являются если и не абсолютно свободными (ср. мнение С.Г. Тер-Минасовой), то свободными в весьма значительной степени.

**Выводы.** В заключение необходимо прежде всего отметить, что в ракурсе ДКМ словосочетание предстает как порождаемая синтаксическая структура, неразрывно связанная с тем, как осуществляется семантическое программирование и синтаксическая развертка предложения-высказывания или целого тематико-смыслового «кластера» предложений-высказываний в дискурсе.

«Деривационные истории» словосочетаний с ДКМ свидетельствуют о том, что порождение словосочетания не исчерпывается в операциональном аспекте валентностным синтаксисом и что формирование словосочетания в дискурсе во многом подчинено такой отмеченной еще Н.И. Жинкиным закономерности, согласно которой «предложения возникают при сжатии задуманного текста...» [Жинкин 1982: 107]. По-видимому, такого рода виртуальное / актуальное опосредование вбирает в себя не только вербальные, но и невербальные структуры – образы так

называемого «mentalese» [Warren 2013: 17], придающие словосочетаниям с ДКМ наглядность и эстетическую действенность.

Несмотря на то, что спонтанное порождение словосочетаний с ДКМ, обладающих, в частности, статусом оговорки, то и дело фиксируется в записях разговорной речи, как правило, порождение словосочетания с ДКМ является намеренным, целесообразным, попадающим в поле метаязыкового внимания. Вовсе не случайно было отмечено, что «конечная цель процесса “становления” (Гегель) гипаллаги (в том числе словосочетаний с ДКМ. – К.С.) – порождение экспрессивного высказывания» [Манчинова, Мурзин 1995: 65]. Однако экспрессивность обычно не рассредоточена по всему такому высказыванию, она концентрируется именно на словосочетаниях, догадка о ДКМ в функциональном генезисе которых позволяет «отчетливо насладиться художественностью их, в их отдельности» [Флоренский 1999: 115].

Являясь одним из ведущих дискурсивных механизмов, ДКМ создает словосочетания, неотторжимые от дискурса, которые, даже пройдя путь лексикализации, в превращенной форме сохраняют «память» дискурса. Не менее значимо другое: обращение к ДКМ, ставящей словосочетание в фокус синтаксического прогнозирования и представляющей словосочетание в качестве образа своего результата, показывает, что свободное словосочетание выступает как особая оперативная единица речевой деятельности [Уфимцева 1972] и, несомненно, как особая синтаксическая единица языка.

### Литература

*Выготский Л.С.* Мышление и речь // Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2006. С. 664-1019.

*Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 159 с.

*Коротеев А.А.* Синтаксические смещения в современном русском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. Куйбышев: КГПИ им. В.В. Куйбышева, 1964. 24 с.

*Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012. 208 с.

*Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

*Леонтьев А.А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии. М: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 448 с.

*Манчинова Н.В.* Деривация и функционирование гипаллаги в поэтическом тексте: Автореф. дис. канд. филол. наук. Пермь: ПГУ, 1998. 19 с.

*Манчинова Н.В., Мурзин Л.Н.* Риторическое поле языка (на материале гипаллаги) // Динамическая лингвистика – 95. Филология. Методика преподавания. Краснодар: КубГУ, 1995. С. 64-66.

*Москвин В.П.* Выразительные средства современного русского языка. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. 3-е изд. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 940 с.

*Никитин М.В.* Курс лингвистической семантики. СПб.: Научный центр проблем диалога, 1996. 760 с.



- Норман Б.Ю.* Грамматика говорящего. СПб.: СПбГУ, 1994. 228 с.
- Потебня А.А.* Из записок по теории словесности. Харьков: Изд. М.В. Потебни, 1905. 652 с.
- Раевская О.В.* О некоторых типах дискурсивной метонимии // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. Т. 58. № 2. 1999. С. 3-12.
- Раевская О.В.* Метонимия в слове и в тексте // Филол. науки. № 4. 2000. С. 49-55.
- Рябцева Н.К.* Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. 640 с.
- Сандакова М.В.* О механизмах дискурсивной метонимии прилагательного // Филол. науки. № 3. 2004. С. 106-112.
- Сигал К.Я.* Словосочетание как психолингвистическая единица (экспериментальное исследование) // Вопр. филологии. № 2. 2010. С. 32-41.
- Сковородников А.П.* Гипаллаг(а) // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 130-132.
- Смолянинова Е.Н.* Актуальные проблемы синтаксиса словосочетания в русистике. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1980. 60 с.
- Тер-Минасова С.Г.* Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. 143 с.
- Тер-Минасова С.Г.* Синтагматика речи: онтология и эвристика. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 200 с.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с. (ТСРЯ)
- Уфимцева Н.В.* Словосочетание как оперативная единица построения высказывания // Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1972. С. 170-179.
- Флоренский П.А.*, свящ. Сочинения. Т. 3 (1). – М.: Мысль, 1999. – 621 с.
- Якобсон Р.О.* Язык и бессознательное. М.: Гнозис, 1996. 248 с.
- Bierwiazzonek B.* Metonymy in language, thought and brain. Sheffield: Equinox, 2013. 291 p.
- Denroche Ch.* Metonymy and language: a new theory of linguistic processing. New York; London: Routledge, Taylor & Francis Group, 2015. 202 p.
- Gibbs R.W., Jr.* Speaking and thinking with metonymy // Metonymy in language and thought. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 1999. P. 61-76.
- Langacker R.W.* Metonymic grammar // Metonymy and metaphor in grammar. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins, 2009. P. 45-71.
- Warren P.* Introducing psycholinguistics. New York: Cambridge University Press, 2013. 273 p.

**DISLOCATIVE AND COMPRESSIVE METONYMY  
(ON THE MATERIAL OF SUBSTANTIVE-ADJECTIVAL WORD-  
COMBINATIONS)**

**Kirill Ya. Seagal**

Doctor of philology, senior scientific associate,  
Head of department of experimental speech researches  
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences  
125009, Russia, Moscow, Bolshoi Kislovsky lane, 1/1  
*kjseagal@yandex.ru*

The article attempts to approach the concept of syntactic metonymy and to consider one of its varieties in the sphere of free word-combinations. It is shown that the syntactic metonymy explains the syntactic constructing of a sentence in the conditions of unusual semantic and syntactic interface. Both cognitive linguistics and psycho- and neurolinguistics have recently explored the syntactic metonymy; it is addressed in such areas as the theory of discursive metonymy and metonymic grammar. The article describes such a type of secondary syntactic metonymy as dislocative and compressive metonymy on the material of Russian substantive-adjectival word-combinations. There is a contradiction between the syntactic and semantic dependencies of the adjectival component in such constructions. The author explains the structural mechanism, semiotic-semantic nature, discursive properties, and peculiarities of generation and perception of the word-combinations. The psycholinguistic experiment shows that the authentic semantic interpretation of the word-combination with dislocative-compressive metonymy can be seen only in the discourse. Such free word-combinations are included in the expressive syntax and belong to the gipallage. The “derivational histories” of word-combinations with dislocative-compressive metonymy indicate that the production of free word-combinations is not limited by the mechanisms of valency syntax.

**Keywords:** word-combination, syntactic metonymy, dislocative-compressive metonymy, expressive syntax, gipallage, psycholinguistic experiment.

**References**

*Vygotskiy L.S.* Myshlenie i rech' [Thinking and speaking]. Vygotskiy L.S. Psikhologiya razvitiya cheloveka [Psychology of human development]. Moscow, Smysl; Eksmo, 2006, pp. 664-1019.

*Zhinkin N.I.* Rech' kak provodnik informatsii [Speech as a guide of information]. Moscow, Nauka, 1982. 159 p.

*Koroteev A.A.* Sintaksicheskie smeshcheniya v sovremennom russkom yazyke: Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Syntactic displacement in modern Russian: PhD Thesis]. Kuybyshev, KGPI im. V.V. Kuybysheva, 1964. 24 p.

*Kubryakova E.S.* V poiskakh sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya [In search of the essence of language: Cognitive researches]. Moscow, Znack, 2012. 208 p.

*Lakoff Dzh.* Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: Chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii [Women, fire and dangerous things: What category of language tell us about thinking]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004. 792 p.

*Leontyev A.A.* Yazyk i rechevaya deyatelnost' v obshchey i pedagogicheskoy psikhologii [Language and speech activity in general and educational psychology]. Moscow, MPSI; Voronezh, NPO «MODEK», 2001. 448 p.

*Manchinova N.V.* Derivatsiya i funktsionirovanie gipallagi v poeticheskom tekste: Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Derivation and functioning of gipallage in the poetic text: PhD Thesis]. Perm, PGU, 1998. 19 p.

*Manchinova N.V., Murzin L.N.* Ritoricheskoe pole yazyka (na materiale gipallagi) [Rhetorical field of language (on the material of gipallage)]. Dinamicheskaya lingvistika – 95. Filologiya. Metodika prepodavaniya – [Dynamic linguistics – 95. Philology. Methods of teaching]. Krasnodar, KubGU, 1995, pp. 64-66.

*Moskvin V.P.* Vyzritel'nye sredstva sovremennogo russkogo yazyka. Tropy i figury. Terminologicheskii slovar'. 3-e izd. [Expressive means of the modern Russian language. Tropes and figures of speech. Terminological dictionary. 3rd ed.]. Rostov-on-Don, Feniks, 2007. 940 p.

*Nikitin M.V.* Kurs lingvisticheskoy semantiki [Course of linguistic semantics]. Sanct-Petersburg, Nauchnyy tsentr problem dialoga, 1996. 760 p.

*Norman B.Yu.* Grammatika govoryashchego [Grammar of speaker]. Sanct-Petersburg, SPbGU, 1994. 228 p.

*Potebnya A.A.* Iz zapisok po teorii slovesnosti [From the notes on the theory of literature]. Kharkov, Izd. M.V. Potebni, 1905. 652 p.

*Raevskaya O.V.* O nekotorykh tipakh diskursivnoy metonimii [On some types of discursive metonymy]. Izv. RAN. Ser. lit. i yaz. [Proc. of RAS. Ser. of lit. and lang.], 1999, T. 58, № 2, pp. 3-12.

*Raevskaya O.V.* Metonimiya v slove i v tekste [Metonymy in the word and in the text]. Filol. nauki – [Philol. science], 2000, № 4, pp. 49-55.

*Ryabtseva N.K.* Yazyk i estestvennyy intellekt [Language and natural intelligence]. Moscow, Academia, 2005. 640 p.

*Sandakova M.V.* O mekhanizmax diskursivnoy metonimii prilagatel'nogo [On the mechanisms of discursive metonymy of adjective]. Filol. nauki – [Philol. science], 2004, № 3, pp. 106-112.

*Seagal K.Ya.* Slovosochetanie kak psikholingvisticheskaya edinitsa (eksperimental'noe issledovanie) [Word-combination as a psycholinguistic unit (experimental research)]. Vopr. filologii – [Prob. of philology], 2010, № 2, pp. 32-41.

*Skovorodnikov A.P.* Gipallag(a) [Gipallage]. Kul'tura russkoy rechi: Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik – [Culture of Russian speech: Collegiate dictionary-directory]. Moscow, Flinta, Nauka, 2003, pp. 130-132.

*Smolyaninova E.N.* Aktual'nye problemy sintaksisa slovosochetaniya v rusistike [Actual problems of the syntax of word-combinations in Russian linguistics]. Leningrad, LGPI im. A.I. Gertsena, 1980. 60 p.

*Ter-Minasova S.G.* Slovosochetanie v nauchno-lingvisticheskom i didakticheskom aspektakh. 2-e izd. [Word-combination in scientific-linguistic and didactic aspects. 2nd ed.]. Moscow, Editorial URSS, 2004. 143 p.

*Ter-Minasova S.G.* Sintagmatika rechi: ontologiya i evristika. 2-e izd. [Syntagmatics of speech: ontology and heuristics. 2nd ed.]. Moscow, Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2009. 200 p.

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov. Otv. red. N.Yu. Shvedova [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words. Ed. by N.Yu. Shvedova]. Moscow, Azbukovnik, 2007. 1175 p.

*Ufimtseva N.V.* Slovosochetanie kak operativnaya edinitsa postroeniya vyskazyvaniya [Word-combination as an operative unit of constructing of sentence]. Psikholingvistika i obuchenie inostrantsev russkomu yazyku [Psycholinguistics and teaching Russian to foreigners]. Moscow, MGU im. M.V. Lomonosova, 1972, pp. 170-179.

*Florenskiy P.A.* Sochineniya. T. 3 (1) [Works. Vol. 3 (1)]. Moscow, Mysl', 1999. 621 p.

*Yakobson R.O.* Yazyk i bessoznatel'noe [Language and unconsciousness]. Moscow, Gnozis, 1996. 248 p.

*Bierwiaczonek, B.* (2013) Metonymy in language, thought and brain. Sheffield: Equinox. 291 p.

*Denroche, Ch.* (2015) Metonymy and language: a new theory of linguistic processing. New York; London: Routledge, Taylor & Francis Group. 202 p.

*Gibbs, R.W., Jr.* (1999) Speaking and thinking with metonymy. Metonymy in language and thought. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins. P. 61-76.

*Langacker, R.W.* (2009) Metonymic grammar. Metonymy and metaphor in grammar. Amsterdam; Philadelphia: J. Benjamins. P. 45-71.

*Warren, P.* (2013) Introducing psycholinguistics. New York: Cambridge University Press. 273 p.



**КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД  
К ИССЛЕДОВАНИЮ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОЦЕССОВ  
ПАМЯТИ**

**Тивьяева Ирина Владимировна**

доцент кафедры лингвистики и перевода  
Тульского государственного университета

300012, Тула, пр. Ленина, 92

*tivyayeva@yandex.ru*

Опираясь на концепцию языка как материальной оболочки мыслительного содержания и тезис о модельном характере коммуникативного взаимодействия, автор рассматривает мнемическое высказывание как вербальную форму репрезентации работы механизма индивидуальной памяти. Цель настоящего исследования – выявить и описать внешние условия вербализации процессов памяти с позиций когнитивно-коммуникативного подхода, что будет способствовать дальнейшему изучению языковых аспектов функционирования индивидуальной памяти, в частности выявлению коммуникативно-прагматических, структурно-семантических, лексико-грамматических и дискурсивных особенностей мнемических высказываний и установлению связи между ними и когнитивно-коммуникативным контекстом вербализации памяти. В качестве инструмента анализа высказываний-вербализаторов мнемических процессов принимается мнемическая ситуация, выступающая таким когнитивно-коммуникативным контекстом. Для достижения указанной цели автором была разработана типология мнемических ситуаций на основании их когнитивных и коммуникативных параметров. В основу классификации мнемических ситуаций по признаку репрезентируемого процесса памяти положено их соответствие этапам мнемической цепочки, отражающей последовательность обработки механизмом памяти поступающей извне информации. При составлении типологии мнемических ситуаций по коммуникативному признаку отправной точкой стал параметр актуальности / виртуальности, т. е. локально-темпоральные условия протекания коммуникации. Предложенная дифференциация мнемических ситуаций по когнитивным и коммуникативным признакам позволит с большей степенью точности определить внешние контекстуальные условия вербализации процессов памяти и установить наличие или отсутствие связи между формой высказывания-вербализатора и условиями его порождения.

**Ключевые слова:** память, мнемический процесс, мнемическая ситуация, мнемическое высказывание.

### **1. Введение**

В качестве системы мнемической переработки нашего опыта память обладает рядом особенностей, одна из которых, как отмечает Л.В. Черемошкина, заключается в том, что память представляет собой «бессознательный процесс, не поддающийся самонаблюдению и открывающийся индивиду только через свои

“продукты”» [Черемошкина 2002: 12], в том числе вербальные. Стереотипное представление о языковой репрезентации памяти связано, в первую очередь, с нарративом как со стандартной формой вербального отражения мнемического опыта. Между тем наблюдения над языковым материалом позволяют говорить о многообразии форм вербализации памяти. Исследование вербальных «продуктов» мнемических процессов, думается, будет способствовать дальнейшей разработке проблематики памяти и ее представленности в языке. В данном контексте представляется плодотворным провести инвентаризацию и составить классификацию возможных вербальных «продуктов» памяти, выявить и описать их структуру, основные языковые особенности, специфику функционирования и условия продуцирования. Последнее, а именно определение коммуникативных условий порождения высказываний-вербализаторов мнемических процессов, и составило цель настоящей статьи.

Обращение к языковой репрезентации функционирования работы индивидуальной памяти представляется закономерным и логичным на фоне новой тенденции в рамках когнитивной парадигмы – «тенденции объединения языка, сознания, мышления и памяти в единую информационно-когнитивную систему» [Исхакова, Хомякова 2009: 84]. При этом все компоненты данной системы тесно взаимосвязаны. Опыт прошлого является основным материалом для мышления, а каждое осознаваемое событие в жизни человека одновременно отражает прошлое и служит стимулом к изменению в будущем. Язык в данной системе выполняет функцию перекодирования образов памяти в вербальные символы, оформляющие мнемический опыт в сознании индивида и позволяющие его ретранслировать. Таким образом, язык, в первую очередь, отражает коммуникативную природу памяти, поэтому, на наш взгляд, при исследовании взаимосвязей между памятью и языком целесообразно изучать функционирование памяти в процессе речевой коммуникации.

Главной при обмене информацией в процессе коммуникации Е.В. Ключев называет проблему общности кода, указывая, что одним из условий, обеспечивающих взаимопонимание, является «знание того, каким образом «упаковывается» и «распаковывается» информация в разных случаях» [Ключев 2002: 256]. Результатом перекодирования исходного замысла в вербальную форму является высказывание, которое представляет собой «единую целостную систему и обладает качеством единой замкнутой структуры (coherence)» [Лурия 1998: 251]. Языковой код, по сути, является ключом к пониманию окружающей действительности, поскольку «невозможность назвать вещи по имени означает фактически невозможность узнать их, невозможность понять их назначение, воспользоваться ими, расположить себя относительно их» [Ключев 2002: 261]. Соответственно изучение языковых характеристик высказываний, представляющих вербальный результат функционирования механизма человеческой памяти, позволит получить более полное представление о специфике взаимодействия памяти и языка как единого коммуникативного модуля сложной информационно-когнитивной системы, в которую входят также мышление и сознание.

В процессе коммуникативного обмена сообщениями вербальное взаимодействие между партнерами, как отмечает Г.М. Сучкова, практически всег-

да носит модельный характер [Сучкова 2008]. Иными словами, речевое общение в определенных коммуникативных ситуациях разворачивается по единому сценарию, или модели. Количество моделей конечно и соответствует множеству различных коммуникативных ситуаций, тогда как число их конкретных реализаций безгранично. Данные наблюдения позволяют нам предположить, что в основе вербализации отдельных смыслов лежат определенные коммуникативные модели, т.е. в нашем случае вербализация процессов памяти проходит в определенных коммуникативных условиях, которым соответствуют определенные типы высказываний. Коммуникативно-прагматические, структурно-семантические и лексико-грамматические характеристики данных высказываний определяются рядом факторов, однако в целом интересующие нас речевые построения отличаются рекуррентностью, т.е. регулярно воспроизводятся в идентичных коммуникативных условиях. Идентификация и классификация таких условий могли бы способствовать инвентаризации форм вербальной репрезентации мнемических процессов с присущими им особенностями, т.е. указали бы исследователям, каким образом «упаковывается» информация о работе механизма человеческой памяти.

### **2. Мнемическая ситуация как когнитивно-коммуникативный контекст вербализации процессов памяти**

В качестве инструмента анализа высказываний-вербализаторов мнемических процессов мы вслед за Ю.Н. Рогачёвой [Рогачёва 2003], Р.Ф. Исхаковой и Е.Г. Хомяковой считаем возможным использовать мнемическую ситуацию, под которой понимается «конкретная ситуация, в центре которой находятся мнемические процессы» [Исхакова, Хомякова 2009: 86]. Мнемическая ситуация, как отмечает Ю.Н. Рогачёва, представляет собой абстрактный тип, выводимый на основании структурного и содержательного сходства конкретных ситуаций воспоминания, запоминания, сохранения и забывания информации [Рогачёва 2003]. Ю.Н. Яценко и Т.М. Тимошилова указывают, что мнемическая ситуация характеризуется определенными облигаторными признаками, среди которых «ментальность», «связь с прошлым», «знание», «истинность», «реальность» [Яценко, Тимошилова 2011]. Также исследователи выделяют ряд облигаторных компонентов в составе мнемической ситуации. В частности, Р.Ф. Исхакова к обязательным составляющим мнемической ситуации причисляет следующие: субъект (познающая личность, одушевленное лицо, которое помнит, забывает или восстанавливает в памяти определенную информацию), мнемический процесс, информационный акт (собственно информация, поступающая извне и подвергаемая различным когнитивным операциям) и информационный каузатор (импульс, запускающий мнемические процессы) [Исхакова 2009]. На наш взгляд, данный перечень является неполным и нуждается в уточнении, т.к. в нем отсутствует один из важнейших элементов процесса коммуникативного обмена мнемическим опытом – высказывание, т.е. квант информации, предназначенный субъектом мнемической ситуации для других участников процесса коммуникации. Для определения значимости данного элемента рассмотрим механизм взаимодействия коммуникантов в рамках мнемической ситуации.

Коммуникативный процесс объединяет двух или более участников, каждый из которых располагает определенным объемом информации (информационный

актант), зафиксированной в памяти ранее, т.е. является носителем дискретного мнемического опыта, а следовательно, потенциальным субъектом мнемической ситуации. В ходе серии интеракций информационный каузатор, эксплицитный или имплицитный, исходящий от коммуникантов или извне, запускает определенный мнемический процесс, создавая тем самым мнемическую ситуацию. Результат работы мнемического процесса передается партнеру по коммуникации посредством языкового кода, т.е. в форме высказывания, которое мы будем называть мнемическим [Тивьяева 2011]. Под мнемическим высказыванием мы понимаем высказывание (как письменное, так и устное) субъекта мнемической ситуации, порожденное в рамках мнемической ситуации и репрезентирующее результат работы одного или нескольких мнемических процессов.

Мнемическое высказывание мы рассматриваем как неотъемлемую часть мнемической ситуации на том основании, что оно представляет собой конечный продукт работы механизма индивидуальной памяти, выраженный в вербальной форме. В этой связи необходимо отметить, что под вербализацией мнемического процесса мы понимаем, в первую очередь, перекодирование мнемических переживаний в сообщение посредством естественного языка. Трансляция сообщения при этом может осуществляться как экстерииоризированно, так и интерииоризированно, т.е. вербализация мнемического процесса не приравнивается к его экстерииоризации. Например, в случае коммуникации субъекта мнемического процесса с самим собой отсутствие произнесенного вслух высказывания-вербализатора отнюдь не свидетельствует о необлигаторности данного компонента мнемической ситуации, а лишь указывает на факт его интерииоризации. Принимая во внимание вышесказанное, уточним определение мнемического высказывания. Итак, под мнемическим высказыванием мы понимаем экстерииоризированное или интерииоризированное высказывание участника мнемической ситуации, порожденное в рамках мнемической ситуации и вербализующее один или несколько мнемических процессов.

### **3. Типология мнемических ситуаций**

#### **3.1. Когнитивная типология мнемических ситуаций**

Дифференциация мнемических ситуаций с целью выявления языковых особенностей мнемических высказываний может проводиться в соответствии с различными параметрами, которые можно условно разделить на две группы: 1) параметры, описывающие когнитивные аспекты интеракции, 2) параметры, связанные со свойствами естественной речевой коммуникации. Из первой группы параметров релевантным для целей настоящего исследования является вид мнемического процесса, подвергающегося вербализации. В соответствии с этапами мнемической цепочки Р.Ф. Исхакова и Е.Г. Хомякова считают возможным выделить четыре вида мнемических ситуаций: ситуация хранения информации, ситуация утраты информации, ситуация отсутствия информации, ситуация восстановления информации. Исследователи указывают, что между названными типами мнемических ситуаций существует определенная взаимосвязь, помимо этого их связывают темпоральные отношения предшествования и следования [Исхакова, Хомякова 2009: 86]. В целом разделяя мнение Р.Ф. Исхаковой и Е.Г. Хомяковой относительно того, что единицы лингвистического анализа репрезентации памяти должны отражать ключевые



этапы обработки информации в памяти индивида, мы, однако, считаем предложенную типологию мнемических ситуаций неполной, т.к. в ней не представлена одна из ключевых операций механизма памяти – операция запоминания. Между тем, оставляя операцию запоминания за рамками типологии, мы не смогли бы получить модель, объективно отражающую последовательность мнемических действий, т.к. в конструируемой нами мнемической цепочке отсутствовало бы ключевое звено – помещение информации в память, собственно, начальная точка работы механизма памяти.

С другой стороны, выделение ситуации отсутствия информации в памяти в отдельный тип мнемической ситуации, на наш взгляд, не представляется целесообразным в связи с тем, что данная ситуация является результатом работы операции утраты информации, запущенной на некотором этапе хранения информации. Последнее предполагает произвольное или непроизвольное удержание в памяти некоторых сведений. Данный процесс может привести к благоприятным или негативным последствиям. В первом случае информация сохраняется и при необходимости может быть восстановлена или реконструирована. Во втором случае информация утрачивается или в силу различных факторов становится недоступна для воспроизведения.

Таким образом, в настоящей статье в основу типологии мнемических ситуаций по признаку репрезентируемого процесса памяти положено их соответствие этапам мнемической цепочки, отражающей последовательность обработки механизмом памяти поступающей извне информации. Эмпирический материал, собранный нами в ходе исследования, позволяет утверждать, что в условиях естественной коммуникации данные этапы мнемических цепочки не всегда выступают «в чистом виде», т.е. в процессе коммуникативного взаимодействия в условиях мнемической ситуации передаваемые сообщения могут нести информацию не об одном, а о нескольких мнемических процессах. Коммуникативные ситуации, в рамках которых осуществляется вербализация двух или более процессов памяти, мы предлагаем называть комбинированными мнемическими ситуациями. Рассмотрим следующие примеры:

(1) “She was looking for a publisher for a book on Noetic Science? Do you remember her?”

Faukman rolled his eyes. “Sure. I remember. And thanks a million for that introduction. Not only did she refuse to let me read the results of her research, she didn’t want to publish anything until some magical date in the future” [Brown 2009: 175].

(2) He takes a step toward me. He’s nearly twice my size. “In case you conveniently forgot, Ms. Burns, people died that morning. Four of them.”

“I know that. I was there.”

“And you were acting rather strange, as I recall.”

“I was upset.” I still am, buster!

“Yet you said you didn’t know any of them.”

“I was upset. I told you that. They were sitting out there on the sidewalk, dead ” [Patterson, Roughan 2008: 246].

(3) ‘She drew me once,’ said Hugh. As he met Nat’s dark eyes he felt a flicker of

exhilaration at the risk he was taking, sharing such a secret memory with this child. ‘She drew a sketch of me, with a pencil. It only took a few seconds . . . but it was me. My eyes, my shoulders . . .’

He paused, lost in memories. His bedroom, shaded from the afternoon light. The frisson as Chloe’s eyes had run over his body; the sound of her pencil on the paper. ‘You know, I’d completely forgotten about that until just now,’ he said, attempting a light laugh. ‘I don’t even know where the picture is’ [Wickham 2010: 207].

Пример (1) иллюстрирует коммуникативное взаимодействие в мнемической ситуации хранения информации в памяти. Соответствующий мнемический процесс репрезентируется глаголом “to remember” как в иницирующей, так и в реагирующей репликах диалогического единства. Реплика-стимул, содержащая запрос о некоторой информации, которая, возможно, хранится в памяти коммуниканта-носителя мнемического опыта, выполняет функцию информационного каузатора, а его воспоминания о третьем лице выступают в роли информационного актанта.

Примеры (2) и (3) иллюстрируют взаимообмен репликами в комбинированной мнемической ситуации. В процессе работы с фактическими данными нами было зарегистрировано два вида комбинированных мнемических ситуаций. Первый вид связан с вербализацией результатов различных этапов мнемической деятельности единого субъекта, второй – с вербализацией результатов работы механизма памяти двух или более субъектов. Иными словами, в мнемической ситуации комбинированного типа активная роль в вербализации процессов памяти может принадлежать сразу двум коммуникантам. В примере (2) представлены сразу два субъекта (коммуникант 1 и коммуникант 2) и два мнемических процесса (хранение и восстановление информации в памяти), объединенные общим информационным актантом (ситуацией в прошлом). Инициатор общения в начальной реплике упрекает свою собеседницу в том, что она забыла об убийстве четырех человек. В ответном высказывании вербализуется процесс хранения информации в памяти, номинированный предикатом “to know”, т.е. получатель сообщения предстает в роли субъекта мнемического опыта. Третья реплика содержит комментарий инициатора коммуникативного обмена, который на этот раз сам выступает в качестве субъекта. Процесс восстановления информации из памяти в данной реплике актуализируется глаголом “to recall”.

Пример (3) также служит иллюстрацией комбинированной мнемической ситуации, которая в отличие от примера (2) является моносубъектной, т.е. только один из участников данной мнемической ситуации является субъектом, испытывающим разноплановые мнемические переживания, а именно: пытающимся восстановить в памяти определенные фрагменты прошлого и в то же время констатирующим факт утраты некоторой информации.

На основании вышесказанного мы считаем возможным внести некоторые коррективы в типологию мнемических ситуаций, разработанную Р.Ф. Исхаковой и Е.Г. Хомяковой [Исхакова, Хомякова 2009], и выделить следующие типы в соответствии с этапами функционирования механизма памяти: ситуация помещения информации в память, ситуация хранения информации, ситуация утраты информации, ситуация восстановления информации, комбинированная ситуация. Предлагаемые

изменения представляются нам вполне оправданными, т.к. в этом случае удастся избежать потери начального звена мнемической цепочки (помещение информации в память, запоминание) и становится возможным проследить четкое соответствие между выделяемыми типами мнемической ситуации и ключевыми процессами памяти – запоминанием, хранением, воспроизведением и забыванием, традиционно описываемыми психологами. Кроме того, скорректированная типология имеет под собой не только теоретическое, но и эмпирическое обоснование.

### **3.2. Коммуникативная типология мнемических ситуаций**

Обратимся к коммуникативным параметрам описания мнемических ситуаций. Анализируя отдельные типы мнемических ситуаций и их составляющие в своем диссертационном исследовании, посвященном когнитивно-семантическому анализу английских мнемических глаголов, Р.Ф. Исхакова относит ситуации восстановления и утраты информации к динамическому блоку, а ситуации хранения и отсутствия информации – к статическому блоку [Исхакова 2009]. Между тем в психологической и лингвистической литературе память нередко трактуется не как свойство, функция или система, а как процесс, т.е. в качестве доминантной указывается именно динамическая составляющая памяти. Так, например, в словаре-справочнике по психологии память определяется как «познавательный (когнитивный, психологический) процесс, включающий в себя запоминание, сохранение, припоминание (воспоминание, воспроизведение), узнавание и забывание информации» [Немов 2003: 96]. Континуальность как свойство памяти отражается и в определении О.Л. Каменской, описывающей память как «форму существования индивидуального знания во времени» [Каменская 1990: 92]. Сошлемся также на мнение В.В. Красных, которая утверждает, что «память человека — не склад индивидуальных следов, дублирующих события внешнего мира, а творческий процесс конструирования этих событий» [Красных 2001: 97]. Таким образом, на наш взгляд, нет достаточных оснований для рассмотрения ситуаций хранения и отсутствия информации в памяти как статичных, поэтому в настоящем изыскании мы причисляем все мнемические ситуации к разряду динамических.

По нашему убеждению, динамическая природа процессов памяти должна приниматься во внимание при любых попытках лингвистического моделирования мнемических ситуаций. Понимание мнемической ситуации как ситуации, развивающейся во времени, расширяет возможности ее применения в качестве инструмента анализа способов вербализации процессов памяти, позволяя, в частности, описать особенности языковой репрезентации различных видов коллективной памяти. В настоящей статье объектом нашего внимания является индивидуальная память и языковые формы выражения ее процессов. Динамический характер мнемической ситуации является для нас принципиально важным моментом, т.к. он соотносится с коммуникативным компонентом индивидуальной памяти.

В связи с тем, что коммуникативному взаимодействию свойственны процессуальность и опосредованность, сфера распространения мнемической ситуации не ограничивается рамками актуальной коммуникации, но включает в себя также коммуникативные процессы, протекающие виртуально, т.е. между коммуникантами, существующими и функционирующими в неодинаковых пространственно-

временных системах. Временной интервал между отдельными интеракциями может быть как относительно коротким (например, между размещением некоторого сообщения в личном блоге и комментариями читателей), так и достаточно существенным (например, между публикацией автобиографии или мемуаров и реакцией общественности на это событие). Таким образом, принимая во внимание динамическую природу памяти и коммуникации, мы будем говорить о двух типах мнемической ситуации – актуальном и виртуальном. В условиях актуальной мнемической ситуации интеракции между партнерами по коммуникации происходят в единой временной плоскости, речевые действия совершаются синхронно или с незначительным временным интервалом. Виртуальная мнемическая ситуация не развивается в едином пространственно-временном континууме, но позволяет рассматривать речевые действия коммуникантов, разделенные во времени, как непрерывный коммуникативный процесс.

Опосредованность как свойство коммуникации предполагает возможность осуществления интеракций между коммуникантами как при непосредственном личном контакте, так и с использованием различных технических средств. Соответственно, с учетом условий протекания коммуникативных процессов, мы считаем возможным выделить два типа мнемической ситуации: прямая мнемическая ситуация (имеющая место в условиях личного контакта между коммуникантами) и опосредованная мнемическая ситуация (в рамках которой коммуниканты вступают в интеракции посредством применения различных систем и устройств, обеспечивающих возможность трансляции сообщения).

Другим параметром, важным для описания мнемической ситуации и вытекающим из свойств коммуникации, является количество участников коммуникативного обмена сообщениями и их статус. В соответствии с уровнями коммуникации мы выделяем четыре вида мнемических ситуаций: внутриличностные, межличностные, групповые и массовые. Интеракции любого уровня предполагают реакцию других участников коммуникации, т.е. наличие обратной связи. Однако в условиях реальной коммуникации такая связь нередко отсутствует (например, в результате коммуникативных сбоев или по иным причинам) или выражается невербальными средствами (например, ответным действием или бездействием). На основании этого представляется целесообразным рассматривать в качестве коммуникативно-значимого параметра наличие обратной связи в рамках мнемической ситуации и ее характер.

Таким образом, к числу коммуникативных параметров релевантных для описания особенностей вербализации процессов памяти в различных типах коммуникации принадлежат следующие:

- параметр актуальности / виртуальности,
- параметр опосредованности / неопосредованности,
- параметр уровня коммуникации,
- параметр наличия / отсутствия и характера обратной связи.

При этом важнейшим из названных параметров, на наш взгляд, является параметр актуальности / виртуальности, т.к. локально-темпоральные условия протекания процесса коммуникации во многом определяют другие ее характеристики,

в том числе возможность участия двух или более коммуникантов и особенности интеракций между ними. Так, например, взаимодействие участников мнемической ситуации на внутриличностном уровне невозможно при опосредованной коммуникации, тогда как коммуникация на массовом уровне не может быть осуществима в условиях прямой мнемической ситуации, предполагающей личный контакт между партнерами. Соответственно представляется целесообразным использовать указанный параметр в качестве отправной точки при составлении типологии мнемических ситуаций по коммуникативному признаку. Полученная классификация мнемических ситуаций представлена в следующей таблице:

*Таблица 1*

Типология мнемических ситуаций на основании коммуникативного признака

АКТУАЛЬНАЯ МНЕМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ				ВИРТУАЛЬНАЯ МНЕМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ		
ПРЯМАЯ		ОПОСРЕДОВАННАЯ		ОПОСРЕДОВАННАЯ		
Внутриличностная	Межличностная	Групповая	Внутриличностная	Межличностная	Групповая	Массовая
				Межличностная	Групповая	Массовая

Рассмотрим несколько примеров. Следующий фрагмент служит иллюстрацией прямого коммуникативного взаимодействия в актуальной межличностной мнемической ситуации:

(4) “You’ve interviewed me once already, and I can recollect some quite probing questions then.” He smirks at me.

Holy shit. He’s remembering the ‘gay’ question. Once again, I’m mortified. In years to come, I know, I’ll need intensive therapy to not feel this embarrassed every time I recall the moment. I start babbling about my mother – anything to block that memory [James 2011: 35].

В данном отрывке один из коммуникантов вспоминает эпизод из прошлого, в котором были задействованы оба участника мнемической ситуации, и напоминает о нем своей собеседнице, таким образом, в рассматриваемой мнемической ситуации партнеров по коммуникации объединяет общий информационный актант. Отсылка к мнемическому опыту вызывает мгновенную реакцию со стороны получателя сообщения, который испытывает негативные эмоции, связанные с назван-

ным эпизодом, однако не дает им вербального выражения, таким образом, обратная связь не проявляется в форме ответной реплики. Вместо этого реципиент уводит разговор в другое русло, пытаясь прервать процесс воспроизведения информации из памяти, результат работы которого может обернуться новыми неприятными воспоминаниями.

Коммуникативный обмен с массовым коммуникантом в рамках прямой актуальной мнемической ситуации не представляется возможным, т.к., как уже отмечалось выше, контактная коммуникация на массовом уровне трудноосуществима. Во всех трех представленных мнемических ситуациях взаимодействие между участниками происходит при личном контакте, при этом присутствуют все обязательные компоненты мнемической ситуации: субъект, мнемический процесс, репрезентируемый вербально, информационный актант и информационный каузатор.

В опосредованных актуальных мнемических ситуациях обмен сообщениями проходит в условиях отсутствия непосредственного контакта между коммуникантами, т.е. с использованием различных средств и технологий, например, с помощью SMS, чатов, всевозможных онлайн-сервисов и т.п. Необходимо отметить, что применение подобных технологий еще не свидетельствует о виртуализации коммуникации, так как при этом сохраняется возможность обмена информацией в режиме реального времени.

Примером опосредованной межличностной мнемической ситуации может послужить следующий коммуникативный эпизод, имевший место 9 марта 2014 года между пользователями сервиса микроблогов Твиттер.

(5) “@ryansalright: @nathanfillion what do you remember about filming saving private ryan?” Everything. Every detail.

Пользователь @ryansalright обращается к пользователю nathanfillion с вопросом о том, хранится ли у того в памяти определенная информация (подробности съемок фильма «Спаси рядового Райана»), и в ответ получает подтверждение о наличии полных сведений об информационном актанте в памяти партнера по коммуникации. В данном примере инициатива принадлежит не субъекту мнемического процесса, а его собеседнику и инициальная реплика служит каузатором обращения к опыту памяти. Мнемическая ситуация, представленная в примере (5), имеет место в условиях компьютерно-опосредованной коммуникации, когда передача сообщения от отправителя получателю осуществляется не при личном контакте, а с использованием компьютера или мобильного устройства, при этом коммуникация остается актуальной, т.е. временной интервал между отдельными репликами коммуникантов стремится к значениям, характерным для естественной коммуникации.

Быстро ставший популярным интернет-сервис Твиттер является удобной площадкой не только для межличностной, но и для групповой коммуникации. В ходе проведенного исследования нами было зарегистрировано несколько десятков мнемических ситуаций, участниками которых становились группы пользователей. Наиболее типичным сценарием развития коммуникации в мнемической ситуации этого типа является следующий: 1) один из пользователей выступает в качестве инициатора взаимодействия и размещает в своем микроблоге вопрос о некотором мнемическом опыте своих подписчиков, 2) пользователи реагируют на коммуни-

кативную инициативу отправителя сообщения ответными репликами, которые, в свою очередь, могут вызвать реакцию в виде новых вопросов или комментариев как со стороны начального отправителя, так и со стороны подписчиков ответивших.

Коммуникация в рамках мнемической ситуации может изначально осуществляться виртуально в силу различных причин, например если коммуниканты сознательно выбирают способ связи, не позволяющий синхронно обмениваться сообщениями. Необходимо отметить, что рассинхронизация и опосредованность коммуникативного взаимодействия в рамках виртуальных мнемических ситуаций препятствуют автокоммуникации, поэтому обмен информацией между участниками виртуальных мнемических ситуаций осуществляется только на межличностном, групповом и массовом уровне. Фактические данные свидетельствуют о достаточно обширной сфере реализации виртуальных опосредованных мнемических ситуаций. Среди прочих следует отдельно указать следующие способы обмена сообщениями: личная переписка (осуществляемая как посредством традиционной почтовой связи, так и по электронной почте), ведение личного блога, обмен сообщениями в социальных сетях и др.

#### 4. Заключение

Подводя итог сказанному в настоящей статье, отметим следующее: в процессе коммуникации реализуется одна из базовых функций языка – функция трансляции опыта и знаний, зафиксированных в человеческом сознании благодаря работе памяти. Коммуникативный обмен сообщениями может сопровождаться комментариями о статусе передаваемой информации в памяти коммуникантов (например, информация хранится в памяти, информация утрачена, информацию необходимо поместить на долгосрочное хранение и т.п.). В подобных высказываниях находят свое языковое воплощение результаты функционирования механизма индивидуальной памяти. В качестве инструмента исследования таких высказываний может использоваться мнемическая ситуация, изучение типов которой целесообразно проводить с учетом комплекса когнитивных и коммуникативных параметров, так как это позволит с большей степенью точности определить внешние контекстуальные условия вербализации процессов памяти и установить наличие или отсутствие связи между типом мнемической ситуации и формой высказывания-вербализатора.

В основу когнитивной типологии мнемических ситуаций положен признак репрезентируемого процесса памяти, что позволяет установить прямое соответствие между типами мнемической ситуации и этапами когнитивной обработки информации в памяти субъекта. Принимая во внимание тот факт, что в контексте естественной коммуникации процессы памяти могут протекать как в изоляции, т.е. независимо друг от друга, так и в сочетании с другими процессами, мы считаем возможным выделить две группы мнемических ситуаций: простые мнемические ситуации и комбинированные мнемические ситуации. Простые мнемические ситуации отражают коммуникативные условия вербализации процессов помещения информации в память, хранения информации, воспроизведения информации и утраты информации из памяти и содержат следующие обязательные компоненты: субъект, мнемический процесс, информационный актант, информационный каузатор и мнемическое высказывание. Комбинированные мнемические ситуации включают ана-

логичный набор компонентов, однако в отличие от простых мнемических ситуаций служат коммуникативным контекстом вербализации не одного, а двух или более процессов памяти, репрезентируемых посредством языка, при этом в монособъектных комбинированных мнемических ситуациях различные мнемические переживания принадлежат единому субъекту, тогда как в полисубъектных комбинированных мнемических ситуациях имеет место обмен мнемическим опытом между несколькими коммуникантами.

Из коммуникативных параметров описания мнемических ситуаций наиболее значимым, на наш взгляд, является параметр актуальности / виртуальности, так как именно он детерминирует целый ряд свойств мнемической ситуации, таких как наличие и характер обратной связи между участниками. В основу дифференциации актуальных и виртуальных мнемических ситуаций положен принцип единства пространственно-временного континуума коммуникантов. Мнемическая ситуация является актуальной, если взаимодействие между партнерами по коммуникации осуществляется в режиме реального времени. Особенностью виртуальных мнемических ситуаций является принадлежность участников коммуникативного обмена к различным пространственно-временным срезам, результатом чего становятся существенные интервалы между их речевыми действиями. В силу этого обмен сообщениями в рамках виртуальных мнемических ситуаций происходит с использованием различных технических или иных средств, позволяющих организовать передачу информации от отправителя получателю, т.е. прямой личный контакт между коммуникантами исключен по определению. При этом опосредованный характер коммуникации в виртуальных мнемических ситуациях налагает определенные ограничения на количество участников коммуникативной ситуации. Так, нами не было зарегистрировано случаев коммуникативного взаимодействия на внутриличностном уровне в рамках виртуальной мнемической ситуации, тогда как в актуальной мнемической ситуации автокоммуникация возможна в условиях как опосредованного, так и прямого коммуникативного обмена. В то же время в рамках актуальной мнемической ситуации невозможным становится прямое массовое взаимодействие, что, по нашему мнению, объясняется, в первую очередь, спецификой массовой коммуникации.

Дифференциация мнемических ситуаций по когнитивным и коммуникативным признакам позволит с большей степенью точности определить внешние контекстуальные условия вербализации процессов памяти и установить наличие или отсутствие связи между типом мнемической ситуации и формой высказывания-вербализатора. Дальнейший этап в изучении языковых аспектов функционирования механизма индивидуальной памяти с позиций когнитивно-коммуникативного подхода видится в проверке гипотезы о вариативности коммуникативно-прагматических, структурно-семантических, лексико-грамматических и дискурсивных характеристик мнемических высказываний и их детерминированности когнитивно-коммуникативным контекстом.



### Литература

*Исхакова Р.Ф.* Когнитивно-семантический анализ мнемических глаголов (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. С-Пб., 2009. 18 с.

*Исхакова Р.Ф., Хомякова Е.Г.* Память и восприятие: некоторые аспекты языковой репрезентации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2009. Вып. 1. Ч. 1. С. 84-89.

*Каменская О.Л.* Текст и коммуникация. М.: Высшая школа, 1990. 152 с.

*Клюев Е.В.* Речевая коммуникация. М.: Рипол Классик, 2002. 315 с.

*Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. Курс лекций. М.: Гнозис, 2001. 270 с.

*Лурия А.Р.* Язык и сознание. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 416 с.

*Немов Р.С.* Психология: Словарь-справочник: в 2 ч. Ч. 2. М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. 352 с.

*Рогачёва Ю.Н.* Репрезентация фрейма «память» в современном английском языке (На материале глагольной лексики): дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2003. 182 с.

*Сучкова Г.М.* Прагматические аспекты речевого взаимодействия. Паттерны коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2008. Вып. 27. № 36 (137). С. 137-142.

*Тивьяева И.В.* К вопросу о мнемической ситуации и ее составляющих // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 604-610.

*Черемошкина Л.В.* Психология памяти. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 368 с.

*Яценко Ю.Н., Тимошилова Т.М.* Семантико-этимологическая характеристика глаголов мнемического воспроизведения в рамках фреймового подхода (на материале современного английского языка) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 9. №6 (101). С. 229-235.

*Brown, D.* (2009). *The Lost Symbol*. Random House. 672 p.

*James, E.L.* (2011). *Fifty Shades of Grey*. The Writers Coffee Shop. 356 p.

*Patterson, J., Roughan, H.* (2008). *You've Been Warned*. Grand Central Publishing. 400 p.

*Wickham, M.* (2010). *Sleeping Arrangements*. Random House. 304 p.

## COGNITIVE-COMMUNICATIVE APPROACH TO VERBAL REPRESENTATION OF MNEMONIC PROCESSES

**Irina V. Tivyayeva**

Associate professor

Department of Linguistics and Translation Studies

Tula State University

300012, Tula, prospekt Lenina, 92

*tivyayeva@yandex.ru*

Having accepted the concept of language as a material container of cognitive content and the thesis about the patterned nature of communication, the author argues that a mnemonic utterance should be considered a verbal form of representing the mechanism of individual memory. The goal of the current study is to identify and describe external conditions of verbalization of mnemonic processes on the basis of the cognitive-communicative approach, which is expected to promote further inquiries into linguistic aspects of the work of individual memory, specifically, promote insights into communicative, pragmatic, structural, semantic, lexical, grammatical and discourse features of mnemonic utterances and identify correlations between them and the cognitive-communicative context of verbalization of memory. The tool used to analyze memory verbalizers in this paper is the mnemonic situation which functions as the cognitive-communicative context in which mnemonic utterances are generated. To achieve the stated goal of the paper, the author develops a typology of mnemonic situations based on their cognitive and communicative parameters. The classification of mnemonic situations in accordance with the memory process being represented is founded on correlations between mnemonic situations and links of the mnemonic chain representing the sequence in which incoming information units are processed. In the typology of mnemonic situations based upon the communicative principle, the key parameter is that of actuality / virtuality, that is, local and temporal conditions of communication. Differentiation of various types of mnemonic situations in accordance with their cognitive and communicative features will allow for a more accurate description of contextual conditions under which memory processes are verbalized and help identify a correlation, if any, between the structure of a verbalizer utterance and the context in which it was generated.

**Keywords:** memory, mnemonic process, mnemonic situation, mnemonic utterance.

### References

*Ishakova R.F.* Kognitivno-semanticheskij analiz mnemicheskikh glagolov (na materiale sovremenno go anglijskogo jazyka) [Cognitive-semantic analysis of mnemonic verbs (evidence from English)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [abstract of PhD thesis]. Saint-Petersburg, 2009. 18 p.

*Ishakova R.F., Homjakova E.G.* Pamjat' i vosprijatie: nekotorye aspekty jazykovo j reprezentacii [Memory and Perception: some aspects of linguistic representation] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta [Saint-Petersburg University Bulletin]. Series. 9. 2009. No. 1 (1). pp. 84-89.

*Kamenskaja O.L.* Tekst i komunikacija [Text and Communication]. Moscow: Vysshaja shkola, 1990. 152 p.

*Kljuev E.V.* Rechevaja komunikacija [Speech Communication]. Moscow: Ripol Klassik, 2002. 315 p.

*Krasnyh V.V.* Osnovy psiholingvistiki i teorii komunikacii. Kurs lekcij. [Fundamentals of Psycholinguistics and Communication Theory. A course of lectures]. Moscow: Gnozis, 2001. 270 p.

*Lurija A.R.* Jazyk i soznanie [Language and Cognition]. Rostov-na-Donu: Feniks, 1998. 416 p.

*Nemov R.S.* Psihologija: Slovar'-spravochnik [Psychology: reference book]. Part 2. Moscow: Izd-vo VLADOS-PRESS, 2003. 352 p.

*Rogachjova Ju.N.* Rerezentacija frejma «pamjat'» v sovremennom anglijskom jazyke (Na materiale glagol'noj leksiki) [Representation of “memory” frame in modern English (a case study of verbs)]: dis. ... kand. filol. nauk [PhD thesis]. Belgorod, 2003. 182 p.

*Suchkova G.M.* Pragmaticheskie aspekty rechevogo vzaimodejstvija. Patterny komunikacii [Pragmatic aspects of speech interaction. Communicative patterns] // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. Iskusstvovedenie. [Chelyabinsk State University Bulletin. Philology. Arts Studies.] 2008. No. 27. Vol. 36 (137), pp. 137-142.

*Tiv'jaeva I.V.* K voprosu o mnemicheskoj situacii i ee sostavljajushhix [On mnemonic situation and its components] // Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Bulletin of Tula State University. Humanities]. 2011. No. 1, pp. 604-610.

*Cheremoshkina L.V.* Psihologija pamjati [Psychology of Memory]. Moscow: Izdatel'skij centr «Akademija», 2002. 368 p.

*Jacenko Ju.N., Timoshilova T.M.* Semantiko-jetimologicheskaja harakteristika glagolov mnemicheskogo vosproizvedenija v ramkah frejmovogo podhoda (na materiale sovremennogo anglijskogo jazyka) [Semantic and etymological characteristics of verbs of mnemonic reconstruction as seen from the position of framework approach (evidence from modern English) // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. [Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities.] 2011. Vol. 9. No. 6 (101), pp. 229-235.

*Brown, D.* (2009). The Lost Symbol. Random House. 672 p.

*James, E.L.* (2011). Fifty Shades of Grey. The Writers Coffee Shop. 356 p.

*Patterson, J., Roughan, H.* (2008). You've Been Warned. Grand Central Publishing. 400 p.

*Wickham, M.* (2010). Sleeping Arrangements. Random House. 304 p.

### **Дорогие коллеги!**

Вышел из печати первый двухтомник «Русского регионального ассоциативного словаря (Сибирь и Дальний Восток, СИБАС)», авторы И.В. Шапошникова, А.А. Романенко.

Том 1. От стимула к реакции. – 537 с.

Том 2 . От реакции к стимулу. – 763 с.

Словарь создан по результатам массового ассоциативного эксперимента, проведенного в вузах Сибири и Дальнего Востока (2008-2013). В качестве испытуемых выступали студенты различных специальностей. Экспериментальные данные аккумулировались и обрабатывались составителями словаря в Новосибирском государственном университете и в секторе русского языка в Сибири ИФЛ СО РАН. Словарная статья первого тома (от стимула к реакции) состоит из заголовочного слова-стимула и расположенных в соответствии с убыванием частоты употребления слов-реакций. Во втором томе словарная статья состоит из заголовочного слова-реакции и списка породивших её стимулов. Таким образом, новейшая информация о живом словоупотреблении, отражающем речемыслительные процессы молодых россиян, которые проживают в Сибири и на Дальнем Востоке, организована традиционным для русской ассоциативной лексикографии способом, что позволит быстро включить эту эмпирическую базу в научный обиход.

Словарь предназначен для широкого круга пользователей: ученых лингвистических и нелингвистических специальностей, студентов, изучающих русский язык в России и за её рубежами, преподавателей, всех, кто интересуется живым русским языком. Ассоциативный словарь может найти широкое практическое применение в журналистике, социальном проектировании, рекламной и иных сферах гуманитарной деятельности, где востребованы знания о русском языке и культуре его носителей.

**Словарь можно заказать и приобрести в Московской Международной Академии: [info@inyaz-mil.ru](mailto:info@inyaz-mil.ru), +7 (495) 616-43-23  
г. Москва, 129075, ул. Новомосковская, д.15а, стр.1**

**КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ РУССКОГО СОЗНАНИЯ:  
ПОДСОЗНАНИЕ**

**Колесов Владимир Викторович**

доктор филологических наук  
профессор Санкт-Петербургского университета  
г. Санкт-Петербург,  
Университетская набережная 11  
*prof.kolesov@gmail.com*

Концептуальный анализ текста представляет важный концепт, который является *разноименным* по причине замещения именами, возникшего по историческим причинам: Совесть, Бессознательное, Подсознание. Положенный в основу исследования авторский метод описания предполагает *когнитивное* единство «четырёх причин» общего каузального ряда (Причинность), на выявлении которых из случайно выбранных контекстов строится *семантическая константа* и конструируется *концептуальный* квадрат с четырьмя содержательными формами концепта – образом, понятием, символом и «зерном» первосмысла (conserptum). Показаны: инородность для русского сознания рационалистического концепта Подсознание и устойчивая традиция употребления концепта Совесть, который организует концептуальное поле *мышления: сознание – познание – знание* на основе критерия Совесть – исходной (нулевой) точки всех составов Причинности, равновеликой «первосмыслу». Именно она создает законченную парадигму знания, представляя ее как *концепт понимания*. Специальной особенностью русского сознания является формирование *образных понятий* (das Sinnbild) символического смысла, которые долгое время в русском сознании служили замещением понятий и теперь выступают в качестве стилистических вариантов символа. Западному понятию Подсознание соответствует русский термин Бессознательное, которое выступает в качестве основного *содержания* Подсознания.

**Ключевые слова:** Подсознание, Бессознательное, Совесть, концепт, концептум, семантическая константа, концептуальный квадрат.

*Работа наша совершается в подсознании,  
последнее слово написано там прежде, чем первое появится на бумаге.*

*Мы вспоминаем, а не сочиняем*

Грэм Грин

### **1. Введение**

Концептуальный анализ текста позволяет проникнуть в глубинные основания личной ментальности, сохраненные славянским словом. При составлении текстов в действие вступает не только мысль автора, но и смысл того слова, которым этот автор оформляет свою мысль. Возникает динамическое натяжение между мыс-

лью (идеей) и словом (знаком), столь важное для русского человека, который генетически исповедует философский реализм. Поверхностный план высказывания, заложенная в тексте мысль, понятны, тогда как внутренний, концептуальный смысл слова скрывается в потоке смежных слов. Единственная возможность установить исходный смысл высказывания, тот самый, который мы «вспоминаем» и о котором авторы, скорее всего, даже не подозревали, состоит в том, чтобы собрать несколько самых разных высказываний, независимо от их авторства, и рассмотреть их в перспективе ключевого слова, выражающего искомый концепт: *идти в обратной перспективе от слова*.

Тут в силу вступает закон «четырёх причин» каузального ряда, установленный еще Аристотелем (категория Причинность), последовательно отвечающих на вопросы: *что* это (такое)? – основание («все в мире имеет свое основание» – Лейбниц), *как* (проявляется)? – условие, *почему* (действует)? – причина, *зачем* (нужно)? – цель. Этот ряд жестко связывает случайно подобранные примеры единством отношений, сосредоточенных на описываемом слове, которое выражает *концепт* сознания в единстве мысли и языка, т.е. *идеи* и *слова*. Покажем это на важном концепте русского сознания, неуловимо двуименном в ускользающей временной перспективе: *подсознание* и *бессознательное*.

Применяемые в описании термины: *денотат* – совмещение в общей единице предметного значения слова и объема понятия, лингвистического и логического; денотаты выделяются из текстов посредством редукции их предикатов; *десигнат* – такое же совмещение словесного значения и содержания понятия. Десигнаты передаются именами прилагательными, выражающими устойчивые признаки, причем *типичные* признаки соотносятся с символом (*белый свет*), *глубинные* – с понятием (*белый мел*), *интенсивные* – с образом (*белое безмолвие*), *длительные* – с основанием как исходной точкой развития содержательных форм концепта (*conceptum* ‘зерно’). *Семантическая константа* (постоянная) объединяет все четыре состава Причинности, располагая их в следующем порядке: *основание* – *условие* – *причина* – *цель*. Эта четкая связь последовательностей скрепляет все составы Причинности, позволяя избежать субъективизма в толковании текстов. Поскольку денотат и десигнат соединяют в себе признаки логического и лингвистического, возникает возможность изучать их по отдельности, каждый раз вкладывая их в удвоенную схему *концептуального квадрата*, показывающего отношение помысленных денотата и десигната к реальному референту, например, в случае денотата (знак обозначает отсутствие признака):

R -R

---

D понятие образ

---

-D символ *основание*

---

Алгоритм описания изложен в книге [Колесов 2012].

## 2. Подсознание

Новое русское слово *бессознательный* по словарям регистрируется с 1863 года, производное *бессознательность* появилось еще позже (1895) и в современном употреблении выступает в значении ‘безотчетность, произвольность’. Со ссылкой на немецкую философию: «в философии Гартмана все, что достигает цели, не сознавая ее» [Словарь 1895]. Термин *подсознание* вообще мало пользуется вниманием отечественных ученых, этому термину предпочитается форма *бессознательное*, т.е. выделяется *содержание* Подсознания. То же имеет традицию и в немецком словоупотреблении: впервые введший в оборот слово *бессознательное* (*bewusstlos*) философ Эдвард Гартман и Зигмунд Фрейд – «нет более фундаментального открытия Фрейда, чем бессознательное» [Фромм 1992, с.336].

В русских философских и публицистических текстах слово *подсознание* также встречается очень редко, главным образом в переводных текстах и в специальной литературе. Рассмотрим выразительные образцы, проведя последовательные редукции от общего текста к «зерну» (концептуму) первосмысла.

### Кехо [2010]:

В вашем подсознании скрыта сила, способная перевернуть мир. Мозг человека двулик. Все, о чем я говорил ранее, касалось сознания. Теперь настало время познакомить вас со второй стороной мозга – таинственным и мистическим подсознанием. Могущество подсознания просто потрясающе. Известно, что оно контролирует и управляет всеми жизненно важными функциями человеческого организма, от кровообращения до дыхания и пищеварения... В подсознании запечатлевается все произошедшее с человеком... Именно подсознание часто помогает человеку, направляя его деятельность... Наконец, именно подсознание является механизмом, с помощью которого периодически повторяющиеся мысленные импульсы – чувства и эмоции – ускоряются и материализуются в физическом эквиваленте... Чтобы показать, как сознание и подсознание совместно работают над созданием окружающей действительности, я вновь прибегну в аналогии. Подсознание подобно плодородной почве, принимающей любое брошенное в нее семя. Ваши мысли и взгляды – это семена, постоянно засеваемые в эту почву... Подсознание неразборчиво. Оно отразит неудачу, болезнь или провал с той же готовностью, что и успех и процветание... Подсознание воспринимает то, что ему преподносится, с уже готовым позитивным или негативным отношением к этому. Оно не способно оценить ситуацию, как это делает сознание, и вступить с вами в спор. Стоит понять, что подсознание всегда даст вам желаемое... Несколько лет назад казалась невозможной идея о том, что мы можем притягивать и создавать действительность с помощью мыслей, сегодня же взгляд на эти проблемы изменился, и люди понимают, как происходит этот процесс... Могущественное подсознание ожидает ваших указаний... Специалисты по вопросам познания, изучающие процесс прохождения информации через мозг, утверждают, что лишь небольшая часть из того, что получает мозг (менее одного процента), достигает вашего сознания. Страшно думать, как много мы теряем.

Здесь впервые подсознание сравнивается с *зерном*.

Денотаты распределяются таким образом:

Основания – *что?* Внутренний мир сознания, таинственное и мистическое нечто, неразборчивость.

Условия – *как?* Плодородная почва, механизм внутренних импульсов, всегда дает желаемое.

Причины – *почему?* Сила, способная перевернуть мир, воспринимает уже готовое, контролирует и управляет всеми функциями человека.

Цель – *зачем?* Запечатлевает все происходящее с человеком, притягивает и создает действительность, работает над созданием реальной действительности.

Семантические константы:

Таблица 1

Внутренний мир сознания	-----	плодородная почва контролирует и управляет человеком запечатлевает все происходящее
-------------------------	-------	---

Читается: Подсознание – это *внутренний мир сознания сродни плодородной почве, который контролирует и управляет всеми функциями человека ради воплощения всего с ним происходящего*.

Таблица 2

Таинственное нечто	-----	механизм внутренних импульсов сила, способная перевернуть мир работает над созданием окружающего
--------------------	-------	--

Читается: Подсознание – это *некий таинственный механизм внутренних импульсов, сила, способная перевернуть мир ради создания окружающей действительности*.

Таблица 3

Неразборчивость	-----	всегда дает желаемое воспринимает уже готовое притягивать и создавать действительность
-----------------	-------	--

Читается: Подсознание – это *неразборчивость, которая всегда дает желаемое и воспринимает уже готовое с тем, чтобы притягивать и создавать действительность*.

Инвариант: Подсознание – это *таинственно внутреннее нечто, создающее возможности для восприятия уже готового ради отражения действительного мира*.

**Юнг [2010]:**

Подсознание – это... мифический генетический опыт... это скорее пещера, наполненная первобытными и забытыми сокровищами человеческой мудрости... и скрытая под процессом интеллектуализации... Содержание личного бессознательного представляется нам частью собственной психики, содержание же коллективного бессознательного представляется ей чуждым,



точно приходящим извне... каждое данное лицо обыкновенно не осознает, что подобные восприятия истекают из бессознательного: они представляются ему вызванными наружными конкретными фактами... он рационализирует внутренние впечатления, природа которых ему неизвестна. На самом деле эти впечатления есть иррациональные идейные содержания его собственного ума... В мозгу заложены перформированные инстинкты, а также и первобытные типы, или образы, основания, согласно которым издавна образовывались мысли и чувства всего человечества, включающие все громадное богатство мифологических тем (архетипов)... Самость есть субъект всей моей психики, значит и ее бессознательной сферы... Область подсознания может временами проявлять гораздо большую способность осмысливать и принимать решения, чем область сознательного восприятия действительности... Содержанием «коллективного бессознательного» являются общечеловеческие первообразы – архетипы... Термин *архетип* зачастую истолковывается неверно, как некоторый *вполне определенный мифологический образ или мотив*... Архетип же является *тенденцией* к образованию таких представлений... Архетип, который сам по себе является непредставляемым бессознательным, пресуществующей формой и может поэтому проявлять себя везде и в любое время.

Система денотатов:

Основания – самость идеальной личности, мифический генетический опыт, непредставляемо бессознательное, матрица мифопоэтического сознания...

Условия – часть собственной психики, внутренние впечатления, человеческие первообразы- архетипы.

Причины – лежит на глубинном слое коллективного бессознательного, в мозгу складываются первобытные типы, тенденции к образованию представлений.

Цели – способность осмысливать и принимать решения, субъективизм в сознании мира, проявляется везде и всегда.

Возможные семантические константы

Таблица 4

Самость идеальной личности	-----	часть собственной психики лежит на глубинном уровне субъективизм в осознании мира
----------------------------	-------	---

Читается: Подсознание – это *самость идеальной личности как проявление собственной психики, которая лежит на глубинном уровне сознания, обуславливая субъективизм в осознании мира.*

Таблица 5

Мифический генетический опыт	-----	внутренние впечатления в мозгу складываются первобытные типы способность осмысливать
------------------------------	-------	--

Читается: Подсознание – это *мифический генетический опыт внутренних впечатлений на основе первобытных типов в мозгу как способность осмысливать и принимать решения.*

Таблица 6

Непредставляемо бессознательное	-----	первообразы-архетипы тенденции к образованию представлений проявляются всегда и везде
------------------------------------	-------	---

Читается: Подсознание – это *непредставляемо бессознательные первообразы-архетипы (с тенденцией к образованию представлений), которые проявляются всегда и везде.*

Все константы выражают одну и ту же мысль: *Нечто постоянное в мозгу, психически бессознательное способствует образованию субъективных форм сознания, готовых к действию всегда и везде.*

**Фрейд [2007]:**

Подсознание... вместилище иррациональных сил либидо... Деятельность, не осознаваемая субъектом, могущественная сила, антагонистичная сознанию... Неосознанное восприятие своего поведения и чувств... Та часть психики (души), которая соединяет все психические состояния... действует помимо управления... Интуиция тесно связана со способностью предсказывать будущее... Большая часть того, что внутри нас, не осознается, а большая часть того, что осознается, нереально... бессознательное – это подвал, полный пороков... Действует в субкортикальных частях мозга... латентный душевный опыт... отождествление Я... признак психического...

Основания – вместилище иррациональных сил либидо, это подвал, полный пороков, соединяет все психические состояния души...

Условия – могущественная сила, антагонистичная сознанию, признак психического, неосознанное восприятие своего поведения и чувств.

Причины – деятельность, не осознаваемая субъектом, действует в субкортикальных частях мозга, действует помимо управления.

Цели – латентный душевный опыт... отождествление Я, тесно связана со способностью предсказывать будущее.

Семантические константы:

Таблица 7

Вместилище иррациональных сил	-----	сила, антагонистичная сознанию неосознаваемая деятельность отождествление Я
----------------------------------	-------	---

Читается: Подсознание – это *вместилище иррациональных сил антагонистичных сознанию, которые в неосознаваемой деятельности служат отождествлению Я.*

Таблица 8

Подвал, полный пороков	-----	признак психического действует в мозгу латентный душевный опыт
------------------------	-------	---

Читается: Подсознание – это как бы *«подвал, полный пороков»* в психическом отношении, действует в субкортикальных частях мозга, создавая латентный душевный опыт.

Таблица 9

Соединение всех состояний души	-----	неосознанное восприятие действий действует помимо управления способность предсказывать будущее
--------------------------------	-------	--

Читается: Подсознание – *соединение всех душевных качеств с неосознанным восприятием действий и чувств помимо управления (волей), способное предсказывать будущее.*

Все константы также близки по смыслу, хотя форма выражения различается. Перед нами сочетание случайных выражений, извлеченных из работ автора, в принципе, их можно набрать сотни, и все они будут выражать одну и ту же мысль, представленную под разным углом зрения: Подсознание есть нечто *иррациональное, противоположное сознанию, неосознанно действующее в мозгу ради самоотжествления личности в скрытом душевном опыте.*

**Фромм [1992]:**

Подсознание – это то, что происходит в мозгу в состоянии, когда все наши связи с внешним миром отключены и мы обращены не к действию, а к восприятию себя. Подсознание – это то, что «работает», когда мы находимся в специфическом состоянии – состоянии не деятельности... Когда мы говорим о подсознании, то на самом деле имеем в виду нечто, что происходит в нашем мозгу помимо, вне работы разума..., таким образом подсознание воспринимается как нечто инородное, сродни призраку, нечто такое, что трудно удержать и о чем трудно вспомнить... И сознание и подсознание – это всего лишь различные состояния внутренней жизни, соответствующие различным состояниям физического существования... Термин *бессознательное* – это, в сущности, мистификация... Первый о *бессознательном* говорил Спиноза в своей Этике... *Бессознательное – это целостный человек, за вычетом той его части, которое соответствует особенностям его общества.* Это человечность.

Система денотатов:

Основание – нечто инородное, сродни призраку.

Условия – все связи с внешним миром отключены, различные состояния внутренней жизни.

Причины – зависит от того, что мы делаем, работает в состоянии не деятельности.

Цели – целостный человек, человечность.

Семантическая константа:

Таблица 10

Нечто инородное	-----	состояния внутренней жизни работа мозга вне разума целостный человек
-----------------	-------	---

Читается: Подсознание – это *какое-то инородное состояние внутренней жизни, работа мозга вне разума, (определяющая) целостного человека.*

Таблица 11

Призрак	-----	связи с внешним миром отключены зависит от того, что мы делаем человечность
---------	-------	---

Читается: Подсознание – это нечто *призрачное в разрыве связей с внешним миром, но зависящее от наших действий, которые и формируют «человечность».*

**Штерн [1998]:**

Бессознательное позитивно характеризует жизнь личности, поскольку оно имеет отношение к сознанию, не выступая, однако, как результат направленного внутрь акта. Бессознательным является то постоянное в личности, что связывает в единое осмысленное целое отдельные проблески сознания, которые, если их рассматривать изолированно, выглядели бы хаосом точек. Бессознательным являются последствия сознательных переживаний, поскольку они стали часть «психофизически нейтральной» жизни и здесь вновь (как содержания памяти) могут приобретать внутренний характер... и наконец, бессознательными являются те редкие предельные состояния, возникающие тогда, когда на время исчезают противоречия, порождающие сознание... Так, бессознательно устремленность личности на цель образует неясный, но смыслообразующий фон, на котором выделяются различные по своему виду и степени ясности сознательные впечатления. Сознание и бессознательное вместе исчерпывают объем понятия «психическое».

Денотаты распределяются следующим образом:

Основания – связано с сознанием, входит в объем психического.

Условия – предельность состояния без противоречий, «хаос точек».

Причины – устремленность личности на цель, связывает в единое осмысленное целое.

Цели – позитивно характеризует жизнь личности, последствия сознательных переживаний.

Семантические константы:

Таблица 12

Связано с сознанием	-----	связи с внешним миром отключены зависит от того, что мы делаем человечность
---------------------	-------	---

Читается: Подсознание *связано с сознанием в виде «хаоса точек», выражающих устремленность личности на цель как последствий сознательных переживаний.*

Таблица 13

Входит в объем психического	-----	предельность состояний без противоречий связывает в единое осмысленное целое позитивно характеризует жизнь личности
-----------------------------	-------	---

Читается: Подсознание *входит в объем понятия «психического» как предельность состояний без противоречий и, связывая в единое осмысленное целое, позитивно характеризует жизнь личности.*

Выделяя различительные признаки сводных определений, получаем следование: *разорванность* (точек), *предельность* (состояний), *устремленность* (к цели), *единство* (переживаний). Инвариантная семантическая константа такова:

Таблица 14

Разорванность	-----	предельность устремленность единство
---------------	-------	--

Читается: Подсознание – это *разорванность предельного в его устремленности к единству.*

Таково самое лаконичное философское определение бессознательного, как его понимал немецкий психолог и философ Вильям Штерн. Это определение подчеркивает самую суть подсознания – его предельную разорванность с неустранимым стремлением к единству, которое кончательно осуществляется в сознании.

### 3. Бессознательное

У русских авторов встречаются редкие определения, представленные только в научных текстах.

#### **Введенова [2000]:**

Итак, бессознательное – резервуар неких «праформ», хранилище чистой формы. Для того, чтобы быть воспринятым сознанием, эта форма должна «материализоваться», т.е. получить конкретное наполнение. Основание архетипа – его наполнение...Естественный язык бессознательного – язык образов. Символы появляются там, где человек имеет дело с неисчерпаемым содержанием, выходящим за рамки утилитарной конкретности... Голосам из бессознательного присуща стихийная сила подлинности (хотя сами по себе они чаще всего стихийно-разрушительны).

Денотаты:

Основания – хранилище чистой формы, резервуар неких «праформ».

Условие – язык образов.

Причины – получает конкретное наполнение, материализуется в сознании.

Цель – стихийная сила подлинности.

Семантическая константа:

Таблица 15

Хранилище чистой формы	-----	язык образов материализуется в сознании стихийная сила подлинности
------------------------	-------	--

Читается: Подсознание – это *хранилище чистой формы на языке образов, которое материализуется в сознании, отражая стихийную силу подлинности.*

Здесь определенно сказано о связи подсознания с его воплощением – сознанием и об образном представлении «архетипов».

**Налимов [1995]:**

Воображение – это синоним бессознательного... Бессознательным можно называть все то многообразие проявлений нашего сознания, которое находится вне его логической структурированности... Мы развиваем вероятностный подход к построению концепции бессознательного... придание концептуализации нарочито метафорического звучания... Истоки всего пойдут в том едином, что мы склонны называть бессознательным... Под бессознательным мы понимаем ту часть сознания человека, которая остается у него после того, как будет отброшено то, что может быть передано компьютеру... Физики поняли, что «всё научное знание» опирается на некоторые шаблоны нашего бессознательного... О некотором внимании, связанном с обращением к бессознательному, напоминают современные представления квантовой теории полей... Таким образом, состояния семантического поля, лежащего в основе слова, оказываются проявлениями бессознательного... Выход в глубины бессознательного – это расширение сознания... Мы занимаемся конструированием смысла, ведя «археологические» раскопки в глубинах собственного сознания... Первым мыслителем, отчетливо выделившим бессознательное, был Кант, а отнюдь не Фрейд. Представление Канта об априори заданных нам категориях и формах чувственного созерцания – это прямое обращение к бессознательному... С бессознательным надо обращаться очень осторожно, крайне осторожно, потому что оно допускает двоякое течение психологического времени. С одной стороны, бессознательное через творчество открывает дорогу Будущему, с другой – готово возвращать вспять, что может приводить к коллективному безумию.

Денотатные признаки располагаются следующим образом:

Основания – воображение, истоки всего.

Условия – вне логической структурированности, не может быть передано компьютером.

Причины – конструирование смысла, открывает дорогу Будущему.

Цели – расширение сознания, априорное знание.

Возможные семантические константы:

Таблица 16

Воображение	-----	вне действий компьютера открывает дорогу Будущему расширение сознания
-------------	-------	---

Читается: Подсознание – это *воображение, исключаящее всё то, что может быть передано компьютеру, оно открывает дорогу Будущему, расширяя сознание.*

Таблица 17

Истоки всего	-----	вне логической структурированности конструирование смысла априорное знание
--------------	-------	---

Читается: Подсознание – это *истоки всего, что вне логической структурированности способствует конструированию смысла в априорном знании.*

Здесь выделены принцип «исходной точки» и роль воображения, а также *ко-нечная* цель – в расширении сознания вплоть до создания априорных понятий.

**Словарные определения**

Подсознание – бессознательное. Совокупность психических процессов, операций и состояний, не представленных в сознании субъекта... Сфера психического, качественно отличная от явлений сознания... Характеристика индивидуального и группового поведения, действительные цели и последствия которых не осознаются [Филос. словарь]. Совокупность психических процессов и состояний вне сферы сознания и недоступная для непосредственного субъективного опыта [МАС]. Совокупность психических процессов, актов и состояний, обусловленных явлениями действительности, во влиянии которых субъект не отдает себе отчета... Форма психического отражения, в которой образ действительности и отношение к ней субъекта не выступают как предмет специальной рефлексии, составляя нерасчлененное целое..., отличается от сознания тем, что отражаемая им реальность сливается с переживанием субъекта... зачастую прошлое, настоящее и будущее сосуществуют, объединяясь в каком-либо одном психическом акте... находит свое выражение... в первобытном мышлении, интуиции, аффектах, панике, гипнозе, сновидениях, привычных действиях [Краткий психол. словарь].

В целом определения словарей (они однообразны) можно свести к следующим денотатным позициям:

1. основание – бессознательное, 2. условие – вне сознания и опыта, 3. причина – образ действий вне рефлексии, 4. цель - неосознанность целей.

Семантическая константа:

*Таблица 18*

Бессознательное	-----	вне сознания и опыта образ действий вне рефлексии неосознанность целей
-----------------	-------	---

Читается: Подсознание – это *бессознательное вне сознания и опыта, действующее вне рефлексии с неосознанными целями.*

Подчеркивается связь Подсознания с Бессознательным: последнее является *основанием* Подсознания. Вся последовательность составов Причинности указывает одно и то же: Подсознание есть *оторванная от сознания и опыта сущность, полностью лишенная действий рассудка.*

Среди собранных высказываний осталось три, одинаково авторитетных (все они выражают европейское представление о концепте), и было бы жаль опустить их в изложении фактов. Приведу их, чтобы показать, что даже случайный состав определений способен безошибочно выразить смысл описываемого концепта.

Низшая форма душевной деятельности, лежащая за порогом осознанных

представлений (Декарт). Связан с интуицией и чувственным познанием – априорный синтез (Кант). Предельная реальность Мира (Тиллих).

Это готовые денотаты, с помощью которых можно выстроить следующую семантическую константу:

Таблица 19

Душевная деятельность вне сознания	-----	интуиция и чувственное познание априорный синтез предельная реальность
------------------------------------	-------	--

Читается: Подсознание – это *форма душевной деятельности, которая посредством интуиции и чувственного познания, на основе априорного синтеза воссоздает предельную реальность.*

Это - философское определение, которое переводит смысл Подсознания в область *душевной* деятельности, указывая на *интуицию* и на *априорное* познание с конечной целью проникнуть в предельные глубины *реальности*, под которой подразумевается нечто, противоположное действительности, потому что «все основные научные *эмпирические* понятия при *логическом* анализе приводят к *иррациональному* остатку». Вообще, «если к эмпирическому понятию ученый подойдет *только с одним логическим анализом*, «ложь» слова обычно выявится с чрезвычайной яркостью» [Вернадский 1975; выделено мной – В.К.].

#### 4. Обобщения

В общем составе всех девяти групп контекстов прослеживаются сходства:

*Основания* – иррационально внутренняя душевная сила, истоки всего как хранилище чистых форм, и пр.

*Условия* – управление человеком посредством образования субъективных форм сознания вне логической структурированности, и пр.

*Причины* – действует интуицией вне рефлексии, воссоздает предельную реальность на основе априорного синтеза, и пр.

*Цели* – создание целостного человека в подлинном единстве самотождественной личности, и т.п.

В текстах повторяются ключевые слова *мозг – душа, реальность – действительность, подлинность – единство, самость – самотождественность, сила – интуиция*. Другими словами, высказывания строятся на неявных противопоставлениях, лежащих в бессознательном. Снимая словесные повторения («ложь» слов), в конечном остатке мы приходим к заключительному утверждению:

Подсознание есть *иррациональная сила вне логической структурированности, воссоздающая предельную реальность ради утверждения самотождественности (самости)*. Иначе говоря, чтобы утвердиться в самотождественности, человек должен дойти до осознания того («предельной реальности»), что постигается только «иррационально» в «зерне первосмысла», в концептуме.

#### 5. Совесть

Но общая схема Причинности, выявленная в концепте Подсознание, удивительным образом согласуется с другим концептом русского сознания –



Совесть.

Композитор Георгий Свиридов в своем дневнике выразил глубокую мысль: «Русская культура неотделима от чувства совести. Совесть – вот что Россия принесла в мировое сознание». Рядом поставлены два слова: *сознание мировое* и *совесть русская*. Справедливость сказанного подтверждается и тем внешним фактом, что только русский язык словесно различает Совесть и Сознание, тогда как западные языки (кроме немецкого) эти концепты выражают одним и тем же словом; например, англичане и французы передают его словом *conscience*. Случилось так потому, что греческое слово *συνείδησις* славяне заимствовали дважды. При принятии христианства в *евангельском* значении (у апостола Павла) как ‘совесть’, а в XVIII веке калькировали латинское слово *conscientia* ‘сознание’ в виде *conscience*, которое, в свою очередь, является калькой того же греческого слова и стало обозначением сознания=совести в западноевропейских языках. Двоение сущего – основной принцип русского концептуального сознания, и в данном случае аналитическое раздвоение этического *совесть* и логического *сознание* повторяет столь же сдвоенные представления о правде=истине или свободе=воле. Каждая культура преобразовала заимствованный термин в соответствии с собственным концептуальным содержанием: европейские языки свели всё к *рациональному*, а русский, как обычно, выделил моральную сущность сознания в самостоятельную область *нравственного* знания.

Предикатные признаки опишем по выбранным на основе случайной выборки высказываниям.

Совесть – это голос единого духовного существа, которое живет в нас... Совесть есть память общества, усвояемая отдельным лицом (Л. Толстой). – Возникает нравственное самосознание – совесть (А.И. Галич). – Содержание внутреннего сознания добра и зла..., совесть выражает чисто непосредственное личное отношение человека к своим мыслям и поступкам (Кавелин). Вечные абсолюты, над всеми народами стоящие... Ну, это совесть, это Бог (Розанов). Совесть есть центральная сила, связывающая... известные нравственно-душевные однородности (Н. Шелгунов). – Работе совести соответствуют обязанности, работе чести – права (Н. Михайловский). – Совесть... это чувство, сознательно или бессознательно, уже проникнуто разумом (Б. Чичерин). В душе человека есть сила, влекущая к добру и осуждающая зло.. Эта сила – совесть (Н. Лосский). Совесть, эта «змея сердечных угрызений», внутренний стыд перед самим собою... вскрывающий последние глубины жизни (С. Франк). – Сущность совести заключается в непосредственной направленности на объективную иерархию ценностей (Левицкий). – Совесть – таинственный судящий голос внутри нас (Ухтомский). – Нравственная совесть есть ответственность перед самим собой, перед своим духовным «я» (Бердяев). – В бессловесной тишине совесть овладевает нашим сердцем и нашей волей (И. Ильин). – Русский человек постигает истину особым чувством мысли, называемым совестью. И вот это неизбежное колебание в ту или другую сторону называется совестью (М. Пришвин). – Совесть – внутренняя правда, а право – внешняя правда (Ф. Гиренок). – Символ «совесть» идеален и потому многогранен (В. Астафьев). – Совесть – понятие не дедуцируемое... Совесть, наконец, вне времени (Т. Горичева). – Зато в нас есть бро-

дило духа – совесть И наш великий покаянный дар (М. Волошин).

На основе предикатов определим общую область денотатов:

Основания – голос духовного существа, внутренний голос, судящий голос внутри нас, внутреннее нравственное чувство, божественное начало.

Условия – сила добра, внутреннее сознание добра и зла, ответственность перед собой, изначальное свойство человека, внутренняя правда, нравственное самосознание.

Причины – идеальная деятельность, посредница между лицом и народом, нравственная сила, связующая сила, змея сердечных угрызений, надоедливая приживался, единение ума и сердца.

Цели – нравственный закон, нравственная правда, цельность моей души, личное отношение к своим мыслям и поступкам (ответственность перед собой), требование.

Семантические константы строятся по общим основаниям:

Таблица 20

Божественное начало	-----	внутреннее сознание добра и зла идеальная деятельность ответственность перед собой
---------------------	-------	--

Читается: Совесть – это божественное начало внутреннего сознания добра и зла, в идеальной деятельности вырабатывающее ответственность перед собой.

Таблица 21

Внутреннее чувство	-----	нравственное самосознание нравственная сила нравственный закон
--------------------	-------	--

Читается: Совесть – это внутреннее чувство нравственного самосознания, нравственной силой исполняющее нравственный закон.

Таблица 22

Внутренний голос	-----	сила добра связующая сила цельность моей души
------------------	-------	---

Читается: Совесть – это внутренний голос добра, который связующей силой своей обеспечивает цельность моей души.

Таблица 23

Голос внутри нас	-----	ответственность перед собой единение ума и сердца личное отношение к своим мыслям и поступкам
------------------	-------	---

Читается: Совесть- это судящий голос внутри нас, предстающий как ответственность перед собой в единении ума и сердца, создающий личное отношение к

*своим мыслям и поступкам.*

Смысл денотатов внутри каждой группы мало изменяется при перестановке компонентов, содержание высказывания подчиняется соответствующему составу Причинности, ср.:

Последовательность оснований: *божественное начало – внутреннее нравственное чувство – внутренний голос – судящий голос внутри нас* – все говорят об одном и том же, но разными словами или метафорами.

Последовательность условий: *внутреннее сознание добра и зла – нравственное самосознание – сила добра – ответственность перед собой* – так или иначе выражают одну и ту же существенную идею – силу личной ответственности.

Последовательность причин: *идеальная деятельность – нравственная сила – связующая сила – единение ума и сердца*, в сущности, также выражают общую мысль о *действии совести как идеальной силы*.

Последовательность целей: *ответственность перед собой – нравственный закон – цельность моей души – личное отношение к своим мыслям и поступкам* – также выражают общую мысль о стремлении соответствовать нравственной силе закона.

Современный «Психологический словарь» дает следующее определение:

Совесть – способность личности осуществлять нравственный *самоконтроль*, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков... Совесть проявляется как в форме рационального осознания нравственного значения совершаемых действий, так и в сфере эмоциональных переживаний (например, «угрызений совести»).

Каждый член общего состава суждения можно разложить на те четыре состава Причинности, которые мы уже получили при анализе приведенных высказываний.

Итак, концепты Подсознание и Совесть во многом совпадают, и мы не ошибемся, признав, что христианская Совесть есть ранняя форма современного научного представления о Подсознании:

*Подсознание Совесть*

внутренняя душевная сила  
внутренний нравственный голос  
образование субъективных форм сознания  
нравственное самосознание  
воссоздание предельной реальности  
идеальная деятельность  
самотождественность личности  
цельность моей души

Сравним высказывания русских авторов о Совести с мыслями западных ученых:

Совесть оценивает наши действия; она есть (в соответствии со значением корня слова – *con-scientia*), знание-в-себе, знание о всех наших успехах и неудачах в искусстве жить... Ее воздействие характеризуется свойством эмоциональности, ибо ее отклик – это отклик всей нашей личности, а не только одного ума (Фромм). То, что называют совестью, по сути погружено в глубины бессознательного, коренится в подсознательной основе.. сознанию открыто сущее, совести же открыто не сущее, а скорее, напротив, то, что еще не существует, а лишь должно существо-

вать... совесть руководит человеком в его поиске смысла. (Франкл). Свидетельство собственного умения быть дает совесть... Совесть дает «что-то» понять, она *размышляет*... *Совесть говорит единственно и неизменно в модусе молчания* (Хайдеггер). А совесть имеет вполне земные причины (Б. Рассел).

Все – вполне рациональные представления, скорее о со-знании, чем о со-вести. Собирая разрозненные денотаты, мы можем выстроить семантические константы:

Таблица 24

Глубины бессознательного	-----	говорит молчанием отклик всей нашей личности имеет земные причины
--------------------------	-------	---

Читается: Совесть – это *внутреннее одиночество, которое говорит молчанием как откликом всей личности в пользу конкретных земных причин.*

Таблица 25

Знание-в-себе	-----	предвосхищение будущего руководит в поисках смысла умение быть
---------------	-------	--

Читается: Совесть – *знание-в-себе в предвосхищении будущего, которое руководит в поисках смысла ради умения быть.*

Отличие от русских суждений в постановке проблемы: западные авторы судят о Совести номиналистически, тогда как русские высказывания отмечены признаками философского реализма. Ср.:

*Подсознание Совесть*

низшая форма душевной деятельности вне сознания знание-в-себе  
интуиция и чувственное познание говорит молчанием  
априорный синтез отклик всей личности  
предельная реальность имеет земные причины

В западном понимании Подсознание и Совесть отчасти сходятся только в условиях и причинах, основания и цели здесь расходятся. Следовательно, различия между западным и русским представлениями об этих концептах сосредоточены в областях «первосмысла» (источник концептов разный), а также связанного с основанием символа, который всегда является национальным достоянием. В западном менталитете Совесть не является формой выражения Подсознания, как в русском, и смешение Совести с Сознанием вполне соответствует тому, что эти концепты именуются общим словом.

Рассмотрим сводку текстов, принадлежащих одному автору.

**Гегель [1976, 1990]:**

Совесть, сознание своего соответствия...требованиям долга ... Сокровеннейшее в человеке, его совесть..., где «я» есть у себя... Сформировавшийся разум устанавливает абсолютные принципы.. и лишь тогда, когда человек... в своей совести... он обретает в себе, в своей совести опору... Угрызения совести были известны им лишь в виде страха перед наказани-

ем. Ибо нечистая совесть как осознание себя... (как) осознание своей собственной природы в ее целостности.... Совесть человека имеет свое право моральности... В сфере рефлексии вместе с противоположностью субъективной всеобщности, частью вместе со злом, частью вместе с совестью... Совесть как бесконечная субстанция, в себе знающая и в себе определяющая свое содержание... Субъективное убеждение, совесть... Ибо он касается внутреннего единства, которое есть в совести... Совесть есть святое, неприкосновенное в человеке, она есть чистая уверенность в самом себе... Совесть как бесконечная субъективность, в себе знающая и в себе определяющая свое содержание... Совесть как формальная субъективность вообще есть постоянная готовность перейти в зло... Совесть - это глубочайшее внутреннее одиночество, пребывание с самим собой (Гегель).

Денотаты:

Основания – сознание своего соответствия, бесконечная субъективность, формальная субъективность, внутреннее одиночество, пребывание с самим собою, чистая уверенность в себе, сокровеннейшее в человеке, святое в человеке.

Условия – внутреннее единство, внутренняя глубина, бесконечная субстанция, имеет право моральности, субъективное убеждение.

Причины – страх перед наказанием, противопоставление злу, постоянно готовится перейти к злу.

Цели – «я» есть у себя, осознание себя, обретает опору, осознание своей собственной природы в ее целостности.

Семантические константы:

Таблица 26

Одиночество	-----	внутреннее единство противопоставление злу осознание своей природы в ее целостности
-------------	-------	---

Читается: Совесть – это внутреннее одиночество как результат внутреннего единства, в противопоставлении злу осознает свою природу как целостность.

Таблица 27

Бесконечная субъективность	-----	внутренняя глубина страх перед наказанием осознание себя
----------------------------	-------	---

Читается: Совесть как бесконечная субъективность внутренней глубины в страхе перед наказанием осознает себя.

знание-в-себе бесконечная субъективность

говорит молчанием внутренняя глубина

отклик всей нашей личности страх перед наказанием

имеет земные причины – осознание своей природы (обретает опору)

Никаких существенных различий между двумя константами мы не обнаружим, за исключением того, что идеи выражены разными словами, за которыми

скрывается «ложь» т.е. неточность выражения. Главные отличия от русских представлений о совести состоят в том, что западные авторы подчеркивают в основаниях бесконечную *субъективность* (индивидуализм) субъекта, замкнутого на личном *знании*, а в целях – неременную связь с «природой» разного качества (вещизм). Первое связано с тем, что не делается разницы между (со)знанием и совестью, второе определяется номиналистическими установками западного менталитета.

Расширяя контексты, мы можем дать более определенную характеристику символа Совесть на Западе. Совесть для француза есть (физическое) сознание, (интеллектуальная) сознательность и (духовное) право выносить моральные суждения; для немца это – нравственное сознание хорошего и плохого, добра и зла; для англичанина – внутренние чувства и мысли (опять-таки *сознание*), связанные с «вполне земными причинами» (вещизм) и особенно право суждения о том, что правильно и неправильно, преимущественно в отношении собственных действий (интровертность отношений). Для европейца *совесть* скорее отрицательная черта, «тут совесть – существо, враждебное человеку, ведь сам человек может ее подавить спокойно. Совесть здесь овеществляется, так что... сознание нашло способы справляться с этим неудобным изобретением христианской морали» [Голованивская 1997]. Таким образом, в европейской культуре рациональность в проявлении совести связана с действием рассудка, определяется нормами личного поведения и обращена на *оценку* действий – своих собственных (у англичан), чужих (у французов) или вполне абстрактных (у немцев).

### 6. Образное понятие

Если дальше редуцировать состав Причинности, устранив *основание*, то воплощенное в слове концептуальное содержание Совести может быть представлено в трех ипостасях: в объективной реальности как *понятие*, в субъективной идеальности как *символ* и в конструктивной формальности как *образ*, ср.:

Таблица 28

<i>признак</i>	<i>содержательная форма</i>	<i>единица</i>	<i>сфера действия</i>
<i>Типичный</i>	<b>символ</b>	идеальная	волевая
<i>Глубинный</i>	<b>понятие</b>	реальная	логическая
<i>Интенсивный</i>	<b>образ</b>	формальная	чувственная

Типичные признаки – *личная, моя, своя, собственная*.

Глубинные признаки – *гнилая, общая, свободная, чистая*.

Интенсивные признаки – *активная, задумчивая, неукротимая, нравственная, пассивная, русская, спокойная, уединенная, умственная, юридическая*.

Длительных в принципе нет, *совесть* – это «имя вневременного свойства человека» [Чернейко 2010], оно связано с первосмыслом концептума, который исходно неизменен.

Следующим действием анализа является *идентификация*, т.е. совмещение десигната-содержания с денотатом-объемом воссоздаваемого понятия. На Руси этот процесс развивался с XVII века, а в начале XVIII века появился и термин «понятие» (первая словарная фиксация – 1704г.). В нашем случае соединение десигнатных и денотатных признаков создает символические значения аналитическо-

го понятия (образного понятия) – в соединении типичного с идеальным на уровне символа: *личный голос духовного существа* или *собственная идеальная деятельность*. Совмещение признаков десигната и денотата создает также образные понятия *чистая совесть*, *огромная ценность* и т.п. – уже в соединении глубинного признака с реальным. Аналогично образуются, например, соединения интенсивных и формальных признаков образа, создающие образные понятия типа *умственный интерес* или *задумчивая совесть моя* – это *индивидуально* образные понятия типа метафорических, они являются образными понятиями только по форме. Суть в том, что понятие вообще рождается в *понимании* предмета, а в данных случаях имеем дело только с образным выражением *чувства*. Такие «понятия» позже не развивались в *логические* понятия. Но всё Средневековье активно использовало образные понятия, развил для этой цели специальное средство их выражения – местоименное (полное) имя прилагательное уточняющего характера с выражением определенности. Строго говоря, каждое образное понятие есть *символ удвоения*, но символы разного содержания. Если идти сверху вниз (по таблице): первый ряд образуют символы *отождествления* (*свет светлый, личная совесть, Божья правда: «Бог есть высшая правда...»*), второй ряд – символ *уподобления* (уподобления понятию: *чистая совесть*), третий ряд – символ *замещения* (*задумчивая совесть* – сила олицетворяется). Только средний ряд впоследствии «отстоялся» в логических понятиях, потому что с самого начала имел статус понятийного.

### 7. «Зерно первосмысла» как основание

Известно, что поморфемное калькирование происходит при разнице культур (менталитетов), но формирующийся при этом признак различения, зерно первосмысла создает национальную форму концепта, которая варьирует в различных проявлениях *идеации* – создания собственных средств выражения заимствованных концептов в виде образных понятий. В высшей степени это касается и наших концептов.

Греческие слова *συν-εἶδ-ός* ‘совместное знание, со-знание’ и *συν-εἶδ-ησις* ‘со-знание, со-знание’ значение ‘совесть’ получили только в текстах Евангелия, образовав образные понятия типа *συνεἰδήσει ἀγαθή* ‘благое знание’. Латинская калька этого слова *con-sciens-tia* ‘осведомленность, сознание’ (буквально ‘стесненное сознание’) от *sciens* ‘сведущий’, ‘сознательный’ также вынесла это значения из переводов Евангелия: *consciencia bona (recta)* ‘доброе (прямое) знание’. Таким образом, новое представление о совести развивалось одинаково на основе метонимичных образных понятий, но в греческом при концептуме \*(F)eid, а в латинском *sciens*, с искривленным смыслом законченной ‘сознательности’. Славянское слово для передачи того же концепта в точности соответствует греческому оригиналу: \**сьн-veid-ть* – с сохранением исходного «зерна» в виде корня \**věd-* ‘тайное ведание’, в то время как латинский вариант переводил «первосмысл» на рациональное ‘знание’. Глубинный смысл исходного концептума чередованием гласных в корне отсылал как к образу (*виду*), так и к *идее*, которая способна развиваться идеально, а не материально, как *science*. До сих пор в западной традиции «сцаентистами» могут быть только представители естественных наук (и только они отмечаются Нобелевской премией), тогда как гуманитарии к этому разряду не причисляются.

Славянский концептум *вѣд-* выражает глубинное знание, в наши дни доступное только *ведьмам*, оно отличается от поверхностного *зна-ния*, связанного с корнем \*ǵn- 'рожденный' (ср. *ген, жена* и родственные), т.е. с материальным воплощением идеального.

Таково современное представление о концепте Совесть, когда все три содержательные его формы – образ, понятие, символ – представлены сознанию в полном и законченном виде. При этом, по общему стремлению сознания к конкретной определенности, каждый человек, пользуясь наличными средствами языка, воссоздает свой собственный тип концептуальной рамки: художник мыслит образами, ученый – понятиями, а для обыкновенного человека Совесть – символ высокого звучания: «Совесть – понятие не дедуцируемое» – потому что это символ. Русские философы однозначно видели в концепте Совесть символ, то есть выражали мнение «естественного человека». Но символ – только одно из проявлений концепта, завершающийся момент его развития. В русском сознании он просто выходит на первый план. Как символическое проявление бессознательного, Совесть также занимает свое место в правом нижнем квадрате концептуального квадрата, являясь представителем концептума в другом ряду соответствий (как содержательная форма концепта).

Рациональная мысль Запада отождествила Совесть с Сознанием и потому выставила (в качестве самостоятельного) понятие Подсознания, эквивалентное концепту Совесть. Иррациональный остаток сознания в коллективном знании и стал восприниматься как Подсознание.

### 8. Заключение

В последовательных редукциях текста мы дошли до сути концептумов, и сколько бы мы ни привлекали для анализа новых текстов, они не изменят общего смысла самого концепта во всем составе его содержательных форм. Основание (*концептум*) всегда проявится в результате (*цели*). Действует закон части, равной целому, т.е. законченной дефиниции концепта, исключаяющей ту «ложь» слова, о которой говорил В.И. Вернадский.

Западное понимание «совести» с самого начала было ориентировано на «внешнюю мудрость» *знания*, тогда как славянский язык сохранил связь с глубинным представлением о «тайном *ведении*». В этом смысле верно предостережение Мартина Хайдеггера, сказавшего (по аналогичному поводу), что «теперь мы мыслим по-латински, а следует *углубиться* и мыслить по-гречески», потому что «когда мы спрашиваем, что же такое «основание», то прежде всего мы имеем в виду вопрос о том, что означает *слово*; слово что-то означает; оно дает нам нечто *понять*, и именно потому, что говорит из самого *Нечто*» [Хайдеггер 1999, с. 178 и 158. Выделено мной. В.К.]. *Нечто* – это концептум первосмысла, ибо «нечто вращается в себе самом..., нечто завивается в самом себе. Здесь существует кольцо, живое кольцо, подобное змее... Здесь некое начало, которое уже есть завершение» [там же, 38].

По той же причине несходства концептумов возникли и расходящиеся представления о внешнем характере Подсознания и неопределенном Бес-сознательном, создавшие две разные культурные традиции, которым подчиняется всё. Подсознание материально топографично, оно находится «под» сознанием, являясь его со-



держанием. Бессознательное вообще отрицает наличие сознания, оно является первоисточником не только сознания, но и познания, и знания – мышления в целом. Это исходный момент в развитии мысли, проходящей свой круг с возвращением к основанию, к первосмыслу, к концептуму.

Быть может, поэтому русские философы говорили не о менталитете, а о всё осветляющей духовности.

### **Литература**

*Введенцова Е.Г.* Архетипы коллективного бессознательного и проблемы становления культуры // Эволюция. Язык. Познание. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 113-133.

*Вернадский В.И.* Размышления натуралиста. М.: Наука, 1975. 176 с.

*Головановская М.К.* Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка. М.: МГУ, 1997. – 279 с.

*Кехо Дж.* Подсознание может всё. М.: Электронное издание, 2010. 41 с.

*Колесов В.В.* Концептология. СПб, СПбГУ, 2012. – 166 с.

Краткий психол. словарь – Краткий психологический словарь. М.: Политиздат, 1985. 431 с.

Словарь русского языка. Изд. 3-е. Т. 1, М.: Русский язык, 1985. 704 с.

*Налимов В.В., Дрогалина Ж.А.* Реальность нереального. М.: Мир идей, 1995. 432 с.

Словарь русского языка. Т. 1. СПб, 1895.

Философский словарь – Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

*Фрейд З.* Психология бессознательного. СПб: Питер, 2007. 400 с.

*Фромм Э.* Душа человека. М.: Республика, 1992. 432 с.

*Хайдеггер М.* Положение об основании. СПб: Алетейя, 1999. 290 с.

*Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. М.: Либроком, 2010. – 272 с.

*Штерн В.* Дифференциальная психология и ее методические основы. М.: 1998. 335 с.

*Юнг К.* Очерки по психологии бессознательного. М.: Cogito, 2010. 352 с.

CONCEPTUAL FIELD OF RUSSIAN CONSCIENCE:  
*UNCONSCIOUS*

Vladimir V. Kolesov

Doctor of Philology, Professor,  
Department of the Russian Language,  
Faculty of Philology,  
Saint Petersburg State University  
7/9 Universitetskaya nab.,  
St. Petersburg, 199034 Russia  
*prof.kolesov@gmail.com*

The conceptual analysis of text presents a concept of Conscience, Unconscious and Subconscious, which is heteronymous due to historical name substitution. The author's original description algorithm underlying the study involves cognitive unity of the «four causes» of a common causal sequence (Causality), identification of which from randomly selected contexts constructs a *semantic constant* and a conceptual square with four substantial forms of the concept – image, concept (notion), symbol and the «grain of archaic meaning» (conceptum). The study depicts heterogeneity of a rationalist concept of Subconscious for the Russian mentality and a stable tradition of using the concept of Conscience instead, which organizes the conceptual field of *thinking: consciousness – cognition – knowledge* with Conscience as the main criterion, the (zero point) of all formulations of Causality equal to «archaic meaning». It constitutes a complete paradigm of *knowledge*, presenting it as a concept of *understanding*. A specific feature of the Russian way of thinking is the formation of *imaginative notions* (das Sinnbild) of *symbolic values*, which for a long time served as a substitution of notions and now act as stylistic variants of a symbol. The Western concept of Subconscious corresponds to the Russian Unconscious, which becomes the major content of the Subconscious.

**Keywords:** Conscience, Unconscious, Subconscious, concept, conceptum, semantic constant, conceptual square.

**References**

Vvedenova E.G. Arhetipy kolektivnogo bessoznatel'nogo i problemy stanovlenija kultury [Archetypes of the collective unconscious and the problems of the formation of culture]. *Jevoljucija. Jazyk. Poznanije* [Languages of Russian culture]. Moscow, 2000. P. 113-133.

Vernadskij V.I. Razmyshlenija naturalista [Reflections of the naturalist]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 175 p.

Golovanivskaja M.K. Francuzskij mentalitet s točki zrenija nositelja russkogo jazyka [French mentality in terms of the native speaker of the Russian language]. Moscow: MSU, 1997. 279 p.

Keho Dzh. Podsoznanije mozhet vsjo [The subconscious can do anything]. Moscow, 2010. 41 p.

- Kolesov V.V.* Konceptologija [Conceptology]. SPB: SPbSU, 2012. 166 p.
- Kratkij psihologičeskij slovar'* [Brief psychol. dictionary]. Moscow: Politizdat Publ., 1985. 431 p.
- Slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian language]. Ed. 3rd. V. 1. Moscow: Russkij jazyk Publ., 1985. 704 p.
- Nalimov V.V., Drogalina Zh.A.* Real'nost' nereal'nogo [Reality is unreal]. Moscow: Mir idej Publ., 1995. 432 p.
- Slovar' russkogo jazyka* [Dictionary of the Russian language]. V.1. SPb, 1895.
- Filosofskij jenciklopedičeskij slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaja Jenciklopedija Publ., 1983. 840 p.
- Freud Z.* Psihologija besoznatel'nogo [Psychology of the unconscious]. SPb: Piter Publ., 2007. 400 p.
- Fromm Je.* Dusha čeloveka [Human's soul]. Moscow: Respublika Publ., 1992. 432 p.
- Heidegger M.* Polozhenije ob osnovaniji [Position about the basis]. SPb: Aleteja Publ., 1999. 290 p.
- Černeško L.O.* Lingvo-filosofskij analiz abstraktnogo imeni [Linguistic and philosophical analysis of the abstract name]. Moscow: Librokom Publ., 2010. 272 p.
- Stern V.* Differencial'naja psihologija i eje metodičeskije osnovy [Differential psychology and its methodological foundations]. Moscow, 1998. 335 p.
- Jung C.* Očerki po psihologiji besoznatel'nogo [Essays on the psychology of the unconscious]. Moscow: Cogito Publ., 2010. 352 p.



УДК 81'23

## **ИССЛЕДОВАНИЕ ОМОНИМИИ В ЗОНАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА И ДИАЛЕКТОВ: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ<sup>1</sup>**

**Карпов Владимир Ильич**

ученый секретарь

Институт языкознания РАН

Москва 125009, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1

*vilkar@yandex.ru*

В статье рассматриваются вопросы, связанные с разработкой основных принципов описания семантической поливариантности на примере лексических омонимов северогерманского ареала. Диалектное многообразие в отдельных германских языках обусловлено дивергентным характером фонетических процессов. Хронологическая дискретность звуковых трансформаций спровоцировала появление и сосуществование в диалектах двух и более лексем, идентичных по звуковому или графическому облику, но восходящих к различным этимонам. Вследствие псевдоэтимологического переосмысления омонимичных диалектных форм в разных жанрах возникают дополнительные контекстуально обусловленные значения. В контактных языковых зонах, где сталкиваются суперстрат, возникший как синтез старых верхненемецких и средненемецких диалектов, и местные диалекты, в меньшей степени подвергшиеся фонетическим изменениям, появляются новые группы омонимов. Поскольку данная группа лексики не подвергалась лексикографическому описанию, возникает острая необходимость в формулировании общих принципов выявления и систематизации диалектных омонимов в зонах контактного взаимодействия немецкого общенационального стандарта и диалектов. В статье предпринимается попытка представить возможные пути решения данной задачи, учитывающие многоаспектность исследуемого явления.

**Ключевые слова:** диалектология, семантика, германские языки, лексикография, морфология, история языка, текстология, лингвофольклористика.

Статья посвящена вопросам методики изучения диалектной омонимии на примере анализа лексических омонимов северогерманского ареала. Выбор объекта исследования связан с тем фактом, что изучение диалектной омонимии остается на периферии лексикографического интереса несмотря на повышенное внимание лингвистов к явлениям семантической деривации в современных индоевропейских языках (см., например [Зализняк 2001: 13-25]). Связано это с тем, что лексикография как дисциплина, ориентированная на словарную работу, опирается прежде всего на языковую норму, поэтому использует в качестве материала литературные и публицистические тексты, минимально отклоняющиеся от национального языко-

---

<sup>1</sup> Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-04-00119 «Исследование лексической омонимии в зонах взаимодействия языка и диалектов (на примере нижненемецкого ареала)».

вого стандарта. Между тем, диалектно окрашенные образцы, представленные прежде всего фольклорным материалом, дают ценный лингвистический материал для выявления и анализа тех лексико-грамматических явлений, которые не в полной мере изучены на материале традиционных стандартизированных текстов. Восполнить пробелы в исследовании призвана данная работа, цель которой – сформулировать возможные приемы изучения лексической омонимии в зонах взаимодействия языка и диалектов.

Основной задачей является формулирование общих принципов выявления, описания и систематизации диалектных омонимов в зонах контактного взаимодействия немецкого общенационального стандарта и говоров нижненемецкого ареала на материале фольклорных записей, собранных на территории земли Мекленбург-Передняя Померания (восточнонижненемецкий субареал). Лингвистические (диалектологические) задачи, которые при этом решаются, сводятся к разработке методики выявления и описания лексических омонимов на материале диалектной лексики северогерманского ареала с учетом историко-фонетических, жанрово-типологических и этнокультурных факторов.

Актуальность данной статьи, выбор материала и методологических установок объясняются следующими факторами:

1. Диалектные различия в немецком языке обусловлены дивергентным характером фонетических процессов, что выразилось в неравномерном распределении результатов второго передвижения согласных, монофтонгизации и дифтонгизации гласных, ареальной диффузии локальных признаков и др. Ограниченность во времени данных процессов спровоцировала появление и сосуществование в диалектах двух и более лексем, идентичных по звуковому или графическому облику, но восходящих к различным этимонам. В контактных языковых зонах, где сталкиваются суперстрат, возникший как синтез старых верхненемецких и средне-немецких диалектов, и местные диалекты, в меньшей степени подвергшиеся тем же фонетическим изменениям, что и общенациональный немецкий язык, появляются новые группы омонимов.

2. Особое внимание уделяется жанрово-типологической специфике привлекаемого материала – лечебным заговорам нижненемецкого ареала, отобраным в картотеке Института этнографии «Архив Рихарда Воссидло» университета г. Росток (Германия) общим объемом 2000 текстов. Фольклорные тексты представляют несомненный лексикографический интерес для исследований, связанных с реконструкцией или уточнением семантики слова и выявлением механизма трансформационных процессов, приведших к сужению или опрошению его значения. Оказавшись в реальности фольклорного текста, слово приобретает новые оттенки значений, которые обусловлены особой организацией всего словесного материала в рамках фольклорно-текстовой целостности. «Фольклорное» слово по-особому раскрывается в стихии языка «низовой» народной культуры, демонстрирует такие грани, которые далеко не всегда находят отражение в лексикографических справочниках в силу их периферийности [Левкиевская 2007].

3. Фольклорный текст устанавливает строгие ограничения, поэтому при анализе семантики слова необходимым и неизбежным, на наш взгляд, становится учет текстологических характеристик: дата и место письменной фиксации, диалектная

специфика языка, жанровая и типологическая принадлежность, индивидуальное или коллективное авторство, стадия перехода от эпического к фольклорному статусу.

Методологически исследование ориентируется на принципы теоретической семантики, разрабатываемые Московской семантической школой [Апресян 2004], из которых релевантными для решения наших задач мы считаем следующие:

- лексические значения естественного языка системно организованы,
- лексическая система имеет классификационный (как нестрогая иерархия с многократно пересекающимися семантическими классами и подклассами) и операционный (как совокупность правил взаимодействия значений в тексте) аспекты,
- полное семантическое представление лексемы включает в себя аналитическое толкование, дополненное релевантными для бытования данной лексемы сведениями.

Согласно последнему принципу, при анализе лексической семантики учитываются дополнительные параметры для уточнения семантической спецификации лексики в зависимости от жанровой принадлежности текстов. Так, фольклорная среда бытования текстов, их тесная взаимосвязь с невербальной семиосферой крайне осложняют процедуру установления оттенков значения лексемы, поскольку делают неизбежным учет дополнительных параметров, связанных с каждым типом текста в отдельности. На помощь приходит методика описания лексем, разработанная исследователями древнегерманской [Топорова 2006: 7-11] и русской фольклорной традиции на основе схемы анализа фольклорного слова [Никитина 1997: 360-373], которая включает следующие параметры:

а) семантика лексемы выводится из мифологического контекста, представленного чаще всего текстами т.н. «низового» фольклора, объем которого должен быть достаточным для ее интерпретации;

б) рассматриваемый контекст должен быть также достаточно широким для сопоставительного (сравнения семантического объема синонимичных лексем, входящих в одно лексико-семантическое поле и при определенных условиях обладающих свойством взаимозаменяемости) и контрастивного (выявление общих (универсальных) и частных (дифференциальных) признаков лексем в зависимости от жанровой или языковой принадлежности текстов) анализа;

в) основной задачей анализа становится выявление фонетических, морфолого-синтаксических, семантических особенностей функционирования лексемы;

г) при исследовании текстов, содержащих рифму, принимается во внимание поэтический фактор, поскольку в отдельных случаях судить о статусе слова приходится на основании его специфической роли в поэтическом тексте (заговорные тексты оформлены стихоритмически);

д) этимологический анализ необходим для установления семантического объема лексемы, актуализируемого в рассматриваемых контекстах;

е) во внимание также должны приниматься экстралингвистические данные: описание объекта реальности (денотата) в его взаимосвязи с особенностями окружающей обстановки, деятельности людей и мифических / сакральных персонажей.

Основное внимание при изучении диалектной омонимии на материале немецкого языка отводится вопросу фонетической обусловленности лексической поливариантности. Говоря о звуковой характеристике диалектов нижненемецкого ареала и пограничных говоров средненемецкого ареала, прежде всего следует отметить дифференцирующую роль Второго передвижения согласных (die 2. Lautverschiebung). В рамках Второго передвижения согласных общегерманские аспирированные глухие смычные после гласных переходили в верхненемецких и части средненемецких диалектов в спиранты:  $p > ff$ ,  $t > zz$ ,  $k > hh$ ; в начале слова, после согласных и в удвоении – в аффрикаты:  $p > pf$ ,  $t > z$ . Германские звонкие смычные оглушались:  $b > p$ ,  $d > t$ ,  $g > k$ ; наиболее последовательно осуществился переход  $d > t$ . Оглушение звонких смычных  $b > p$ ,  $g > k$  и переход  $k > kch$  в начале слова ограничились верхненемецкими диалектами. Со Вторым передвижением согласных связан процесс перехода глухого межзубного спиранта в звонкий смычный:  $\beta > d$ . Как известно, в результате коренной перестройки системы смычных согласных в германских диалектах на немецкоязычном пространстве к 14-15 вв. образовались диалектные ареалы, противопоставляемые по степени вовлеченности их звуковой системы в данный процесс. Оказалось, что германские диалекты выше т.н. «линии Бенрата» не участвовали во Втором передвижении согласных, так что их система согласных более архаичная, чем у других диалектов немецкого языка и у общенационального стандарта в целом. На территории Германии с начала 18 века проводилась политика унификации литературно-письменной нормы на орфоэпической базе, сформировавшейся в восточносредненемецком ареале, то есть в тех диалектных областях, которые были активно вовлечены в процесс перестройки системы смычных согласных. В северных регионах Германии с их архаичными нижненемецкими диалектами стала складываться и существует по сей день немецко-нижненемецкая диглоссия, проявившаяся в наличии двух относительно самостоятельных языковых образований. Одним из ярких проявлений нетривиального контактирования немецкого стандарта и нижненемецких диалектов можно назвать наличие омонимов, возникших (и возникающих) по правилам, несколько отличным от действующих в стандартной языковой ситуации. Известно, что омонимия представляет собой сосуществование двух лексем, тождественных по форме, но отличных по содержанию и нередко этимологически не сводимых к одному источнику либо чье генетическое родство неочевидно для современников-носителей языка. При этом оба слова остаются достоянием одного языка и не воспринимаются как чужеродные элементы. В зонах активного взаимодействия немецкого языка как официального и обязательного для всех жителей Германии средства общения и местных диалектов в последние проникают немецкие лексемы, внешне похожие на родные слова местного диалекта, и подвергаются псевдоэтимологизации либо фонетической адаптации. И в том, и в другом случае «обработанные» таким образом заимствованные лексемы подстраиваются к созвучным им единицам диалектного лексикона. Как будет показано ниже, данный процесс строится на звуковой игре с фонемами контактирующих языков и диалектов. В наших работах мы продемонстрировали это на примере глухого смычного в тех зонах, где его переход в аффрикату не носит регулярный характер. Нерегулярность и неравномерность фонетиче-

ских преобразований весьма характерна для Второго передвижения согласных, это в большой степени позволило обогатить немецкий язык позднего Средневековья и начала Реформации новым объемом лексического материала. Для современных носителей диалектов различия между передвинутыми согласными, старыми фонемами и звуками заимствованных слов не столь релевантны, поскольку произносительная характеристика, в частности, смычного *r* во всех случаях идентична, его генетически неоднородную природу может показать только этимологический анализ.

Для целей данной статьи были отобраны лексемы со смычным глухим согласным *r* в инициальной позиции, тематическая же группа была ограничена обозначениями воды, то есть той стихии, которая для северогерманского низинного ландшафта является наиболее типичной. Отправной точкой послужил немецкий гидроним *der Pfuhl* «болото» и его нижненемецкие варианты *pu(h)l*, *paul*, *po(h)l*. В нижненемецких лечебных заговорах, представленных преимущественно на диалекте, данная лексема зафиксирована в ее диалектной форме с непередвинутым инициальным смычным. Анализ показал, что обозначаемый ею локус являетсяместищем недуга, который перемещается в него (формула *der Pfuhl gewinnt, die \*Krankheit verliert* – «в болоте прибавляется, болезнь убавляется») путем определенного ритуального действия (*den Finger in de Arepütt stecken* [Staak 1930, запись № 3]<sup>2</sup> – «засунуть (больной) палец в грязную лужу» или *bei der Dunggrube, wo Wasser drin ist, hineinhalten* [Staak 1930, запись № 6] – «(больной палец) подержать в (дренажной) яме с водой», н-р: *de adel un de paul / de striden sik beid üm'n staul / de paul de gewünn / de adel dei verswünn* [WA Agl 7/04] – «панариций и болото / спорили друг с другом в суде, / в болоте прибавилось, / панариция убавилось»). Лексема *der Pfuhl*, как и названия болезней, может персонифицироваться, но она никогда не употребляется в одном контексте с живыми персонажами за исключением случаев, когда упоминаются существа, связанные с потусторонними силами и воспринимаемые как носители болезней: *dei Kreih un dei Uhl, / Dei güngen nah den' Puhl. / Dei Uhl, dei gewünn, / Un dei Swamm dei verswünn* [Staak 1930, запись № 557] – «ворон и сыч, / они ходили вокруг болота, / у сыча прибавилось, / от заеды убавилось». Если говорить о процессе номинации в рассматриваемых фольклорных текстах, то приходится констатировать его крайне запутанный и этимологически непрозрачный характер. Переход от сакрального к профанному в восприятии окружающего мира повлек за собой частичную утрату знаний, связанных с древними космологическими представлениями, а это в свою очередь привело к псевдоэтимологическому переосмыслению семантически непрозрачных лексем [Коновалова 2007]. Так произошло, в частности, с диалектными вариантами *pu(h)l*, *paul*, *po(h)l* – предполагается, что в нижненемецком ареале данный гидроним мог ошибочно

---

<sup>2</sup> При ссылке на источники примеров указано: Архив «Собрание Рихарда Воссидло» – WA, год фиксации заговора и шифр хранения в картотеке архива. Все тексты нижненемецких лечебных заговоров приводятся в том графическом оформлении, в каком были зафиксированы собирателями фольклора и хранятся в картотеке архива. Тексты, приводимые по изданию Герхарда Стаака 1930 года (Staak, Gerhard. *Beiträge zur magischen Krankheitsbehandlung. Die magische Krankheitsbehandlung in der Gegenwart in Mecklenburg.* Hermann Rhein Verlag. Wismar, 1930. S. 356) содержат указания на сборник – Staak, страницу и порядковый номер размещения.



отождествляться с омонимичным древнегерманским теонимом Pol/Phol, а иногда и вовсе замещаться последним, так что во фразах типа “de Adel un de Pol/die Atell un die Paul/de Adel un de Pu/de Schwamm un de Pool, dei gūngen beid to Schol/in Schaul/de gūngen tosammen to School” происходит не просто и не столько персонификация локуса, сколько метонимическое переосмысление вследствие наделения древнегерманского бога исключительно негативными чертами демонических существ (характерная черта «низового» фольклора позднерхристианской эпохи), чьим местом пребывания суеверно считались болота и «нечистые» водоемы (см. об этом [Udolph 1994: 295-299]). Эффект усиливается присутствием в том же контексте синонимичной лексемы Adel «выгребная яма (для нечистот и т.д.)», эвфемически заменяющей наименование болезни «панариций». Принцип метонимического переноса работает и здесь: как говорилось выше, болезнь изгонялась путем ритуального погружения воспаленного пальца в лужу с грязной и дурно пахнущей водой. Обе лексемы наделяются антропоморфными свойствами и выступают в функции парных сочиненных подлежащих. Формально их скрепляет стихотворная организация текста, прежде всего ритмическое оформление строфы и концевая рифма парных строк; сами же элементы связаны между собой условно, они легко заменяются в зависимости от заговариваемой болезни. Замены возможны даже в рамках одного и того же типа текста, несмотря на явное нарушение семантики, ср.: “adel und pfuhls gingen zusammen in die schul” (формула X und der Pfuhl gehen in/nach/zu Y), но “die Adel und die Schul die gingen beide zum Pfuhl”; “die Ackelei und die Schule / sie gingen beide zum Mistpfuhle” (формула X und Z gehen zum Pfuhl) или “die Adel und die Schul die gingen beide zu Paul”. В последнем примере такого рода замена объясняется следующей ступенью «народной» этимологии, когда диалектные формы лексемы-гелонима ro(h)l, ru(h)l оказываются омонимичны нижненемецкой форме имени христианского Святого Апостола Павла, а тот, в свою очередь, наделяется прямо противоположными древнегерманскому богу P(h)ol качествами [Bugge 1889: 301]. В результате профанной трактовки лексема der Pfuhl приобретает в нижненемецком ареале ряд весьма специфических семантических реализаций, напрямую не связанных с семантикой др-герм. \*rol-, однако ритуально-заговорная практика, отраженная в рассматриваемых текстах, четко ориентирована на сам локус der Pfuhl. Можно предположить, что в рамках всего корпуса заговорных текстов, где зафиксирована данная лексема в диалектных вариантах, мы имеем дело с синкретическим образом, хотя в конкретных текстовых реализациях образ распадается на компоненты, возникшие под влиянием «народной» этимологии как результат «творческого переосмысления исходных семантически многозначных элементов текста» [Чистов 1983: 145] и лишь условно сводимые друг к другу. На примере диалектных форм лексемы der Pfuhl был сделан вывод, что в наличии омонимичных реализаций др-герм. \*rol- носитель диалекта видел не «множество дискретных значений», а «одно синкретическое значение, по-разному реализуемое в различных контекстах» [Елизаренкова 1999: 13].

Не менее интересные результаты были получены при анализе производных от др-герм. \*rol- в зонах активного контактирования ниже- и средненемецких диалектов. Согласно [Grimm 1971], в южной части Германии лексема der Pfuhl за-

менялась этимологически близкой формой с дентальной интервокальной вставкой *der Pfuldel* «лужа, выгребная яма; мелкий водоем со стоячей водой». Если дентальный согласный в корне оставался на всем южно- и средненемецком пространстве неизменным, то инициальный звук колебался от диалекта к диалекту, так что на месте аффрикаты *pf* появлялся спирант *f* либо севернее – непередвинутый *p*, что давало омонимичные варианты, которые нередко обыгрывались в народной речи. Так, например, форма с колеблющимся инициальным согласным *der P(f)udel* реализовалась в диалектах как *Pudel*, *Puddel*, *Puddl* со значениями «лужа; выгребная яма, отстойник; помой, плохой кофе» и фонетически совпадала со словами *Pudel*, *Puddel* «неряха» и *Pudel* «пудель». Разбирая звуковую игру с использованием данных омонимов, С. Кремер-Нойберт приводит в качестве примера народного «переосмысления» диалектное переложение известной фразы из «Фауста» И.В. Гёте “*des Pudels Kern*” (нем. “*das ist also des Pudels Kern*” – русс. «вот в чем суть дела! вот где собака зарыта!»). На границе контактного взаимодействия диалектов нижне- и средненемецкого ареалов эти лексемы прочитываются носителями диалекта как “*des P(f)udels Keil*” и могут трактоваться по-разному. Автор с опорой на данные диалектографических исследований на обширном пространстве в северо-западных регионах Германии указывает, что в районе Шпессарта и Аморбаха, которые граничат с нижненемецкими диалектами, повсеместно встречаются формы с непередвинутым смычным и без дентальной вставки *ru(h)l*, однако немного южнее, в рейнско-франкской области, наблюдаются явные колебания в произношении инициального *p*, здесь нередки случаи употребления *rful*, который перемежается с типичными северными формами *rull* (район Ашаффенбург), *roul* (район Альценау), известными нам по мекленбургским лечебным заговорам. В географическом промежутке между указанными местностями в районе города Майнца диалектологи обнаружили в местном диалекте формы *Pudel* и *Puddel*, явно привнесенные сюда извне. Этимологический анализ вывел автора на позднесредневековый обычай в Шпессарте именовать сочетанием “*des P(f)udels Keil*” окраину либо любую крайнюю точку проживания людей, за границей которой невозможно было вести сельские работы (от нем. регионального *der P(f)udel* «болотистая местность» и совр. нем. *der Keil* «клин, межа, граница»). Пример иллюстрирует сформулированный нами выше тезис об экстралингвистической обусловленности диалектной омонимии. С. Кремер-Нойберт пишет, что указанный обычай сложился в этой местности под влиянием последних крупных землевладельцев графов фон Вертхайм родом из Вюртенберга, принесших с собой помимо обычая еще и ряд южнонемецких наименований. Так, согласно приведенным автором спорным диалектографическим гипотезам, нижне- и средненемецкие формы *pudel*, *puddel* и верхненемецкие с передвинутым смычным в инициале *pfudel*, *fuldel* не являются диалектными вариантами, произошедшими от одного корня, а соотносятся с разными этимонами (ср., в частности, нижненемецкий корень *riitt* и немецкое слово *die Pfütze* «лужа»). Возможность «внедрения» этого слова в средненемецкий регион объясняется тем, что период правления графов фон Вертхайм совпал с завершающей стадией Второго передвижения согласных, а регион их нахождения был пограничным для перехода смычного *p*. Нерегулярность перехода, проявившаяся в колебаниях при выборе фонетических вариантов *pf* и *f* в

инициале, сказывается до сих пор в отдельных диалектах на линии соприкосновения средненемецких и нижненемецких диалектов, что объясняет широкое распространение различных фонетических форм одной лексемы на относительно ограниченной территории: pud(d)el, pfud(d)el, fud(d)el [Krämer-Neubert 2000: 172-188]. Приведенные нами примеры подтвердили высказанное немецкими диалектологами предположение о «моносемантизации» диалектной лексики, а именно: «При проникновении в диалект омонимичных лексем чужого языка родные слова утрачивают одно из исконных значений, отдавая их “пришельцу”» [Besch, Knoor et al. 1983].

Перестройка парадигматических отношений в лексической системе диалектов наблюдается также и на оси «гипероним-гипоним». В исследованиях немецких диалектологов уделяется внимание такому факту, как под влиянием фонетических и экстралингвистических особенностей в отдельных диалектах нижненемецкого ареала лексемы меняют частное значение на более общее родовое и с гипонима поднимаются на уровень гиперонима. Механизм подобной транспозиции носит неупорядоченный и не всегда прозрачный характер, однако некоторые исследователи выявляют здесь общие закономерности и указывают на регионально специфические пути омонимизации лексики. Так, в работе [Mitzka 1968: 399-410] автор замечает, что в диалектах проявляется тенденция к устранению гипонимической таксонимии, например, в парах фитонимов Ahorn «клен» и Ruster «вяз», Himbeere «малина» и Brombeere «ежевика», Stachelbeere «крыжовник» и Johannisbeere «смородина» регулярно выпадает одно из слов, другое перенимает его значение. На вопрос диалектографов «Как называется “клен” в Вашей местности?», респонденты в земле Мекленбург (нижненемецкий ареал) чаще отвечали Ruster «вяз», при этом специального обозначения для «вяза», «ульма» не находилось. В западной части ареала исследователи заметили, что частотной реакцией на слово Ahorn «клен» является Holunder «бузина», при этом, когда респондентам называли оба фитонима, в качестве синонимов звучали диалектизмы Elhorn, Elhurn, Alhorn и т.д. Этимологический анализ привел к интерпретации названной лексемы как сложного слова, состоящего из компонентов: герм. el- «желтый» и horn «семя, сок», поэтому первичной номинацией выступает значение «бузина». Псевдоэтимологическое переосмысление нем. Ahorn произошло из-за наличия в его корне сочетания звуков, похожего на корневую морфему соответствующего диалектного слова “horn”, а инициальный гласный «а» был ошибочно уподоблен его первому слогу. Следующий шаг «народной этимологии» ведет от Elhorn к Ellern: в результате утраты интервокального h данное слово в диалектах обозначает множественное число от нем. Erle «ольха». Таким образом, даже в процессе трансформации парадигматических отношений в диалектной лексической системе омонимия играют важную роль.

Как показал приведенный выше анализ, апробированные на примере группы лексем принципы выявления и описания лексических омонимов в нижненемецких диалектах с учетом комплекса факторов доказали свою практическую применимость в диалектно-ориентированных лексикографических исследованиях. С целью верификации отдельных теоретических положений мы попытались сопоставить предварительные результаты с теми данными, которые получили отечественные диалектологи, долгое время изучавшие явление лексической омонимии в русских

говорах. В частности, проанализировав случаи употребления омонимов в сибирских говорах, Н.А. Лукьянова в своей работе [Лукьянова 1966: 132-154] пришла к выводам, во многом подтверждающим наши предположения. Сложность данной проблемы автор объясняет спецификой диалектной системы. В нее входят не только (и не столько) диалектные слова, локализованные на определенной территории, но также (и даже в значительно большей степени) общенародные слова и значения, функционирующие в то же самое время и в системе общенационального стандарта. Они вступают между собой в определенные связи и отношения, поэтому одно и то же явление может приобретать различный характер в говорах и в общенародном языке. Сформулированная Н.А. Лукьяновой характеристика диалектных омонимов подтверждается и в поздних работах по русской диалектологии (ср., напр. [Алексеевко, Литвинникова 2009]), с данными нашего исследования.

### **Литература**

*Алексеевко М., Литвинникова О.* Омонимы русской диалектной речи. М.: Эллис, 2009. 784 с.

*Елизаренкова Т.Я.* Слова и вещи в Ригведе. М., 1999.

*Карпов В.И.* Гидронимия Северной Германии: «болотная» лексика в немецких лечебных заговорах (лексикографический аспект) // Научный альманах «Традиционная культура». 2013. № 1.

*Коновалова Н.И.* Сакральный текст как лингвокультурный феномен: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007.

*Левкиевская Е.Е.* Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007.

*Лукьянова Н.А.* Явления синонимии и омонимии в лексической системе современных сибирских говоров (на материалах говоров Новосибирской области) // Вопр. языка и лит-ры: Тем. сб. Вып. I. Ч. I. Новосибирск, 1966. С. 132-154.

*Никитина С.Е.* О многозначности, диффузии значений и синонимии в тезаурусе языка фольклора // Облик слова. Сборник статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелева. М., 1997. С. 360-373.

*Топорова Т.В.* Принципы описания эпического слова: концепт горы в «Старшей Эдде». М.: Академия гуманитарных исследований, 2006.

*Топорова Т.В.* Сопоставительный анализ обозначений воды в «Старшей Эдде» и древнегерманских заговорах // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. 2015. № 3 (27). С. 19-31.

*Чистов К.В.* Вариативность и поэтика фольклорного текста // IX Междунар. съезд славистов: История, культура, этнография и фольклор слав, народов. М., 1983.

*Besch, Werner; Knoop, Ulrich; Putschke, Wolfgang; Wiegand, Herbert E.* (1983). *Dialektologie*. 2. Halbband - De Gruyter Mouton, 1983.

*Bugge, Sophus* (1889). *Studien über die Entstehung der nordischen Goetter- und Heldensagen*. München, 1889.

*Der digitale Grimm* (1971). Deutsches Woerterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. 16 Bde. in 32 Teilbänden. Leipzig 1854-1961. Quellenverzeichnis Leipzig 1971. Online-Version vom 17.01.2016. Электронный ресурс. Код доступа: <http://woerterbuchnetz.de/DWB/>.

*Krämer-Neubert, S.* (2000). Was also ist des Pudels Keil? Zu Sprachräumen in Unterfranken // Dialektologie zwischen Tradition und Neuansätzen: Beiträge der Internationalen Dialektologentagung, Goettingen, 19-21. Oktober 1998. Stuttgart, 2000. S. 172-188.

*Mitzka, W.* (1968). Kleine Schriften zur Sprachgeschichte und Sprachgeographie. Walter de Gruyter. Berlin, 1968.

*Udolph, Jürgen* (1994). Namenkundliche Studien zum Germanenproblem. Walter de Gruyter, 1994.

## STUDY OF LEXICAL HOMONYMY IN THE ZONES WHERE THE LANGUAGE AND ITS DIALECTS CONTACT

**Vladimir I. Karpov**

Scientific secretary

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

1 str. 1 Bolshoy Kislovskiy per., Moscow, 125009

*vilkar@yandex.ru*

The aim of the paper is to develop methods how to describe the semantic polyvariance based on the example of dialectal homonymy in the Low-German area. The main purpose is to lay down the general principles for finding, describing and systematizing of dialectal homonyms in the areas of contact interaction between the German national standard language and dialects in the Low-German area. The material studied comprises of the folkloric records collected in the Mecklenburg-Vorpommern (the eastern Low-German subarea). The paper deals with the following issues: formulation of historical phonetics principles for finding dialectal homonymy in the contact language areas taking the example of transition from p to pf/f in the initial positio; discussion about the main principles for describing dialectal homonyms in the contact language areas considering historical phonetics: shifted consonants, degree of involvement in the diphthongisation and monophthongisation processes, vowel reduction, accommodation of nasal and liquid consonants; formulation of principles for finding homonyms of the North-Germany area concerning the semantic variety of the vocabulary in the Germania based on the Prose and Poetic Edda and with regard to their genre and typological features.

**Keywords:** dialectology, lexicography, corpus linguistics, areal linguistics, Low German area, homonyms, dictionary meaning, historical semantics, etymology.

### References

*Alekseenko M., Litvinnikova O.* Omonimy russkoj dialektnoj rechi [Homonyms of Russian dialectal language]. M.: Jelpis, 2009. 784 s.

*Elizarenkova T.Ja.* Slova i veshhi v Rigvede [Words and artifacts in Rigveda]. M., 1999.

*Karpov V.I.* Gidronimija Severnoj Germanii: «bolotnaja» leksika v nemeckih lecebnyh zagovorah (leksikograficheskiy aspekt) [Hydronyms of the Northern Germany: Lexicographical research of “swamp” designation in german medical charms] // Nauchnyj al'manah “Tradicionnaja kul'tura”. 2013. № 1.

*Konovalova N.I.* Sakral'nyj tekst kak lingvokul'turnyj fenomen [Sacred text as a linguocultural phenomenon]: avtoref. diss. ... d-ra filolog. nauk. M., 2007.

*Levkievskaja E.E.* Vostochnoslavjanskij mifologicheskiy tekst: semantika, dialektologija, pragmatika [East Slavic mythological text: semantics, dialectology, pragmatics]: avtoref. diss. ... d-ra filolog. nauk. M., 2007.

*Luk'janova N.A.* Javlenija sinonimii i omonimii v leksicheskoj sisteme sovremennyh sibirskih govorov (na materialah govorov Novosibirskoj oblasti) [Synonyms and homonyms in the lexical system of the contemporary siberian dialects in the region Novosibirsk] // Vopr. jazyka i lit-ry: Tem. sb. Vyp. I. Ch. I. Novosibirsk, 1966. S. 132-154.

*Nikitina S.E.* O mnogoznachnosti, diffuzii znachenij i sinonimii v tezauruse jazyka fol'klora [Polysemy, synonymy and semantic diffusion in a folklore dictionary] // Oblik slova. Sbornik statej pamjati Dmitrija Nikolaevicha Shmeleva. M., 1997. S. 360-373.

*Toporova T.V.* Principy opisaniya jepicheskogo slova: koncept gory v «Starshej Jedde» [Principles of description of epic words: concept “the mountain” in “Edda”]. M.: Akademiya gumanitarnyh issledovanij, 2006.

*Toporova T.V.* Sopostavitel'nyj analiz oboznachenij vody v «Starshej Jedde» i drevnegermanskijh zagovorah [Comparative analysis of water designations in “Edda” and old-german charms] // Nauchnyj vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Serija: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovanija. 2015. № 3 (27). S. 19-31.

*Chistov K.V.* Variativnost' i pojetika fol'klornogo teksta [Variability and poetics of folklore texts] // IX Mezhdunar. sjezd slavistov: Istorija, kul'tura, jetnografija i fol'klor slav, narodov. M., 1983.

*Besch, Werner; Knoop, Ulrich; Putschke, Wolfgang; Wiegand, Herbert E.* (1983). Dialektologie. 2. Halbband - De Gruyter Mouton, 1983.

*Bugge, Sophus* (1889). Studien über die Entstehung der nordischen Goetter- und Heldensagen. München, 1889.

*Der digitale Grimm* (1971). Deutsches Woerterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. 16 Bde. in 32 Teilbänden. Leipzig 1854-1961. Quellenverzeichnis Leipzig 1971. Online-Version vom 17.01.2016. Электронный ресурс. Код доступа: <http://woerterbuchnetz.de/DWB/>.

*Krämer-Neubert, S* (2000). Was also ist des Pudels Keil? Zu Sprachräumen in Unterfranken. // Dialektologie zwischen Tradition und Neuansätzen: Beiträge der Internationalen Dialektologentagung, Goettingen, 19-21. Oktober 1998. Stuttgart, 2000. S. 172-188.

*Mitzka, W* (1968). Kleine Schriften zur Sprachgeschichte und Sprachgeographie. Walter de Gruyter. Berlin, 1968.

*Udolph, Jürgen* (1994). Namenkundliche Studien zum Germanenproblem. Walter de Gruyter, 1994.

**АССОЦИАТИВНОЕ ПОЛЕ ЦЕННОСТИ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ»  
КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ОПИСАНИЯ ОБРАЗА СОЗНАНИЯ  
НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА**

**Матюшина Василиса Валерьевна**

Старший преподаватель кафедры английского языка № 2

МГИМО (у) МИД РФ

г.Москва, пр-т Вернадского, 76

*matjushina-vasilisa@rambler.ru*

В статье на основе исследования экспериментального материала определяется значение и особенности функционирования ценности *толерантность* в русском языковом сознании; дается описание ценности *толерантность* и ее репрезентация в русском языковом сознании для выявления гендерных особенностей и возрастной специфики актуализации данной ценности.

Описываются результаты применения ассоциативного метода, используемого для выявления знаний носителей языка об окружающей действительности. Ассоциативный эксперимент понимается как экспериментальное психолингвистическое исследование по изучению языкового сознания, который дает возможность описать содержание языковых знаков в том виде, в котором они действительно присутствуют в сознании. Экспериментально устанавливается, что в сознании русских существует образ уважения к чужому и понимание чужого без вражды и противоречия, что и является истинной толерантностью.

**Ключевые слова:** ценность *толерантность*, языковое сознание, ассоциативное поле, свободный ассоциативный эксперимент.

Возможность наглядно проиллюстрировать один из методов описания образа сознания на примере исследования ассоциативного поля ценности *толерантность* представляется основной целью написания настоящей статьи.

Во вводной части необходимо сделать несколько общих предварительных замечаний теоретико-методологического характера относительно заявленной темы настоящей статьи. Важно отметить, что одной из задач современной отечественной психолингвистики является выявление представлений и знаний носителей языка и культуры об окружающей их действительности, а также способы отражения и закрепления этих знаний в единицах языка. Считается, что одним из наиболее эффективных методов, позволяющих решить поставленные задачи, является ассоциативный эксперимент, поскольку при помощи данного метода экспериментатор получает возможность выявить как системность содержания образа сознания, стоящего за словом в разных культурах, так и системность всего языкового сознания носителей разных культур.[ Уфимцева 2003]. При этом языковое сознание понимается как «опосредованный языком образ мира той или иной культуры, т.е. «совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира» [Тарасов 1996: 7].

Такое определение предполагает, что образы сознания могут выводиться вовне, т.е. овнешняться, только в процессе определенной деятельности, в том числе, речевой.

Ассоциативные реакции на слово, в свою очередь, указывают не только на парадигматические и синтагматические связи слова, но и на его связи с деятельностью, в которых функционируют сами ассоциаты или в которых происходило и происходит становление значений слов-стимулов и слов-реакций. Для хода нашего рассуждения важно понять, что языковое сознание вообще и значение слова как его фрагмент, есть форма фиксации общественного опыта людей, знаний о мире. Ассоциативные связи отражают структуру значения, демонстрируют единство индивидуального опыта и совокупного общественного опыта. Следовательно, анализ языкового сознания с помощью ассоциативного эксперимента дает нам возможность составить представление об образе мира человека. Язык при этом понимается как универсальный способ овнешнения образов сознания субъекта.

Продолжая тему, подчеркнем вновь, что ассоциативное поле слова-стимула может быть рассмотрено как фрагмент образа мира, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, это как бы конгломерат стереотипов индивида, его эмоционально окрашенных смыслов общепринятых понятий, его мотивов и оценок. Следовательно, «образ сознания, ассоциированный со словом, это одна из многих попыток описать знания, используемые коммуникантами при производстве и восприятии речевых сообщений». [Уфимцева 2003: 165].

Исследование фрагментов языкового сознания, соотносимых с социально релевантными лексемами, по способам анализа экспериментального материала органично связано с психолингвистическим изучением содержания общечеловеческих ценностей. Обращение к изучению содержания общечеловеческих ценностей определяется Е.Ф.Тарасовым в качестве актуальной задачи современной психолингвистической науки, поскольку «анализ вербального овнешнения образов сознания, отображающих по-разному феномены культуры и социума, дает возможность усмотреть специфику использования языковых средств в культуре и социуме» [Тарасов 2012: 11].

Эксперимент был проведен в 2014 году в Москве среди студентов МГИМО. Информантами стали обучающиеся в бакалавриате и магистратуре студенты в возрасте от 17 до 22 лет. Стимульный список представлен словом *толерантность*. Стимульный список одинаков для всех участников эксперимента. Анкеты всех этапов эксперимента заполнялись письменно, указывался возраст, учебное заведение, курс, пол. Всего в эксперименте приняло участие 200 студентов. В результате проведенного среди носителей русского языка свободного ассоциативного эксперимента со словом-стимулом *толерантность* было получено 361 разное слово, число повторяющихся ассоциаций на слово-стимул равно 504. В ходе эксперимента каждый из 200 испытуемых давал от 4 до 6 разных реакций на слово-стимул *толерантность*. Среди испытуемых было 4 группы студентов: бакалавры мужского и женского пола I курса (по 50 человек) и магистры мужского и женского пола (по 50 человек). В ходе обработки данных ответы каждых 50 человек были приняты за 100%.



Использование подобного материала открывает перспективы моделирования значения как достояния определенных категорий индивидов, а также решения частных психолингвистических задач, например выявления содержания овнешняемой части сознания современного студента в условиях меняющейся социокультурной ситуации, установления тенденций изменения семантики.

Ассоциативный эксперимент и моделирование ассоциативного поля для стимула *толерантность* выявили следующее.

В ядре ассоциативного поля *толерантность* в ассоциативном эксперименте самой частотной является реакция *терпение* или *терпимость* (почти 30% всех респондентов обоого пола представили соответствующую реакцию на слово-стимул).

**ТОЛЕРАНТНОСТЬ:** *терпение 61; уважение 28; расы 12; понимание 11; нации; негры; спокойствие 10; вежливость; доброта 9; люди; равенство 8; внимание; Европа 6; воспитание; гомосексуализм; демократия; мир; равнодушие; религия 5; дипломатия; дружба; культура; лицемерие; МГИМО; мигранты; отношения; равноправие; слабость 4; глупость; иностранцы; Кавказ; любовь; мудрость; Россия; справедливый; США 3; важно; в меру; ген; гуманизм; джентльмен; единство; женщины; забота; лояльный; многонациональность; неагрессивный; нежность; необходимость; неправильное; образ; открытость; плохо; политика; помощь; принимать; сдержанность; сильный; снисхождение; современность; умение; утопия; хорошо 2; агрессия; адекватность; английский; английский закон; бездейственный; незаконие; благородство; богатство; бороться; будущее; величественность; вероисповедание; веротерпимость; взаимоуважение; война; вранье; вред; время; все равны; выдержка; высший свет; Ганди; гармония; глобализация; готовность выслушать; готовность примирять все; грамотность; грусть; гниение; деградация; достижение; достоинство; дружба народов; дружелюбность; дух; еврей; естественность; жестокость; жизнь; зло; инвалиды; Индия; интересы; ислам; Италия; качество; кивание; к кавказцам; клише; к людям; ко всем; косые взгляды; кризис; ксенофобия; кушать; либерализм; ложные ценности; ложь; любезность; манеры; медсестра; меньшинства; митинг; миф; множество; молчать; мусульмане; мягкость; народность; национальная; неприязнь; недостижимость; не знаю; необходимость; неподвижность; непротивление; нет; несправедливость; нечестность; норма; нужно; ободрение ; общество; община; обязательство; ответственность; отлично; отсутствие; отсутствие нетерпения; очередь; ошибка; плюс; поведение; погром; погубит; поддержка; позиция; покорность; помощь; понятие; порядок; последствия; почтение; права; правда; праздник; прекрасное качество; привыкание; приезд; примирение; пробка ;проблема; провал; продавец; пропаганда ; прощение; Путин; работа; радушие; разборки; развал; развитие; разница; разные мнения; разум; рассудительность; редкость; руки; светлый; симпатия; Скандинавия; слово; смирение; сокрытие; сопли; сочувствие; страдание; такт; твердость; тепло; толпа; тупик; убийство; уживчивость; улыбка; ум; уравновешенность; урок; усердие; успех; уступчивость; уход; участие; учеба; фактор; фикция; Франция; хладнокровие; холодность; хорошее качество; христианство; цвет; ценность; человек; человечность; черные-белые; чувства; чуткость; экстремизм; я. (504+361+0+192).*

Заметна гендерная и возрастная устойчивость ассоциативной связи *толерантность – терпение*. При этом характер реагирования не одинаков. При сходной величине ассоциативного поля частотность стереотипной реакции *толерантность – терпение* у бакалавров-мужчин ниже, а самая высокая частотность данной реакции наблюдается у женщин, обучающихся в магистратуре. Это может говорить о большем уровне распространения взаимной связи стимула – реакции (примерно 30% от общего числа реакций в каждой группе испытуемых) в исследуемых возрастных группах.

Наиболее частотная реакция *терпение* составляет от общего числа реакций у бакалавров 20% , а у студентов из магистратуры 40%. Этот факт можно связать с большей устойчивостью ассоциативной связи во второй возрастной группе, а также с более высоким уровнем социализации студентов.

Таблица 1

Результаты ассоциативного эксперимента по категориям респондентов и факторам

Категории и факторы	Ассоциаты и частотность	% от общего числа реакций данной группы испытуемых
Фактор возраста – 17 лет Фактор пола – мужчины Фактор образования – бакалавры	<i>Уважение</i> - 9	20
	<i>Терпение</i> – 6	14
	<i>Расы</i> – 6	12
	<i>Нации</i> – 4	8
	<i>Равенство</i> – 3	6
	<i>Спокойствие</i> – 3	6
	<i>Европа</i> – 3	6
	<i>Демократия</i> – 3	6
	<i>Негры</i> – 3	6
	<i>МГИМО</i> – 2	4
	<i>Вежливость</i> – 2	4
	<i>Лицемерие</i> – 2	4
	<i>США</i> – 2	4

Таблица 2

Результаты ассоциативного эксперимента по категориям респондентов и факторам

Категории и факторы	Ассоциаты и частотность	% от общего числа реакций данной группы испытуемых
Фактор возраста – 17 лет Фактор пола – женщины Фактор образования – бакалавры	<i>Терпение</i> – 15	30
	<i>Уважение</i> – 8	14
	<i>Внимание к людям</i> – 4	6
	<i>Расы</i> – 3	6

	<i>Вежливость – 3</i>	4
	<i>Россия – 2</i>	4
	<i>Равнодушие – 2</i>	4
	<i>Люди – 2</i>	4
	<i>Отношения – 2</i>	4
	<i>Любовь – 2</i>	4
	<i>Помощь – 2</i>	4
	<i>Открытость – 2</i>	4
	<i>Глупость – 2</i>	4
	<i>Многонациональность – 2</i>	4
	<i>Иностранцы – 2</i>	4

Таблица 3

Результаты ассоциативного эксперимента по категориям респондентов и факторам

Категории и факторы	Ассоциаты и частотность	% от общего числа реакций данной группы испытуемых
<i>Фактор возраста – 22 года</i> <i>Фактор пола – мужчины</i> <i>Фактор образования – магистры</i>	<i>Терпение – 9</i>	26
	<i>Доброта – 4</i>	12
	<i>Негры – 4</i>	12
	<i>Гомосексуализм – 3</i>	10
	<i>Слабость – 3</i>	10
	<i>Уважение – 3</i>	10
	<i>Культура – 2</i>	4
	<i>Равнодушие – 2</i>	4
	<i>Понимание – 2</i>	4
	<i>Мигранты – 2</i>	4
<i>Равенство – 2</i>	4	

Таблица 4

Результаты ассоциативного эксперимента по категориям респондентов и факторам

Категории и факторы	Ассоциаты и частотность	% от общего числа реакций данной группы испытуемых
<i>Фактор возраста – 22 года</i> <i>Фактор пола – женщины</i> <i>Фактор образования – магистры</i>	<i>Терпение – 31</i>	30
	<i>Уважение – 8</i>	12
	<i>Понимание – 7</i>	10
	<i>Нации – 4</i>	6
	<i>Спокойствие – 4</i>	6
	<i>Люди – 4</i>	6
	<i>Вежливость – 4</i>	6
	<i>Доброта – 3</i>	3
	<i>Равноправие – 3</i>	3
	<i>Религия – 3</i>	3

Категории и факторы	Ассоциаты и частотность	% от общего числа реакций данной группы испытуемых
	<i>Дипломатия – 3</i>	3
	<i>Лояльность – 2</i>	2
	<i>Воспитанность – 2</i>	2
	<i>Отношения – 2</i>	2
	<i>Дружба – 2</i>	2
	<i>Справедливость – 2</i>	2
	<i>Равенство – 2</i>	2

Самой частотной ассоциацией, данной на слово-стимул *толерантность*, у бакалавров и магистров является *уважение*. Изменчивость рангов этой реакций незначительна. При этом у бакалавров количество реакций в ассоциативном поле *толерантность* несколько меньше, вторая по частотности реакция у женщин *внимание к людям* и *вежливость*, а у мужчин *равенство* и *спокойствие* незначительно отстают от первой.

Среди реакций ассоциативного поля *толерантность* у бакалавров и магистров широк состав номинаций оценочного или описательного типа с тенденцией к умозаключению (35% у бакалавров мужского и женского пола соответственно; 26% у женщин из магистратуры и 36% у мужчин из магистратуры), весьма разнообразен и многочислен ряд наименований, выражающих субъективные ощущения (почти 20% у бакалавров обоого пола и 20% у женщин из магистратуры), отмечается большое количество предметных реакций, выражающих различные негативные явления, имеющие отрицательную коннотацию (12% у мужчин из магистратуры), а также реакций, которые можно трактовать как метафорический перенос (у женщин из бакалавриата и мужчин из магистратуры примерно по 35%, а у мужчин из бакалавриата и женщин из магистратуры примерно по 20%), также достаточно большую группу представляют собой номинации, обозначающие разные субъекты или группы субъектов, имеющих отношение к пониманию содержания ценности (около 20% у всех групп испытуемых).

Таблица 5

Группы слов-номинантов (семантических компонентов), выделенных в ходе ассоциативного эксперимента

	Оценочные номинанты	Описательные номинанты (с тенденцией к умозаключению)	Субъективные ощущения (эмоциональные реакции без тенденции к умозаключению)
<b>Мужчины-бакалавры</b>	<i>Плохо; неправильно; нет; ошибка; глупость; хорошо; прекрасное качество; отлично; вред</i>	<i>Равенство; демократия; необходимость; ложные ценности; веротерпимость; лицемерие; утопия; воспитание</i>	<i>Очередь; пробка; Кавказ; Европа; косые взгляды; МГИМО; США; Франция; Ганди; Индия; ген; я; Россия; ислам</i>

<b>% от общего числа реакций данной группы испытуемых</b>	<b>18</b>	<b>18</b>	<b>20</b>
<b>Женщины-бакалавры</b>	<i>Плюс; открытость; глупость; слабость; неагрессивный; справедливый; спокойный; хорошее качество</i>	<i>Проблема; демократия; глобализация; необходимость; норма; равенство; естественность; порядок; достижение; разные мнения; лицемерие</i>	<i>Руки; Италия; Россия; Кавказ; Европа; высший свет; митинг; МГИМО</i>
<b>% от общего числа реакций данной группы испытуемых</b>	<b>18</b>	<b>17</b>	<b>16</b>

Таблица 6

Группы слов-номинантов (семантических компонентов), выделенных в ходе ассоциативного эксперимента

	<b>Предметные реакции негативного характера</b>	<b>Реакции-метафоры</b>	<b>Субъекты (группы людей)</b>
<b>Мужчины-бакалавры</b>	<i>Вранье; экстремизм</i>	<i>Фикция; успех; будущее; беззаконие; мир; страдание; христианство; ложь; величественность; единство; культура</i>	<i>Черные-белые; нации; расы; негры; женщины; иностранцы; люди; мигранты; община; друг</i>
<b>% от общего числа реакций данной группы испытуемых</b>	<b>2</b>	<b>22</b>	<b>20</b>
<b>Женщины-бакалавры</b>	<i>Расизм;</i>	<i>Участие; отношения; миф; недостижимость; современность; помощь; жестокость; праздник; мир; религия; многонациональность; гуманизм; примирение; позиция; нежность; твердость; симпатия; разум; жизнь; дружба; поддержка; забота; чувства</i>	<i>Негры; расы; люди; мусульмане; иностранцы; приезжие</i>

<b>% от общего числа реакций данной группы испытуемых</b>	<b>2</b>	<b>35</b>	<b>12</b>
---	----------	-----------	-----------

Таблица 7

Группы слов-номинантов (семантических компонентов), выделенных в ходе ассоциативного эксперимента

	<b>Оценочные номинанты</b>	<b>Описательные номинанты (с тенденцией к умозаключению)</b>	<b>Субъективные ощущения (эмоциональные реакции без тенденции к умозаключению)</b>
<b>Мужчины-магистры</b>	<i>Плохо; хорошо; добрый; светлый; слабость; зло</i>	<i>Либерализм; демократия; утопия; равенство; дипломатия; ксенофобия; равноправие</i>	<i>В меру; США; МГИМО; Европа; ген; Кавказ</i>
<b>% от общего числа реакций данной группы испытуемых</b>	<b>12</b>	<b>14</b>	<b>12</b>
<b>Женщины-магистры</b>	<i>Сильный; мудрый; важно; бездеятельный; адекватность; нужно</i>	<i>Необходимость; понятие; редкость; отсутствие; фактор; ценность; гуманизм; различия; непротивление; отсутствие нетерпения; последствия; грамотность; клише; права; дружба народов; качество; национальная неприязнь; поведение</i>	<i>Европа; английский; разборки; Скандинавия; интересы; работа; тепло; учеба; политика; Путин; английский закон; цвет; к людям; к кавказцам</i>
<b>% от общего числа реакций данной группы испытуемых</b>	<b>12</b>	<b>24</b>	<b>20</b>

Группы слов-номинантов (семантических компонентов), выделенных в ходе ассоциативного эксперимента

	<b>Предметные реакции негативного характера</b>	<b>Реакции-метафоры</b>	<b>Субъекты (группы людей)</b>
<b>Мужчины-магистры</b>	<i>Агрессия; несправедливость; расизм; гомосексуализм; деградация</i>	<i>Современность; тупик; множество; неподвижность; единство; правда; культура; образ; провал; нация; прощение; сопли; погром; гниение; развал; время; манеры; религия</i>	<i>Народы; негры; джентльмен; педик; инвалиды; мигранты; толпа; еврей; женщина</i>
<b>% от общего числа реакций данной группы испытуемых</b>	<b>12</b>	<b>32</b>	<b>18</b>
<b>Женщины-магистры</b>	<i>Убийство; расизм</i>	<i>Урок; грусть; мир; гармония; привыкание; религия; народность; сила; нежность; достоинство; уход; радушие; богатство; развитие; ум; любезность; дух; помощь; улыбка; общество; кризис; культура; разница</i>	<i>Нации; меньшинства; медсестра; люди; друзья; джентльмен; иммигранты; негры; человек; продавец</i>
<b>% от общего числа реакций данной группы испытуемых</b>	<b>4</b>	<b>20</b>	<b>20</b>

Ассоциативное поле *толерантность* отличается разнообразием эмоционально-оценочных компонентов и характеризуется высокой частотностью реакций из области морально-нравственного отношения. Оценочные характеристики в поле преобладают почти у всех групп испытуемых (примерно по 35%).

По материалам эксперимента было построено ассоциативное поле ценности *толерантность*. Под «ассоциативным полем» мы, вслед за А.П.Клименко, понимаем все слова-реакции на заданное слово-стимул [Клименко 1974: 19]. После изучения ассоциативного поля, полученного в результате обработки слов-реакций, данных на слово-стимул *толерантность*, была сделана попытка реконструкции образа ценности *толерантность* в сознании носителей русского языка. Имя

существительное *терпение* рассматривается в качестве базовой языковой единицы изучаемого поля и представляет данную ценность в наиболее общем виде.

Ассоциативное поле ценности *толерантность* представляет собой системное образование, при этом основными отношениями лексических единиц являются парадигматические отношения. В сознании русских ценность *толерантность* представлена в первую очередь парадигмой существительных, обозначающих близкие по значению качества. Например, *терпение, человечность, уважение, воспитанность*. Количество таких качеств представляет почти половину полученных ассоциаций. Вместе с тем часты реакции синтагматического характера, которые, как известно представляют собой связи слов не по признаку принадлежности к одному классу слов, а наоборот объединяют в словосочетания слова из разных классов, например ценность *толерантность* респонденты пытаются объяснить через ее описание при помощи наречий «хорошо» и «плохо». Данный вид синтагматической ассоциативной связи может быть рассмотрен как оценочный и субъективный.

В группу лексических единиц, составляющих основу ассоциативного поля *толерантность*, входят также лексические единицы, обозначающие негативные явления с отрицательной коннотацией. Так, достаточно часто встречаются реакции (особенно среди мужчин из магистратуры), связывающие исследуемую ценность, например, с *агрессией, несправедливостью, расизмом, гомосексуализмом, гниением, деградацией* (от общего числа реакций 12%).

Анализ результатов САЭ показал, что лексические единицы метафорического характера, ассоциированные с ценностью *толерантность*, делятся на две группы. Имеющие положительную окраску понятия включают следующие номинанты: *современность, дипломатия, равноправие, единство, правда, прощение, либерализм, равенство*. К отрицательно окрашенным ассоциациям следует отнести: *туман, ксенофобия, неподвижность, провал, сопля, зло, погром, развал, утопия*.

Анализ ассоциативных полей стимула *толерантность* у студентов двух возрастных групп и двух полов (бакалавры 17-18 лет мужского и женского пола и магистры 21-22 лет мужского и женского пола) показывает, что в сознании всех групп испытуемых представление о *толерантности* предстает в первую очередь не как научное знание, а как обыденное знание.

*Толерантность* выступает как понятие, основным коррелятом которого является *терпение*. *Терпение* – самая частая словесная реакция в ассоциативном поле рассматриваемых возрастных и гендерных групп. Исключением оказывается лишь группа бакалавров мужского пола, где упомянутая реакция имеет ранг 2. На первом месте у мужчин-бакалавров стоит *уважение*.

Изменение частотности ассоциативной связи реакции *терпение* со стимулом *толерантность* коррелирует с возрастными и гендерными особенностями испытуемых: от младшего возраста к старшему наблюдается усиление ассоциативной связи коррелятов *терпение – толерантность*.

Взаимная связь коррелятов *терпение – толерантность* имеет свою гендерную особенность. Более всего реакций *терпение* на стимул *толерантность* наблюдается среди обучающихся в магистратуре женщин.

Таким образом, существует гендерно-возрастная зависимость ассоциативно-вербальной связи.



Анализ эмоциональных позитивных и негативных оценок *толерантности* в ассоциативных полях выявляет гендерную дифференциацию и возрастную динамику.

В ассоциативном поле всех групп для ассоциатов, выражающих позитивную эмоциональную оценку частотны следующие реакции: *мудрый, важный, адекватный, нужный, открытый, спокойный, справедливый, отличный, светлый* (общий процент от всех реакций 10%).

Иной характер имеет изменение негативной оценки в зависимости от возраста и пола. Отмечено усиление негативного восприятия среди мужской части респондентов: как у бакалавров, так и у магистров. Особенно большое количество отрицательных оценок дают бакалавры-мужчины (25%). Бакалавры-мужчины – это в основном студенты I курса.

Возраст ранней юности (бакалавры I курса) оценивается в психологии как период эмоциональной напряженности, тревожности, как «возраст противоречивых состояний, мотивов, ценностных ориентаций и поступков», он характеризуется «максимализмом и лабильностью полярных позиций» [Мухина 2007: 480].

Первокурсник стоит перед выбором жизненного пути. От него требуют, и он сам от себя требует большей личной ответственности, большей самостоятельности. Это «период значительного развития социальной активности» [Мухина 2007: 495]. Вероятно, именно сложностью перехода к взрослости, трудностью процесса социализации личности обусловлен значительный рост негативной оценки жизни в ассоциациях первокурсников.

Заметим, что у магистров в ассоциативном поле стимула *толерантность* частотность негативной оценки ниже (15%), чем в ассоциативном поле первокурсников. Данное различие, возможно, является отражением того, что жизненный путь и жизненная позиция магистров хотя и не достигли полной стабильности, но уже вступили в иную фазу, чем у студентов первого курса.

Анализ гендерных особенностей оценки *толерантности* показал, что девушки более эмоциональны в выражении оценки *толерантности*, чем юноши: доля оценочных реакций в коллективном ассоциативном поле девушек составляет от 10% до 20% среди женщин из бакалавриата и магистратуры соответственно.

В распределении долей оценочных реакций в ассоциативном поле первокурсников наблюдается одновременное действие и гендерного, и возрастного факторов. У юношей действие возрастного фактора проявляется в том, что от младшего возраста к старшему негативные оценки последовательно сокращаются, а позитивные, напротив, увеличиваются. Скачок в росте негативной оценки толерантности наблюдается у бакалавров-юношей, затем эта тенденция роста негативных оценок в ассоциативном поле магистров снижается, доля негативных оценок уже ниже доли оценок позитивных (18%).

У девушек динамика позитивной и негативной оценок *толерантности* иная, чем у юношей. Наблюдается относительная стабильность оценки *толерантности* у девушек и в бакалавриате и в магистратуре. Таким образом, доля позитивных и негативных оценок примерно одинакова для всех возрастов среди студенток (30% положительных реакций).

Негативные оценки первокурсников в основном характеризуют *толерантность* как *вранье, плохое, экстремизм, неправильное, ошибочное, глупое, вредное, слабость*.

Показательны гендерные и возрастные различия в негативной оценке *толерантности*. У девушек-первокурсниц *толерантность* связана со *слабостью* и *бездеятельностью*.

У юношей-первокурсников *толерантность* и ее негативная оценка связывается с иными понятиями: *плохой, неправильный, ошибочный, глупый, вредный, несправедливый*.

Нельзя не отметить, что в ходе свободного ассоциативного эксперимента образы сознания ценности *толерантность* приобрели личностное конкретное выражение, аспекты конвенционального значения получили реальное (зачастую эмоциональное) воплощение в виде слов-реакций, данных профанными носителями обыденного общественного сознания на слово-стимул *толерантность*.

Качественный анализ ассоциативных реакций показывает преобладающее количество семантически обусловленных ассоциаций парадигматического типа (80% всех реакций). Например, *толерантность* ассоциируется с *терпением, уважением, равенством, пониманием*. В целом, смысловое содержание слова *толерантность* непротиворечиво: формальное выражение слова *толерантность* как *терпение* опирается на *уважение* как внутреннюю основу ее существования.

Таким образом, экспериментально подтверждено, что русское сознание открыто для других культур, в сознании русских существует образ *уважения* к чужому и *понимание* чужого без вражды и противоречия, что как раз и является истинной *толерантностью*.

### Литература

Клименко А.П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение: учеб.пособие/ А.П.Клименко. – Мн.: МГПИИЯ, 1974. – С.19-20.

Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития. – М.: Академия, 2007. – 640с.

Психология подростка/ Под ред.А.А.Реана. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2006. – 480с.

Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания// В сб. Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: ИЯ РАН, 1996. – С. 7-22.

Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания// Е.Ф.Тарасов// Языковое сознание и образ мира. Сб.ст./ Отв.ред.Н.В.Уфимцева. – М., 2000. – С. 24-33.

Тарасов Е.Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей// Вопросы психолингвистики. – М., ИЯ РАН, 2012, №1 (15). – С.8-17.

Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания. Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: ИЯ РАН, 1996. – 227 с.

Уфимцева Н.В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности/ Н.В. Уфимцева// Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С.102-110.

**THE ASSOCIATIVE FIELD OF THE VALUE 'TOLERANCE'  
AS A TOOL TO DESCRIBE THE RUSSIAN LANGUAGE SPEAKER  
PICTURE OF CONSCIOUSNESS**

**Vasiliisa V. Matjushina**

The senior lecturer of English Language Department №2  
MGIMO (u) under the Ministry of Foreign Affairs of Russia  
Moscow, Vernadskogo avenue, 76  
*matjushina-vasilisa@rambler.ru*

In this article the definition and peculiarities of the value 'tolerance' functioning in Russian linguistic consciousness is specified on the basis of certain experimental data; the description of the value 'tolerance' and its representation in Russian linguistic consciousness are provided in order to reveal gender characteristics and age specific features of how this very value is realized in linguistic consciousness.

The results of applying the association method, used to reveal the knowledge of language speakers about social realm, are described. The association experiment is understood as experimental psycholinguistic research aimed at examining language consciousness, giving a possibility to describe the content and the subject of language signs just the way they actually exist in consciousness. Thus, the experiment gives a possibility to observe and specify that Russian consciousness bears and includes the image of respect to unfamiliar and foreign and the perception of unfamiliar and foreign without hostility and contradiction, which is determined as true tolerance.

**Keywords:** the value 'tolerance', linguistic consciousness, associative field, free associative experiment.

**References**

*Klimenko A.P.* Leksicheskaya sistemnost y eye psycholingvisticheskoye izuchenie. [The Lexical System and its studies in Psycholinguistics] – a textbook A.P.Klimenko. – M.: MGPIIYA, 1974, - pp.19-20.

*Mukhina V.S.* Vozrastnaya psychologia. Fenomenologia razvitiya. [Age psychology. Phenomenology of the development]. - M.: ACADEMIA, 2007. – 640 p.

*Psychologia podrostka./pod. Red. Rean A.A.* [Adolescent psychology./ Edited by Rean A.A.]. – SPb.: Prime-Evroznak, 2006. – 480 p.

*Tarasov E.F.* Mezshkulturnoe obschenie – novaya ontologia analiza yazykovogo soznania./ V sbornike Etnokulturnaya specifika yazykovogo soznania. [Intercultural communication – the new ontology of the language consciousness analysis]. – M.: IYA RAN, 1996. - pp. 7-22.

*Tarasov E.F.* Aktualnyie problem analiza yazykovogo soznania. [The topical problems of the linguistic consciousness analysis] – The Bulletin "Yazykovoe soznanie y obraz mira" / the Chief Editor N.V.Ufimtseva. M.: 2000 – pp.24-33.

*Tarasov E.F.* Problema analiza soderzshania obschechelovecheskih tsennostey.[The problem of analyzing the contents of human values]. – The Journal of Psycholinguistics. – M.: IYA RAN, 2012, № 1 (15). – pp. 8-17.

*Ufimtseva N.V.* Russkie: opyt esche odnogo samopoznania. V sbornike Etnokulturnaya specifica yazykovogo soznania. [Russians: the attempt of another self-understanding]. M.: IYA RAN, 1996. – 227 p.

*Ufimtseva N.V.* Yazykovoye soznanie kak otobrazhenie etnosotsiokulturnoy realnosti. [Language consciousness as the reflection of ethnosociocultural reality]. The Journal of Psycholinguistics. - M.: IYA RAN, 2003, № 1 – pp. 102-110.

Ψ λ

**КОМИ, КАКИЕ ОНИ?  
ИЛИ АВТОСТЕРЕОТИПЫ И ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПЫ КОМИ (ЗЫРЯН)**

**Разумкова Анна Викторовна**

аспирант Институт языкознания РАН

Москва, Б. Кисловский пер. д.1/1

*razumkova89@mail.ru*

Правильность и объективность представлений о другом этносе, нации являются важной составляющей для эффективной государственной политики. На наш взгляд, точность представлений важна не только на межгосударственном, но и на внутригосударственном уровне, особенно в стране, которая объединяет большое количество этносов на своей территории. Практическое решение данной проблемы требует изучения этнических стереотипов, которые определяют поведение людей, влияют на этнические симпатии и антипатии, создают благоприятную почву для манипулирования массовым сознанием. Объектом исследования является этнический образ автохтонного населения Республики Коми. Предмет – этнические стереотипы коми (зырян). Первая задача исследования заключается в изучении авто- и гетеростереотипов коми (зырян) с целью выявления сходств и различий в содержании образа, на формирование которого непосредственное воздействие оказывают такие факторы как территория и этнический состав населения регионов. Вторая задача состоит в исследовании изменений в содержании этнического образа коми (зырян) с целью выявления устойчивых во времени стереотипных представлений. Для достижения поставленных целей необходимо сначала изучить характерологическое описание автохтонного населения Республики Коми сегодняшнего дня, затем сравнить полученные результаты с описанием этой же этнической общности, представленной в географической и художественной литературе XIX века, в экспериментальных исследованиях О.В. Котова, М.Б. Рогачева, Ю.П. Шабаева (1996), В.М. Бызовой (1997). Материалом для описания авто- и гетеростереотипов коми (зырян) сегодняшнего дня послужили данные, собранные в результате проведения направленного ассоциативного эксперимента среди студентов (17-23 лет) высших учебных заведений г. Калуги и г. Сыктывкара в 2016 году. Результаты исследования показали, что представления о коми (зырянах) являются достаточно противоречивыми, однако в диахронии описательных и экспериментальных исследований неизменными чертами национального характера этноса остаются доброта, трудолюбие, гостеприимство, выносливость и патриотичность.

**Ключевые слова:** автостереотипы, гетеростереотипы, направленный ассоциативный эксперимент, индекс яркости ассоциата, совокупный индекс яркости значения, полевая стратификация.

### Введение

В условиях постоянного межкультурного взаимодействия этнических групп остро встает проблема оптимизации межэтнических взаимоотношений. Практическое решение данной проблемы требует изучения этнических стереотипов, которые определяют поведение человека, влияют на этнические симпатии и антипатии, создают благоприятную почву для манипулирования массовым сознанием. «Понимание этнических особенностей своего народа, интерес к культуре и ценностям других народов помогают осознать равноправие различных культур, важность места и роли каждого народа в историческом развитии, выработать взаимоуважительные принципы межкультурного общения и взаимоотношений, преодолеть межнациональные барьеры» [Бызова 1997: 3]. Существует множества определений стереотипа. В рамках межкультурной коммуникации С.Г. Тер-Минасова рассматривает этнокультурные стереотипы «как устоявшиеся схематические представления о типичных чертах народа или людей этнической общности» [Тер-Минасова 2008: 43]. Анализ определения стереотипа в кратком политическом словаре (1987), а также в некоторых английских словарях позволил Светлане Григорьевне выделить ключевые слова в понятии стереотипа: схематичность, стандартизированность, фиксированность, привычность. Этнокультурные стереотипы делятся на автостереотипы (представления о своем народе) и гетеростереотипы (представления о другом народе). Именно гетеростереотипы, как пишет Светлана Григорьевна, лежат в основе национальных предубеждений, которые приводят к межэтническим и межнациональным конфликтам [Тер-Минасова 2008: 43]. Следовательно, изучение автостереотипов и, особенно, гетеростереотипов является существенным для преждевременного выявления стереотипных представлений, которые могут привести к непониманию или конфликтам в поликультурной среде [Тер-Минасова 2008: 44]. В рамках психолингвистики стереотип рассматривается как некоторое «представление» фрагмента окружающей действительности, фиксированная ментальная «картинка», являющаяся результатом отражения в сознании личности «типичного» фрагмента реального мира, некий инвариант определенного участка картины мира» [Красных 2001: 177-178], или как аффективно окрашенный фрагмент языкового сознания [Тарасов 2006: 69]. Под культурными стереотипами или парадигмами образов сознания, Н.В. Уфимцева понимает способы восприятия, «которые накапливаются в виде репертуара структурированных контекстов (схем, фреймов)» [Уфимцева 2009: 99]. Для определения содержания парадигм образов сознания, а именно образа «себя» и образа «другого» (авто- и гетеростереотипов) в языковом сознании культур, используются разные методы. Одним из методов является направленный ассоциативный эксперимент (далее НАЭ), который, как отмечает О.Е. Виноградова, в условиях ограниченного количества испытуемых, является предпочтительным, так как участники дают несколько реакций к исследуемым лексемам, а предлагаемые вопросы не только направляют реакции, но и уточняют их [Виноградова 2016: 31]. «Получаемое в результате проведения такого эксперимента ассоциативное поле того или иного слова-стимула – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и,

следовательно, его культурных стереотипов» [Уфимцева 2003: 104]. Объектом исследования является этнический образ автохтонного населения Республики Коми. Предмет исследования – авто- и гетеростереотипы коми (зырян). Сформированный этнический образ служит эталоном, в соответствии с которым человек моделирует свое поведение и ожидает определенного поведения от других. Перед нами стоит две задачи: 1) изучение авто- и гетеростереотипов коми (зырян) с целью выявления сходств и различий в содержании образа, на формирование которого непосредственное воздействие оказывают такие факторы как территория и этнический состав населения. Так как «этнические стереотипы влияют на этнические симпатии-антипатии, на национальные установки, определяют характер межэтнического взаимодействия» [Уфимцева 2012: 73-74], описание содержания образов «себя» и «другого» в сознании русских и коми могут внести определенный вклад в работы по прогнозированию и исследованию межнациональной напряженности в регионе. Вторая задача заключается в исследовании изменений в содержании этнического образа коми (зырян) с целью выявления устойчивых стереотипных представлений. Для достижения поставленной цели необходимо сопоставить психологическое описание автохтонного населения Республики Коми сегодняшнего дня с описанием этой же этнической общности, представленной в географической и художественной литературе XIX века, в экспериментальных исследованиях О.В. Котова, М.Б. Рогачева, Ю.П. Шабаева (1996), В.М. Бызовой (1997). Материалом для описания авто- и гетеростереотипов коми-зырян сегодняшнего дня послужили данные, собранные в результате проведения направленного ассоциативного эксперимента среди студентов (17-23 лет) высших учебных заведений г. Калуги и г. Сыктывкара в 2016 году. Всего было собрано 200 анкет (100 мужчин / 100 женщин) в г. Калуге и 188 анкет в г. Сыктывкар, из которых 118 заполнены русскими (58 мужчин / 60 женщин) и 70 – коми (50 женщин / 20 мужчин). Достоверность и обоснованность получаемых при помощи ассоциативного эксперимента результатов обеспечивается достаточным количеством испытуемых и учетом их возраста. Что касается оптимального количества испытуемых для проведения НАЭ, то по итогам количественных исследований ассоциативных словарей Г.А. Черкасовой (2005) было выявлено, что ««Постоянные» реакции (их не более десятка) имеют относительную частоту встречаемости более 5% в любых выборках (опросах) объемом не менее 100 респондентов. При увеличении объема выборки (опроса) со 100 до 200 респондентов относительные частоты встречаемости (ранги) «постоянных» реакций стабилизируются» [Черкасова 2005: 244]. Таким образом, анкетирование не менее 100 человек обеспечивает достоверность полученных результатов. Количество испытуемых коми национальности (70 человек) является недостаточным для обеспечения статистической достоверности результатов, поэтому мы можем сделать лишь предварительные выводы относительно автостереотипа коми. Выбор студенческой аудитории (от 17 до 23 лет) объясняется тем, что к указанному возрасту, как пишет Ю.Н. Караулов, завершается становление языковой личности, что говорит о сформированной языковой способности участников эксперимента. Языковая способность и ее формально-комбинаторные возможности у людей остаются стабильными на протяжении жизни. Таким образом, мы можем давать прогнозы в

отношении особенностей массового сознания жителей исследуемых регионов на ближайшие несколько десятилетий [Караулов, 1994: 192-193].

#### Методы исследования

С языковой точки зрения, стереотипы представляются ученым как «устойчивые, <...> а не возникающие случайно сочетания [семантических и/или формальных элементов], закрепленных в коллективной памяти на уровне конкретики, соответствующей лексемам» [Бартмицкий 2009: 13]. Что касается национальных стереотипов, по мнению ученого, на их формирование оказывают влияние как описательные, так и оценочные признаки, причем описательные признаки занимают центральную часть в содержании стереотипов. Описательные признаки, как правило, являются маргинальными, «но субъективно возводимые в ранг типических» [Бартмицкий 2009: 15]. Е.Л. Бартмицкий выделяет повторяющиеся области или «домены» в характеристиках национальностей: признаки, связанные с внешним миром, пищевые привычки, жизненные принципы и бытовые ситуации, психосоциальные характеристики [Там же 2009: 15]. Рассмотрение авто- и гетеростереотипов коми зырян подразумевает изучение описательных признаков в рамках «домена» психосоциальных характеристик на материале ассоциативного поля «Коми, какие они? (дайте несколько определенных типичных черт)». «Одним из важных показателей образования речевого стереотипа признается частотность, понимаемая как факт социального предпочтения, употребление в речи готовых воспроизводимых единиц языка в их постоянной комбинаторике и постоянном значении...» [Прохоров 2008: 86]. Показателем ментального стереотипа наряду с речевым стереотипом также является частотность, поэтому при составлении ассоциативного поля мы не учитывали единичные реакции. Вслед за Н.В. Уфимцевой, А.В. Рудаковой, И.А. Стерниным, М. Дебрэнн, Л.О. Бутаковой отметим, что при составлении ассоциативных полей интеграция разных словоформ одной и той же части речи (лемматизация) необходима, а вот «объединение ассоциатов разных частей речи или однокоренных ассоциатов <...> не должно иметь места, это искажает описание реального языкового сознания по данным ассоциативных экспериментов» [Уфимцева, Рудакова, Стернин, Дебрэнн, Бутакова 2016: 9]. Соответственно, в данном исследовании словоформы одной части речи лемматизированы, а однокоренные слова и слова разных частей речи не интегрированы. Однако те реакции, которые являются метаязыковыми вариантами одного и того же семантического компонента, по мнению И.А. Стернина могут подвергаться семантической интеграции [Уфимцева, Рудакова, Стернин, Дебрэнн, Бутакова 2016: 18]. Таким образом, в рамках нашего исследования, единичные реакции объединяются с другими семантически тождественными реакциями, что позволяет более содержательно и детально описать «инвариантный образ фрагмента мира» (термин Н.В. Уфимцевой) и не упустить сложившийся ментальный стереотип. Так, реакции *держатся группой (1)*, *обособленные (1)*, *склонны к жизни в группе (1)* объединяются в *держатся группой (3)* или, например, *круглолицые (1)*, *с пухлыми щеками (1)*, *щекастые* объединяются в *круглолицые* с частотностью (3). Индивидуальные ассоциации, которые не получили конкретной смысловой интерпретации не включены в ассоциативные поля. Фрагменты образа мира, которые были сформированы на основании реакций испытуемых, представлены в



виде ассоциативных полей Русских 1 (русских, проживающих в г. Калуге), Русских 2 (русских, проживающих в г. Сыктывкар) и Коми (респонденты, которые в графе национальность указали «коми» (63%) или «коми-русский» (7%)). Содержание ассоциативных полей представлено совокупностью ассоциатов с индексом яркости (ИЯ), который вычисляется «как отношение количества испытуемых, актуализировавших (вербализовавших) данную сему в экспериментах, к общему числу испытуемых. *Индекс яркости* представляется очень важным показателем семантического компонента, так как он <...> отражает степень актуальности того или иного семантического компонента для языкового сознания» [Стернин, Рудакова 2011: 101]. Применительно к данному исследованию, индекс яркости (ИЯ) позволит выявить актуальные для языкового сознания респондентов авто- и гетеростереотипы коми (зырян). При выделении нескольких тематических групп в ассоциативных полях слово-стимула (вопроса) «вычисляется также совокупный индекс яркости значения (СИЯ) как сумма индексов яркости всех образующих значение» [Стернин, Рудакова 2011: 101] ассоциатов, что позволяет ранжировать тематические группы по критерию «ядерные/периферийные». Полевая стратификация также применима для определения наиболее/наименее значимых черт и характеристик изучаемого этноса. Вслед за И. А. Стерниным и А. В. Рудаковой определим «количественные параметры отнесения когнитивных признаков к разным зонам поля: ядро – наиболее частотный (рекуррентный) признак или признаки, но имеющий индекс яркости не менее 0,12-0,15, ближняя периферия – ИЯ 0,10-0,04 дальняя периферия – ИЯ 0,03-0,02 крайняя периферия – яркость 0,01 и ниже (то есть один процент испытуемых и менее объективировал этот признак)» [Стернин, Рудакова 2011: 126].

#### Результаты исследования

Таблица 1

#### АП Русских 1

<p>добрые (10) (0,05); узкоглазые (10) (0,05); странные (9) (0,045); веселые (7) (0,035); дружелюбные (6) (0,03); маленькие (5) (0,025); гостеприимные, трудолюбивые, милые, невысокие, улыбочивые, общительные, холодные, упитанные (3) (0,015); белые, в шубах, классные, комичные, обычные, красивые, своеобразные, смуглые, суровые, выносливые, умные, хитрые, темноволосые, храбрые, радостные, похожи на азиатов, жизнерадостные, (хорошие) охотники, спокойные (2) (0,001); – (92) (0,46)<sup>1</sup></p>
---

АП Русских 1 (табл. 1) условно можно разделить на две тематические группы: черты национального характера (СИЯ – 0,27), которые занимают ядерную позицию в семанте слова-стимула (вопроса), и внешность (СИЯ – 0,16). Для русских г. Калуги коми в первую очередь представляются *добрыми* (0,05), *веселыми* (0,035), *дружелюбными* (0,03), но *странными* (0,045). Образ коми (зырян) дополняется менее частотными реакциями, которые заполняют крайнюю периферию АП. Так, по мнению респондентов, представители автохтонного населения Республики Коми

<sup>1</sup> Ассоциативное поле представлено упорядоченной последовательностью ассоциатов по убыванию. В первой скобке указано количество респондентов, во второй – индекс яркости каждого ассоциата

гостеприимные, общительные, улыбочивые, милые, трудолюбивые, но в тоже время холодные (0, 015), комичные, обычные, своеобразные, суровые, выносливые, храбрые, умные, хитрые, радостные, жизнерадостные, спокойные, (хорошие) охотники (0,001). Внешне Русские 1 представляют коми (зырян) узкоглазыми (0,05), маленькими (0, 025) или невысокими, упитанными (0,015), белыми (0,001), но смуглыми, красивыми, темноволосыми, похожими на азиатов, в шубах. На создание словесного портрета какого-либо народа оказывают влияние ряд обстоятельств: территориальная расположенность по отношению к этому народу, длительность и характер исторических связей с ним, степень информированности воспринимающего народа, особенности личного восприятия, которые диктуются степенью эмоциональности и категоричности [Ерофеев 1982: 10-11]. Стоит отметить, что при заполнении анкет многие респонденты г. Калуги говорили, что не знают, кто такие «коми», что оправдывает отсутствие ответов (92 отказа – 46%). Большое количество единичных реакций, не сходных по семантике (40%), а также паронимическая аттракция: «Коми, какие они?» – комичные (0,001), говорит о лакунах в сознании информантов, что объясняется территориальной отдаленностью проживания Русских 1 и Коми и отсутствием личных контактов.

Таблица 2

АП Русские 2

Добрые (19) (0,16); веселые (8)(0,06); странные, трудолюбивые (6) (0,05); добродушные, общительные, разговорчивые, тихие, смешные (5) (0,04); скромные, закрытые (4) (0,03); дружелюбные, невысокие, упрямые, патриоты, держатся группой, упитанные, круглолицые (3) (0,02); жизнерадостные, гостеприимные, спокойные, как русские, маленькие, злые, отзывчивые, приветливые, хорошие, (коми, специфичный) акцент, милые, вежливые, разные, улыбочивые, умные, целеустремленные, простые, молчаливые (2) (0,01); – (12) (0,10)

В АП Русских 2 (табл. 2) выделяется ядерная тематическая группа – черты национального характера (СИЯ – 0,81) и группа, которая находится на дальней периферии – внешние черты (СИЯ – 0,08). Русские Республики Коми считают, что коми (зырян) отличает *доброта* (ИЯ – 0,16). Ядерная реакция подкрепляется реакцией из ближней периферии – *добродушные* (0, 04). Коми *веселые* (0, 06), *трудолюбивые* (0,05), но *странные* (0,05), они бывают *разными* (0,01), как *тихими* (0,04), *молчаливыми* (0,01) и *спокойными* (0,01), так и *общительными* (0,04), *разговорчивыми* (0,04) и *смешными* (0,04), как *хорошими* (0,01), так и *злыми* (0,01). К дальней периферии образа относятся такие качества как *скромные* (0,03), *закрытые* (0,03), что также проявляется в том, что они *держатся группой* (0,02). Несмотря на некоторую обособленность, коми представляются респондентам *дружелюбными* (0,02), *гостеприимными* (0,01), *отзывчивыми* (0,01), *приветливыми* (0,01), *милыми* (0,01), *вежливыми* (0,01), *улыбочивыми* (0,01), *жизнерадостными* (0,01) и *простыми* (0,01). Коми (зырян) отличает *упрямство* (0, 02), *ум* (0,01), *целеустремленность* (0,01) и *(коми, специфичный) акцент* (0,01). Они *патриоты* (0, 02) своей Респу-

блики. Внешне коми (зыряне) *круглолицые (0,02), невысокие (0,02) или маленькие (0,01) и упитанные (0,02)*. Небольшой процент русских не находят никаких различий между коми и русскими и считают, что коми такие же как *русские (0,01)*.

Таблица 3

## АП Коми

Добрые (17) (0,24), трудолюбивые, гостеприимные (11) (0,16), дружелюбные (6) (0,08), добродушные (5) (0,07), вежливые, отзывчивые, веселые, хорошие (4) (0,05), заботливые, невысокие, открытые, приветливые, скромные, выносливые, как русские (3) (0,04), закрытые, светлые, спокойные, улыбочивые, щедрые, эмоциональные, сильные духом, любящие природу, уважают свои традиции, смелые, скрытные (2) (0,02)

Тематическая группа внешности в АП Коми (табл. 3) представлена несколькими реакциями, СИЯ которых составляет 0,06. В основном стимульный материал направлял реакции в русло черт национального характера (СИЯ – 1,31), в определении которых информанты проявляли единодушие. Стоит отметить, что отсутствие отказов можно трактовать как наличие сложившегося автостереотипа в сознании автохтонного населения Республики Коми. Респонденты считают представителей своего этноса в первую очередь *добрыми (0,24), трудолюбивыми (0,16), гостеприимными (0,16)*. К ближней периферии относятся такие реакции как *дружелюбные (0,08), добродушные (0,07), вежливые, отзывчивые, веселые, хорошие (0,05)*. Респонденты подчеркивают, что коми *открытые (0,04), но скромные (0,04), заботливые (0,04), приветливые (0,04) и щедрые (0,02)*. Суровые северные условия проживания сделали коренных жителей республики *выносливыми (0,04), сильных духом (0,02), смелыми (0,02)*. Несмотря на то, что коми бывают *закрытыми (0,02), скрытными (0,02) и спокойными (0,02)*, они также *улыбочивые (0,02) и эмоциональные (0,02)*. Любовь к природе и уважение к традициям своей культуры выражаются реакциями из дальней периферии: *любящие природу (0,02), уважающие свои традиции (0,02)*. Внешне коми *невысокие (0,04) и светлые (0,02)*. Как и Русские 2, коми считают, что коренное население республики мало чем отличается от русских, что выражено через реакцию *как русские (0,04)*.

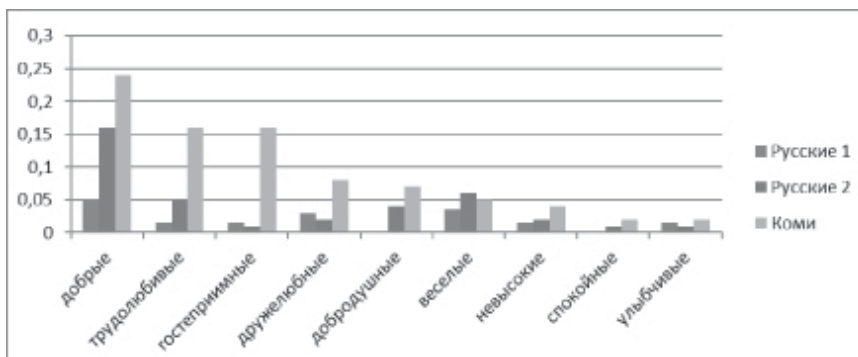


Рис. 1 Количественное соотношение частотных реакций на слово стимул «Коми, какие они?» по индексу яркости

Согласно анализу соотношения частотных реакций по индексу яркости среди трех групп (рис. 1) и Русские 1, и Русские 2, и Коми в первую очередь отмечают доброту коми (зырян), хотя добродушными коми назвали только Русские 2 и сами Коми. Трудолюбие и гостеприимство в большей степени обозначено коми и в меньшей степени Русскими 1 и Русскими 2. Желание коми (зырян) заводить друзей, уметь дружить, быть веселыми, улыбочивыми, но в тоже время спокойными в той или иной степени отметили все три группы. К ближней периферии автостереотипа относятся такие качества как вежливость, отзывчивость, скромность, а вот в сознании Русских 2 упомянутые характеристики находятся на дальней и крайней перифериях. Коми чаще, чем Русские 2 указывают на отсутствие разницы между коми и русскими, что говорит о процессе ассимиляции. Как пишет В.И. Ильин, если культуры большого и малого этносов лишены антагонизма, то процесс ассимиляции идет значительно быстрее [Ильин 1995: 6]. Коми не считают себя странными, с этим не согласны Русские 1 и Русские 2. Многие качества автостереотипа, которые вошли в зону ближней и дальней периферий, не отмечены в гетеростереотипах и, наоборот, отмеченные русскими г. Сыктывкара черты характера, не отражены в ответах коми (зырян). Так, большинство коми считают типичного представителя своего этноса заботливым, открытым, приветливым, щедрым, эмоциональным, сильным духом, смелым и любящим природу. Описанный образ не находит отражение в сознании Русских 1 и Русских 2. В свою очередь Русские 2 считают коми разговорчивыми, смешными, упрямыми людьми, которые всегда держатся группой. Сами коми таких черт не упоминают. Уважение традиций и патриотичность коми (зырян), которые ревностно относятся к Родине, отметили Русские 2 и Коми. Информанты г. Калуги и г. Сыктывкара сошлись во мнении, что коми (зыряне) умные, жизнерадостные, милые, общительные. И Русские 1, и Коми отмечают выносливость северных людей, которые, по мнению Русских 1, к тому же еще суровые, храбрые и хорошие охотники. Что касается описания внешности, все три группы отметили невысокий рост коми. По мнению Русских 1 у коми узкие глаза, темные волосы, смуглая кожа, они упитанные, красивые и похожи на азиатов. Русские 2 также отмечают, что коми упитанные с округлыми чертами лица и подчеркивают особенность речи, то есть (специфичный, коми) акцент.

По данным ряда исследований доказано, что автостереотипы всегда более позитивные, чем гетеростереотипы [Стефаненко 1987]. Так в АП Русских 1 количество ассоциатов с отрицательной коннотацией составляет 7%, в АП Русских 2 – 9,3%, а в АП Коми отрицательных реакций нет. Небольшой процент отрицательных реакций обнаруживает толерантность большого этноса к малому, что обуславливает бесконфликтное этническое сосуществование. Более того, содержание стереотипа определяется особенностями стереотипизируемой и стереотипизирующей групп, а также отношениями между ними [Стефаненко 1987]. Характер социальных межэтнических отношений может оказывать влияние не только на содержание стереотипов, их направленность и степень благоприятности, но и на согласованность. По мнению Т.Г. Стефаненко, высокая согласованность стереотипов наблюдается в соперничающих группах и, наоборот, в сотрудничающих между собой группах «стереотипы будут менее согласованны и менее отчетливы, ведь при подобном ха-

рактуре отношений внутригрупповой фаворитизм нивелируется и не столь явно проявляется одна из основных функций стереотипов – функция защиты групповых ценностей» [Стефаненко 1987]. Сопоставление результатов анализа АП Русских 2 и АП Коми показывает небольшой процент согласованности стереотипов, которые совпадают только в ядерной части и частично в периферийной, где разнятся индексом яркости. Данные позволяют сделать вывод о сотрудничестве двух этносов на территории Республики Коми. Итак, первая задача исследования выполнена. При помощи метода направленного ассоциативного эксперимента были выявлены авто- и гетеростереотипы коми (зырян), сопоставление которых позволяет спрогнозировать благоприятные межэтнические отношения двух этносов.

Вслед за Б.Ф. Поршневым отметим, что научный анализ этнических стереотипов подразумевает исследования того, «как тот или иной народ оценивает свои достоинства и недостатки, как его оценивают или воображают другие, в том числе соседние народы, насколько устойчивы или как исторически меняются эти интерэтнические оценки» [Поршнев 1973: 3]. Сопоставим характерологическое описание автохтонного населения Республики Коми сегодняшнего дня с описанием этой же этнической общности, представленной в географической и художественной литературе XIX века, в экспериментальных исследованиях О.В. Котова, М.Б. Рогачева, Ю.П. Шабаева (1996), В.М. Бызовой (1997). Об образе коми (зырян) мы узнаем из географической и художественной литературы XIX века (исследования В.И. Силина (2000), З.Я. Немшиловой (1999), В.И. Мартынова (2000)). Согласно путеводным заметкам, этнографическим описаниям, зыряне представляются упорными, упрямыми, отличными охотниками в хорошем физическом состоянии. Все без исключения путешественники отмечают набожность зырян. Что касается описания черт лица, цвета волос – единого мнения в географической литературе нет, однако подчеркивается хорошее физическое состояние жителей Усть-Сысольского уезда (в настоящее время г. Сыктывкар), что объясняется здоровым образом жизни зырян, любовью к бане, применением народных методов лечения и любовью к природе [Силин 2000: 45-49]. Во всех географических работах, как отмечает В.И. Силин, зыряне представляются отличными охотниками. Главным промыслом жителей Усть-Сысольского уезда были звероловство и птицеводство [Силин 2000: 48]. По данным НАЭ, *упрямыми (0,02)* коми (зырян) называют только Русские 2. Русские 1 отмечают, что коми *хорошие охотники (0,001)*, а сами коми подчеркивают свою *любовь к природе (0,02)*. Образ коми становится постоянным объектом художественного исследования в работах русских писателей XIX века: «Зырянка» (А.О. Ишимова), «Народная поэзия у зырян» (Н.И. Надеждин), «Год на севере» (С. В. Максимов), «Лесное царство» (П.В. Засодимский), «Лесные люди», «Отверженный», «Мечь» (А.В. Круглов), «Охотничьи рассказы» (Ф.А. Арсеньев) [Немшилова 1999: 6]. К выдающимся чертам коми (зырян) русские писатели относят грамотность, стойкость духа, внутреннюю силу, обостренное чувство собственного достоинства, гордость, внутреннее благородство, душевную щедрость. Зыряне с глубоким почтением относятся к родине, трудолюбивы, отважны, находчивы, искренне, гостеприимны, честны, способны к состраданию. Зырян отличает скромность и тяга к знаниям [Немшилов 1999: 10-11]. В своих ранних статья П.А. Сорокин подчеркивал, что

зыряне являются третьим народом по грамотности в России после немцев и евреев [Сорокин 2011: 60]. В.И. Мартынов поясняет это тем, что именно ранее развитие письменности со времен Стефана Пермского позволило зырянам стать одним из грамотных народов XIX века [Мартынов 2000: 79]. Согласно результатам НАЭ *умными* коми (зырян) считают Русские 1 (0,001) и Русские 2 (0,01). Стойкость духа подчеркивается через реакции *выносливые* (Русские 1 (0,001) и Коми (0,04)) и *сильные духом* (Коми (0,02)). Такое качество как душевная щедрость отмечено ядерной реакцией *добрые* в АП трех групп. *Трудолюбивыми* (0,16) и *гостеприимными* (0,16) в большей степени себя считают коми, а вот в АП Русских 1 и Русских 2 эти реакции находятся на ближней и дальней перифериях соответственно. Особое отношение коми (зырян) к своей Родине и традициям подчеркивают Русские 1 и сами коми, через реакции *патриоты* (Русские 2 (0,02)), *уважающие традиции* (Коми (0,02)). Образ зырян XIX века значительно отличается от образа коми (зырян), который был получен в результате исследования В.М. Бызовой (1997) личностных и социально-психологических особенностей коми и этнических маргиналов (русских-коми). Автором исследования была применена батарея психологических тестов, в результате чего были выявлены авто- и гетеростереотипы коми (зырян). Согласно представлениям русских (гетеростереотипы коми), коми считаются недоверчивыми, упрямыми, недоступными для контакта. «Типичный коми» в представлении автохтонного этноса Республики Коми (автостереотипы коми) ведем, зависим, уступчив, доверчив, неуверен в себе, недостаточно инициативен, склонен к подчинению, малообщителен, но также добросердечен, великодушен, альтруистичен [Бызова 1997: 24-27]. По результатам НАЭ *упрямство* (0,02) коми (зырян) подчеркивают только Русские 2. А вот недоступными для контакта, по мнению Русских 2 и Русских 1, коми не назовешь. Русские 2 считают, что коми в большей степени *общительные* (0,04), *разговорчивые* (0,04), хотя могут быть *закрытыми* (0,03), *молчаливыми* (0,01) и *держаться в группах* (0,02). Здесь проявляется амбивалентный характер стереотипов. Описанная сторона образа «типичного коми» как ведомого, пассивного и неуверенного в себе (по материалам В.М. Бызовой) не находит отражение в реакциях коми-респондентов НАЭ. По данным опроса, проведенного среди коми населения в 1987-1988 гг. (О.В. Котов, М.Б. Рогачев, Ю.П. Шабаев) автопортрет этноса представляется весьма позитивным. Респонденты считают коми хозяйственными, трудолюбивыми, упорными, упрямыми, жизнерадостными и уважающими чужие вкусы [Котов, Рогачев, Шабаев 1996: 93]. Если сравнить результаты опроса 1987-1988 гг. и НАЭ, то из выделенных типичных черт, коми респонденты сегодняшнего дня отмечают только *трудолюбие* (0,16).

Таким образом, представления о коми (зырянах) кажутся достаточно противоречивыми, однако в диахронии описательных и экспериментальных исследований мы можем выделить неизменные черты характера коми (зырян) – доброта, трудолюбие, гостеприимство, выносливость, патриотичность.

### Резюме

Подведем некоторые итоги. Первая задача исследования выполнена. Сопоставление содержания АП Русских 1, Русских 2 и Коми показало небольшой процент согласованности стереотипов, которые совпадают только в ядерной части и

частично в периферийной, где разнятся индексом яркости. «Типичные коми» добрые, трудолюбивые, гостеприимные, дружелюбные, добродушные, веселые, невысокие, спокойные и улыбочивые. Этнические гетеростереотипы Русских 1 отличаются степенью абстрактности и неточности, что объясняется территориальной отдаленностью проживания Русских 1 и Коми и отсутствием личных контактов. Небольшой процент отрицательных реакций в АП Русских 2 и Русских 1 обнаруживает толерантное отношение этноса к автохтонному населению Республики Коми, что обуславливает бесконфликтное этническое сосуществование.

Цели второй задачи исследования также достигнуты. Сопоставление характерологического описания коми (зырян) сегодняшнего дня с описанием этой же этнической общности, представленной в географической и художественной литературе XIX века и в экспериментальных исследованиях О.В. Котова, М.Б. Рогачева, Ю.П. Шабаева (1996) и В.М. Бызовой (1997) позволило проследить устойчивость и историческую динамику интерэтнических оценок. Представления об этносе кажутся достаточно противоречивыми, однако в диахронии описательных и экспериментальных исследований неизменными чертами характера коми (зырян) остаются доброта, трудолюбие, гостеприимство, выносливость и патриотичность.

### Литература

*Бартминьский Е.Л.* Базовые стереотипы и их профилирование (на материале польского языка) // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: сборник статей. М., 2009. С. 11-21.

*Бызова В.М.* Психология этнических различий: проблемы менталитета, отношений, понимания: Автореферат дис. д. псих. наук. Санкт-Петербург, 1997. 35 с.

*Виноградова О.Е.* Психолингвистические методы и задачи исследования // Психолингвистика и лексикография. 2016. Вып. 3. С. 29-32.

*Ерофеев Н.А.* Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских 1825-1853 гг. М.: Наука, 1982. 320 с.

*Ильин В.И.* Республика Коми: этнос и политика // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 1995. № 83. 26 с.

*Караулов Ю.Н.* Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю.Н. Караулов // Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции: Ассоциативный тезаурус современного русского языка / Ю.Н. Караулов и др. М., 1994. Ч. I. С. 190-218.

*Котов О.В., Рогачев М.Б., Шабаев Ю.П.* Современные коми. Екатеринбург: УрО РАН, 1996. 178 с.

*Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. 284 с.

*Мартынов В.И.* Характер коми человека в письменных источниках средневековья // Зыряне в истории русской словесности: доклады научной конференции. Сыктывкар: Из-во СыктГУ, 2000. С. 77-80.

*Немишлова З.Я.* В дэбрях Севера. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1999. 496 с.

*Несанелис Д.А., Семенов В.А.* Ранние статьи Питирима Сорокина. «Современные зыряне» // Наследие, 2011. №1. С. 60-96.

*Поршнев Б.Ф.* Противопоставление как компонент этнического сознания. М.: Наука, 1973. С. 1-15.

*Прохоров Ю. Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 224 с.

*Стернин И.А., Рудакова А.В.* Психолингвистическое значение слова и его описание. «Ламберт», 2011. 192 с.

*Стефаненко Т.Г.* Социальные стереотипы и межэтнические отношения: Общение и оптимизация совместной деятельности / Под ред. Андреевой Г. М. Яноушека Я. М. М.: изд-во Моск. унта, 1987. С. 242-250 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psychologist.net/hrestomati/00018.htm> (дата обращения 10.08.2016)

*Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур. М.: Слово/Slovo, 2008. 344 с.

*Тарасов Е.Ф.* Образ России: методология исследования // Вопросы психолингвистики, 2006. № 4. С. 69-73.

*Уфимцева Н.В.* Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура, 2009. № 4 (8). С. 98-111.

*Уфимцева Н.В.* Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности // Вопросы психолингвистики, 2003. № 1. С. 102-110.

*Уфимцева Н.В.* Россия и русские в исторической перспективе: взгляд европейцев // Межэтническое общение: контакты и конфликты: сборник статей / под ред. Н. В. Уфимцевой. М.: Институт языкознания РАН – МИЛ, 2012. С. 73-79.

*Уфимцева Н.В., Рудакова А.В., Стернин И.А., Дебрени М., Бутакова Л.О.* Актуальные проблемы проведения и интеграции результатов психолингвистических экспериментов (материалы круглого стола) // Психолингвистика и лексикография, 2016. Вып. 3. С. 4-19.

*Черкасова Г.А.* Квантитативные исследования ассоциативных словарей / Г.А. Черкасова // Общение. Сознание. Межкультурная коммуникация: Сб. статей / Институт языкознания РАН. Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. С. 227-244.

## **WHAT ARE THE KOMI LIKE? OR AUTOSTEREOTYPES AND GETEROSTEREOTYPES OF THE KOMI (ZYRAN)**

**Anna V. Razumkova**

Post-graduate of Institute of linguistics of Russian academy of sciences  
1 bld. 1 Bolshoi Kislovsky lane, Moscow, Russia  
[razumkova89@mail.ru](mailto:razumkova89@mail.ru)

The important component of the efficient public policy is the accuracy and objectivity of the notion about another ethnos, nation. In our opinion, the accurate notion about an ethnos is important not only on the international level but also on the



domestic level, especially in the country where a lot of different ethnos live. The practical solution to this problem is the study of ethnic stereotypes, which determine people's behavior, have influence on ethnic sympathies and antipathies and create favorable conditions for manipulation of mass consciousness. The object under study is the ethnic image of the autochthonal population of the Komi Republic. The subject under study is ethnic stereotypes of the Komi (zyran). The first goal is to study autostereotypes and heterostereotypes of the Komi (zyran) in order to identify similarities and differences in the content of the image, the formation of which is directly influenced by such factors as territory and ethnic composition of the population of regions. The second goal is to study the changes in the content of the image of the Komi (zyran) in order to bring stable (from the point of view of the time) stereotypes to light. To achieve the mentioned goals, firstly, it is necessary to study characteristic description of today's autochthonal population of the Komi Republic and then to compare it with its description given in geographical and fiction literature of the XIX century and in experimental researches by O.V. Kotov, M.B. Rogachov, U.P. Shabaev (1996), V.M. Byzova (1997). The material for the description of autostereotypes and heterostereotypes of today's Komi (zyran) was collected with the help of the directed association experiment conducted in 2016 among university students (aged 17-23) in Kaluga and Syktyvkar towns. The results of the research show that the notions about the Komi (zyrane) are rather contradictory but in the diachrony of descriptive and experimental researches we may point out the following stable features of Komi's national character: kindness, diligence, hospitality, endurance and the sense of patriotism.

**Keywords:** autostereotypes, heterostereotypes, directed association experiment, the index of brightness of the associate, cumulative index of brightness of the meaning, field stratification.

### References

*Bartmin'skij E.L.* Bazovye stereotipy i ih profilirovanie (na materiale pol'skogo jazyka) [Basic stereotypes and their profile (on the material of Polish language)] // Stereotipy v jazyke, kommunikacii i kul'ture: sbornik statej [Stereotypes in language, communication and culture: the collection of articles]. M., 2009. pp. 11-21.

*Byzova V. M.* Psihologija jetnicheskikh razlichij: problemy mentaliteta, otnoshenij, ponimaniya [The psychology of ethnic differences: the problems of mentality, relations and comprehension]: Avtoreferat dis. d. psih. nauk. Sankt-Peterburg, 1997. 35 p.

*Vinogradova O.E.* Psiholingvisticheskie metody i zadachi issledovanija [Psycholinguistics methods and the tasks of the research] // Psiholingvistika i leksikografija [Psycholinguistics and lexicography], 2016. Vyp. 3. pp. 29-32.

*Erofeev N.A.* Tumannyj Al'bion: Anglija i anglichane glazami russkikh 1825–1853 gg. [Foggy Albion: England and Englishmen from Russians' point of view: 1825-1853 years]. M.: Nauka, 1982. 320 p.

*Il'in V.I.* Respublika Komi: jetnos i politika [The Komi Republic: ethnos and politics] // Issledovanija po prikladnoj i neotlozhnoj jetnologii [The researches on applied and urgent ethnology], 1995. № 83. 26 p.

*Karaulov, Yu.N.* Russkij asociativnyj slovar' kak novyj lingvisticheskij

istochnik i instrument analiza yazykovej sposobnosti [Russian associative dictionary as a new linguistic source and the instrument of the analysis of language ability] / Yu.N. Karaulov // *Russkij asociativnyj slovar'*. Kn. 1. Pryamoj slovar': ot stimula k reakcii: Asociativnyj tezaurus sovremennogo russkogo yazyka [Russian associative dictionary. Book 1. The direct dictionary: from stimulus to reaction: Associative thesaurus of modern Russian language] / YU. N. Karaulov i dr. M., 1994. CH. I. pp. 190–218.

*Kotov O.V., Rogachev M.B., Shabaev Ju.P.* Sovremennye komi [The Contemporary Komi]. Ekaterinburg: UrO RAN, 1996. 178 p.

*Krasnyh V.V.* Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija: kurs lekcij [Ethno psycholinguistics and lingoculturology: lecture course]. M.: ITDGG «Gnozis», 2001. 284 p.

*Martynov V. I.* Harakter komi cheloveka v pis'mennyh istochnikah srednevekov'ja [The character of a Komi in written sources of the Middle Ages] // *Zyrjane v istorii russkoj slovesnosti: doklady nauchnoj konferencii* [Zyrans in the history of Russian literature: reports from the scientific conference]. Syktyvkar: Iz-vo SyktGU, 2000. pp. 77-80.

*Nemshilova Z.Ja.* V debrjah Severa [In the thicket of the North]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1999. 496 p.

*Nesanelis D.A., Semenov V.A.* Rannie stat'i Pitirima Sorokina. «Sovremennye zyrjane» [First articles of Peterim Sorokin "Contemporary Zyrans"] // *Nasledie*, 2011. №1. pp. 60-96.

*Porshnev B.F.* Protivopostavlenie kak komponent jetnicheskogo soznaniya [The opposition as the component of ethnic consciousness]. M.: Nauka, 1973. pp. 1-15.

*Prohorov Ju.E.* Nacional'nye sociokul'turnye stereotipy rechevogo obshheniya i ih rol' v obuchenii russkomu jazyku inostrancev [National sociocultural stereotypes of communication and their role in teaching foreigners the Russian language]. Izd. 5–e. M.: Izdatel'stvo LKI, 2008. 224 p.

*Sternin I.A., Rudakova A.V.* Psiholingvisticheskoe znachenie slova i ego opisanie [Psycholinguistic meaning of a word and its description]. «Lambert», 2011. 192 p.

*Stefanenko T.G.* Social'nye stereotipy i mezhetnicheskie otnosheniya: Obshhenie i optimizacija sovmestnoj dejatel'nosti [Social stereotypes and interethnic relations: communication and the optimization of co-operative activity] / Pod red. Andreevoj G.M. Janousheka Ja.M., M.: izd-vo Mosk. unta, 1987, pp. 242-250 [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.psylist.net/hrestomati/00018.htm> (data obrashheniya 10.08.2016)

*Ter-Minasova S.G.* Vojna i mir jazykov i kul'tur [The war and peace of languages and cultures]. M.: Slovo/Slovo, 2008. 344 p.

*Tarasov E.F.* Obraz Rossii: metodologija issledovaniya [The image of Russia: methodology of research] // *Voprosy psiholingvistiki* [The questions of psycholinguistics], 2006. № 4. pp. 69-73.

*Ufimceva N.V.* Obraz mira russkih: sistemnost' i sodержanie [Russians' image of the world: systemacy and contents] // *Jazyk i kul'tura* [Language and culture], 2009. № 4 (8). pp. 98-111.

*Ufimceva N.V.* Jazykovoe soznanie kak otobrazhenie jetnosociokul'turnoj real'nosti [Language consciousness as the reflection of ethnosociocultural reality] // *Voprosy psiholingvistiki* [The questions of psycholinguistics], 2003. № 1. pp. 102-110.

*Ufimceva N.V.* Rossiya i russkie v istoricheskoy perspektive: vzgljad evropejcev [Russia and Russians in the historical perspective: the view of Europeans] // *Mezhjetnicheskoe obshhenie: kontakty i konflikty: sbornik statej* [Interethnic communication: contacts and conflicts: the collection of articles] / pod red. N. V. Ufimcevoj. M.: Institut jazykoznanija RAN – MIL, 2012. pp. 73-79.

*Ufimceva N.V., Rudakova A.V., Sternin I.A., Debrenn M., Butakova L.O.* Aktual'nye problemy provedenija i integracii rezul'tatov psiholingvisticheskikh jeksperimentov (materialy kruglogo stola) [Actual problems of the conducting and the integration of the results of psycholinguistic experiments (materials of the round-table discussion)] // *Psiholingvistika i leksikografija* [Psycholinguistics and lexicography], 2016. Vyp. 3. pp. 4-19.

*Cherkasova G.A.* Kvantitativnye issledovanija asociativnyh slovarej [Quantitative researches of associative dictionaries] / G.A. Cherkasova // *Obshhenie. Soznanie. Mezhkul'turnaja kommunikacija: Sb. statej* [Communication. Consciousness. Intercultural communication: collection of articles] / Institut jazykoznanija RAN. Kaluga: KGPU im. K.Je. Ciolkovskogo, 2005. pp. 227-244.



**СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ  
РУССКИХ И ЯКУТОВ  
(на примере образа родины)**

**Савицкая Сардана Валерьевна**

Аспирант Института филологии СО РАН  
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8  
*sardana\_3@rambler.ru*

Республика Саха (Якутия) – субъект Российской Федерации, государственными языками являются якутский и русский. Русские и якуты имеют разную культуру, язык, историю и не всегда проживали на территории единого государства. 1632 г. считается официальной датой вхождения Якутии в состав Российского государства. Это событие стало поистине поворотным в истории якутского народа.

Данная статья представляет собой сопоставительное исследование образа родины в языковом сознании носителей русского и якутского языков на материале Русской региональной ассоциативной базы данных (СИБАС) и Ассоциативного словаря якутского языка. В статье выводятся и исследуются семантические гештальты ассоциативных полей **родина** и **төрөөбүт дойду**, выявляются различия в содержании образа родины в языковом сознании русских и якутов. Анализируемый образ сознания представлен в ассоциативном поле в диссипативном виде, т.е. размыт, лишен структурированности, он «размазан» по всей плоскости ассоциативного поля, и построение семантического гештальта придает ему четкие очертания и позволяет воссоздать его структуру.

**Ключевые слова:** языковое сознание, СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных, Ассоциативный словарь якутского языка, образ родины, ассоциативное поле, семантический гештальт, семантическая зона, реакция-концепт, ассоциативная пара, этнокультурная специфика.

В отечественной психолингвистике особое внимание уделено научно-экспериментальным исследованиям этнокультурной специфики **языкового сознания**, которое трактуется как «совокупность образов сознания, формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2000: 26].

Исследования языкового сознания с помощью ассоциативного эксперимента дают возможность выявить как системность содержания образа сознания, стоящего за словом в той или иной культуре, так и системность языкового сознания носителей той или иной культуры как целого и показывают уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры [Уфимцева 2011: 207].

Как и какие формы та или иная культура накладывает на восприятие окружающей действительности помогают понять результаты массовых ассоциативных экспериментов. Получаемое в результате проведения такого эксперимента

ассоциативное поле того или иного слова-стимула – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов [там же: 208].

Ю.Н. Караулов пишет, что изучение «состава и соотношения фрагментов ассоциативно-вербальных сетей разных языков может приблизить нас к пониманию особенностей видения мира и его оценки национальным языковым сознанием. Объектами сопоставления в этом случае становятся фрагменты картины мира, особенности менталитета и национального характера носителей языков, запечатленные в ассоциативно-вербальных сетях» [Караулов 2000].

Предметом анализа в данной работе выступает образ родины в языковом сознании носителей русского и якутского языков. Родина – важный элемент мировидения любого человека. Понятие родины является одним из ключевых составляющих в структуре национальной идентичности – осознании себя как единой нации или единого этноса.

Разные народы вкладывают разный смысл в понятие родины. Объяснение этому можем найти у А.А. Леонтьева, который писал, что «в основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено» [Леонтьев 1993: 20], а также у Н.В. Уфимцевой, которая отмечает, что «наше восприятие обусловлено опытом, образованием, языком, культурой» [Уфимцева 2011: 209].

С этой позиции, представляется интересным исследовать содержание образа родины в сознании русских и якутов с целью выявления его этнокультурной составляющей. По нашему предположению, образ родины в их восприятии будет, несомненно, характеризоваться наличием не только общности, но и определенной специфики, поскольку данные этносы имеют разную культуру и историю и не всегда проживали на территории единого государства. Якутия вошла в состав Российского государства в 1632 г. Это событие стало поворотным в истории якутского народа. Якуты, как граждане России, как часть единой российской нации, обладают общей цивилизационной идентичностью, но, вместе с тем, являясь этносом со своим особым языком, культурой и историей, осознают свою индивидуальную этническую идентичность.

В толковых словарях [напр., Ушаков 1935-1940, Ефремова 2006] *родина* трактуется как страна, в которой человек родился и гражданином которой является, а также как место появления, возникновения чего-либо. Это традиционное, каноническое толкование данного понятия.

Кроме толковых словарей, дополнительную информацию о языковой единице можно найти в ряде других специальных лингвистических словарей, как то: этимологических, орфографических, словаре синонимов и др.

И.В. Шапошникова обращает внимание на «принципиальную разницу в той информации о языковой единице, которую дают традиционные лингвистические источники и психолингвистические (ассоциативные)» [Шапошникова 2014: 32]. Эта разница обусловлена задачами, которые ставят перед собой составители

словарей. Так, задача традиционной лексикографии состоит в «формировании знаний о лингвистических свойствах единицы, представленной леммой в словарях» [там же: 34], т.е. лингвистические словари «снабжают нас толкованием значения (значений), приводят словоформы, иллюстрируя таким образом *морфологическую парадигматику*, могут также пояснить *происхождение слова*, показать *вариативность и сочетаемость словоформ*, указать на *фразеологизмы* и т.п.» [там же: 32]. Отмечается, что «в идеале в своей совокупности лингвистические словари должны дать достаточно информации для того, чтобы можно было с их помощью прочесть любой текст на данном языке в любой сфере его использования. Парадоксально, но с психолингвистической точки зрения полнота описания не способствует созданию (воспроизведению) целостного образа, реально стоящего за словом. Более того, лингвистически ценная информация может быть очень далека от актуального использования слова рядовым носителем языка» [там же: 34]. И.В. Шапошникова указывает еще на один немаловажный момент: лингвистические словари не лишены недостатка в виде так называемого «субъективного фактора», выражающегося в зависимости полноты описания языковой единицы, организации сведений о ней от индивидуального опыта и сознания лексикографа [там же: 34].

Психолингвист-составитель ассоциативного словаря ставит себе задачей «получение *комплексного образа, сотканного из актуальных смыслов, стоящих сегодня за телом языкового знака* (словом), образа, включающего все виды актуальных для рядового носителя языка знаний (предметно-операциональных, эмоционально-оценочных, чувственных, когнитивных), в том числе и лингвистических» [там же: 35-36].

Материалом для исследования содержания образа родины в языковом сознании носителей русского и якутского языков послужили ассоциативные поля (далее АП) слов-стимулов **родина** (502, 93, 4, 61) и **төрөөбүт дойду** (*русск.* родина) (1219, 251, 137, 156), представленные в Русской региональной ассоциативной базе данных (СИБАС<sup>1</sup>) [<http://adictru.nsu.ru>] и Якутском ассоциативном словаре<sup>2</sup> [<http://adictsakha.nsu.ru>].

<sup>1</sup> СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных – представляет собой продукт реализации комплексных междисциплинарных проектов, направленных на исследование русского языкового сознания. СИБАС является частью более крупного, общероссийского проекта, разработанного в Институте языкознания РАН – проекта по созданию нового русского ассоциативного тезауруса. В СИБАС на текущий момент представлены результаты первого этапа массового ассоциативного эксперимента, проведенного в азиатской части России. Эксперимент проводился с 2008 по 2013 год в наиболее крупных городах азиатской части России – Новосибирске, Омске, Красноярске, Томске и Северске, Новокузнецке, Барнауле, Кемерово, Владивостоке, Хабаровске, Чите и Иркутске. По окончании ассоциативного эксперимента было получено 5011 анкет, по сто стимулов в каждой (список стимулов для этого этапа составил 1000 единиц). В качестве испытуемых выступили студенты высших учебных заведений вышеперечисленных городов [<http://adictru.nsu.ru/about>].

<sup>2</sup> В Ассоциативном словаре якутского языка представлены данные, полученные в ходе массового ассоциативного эксперимента, проводившегося с 2005 по 2010 годы среди студентов СВФУ (бывший ЯГУ), включая его филиалы в промышленных городах Мирный и Нерюнгри. В качестве респондентов в эксперименте приняли участие около 2000 студентов, носителей якутского языка, примерно одинаковое количество мужчин и женщин, обучавшихся по разным специальностям вуза. В результате отбора материала был составлен якутский ассоциативный словарь, включающий ответы 1220 респондентов на 140 стимулов [Заморщикова 2014].

«Ассоциативно-вербальные сети (АВС) характеризуются измерениями разной степени глубины и сложности, и их сопоставление можно проводить по всем измерениям. Объектом самой общей, можно сказать поверхностной, оценки двух АВС служит сплошное сравнение ассоциативных полей одноименных стимулов по составу и частоте первых двух реакций» [Караулов 2000].

Таблица 1

Стимул	Реакция	Стимул	Реакция
родина	мать 138; Россия 105;	төрөөбүт дойду	Саха сирэ 111; алаас 82;

По первым двум самым частотным реакциям в ассоциативных полях **родина** и **төрөөбүт дойду** мы можем наблюдать особенности восприятия образа родины русским сознанием и сознанием носителя якутского языка.

На стимул **родина** самой частотной является реакция *мать* с индексом частотности 138, что в процентном отношении составляет 27,5% от общего числа всех реакций, т.е. практически каждый четвертый из 502 испытуемых отреагировал данным словом.

В связке данная ассоциативная пара S-R '**родина-мать**' репрезентирует одноименный символ, обладающий большой значимостью и распространенностью в российской культуре.

«Родина-мать» – один из важнейших символов России, что находит отражение в литературе, философских концепциях, политической риторике и визуальной культуре. О значении «Родины-матери» свидетельствует и то обстоятельство, что она получает воплощение при помощи самых разнообразных способов визуализации: в монументальной скульптуре и мелкой пластике, на плакате и карикатуре, на монетах и банкнотах, почтовых открытках и марках, в кинематографе и театральных постановках [Рябов 2014: 109].

Образ Родины-матери получил широкое распространение в советское время, особенно во время и после Великой Отечественной войны. Но и в постсоветской России он не утратил своей актуальности, расширив к тому же свое функциональное поле. Об этом в частности и о значении материнского образа Родины в символической политике России в целом пишет О.В. Рябов. Он отмечает, что «Родина-мать», для которой характерны такие черты символа как эмоциональность, сакральность, простота восприятия и др., широко используется в символической политике постсоветской России [Рябов 2015: 83].

Вторая самая частотная реакция в АП **родина** – это *Россия*, что вполне логично и объяснимо, поскольку Россия – это наша родина, страна, в которой мы родились и живем.

Перейдем к рассмотрению первых двух реакций якутского поля. Для якутов **төрөөбүт дойду** – это, прежде всего, *Саха сирэ* (русск. Якутия; досл. земля якутов). Поразительно, но реакция *Россия* (в т.ч. такие формулировки как 'Российская федерация', 'РФ') вообще отсутствует в ассоциативном поле данного стимула. Из чего можно сделать осторожный вывод, что в языковом сознании носителей якутского языка Россия не является репрезентантом родины как таковой. Данная особенность языкового сознания якутов вполне вероятно указывает на доминирование этнической и региональной идентичностей над национальной общероссийской.

Вторая самая частая ассоциация на понятие **төрөөбүт дойду** – это *алаас*. Данная реакция нуждается в специальном комментарии.

«Словом «алаас» обозначается геологическое образование, характерное в основном для ландшафта равнинной Якутии. Вероятно, по этой причине якутское существительное *алаас* в научной практике утвердилось как самостоятельный термин, будучи заимствованным в русский язык» [Дьячковский, Попова 2014: 58]. В Географическом энциклопедическом словаре дается следующее определение данному термину: «АЛАСЫ (якут.), плоские округлые понижения с многочисл. озёрами, покрытые лугами и лугостепями. Распространены в районах залегания многолетнемёрзлых пород на С.-В. СССР, гл. обр. в Якутии. Площадь от десятков и сотен м<sup>2</sup> до неск. км<sup>2</sup>. Глуб. 15-30 м. Возникают в результате вытаивания подземных льдов, сопровождающегося просадками грунта (термокарст и суффозия). Используются гл. обр. как сенокосы; местами распаханы» [Алаев, Алампиев, Воронов и др. 1988].

С незапамятных времен и практически до начала XX в. для якутов было типичным т.н. алаасное расселение, когда одна семья или род проживал обособленно в собственном алаасе. В те далекие времена якут мог прожить всю свою жизнь в алаасе, практически не удаляясь от него на значительные расстояния. Алаас был местом его постоянного проживания, где он занимался традиционным хозяйством: коневодством и скотоводством. Уникальный природный ландшафт алаасов, включающий сенокосные угодья, озера и леса – места для охоты и собирательства, обеспечивал жизнедеятельность всего рода. Родная земля – алаас – кормила всех своих детей. Поэтому для якута алаас имел особое, духовное значение: возникало чувство внутреннего единства с алаасом – он ощущал себя его частью, как трава на лугах, рыбы в озере и звери в лесу.

Для того, чтобы выстроить целостный образ **родины/төрөөбүт дойду** в языковом сознании русских и якутов, представляется целесообразным упорядочить многообразие ассоциатов, представленных в ассоциативных полях соответствующих стимулов. Для этого обратимся к методу построения семантического гештальта, предложенному Ю.Н. Карауловым [Караулов 2000, 2015]. В статье «Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети» Ю.Н. Караулов пишет, что «большинство ассоциативных полей обнаруживает особую внутреннюю семантическую организацию своего состава, названную мною «семантическим гештальтом» и характеризующую поле как единицу знания о мире, соотнося его строение с отраженной в нем структурой реальности. Семантический гештальт складывается обычно из нескольких зон (их число колеблется в пределах  $7 \pm 2$ ), которые объединяют типичные для данного языкового сознания признаки предмета или понятия, соответствующего имени поля (= стимулу)» [Караулов 2000].

Согласно Ю.Н. Караулову, «семантический гештальт ассоциативного поля начинает вырисовываться, когда при последовательном и сплошном чтении статьи ассоциативного словаря мы обнаруживаем, что ответы (реакции) испытуемых тяготеют по своей семантике к определенным характеристикам стимула, группируясь естественным образом вокруг нескольких (как правило, частотных в статье) реакций-концептов, которые в самом общем виде обозначают типовые свойства ре-



ферента, стоящего в данной культуре за именем поля, т. е. за стимулом. И эти группировки и свойства <...> воссоздают типовую для данной национальной культуры модель того референта, которая соответствует стимулу в окружающей носителя данного языка реальности» [Караулов 2015: 19-20].

Основываясь на этих положениях, попробуем выстроить семантические гештальты полей **родина** и **төрөөбүт дойду**.

Таблица 2

Семантический гештальт ассоциативного поля **родина**

I.	<i>Россия 105, Амурск 1, Междуреченск 1, Москва 1, Новосибирск 1, Омск 1, Чита 1, Усть-Илимск 1</i>
II.	<i>моя 41, наша 4, одна 3, великая 2, большая 1, далекая 1, любимая 1, малая 1, навсегда 1, святая 1, все 1, ничто 1</i>
III.	<i>дом 25, край 3, город 3, деревня 1</i>
IV.	<i>страна 21, земля 8, отчизна 7, отечество 6, держава 1</i>
V.	<i>зовет 7, мать зовет 5, защищать 4, ждет 1, жить 1, люблю 1</i>
VI.	<i>мама 6, родные 1, друзья 1, люди 1</i>
VII.	<i>патриотизм 4, гордость 3, жизнь 2, долг 2, защита 2, мир 2, война 1, героизм 1, преданность 1, любовь 1, ностальгия 1</i>
VIII.	<i>поле 3, степь 1, природа 1, леса 1, деревья 1, березки 1</i>

Таблица 3

Семантический гештальт ассоциативного поля **төрөөбүт дойду\***

I.	<i>Саха сирэ 111, Сунтаар 57, Ньурба 22, Бүлүү 14, Амма 13, Чурапчы 13, Нам 7, Таатта 7, Уус-Алдан 6, Үөһээ Бүлүү 5, Хангалас 4, Өлөөн 3, Кэбээйи 2, Муома 2, Өлүхүмэ 2, Суотту 2, Бороҕон 1, Бэрдьигэстээх 1, Тойбохой 1</i>
II.	<i>алаас 82, өтөх (заброшенное жильё, напр., брошенный алас; развалины здания, жилья) 4, алааһым 2 (мой алас), ийэм алааһа 1 (алас моей матери), тапталлаах алаас 1 (любимый алас)</i>
III.	<i>дьиэ 54 (дом), дьиэм 19 (мой дом), дэриэбинэ 15 (деревня), куорат 4 (город), тиэргэн 2 (двор), дом 1, дьиэн 1 (твой дом), киһи дьиэтэ 1 (дом человека), дэриэбинэм 1 (моя деревня), төрөөбүт дэриэбинэм 1 (родная деревня; деревня, где я родился), бөһүөлэк 1 (поселок), мое село 1, село 1, түөлбэ 1 (микрорайон в селе), улуунум 1 (мой улус)</i>

IV.	<p><b>сир</b> 52 (место; земля), ийэ сир 36 (родная земля), ийэ дойду (родина) 17, буор 11 (земля), сирим 8 (моя земля), мин дойдум 6 (моя страна), төрүт сир 5 (родное место), төрөөбүт сир 4 (место, где родился), олорор сирим 3 (место, где я живу), ийэ буор 2 (родная земля), олорор сиринг 2 (место, где ты живешь), тапталлаах сир 2 (любимое, родное место), төрүт буор 2 (родная земля), улааппыт сир 2 (место, где вырос), үөскээбит сиринг 2 (место, где родился, откуда родом), ытык сир 2 (почитаемое, священное место), биһик 1 (колыбель), биһик ыйаабыт сирим 1 (погов. это местность, где я повесил люльку (т. е. местность, хорошо знакомая с детства), киэн туттар дойдум 1 (страна, которой горжусь), күндү сир 1 (дорогое, любимое место), күнү көрбүт сир 1 (место, где родился (досл. место, где увидел солнце), кыра эрдэбинээби сир 1 (место, где провел детство), силис 1 (корни), сир ийэм 1 (мать-земля), төрөппүт, төрүт буорум 1 (родная земля), уйа 1 (гнездо; диал. колыбель)</p>
V.	<p><b>ахтылҕан</b> 42 (тоска), таптал 18 (любовь), ахтыы 9 (зд. тоска), дьол 7 (счастье), ахтылҕана 6 (тоска), оҕо саас 4 (детство), олох 4 (жизнь), үөрүү 3 (радость), киэн туттуу 2 (гордость), патриотизм 1, тоска 1, дьолум 1 (мое счастье), сизэр-туом 2 (традиции, обычаи и обряды), итэбэл 2 (вера), тыл 2 (язык), төрүт тыл 1 (родной язык), төрөөбүт тыл 1 (родной язык)</p>
VI.	<p><b>ийэ</b> 34 (мама), аймах 4 (родня), дьонум 3 (мои родные), ийэм 3 (моя мама), ийэ-аҕа 2 (родители), уруу 2 (родня), аҕа 1 (отец), эбээ 1 (бабушка), дьиэ кэргэн 1 (семья), аймах дьон 1 (родственники), аймахтар 1 (родственники), доҕоттор 1 (друзья), чугас дьон 1 (близкие люди), дьоно 1 (люди)</p>
VII.	<p><b>айылҕа</b> 22 (природа), ойуур 3 (лес), салгына 2 (воздух), түптэ сыта 2 (запах костра), тыа 2 (лес; тайга), хайа 2 (гора), ат 1 (лошадь), бадараан 1 (грязь, напр., на улице после дождя), дьүкээбил 1 (северное сияние), күөх 1 (зеленый/синий; голубой), кэрэ айылҕа 1 (красивая природа), мыраан 1 (сопка, холм), сайын 1 (лето), хатын 1 (береза), эйгэ 1 (окружающее пространство, среда)</p>
VIII.	<p><b>кэрэ</b> 11 (красивый, прекрасный), күндү 10 (дорогой, милый, любимый), чугас 7 (близкий), миэнэ 6 (мой), үчүгэй 6 (хороший), биир эрэ 4 (единственная), барахсан 3 (милый, родной), сылаас 2 (теплый), тапталлаах 2 (любимый), саамай күндү 1 (самый дорогой, самый любимый), ыраах 1 (далекий)</p>
IX.	<p><b>харыстаа</b> 4 (береги), баар 2 (есть), умнуллубат 1 (не забывается), таптыбын 1 (люблю), төннө туруом 1 (всегда) буду возвращаться), умнума 1 (не забывай), ахтыма 1 (не тоскуй/не скучай/не вспоминай)</p>

\* В скобках приводится перевод реакций на русский язык.

Как видно из вышеприведенных таблиц, в структуре семантического гештальта АП **родина** нами выделено 8 зон, в структуре поля **төрөөбүт дойду** – 9. Последовательность зон была определена порядком убывания частотности реакций-

концептов, стоящих во главе каждой семантической зоны, в которой, в свою очередь, сгруппированы близкие по семантике реакции на стимул.

В нижеследующей таблице показано, как соотносятся между собой зоны семантических гешталтов **родина** и **төрөөбүт дойду**:

Таблица 4

Семантический гештальт поля <b>родина</b>			Семантический гештальт поля <b>төрөөбүт дойду</b>	
Зона	реакция-концепт		Зона	реакция-концепт
I	<i>Россия 105</i>	↔	I	<i>Саха сирэ 111 (Якутия)</i>
II	<i>моя 41</i>	↔	II	<i>алаас 82</i>
III	<i>дом 25</i>	↔	III	<i>дьиэ 54 (дом)</i>
IV	<i>страна 21</i>	↔	IV	<i>сир 52 (место; земля)</i>
V	<i>совет 7</i>	↔	V	<i>ахтылҕан 42 (тоска по родине)</i>
VI	<i>мама 6</i>	↔	VI	<i>ийэ 34 (мама)</i>
VII	<i>патриотизм 4</i>	↔	VII	<i>айылыа 22 (природа)</i>
VIII	<i>поле 3</i>	↔	VIII	<i>кэрэ 11 (красивый, прекрасный)</i>
			IX	<i>харыстаа 4 (береги)</i>

Зоны в данной таблице представлены реакцией-концептом, которая, объединяя в своем концептуальном поле близкие по смыслу реакции, обозначает какую-либо определенную характеристику (свойство, признак) слова-стимула.

Сопоставление семантических гешталтов АП **родина** и **төрөөбүт дойду** показывает, что в их структурах обнаруживаются как сходства, так и различия. Целостный образ родины – гештальт – как в русском, так и якутском сознании состоит из сходных структурообразующих точек, коими являются семантические зоны. Место, где человек родился (и/или провел большую часть жизни), различные признаки и характеристики, приписываемые родине, ассоциирование родины с семьей (с *мамой* в частности), природой, чувства, которые мы испытываем по отношению к родине – это те «кирпичики», из которых выстроен этот сложный конструкт – образ родины.

В рамках данной статьи представлено исследование национально-культурной специфики образа родины в языковом сознании русских и якутов.

Как видно из *таблицы №4*, отличительной чертой семантического гешталта АП **төрөөбүт дойду** является наличие в нем зоны *алаас*, которая не имеет соответствия в структуре гешталта АП **родина**.

Данная зона немногочисленна, в ее составе всего 5 реакций, причем самая частотная из них – *алаас* (82) – также является второй самой частотной реакцией в АП, что составляет 7,6% от общего числа всех реакций, которые были даны на стимул **төрөөбүт дойду**. Высокая частотность *алаас* свидетельствует об укорененности этого понятия как символа родины в сознании носителей якутского языка.

Для русских, **родина** – это, прежде всего, *Россия* (105). Далее в этой зоне расположились единичные реакции – названия различных городов России (всего 7). Можно заключить, что в сознании носителей русского языка родина предстает в образе именно «большой родины» – России – страны, где они родились и живут.

Образ «малой родины» оказался слабо представленным в сознании «усредненного» носителя русского языка-жителя азиатской части России. Для носителя якутского языка родина – **төрөөбүт дойду** – это, прежде всего, *Саха сирэ (111)*, что в переводе ‘земля якутов’, т.е. Якутия, и именно она выступает в статусе «большой родины» в языковом сознании якутов. Далее в данной зоне представлены реакции – названия населенных пунктов и районов (улусов) Якутии. Всего в АП **төрөөбүт дойду** представлено более 40 топонимических единиц с суммарной частотностью больше 300, что свидетельствует о более интенсивном образе «малой родины» в сознании якутов. Родная земля – «малая родина» – имеет особую значимость для якута и, даже находясь на расстоянии, он не теряет эмоциональной, духовной связи с ней, чувствует привязанность к ней в течение всей жизни.

Вторую по рангу зону семантического гештальта поля **родина** образуют реакции-признаки и реакции-оценки. В сознании молодого жителя азиатской части России-носителя русского языка родина индивидуализирована, она воспринимается как что-то личное – **родина моя (41)**, а восприятие родины как общей – **родина наша (4)** – представлено в русском сознании гораздо слабее. Для носителя русской культуры **родина одна (3)** и она *навсегда (1)*. Она *великая (2)*, *большая (1)*, *любимая (1)* и даже *святая (1)*. Кроме того, её можно охарактеризовать через оценочную оппозицию: **родина – все (1)** и, одновременно, *ничто (1)*.

Для носителя якутской культуры **төрөөбүт дойду кэрэ (11)** ‘прекрасная, красивая’, *күндү (10)* ‘дорогая, милая’, *чугас (7)* ‘близкая’ и только потом *миэнэ (6)* ‘моя’ (ср. с частотой русской реакции *моя 41*). Также **төрөөбүт дойду үчүгэй (6)** ‘хорошая’, *барахсан (3)* ‘милая, родная’, *сылаас (2)* ‘теплая’. Кроме того, для молодого жителя Якутии **төрөөбүт дойду биир эрэ (4)** ‘одна, единственная’, *тапталлаах (2)* ‘любимая’, *ыраах (1)* ‘далекая’.

В структурах обоих полей действия образуют небольшие по составу зоны. В парах S–R **родина зовет (7)** и **родина-мать зовет (5)** актуализируется лозунг со знаменитого агитационного плаката времен Великой Отечественной войны, созданного советским художником И. Тоидзе в 1941 г. На плакате изображена молодая женщина в красном одеянии, в проникновенном взгляде которой читается крайняя тревога и одновременно железная решительность. Она представляет собой собирательный образ женщины-матери, которая призывает своих сыновей встать на защиту родины: в правой руке она держит текст военной присяги, а её левая рука, в жесте призыва, вскинута высоко над головой. Вверху плаката большими красными буквами надпись – «Родина-мать зовет!». Представляется, что и цвет платка и платья женщины не случаен: согласуясь с цветом полотна советского флага, он при этом символизирует еще и материнскую любовь, и солдатский подвиг, и кровь сыновей-солдат, которая будет пролита на поле боя. У данного плаката, несомненно, сильный посыл: родина предстает в образе матери, и долг сыновей – защитить ее от врагов. В целом, исследователи отмечают большой мобилизационный потенциал образа Родины-матери (см., например, [Рябов 2014; 2015]), что было особенно актуально в годы Великой Отечественной войны.

В зоне «действий» якутского поля **төрөөбүт дойду** самым актуальным является призыв беречь родину: *харыстаа (4)* ‘береги’.

Семантические зоны чувств и эмоций в гештальтах полей **родина** и **төрөөбүт дойду** демонстрируют определенные различия как в количественном, так и качественном отношении. Носители русской культуры по отношению к **родине** чаще всего испытывают чувство *гордости* (3) и *патриотизма* (4), но как мы видим, частотность данных реакций крайне низкая. А носители якутской культуры больше всего испытывают *тоску* по родине – *ахтылҕан* (42) и *любовь* к родине – *таптал* (18). В русском АП реакции *ностальгия* и *любовь* появились на всем массиве ответов испытуемых лишь по одному разу. Таким образом, нельзя не отметить особую интенсивность чувства тоски по родине у якутов.

В сознании носителей якутского языка образ родины связан с положительными чувствами и эмоциями: *дьол* (7) ‘счастье’, *үөрүү* (3) ‘радость’, *дьолум* (1) ‘мое счастье’.

В составе анализируемой зоны АП **родина** содержатся реакции, не имеющие коррелятов в якутском поле: *долг* (2), *защита* (2), *мир* (2), *война* (1), *героизм* (1), *преданность* (1). Представляется, что источником этих ассоциаций явилась память о прошлом русского народа, где, пожалуй, самый глубокий и трагический след оставила Великая Отечественная война, в которой русские как нация понесли самые большие потери.

Отличительной особенностью якутского поля **төрөөбүт дойду** является наличие в его составе реакций *сизр-туом* (2) ‘традиции, обычаи и обряды’, *итэбэл* (2) ‘вера’, *тыл* (2) ‘язык’, *төрүт тыл* (1) ‘родной язык’, *төрөөбүт тыл* (1) ‘родной язык’. Почитание традиций и обычаев, соблюдение и проведение обрядов, религиозные верования, возможность говорить, читать и писать на родном языке – все эти феномены имеют большое значение в жизни якутов как главные составляющие его этнической идентичности.

Еще одной составляющей целостного образа родины, как у русских, так и у якутских испытуемых, является её природа, представленная особенностями рельефа, растительным миром и др. Якутов отличает бережное и уважительное отношение к растениям и животным, почитание природных объектов – озер, рек и гор (а в некоторых случаях и поклонение им), смиренное, спокойное принятие сурового климата, явлений природы. Якуты чувствуют особую, духовную связь с природой, называя себя её детьми – айылҕа оҕолоро.

Реакции в зоне «природы» якутского поля **төрөөбүт дойду** можно условно поделить на общие и специфические. При мысли о **родине**, в памяти и тех и других испытуемых всплывает пейзаж родных мест: *поле* (3), *степь* (1), *леса* (1), *деревья* (1), *березки* (1) и *ойуур* (3) ‘лес’, *тыа* (2) ‘лес; тайга’, *хатын* (1) ‘береза’, а также *хайа* (2) ‘гора’, *мыраан* (1) ‘сонка, холм’.

В качестве специфических выделим реакции *салгына 2* (воздух), *түптэ сыта 2* (запах костра), *ат 1* (лошадь), *бадараан 1* (грязь, напр., на улице после дождя), *дьүкээбил 1* (северное сияние), *сайын 1* (лето). Появление данных реакций в АП **төрөөбүт дойду** было мотивировано особенностями национальной культуры и менталитета, спецификой региона и климата. Так, пара S–R **төрөөбүт дойду** *салгына* (2) ‘воздух родины’ подчеркивает привязанность якутов к родным местам, где даже воздух – особенный. Появление реакции *түптэ сыта 2* (запах костра) тоже

не случайно: во-первых, огонь (костер) является важной и неотъемлемой частью национальных обрядов и ритуалов (напр., кормление Духа огня, алгыс – обряд благословления); во-вторых, без огня невозможно представить и традиционные занятия якутов, такие как охота и сенокос, где огонь дает тепло и пищу, а дым от костра защищает от полчищ комаров. Еще одним традиционным занятием якутов является коневодство. Лошади имели огромное значение в жизни якутов, были основой их существования. Они служили средством передвижения и перевозки грузов, давали мясо и молоко, а из их шкуры шили одежду и обувь. Якуты относятся к лошади с особым почтением и уважением. Согласно мифологии и верованиям народа саха, лошадь была ниспослана человеку божеством Дьөһөгөй (*Дьөһөгөй Айыы*) и потому именуется *Дьөһөгөй (Айыы) обото* (дитя божества Дьөһөгөй). Лошадь по праву считается главным животным в культуре народа саха, между ним и человеком существуют особые отношения, что и нашло отражение в сознании «усредненного» носителя якутского языка.

Особенности климата, почвы (напр., вечная мерзлота, которая за лето оттаивает примерно на метр) способствуют тому, что летом и осенью даже непродолжительные осадки в виде дождя могут превратить дороги (особенно сельские) в *бадараан (1)* – труднопроходимую грязь, бездорожье. Зимой в Якутии можно наблюдать *северное сияние (дьүкээбил 1)* – завораживающее по своей красоте редкое природное явление. *Лето – сайын (1)* – любимое и долгожданное, после суровой, долгой зимы, время года для жителей Якутии. Именно летом – время каникул и отпусков – все стараются вернуться в родные места, чтобы отдохнуть и повидать близких.

Подведем общие итоги.

Ответы испытуемых-носителей якутского языка демонстрируют большую значимость «малой родины», а для молодых носителей русского языка-жителей азиатской части нашей страны важна и значима «большая родина» – Россия.

В структуре семантического гештальта АП **төрөөбүт дойду** выделена зона **алаас**, которая не имеет соответствия в структуре поля **родина** и расценивается как главный этнокультурный компонент образа родины в языковом сознании носителей якутского языка. Алаасы как в высшей степени благоприятные природные пространства, пригодные для проживания и ведения хозяйства, сыграли важную роль в становлении и укреплении якутского этноса, формировании его менталитета и мировоззрения. Алаас является одним из главных понятий в культуре народа саха и выступает как архетип родины в сознании носителей якутской культуры.

Анализ ассоциативного поля того или иного стимула с помощью метода семантического гештальта позволяет выстроить четкую структуру образа сознания, стоящего за именем поля, т.е. за словом-стимулом. Этот образ сознания изначально представлен в поле в диссипативном виде, т.е. размыт, лишен четкости и структурированности, он «размазан» по всей плоскости ассоциативного поля, и построение семантического гештальта придает ему четкие очертания.

### Литература

Ассоциативный словарь якутского языка (авторы-составители Л.С. Заморщикова, А.А. Романенко) URL: <http://adictsakha.nsu.ru>

Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины / Гл. ред. А. Ф. Трёшников; Ред. кол.: Э. Б. Алаев, П. М. Алампиев, А. Г. Воронов и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1988. 432 с., с илл.

*Дьячковский Ф.Н., Попова Н.И.* Алаас как концепт якутской лингвокультуры // Урало-алтайские исследования, 2014. № 1 (12). С. 58-66.

*Ефремова Т.Ф.* Большой современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. 2006. 180 тыс. статей (к версии ABBYY Lingvo x5).

*Заморщикова Л.С.* Ассоциативный тезаурус якутского языка [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования, 2014. № 2. URL: <http://human.snauka.ru/2014/02/6027> (дата обращения: 19.11.2016).

*Караулов Ю.Н.* Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000. С.191-206.

*Караулов Ю.Н.* Ассоциативный анализ: новый подход к интерпретации художественного текста // Вопросы психолингвистики, 2015. № 3 (25). С. 14-35.

*Леонтьев А.А.* Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. М.: Издательство Московского Университета, 1977. С. 5-16.

*Леонтьев А.А.* Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. – М., 1993. С. 16-21.

*Рябов О.В.* «Родина-мать» в истории визуальной культуры России // Вестник ТвГУ. Серия «История», 2014. № 1. С. 90-113.

*Рябов О.В.* «Родина-мать» в символической политике постсоветской России // Женщина в российском обществе, 2015. № 3/4 (76/77). С. 78-95.

СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008 – 2016) (авторы-составители И.В.Шапошникова, А.А.Романенко) URL: <http://adict.ru.nsu.ru>

*Тарасов Е.Ф.* Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 24-32.

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935-1940. [Электронный ресурс] // URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1010854> (дата обращения: 17.10.16).

*Уфимцева Н.В.* Языковое сознание: динамика и вариативность. – М.: Институт языкознания РАН, 2011. с. 252.

*Шапошникова И.В.* К вопросу об инструментарии для сближения лингвистического образования с практикой жизни (на материале СИБАС – русской региональной ассоциативной базы данных) // Вопросы психолингвистики, 2014. №2 (20). С. 28-41.

**COMPARATIVE STUDY OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS  
OF RUSSIANS AND YAKUTS  
(On the example of the image of homeland)**

**Sardana V. Savitskaya**

Post-graduate student, Institute of Philology, SB of RAS  
8 Nikolaev St., Novosibirsk  
*sardana\_3@rambler.ru*

The Republic of Sakha (Yakutia) is a constituent entity (subject) of the Russian Federation, its official languages are Yakut (Sakha) and Russian. Russians and Yakuts have different cultures, different histories and didn't always live within the territory of a single state. 1632 is considered to be the year when Yakutia officially became part of the Russian State and this truly momentous event marked a turning point in the history of Yakutia and its indigenous peoples.

The paper presents a comparative study of the image of homeland in the language consciousness of native Russian and native Yakut speakers. Data for analysis (associative fields of stimuli words **родина** and **төрөөбүт дойду**) have been taken from SIBAS – Russian Regional Associative Database and Associative dictionary of the Yakut language.

Semantic gestalts of the associative fields **родина** and **төрөөбүт дойду** were built and studied in this paper and the differences in the content of the image of homeland were identified.

The mental image under analysis is presented in an associative field in a dissipative manner, it lacks structure and definition as if it is evenly spread over the entire area of the associative field and constructing a semantic gestalt gives this image clearer outlines and structures it.

**Keywords:** language consciousness, SIBAS – Regional Associative Database, Associative dictionary of the Yakut language, image of homeland, associative field, semantic gestalt, semantic zone, concept response, associative pair, ethnocultural specificity.

**References**

Assotsiativnyy slovar' yakutskogo yazyka [Associative dictionary of the Yakut language] (avtory-sostaviteli L.S. Zamorshchikova, A.A. Romanenko). Available at: <http://adictsakha.nsu.ru>

Geograficheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. Ponyatiya i terminy [Geographical encyclopedic dictionary. Concepts and terms]. Editor-in-chief A. F. Treshnikov. Editorial board: E. B. Alaev, P. M. Alampiev, A. G. Voronov et al. Moscow, Sov. Entsiklopediya publ., 1988, 432 p.

*D'yachkovskiy F.N., Popova N.I.* Alaas kak kontsept yakutskoy lingvokul'tury [Alaas as a concept of the Yakut (Sakha) linguoculture]. *Uralo-altayskie issledovaniya* [Ural-Altai Studies], 2014, no 1 (12), pp. 58-66.

*Efremova T.F.* Bol'shoy sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Comprehensive explanatory dictionary of the Russian language], 2006. 180 000 entries. Available at ABBYY Lingvo x5.



*Zamorshchikova L.S.* Assotsiativnyy tezaurus yakutskogo yazyka [Associative thesaurus of the Yakut language]. Gumanitarnye nauchnye issledovaniya [Humanitarian scientific studies], 2014, no 2. Available at: <http://human.snauka.ru/2014/02/6027>.

*Karaulov Yu.N.* Pokazateli natsional'nogo mentaliteta v assotsiativno-verbal'noy seti [Indicators of the national mentality in the associative-verbal network]. Yazykovoe soznanie i obraz mira [Linguistic consciousness and the world image]. Moscow, RAS (Russian Academy of Sciences) Institute of Linguistics publ., 2000, pp. 191-206.

*Karaulov Yu.N.* Assotsiativnyy analiz: novyy podkhod k interpretatsii khudozhestvennogo teksta [Association Analysis: the New Approach to the Literary Text Interpretation]. Voprosy psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics], 2015, no 3 (25), pp. 14-35.

*Leont'ev A.A.* Obshchie svedeniya ob assotsiatsiyakh i assotsiativnykh normakh [General information on associations and associative norms]. Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka [Dictionary of associative norms of the Russian language]. Moscow, Moscow University publ., 1977, pp. 5-16.

*Leont'ev A.A.* Yazykovoe soznanie i obraz mira [Linguistic consciousness and the world image]. Yazyk i soznanie: paradoksal'naya ratsional'nost' [Language and consciousness: paradoxical rationality]. Moscow, 1993, pp. 16-21.

*Ryabov O.V.* «Rodina-mat'» v istorii vizual'noy kul'tury Rossii [“Motherland” in the history of the Russian visual culture]. Vestnik TvGU. Seriya «Istoriya» [Tver' State University Bulletin. “History”], 2014, no 1, pp. 90-113.

*Ryabov O.V.* «Rodina-mat'» v simvolicheskoy politike postsovetsoy Rossii [“Motherland” in the symbolic politics of the post-Soviet Russia]. Zhenshchina v rossiyskom obshchestve [Women in Russian society], 2015, no 3/4 (76/77), pp. 78-95.

SIBAS – Russkaya regional'naya assotsiativnaya baza dannykh [Russian Regional Associative Database] (2008 – 2016) (avtory-sostaviteli I.V.Shaposhnikova, A.A.Romanenko). Available at: <http://adictru.nsu.ru>

*Tarasov E.F.* Aktual'nye problemy analiza yazykovogo soznaniya [Current problems of the linguistic consciousness analysis]. Yazykovoe soznanie i obraz mira [Linguistic consciousness and the world image]. Moscow, RAS (Russian Academy of Sciences) Institute of Linguistics publ., 2000, pp. 24-32.

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t. / Pod red. D. N. Ushakova [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Edited by Ushakov D.N.]. Moscow, Sov. Entsikl publ., 1935-1940. Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1010854>.

*Ufimtseva N.V.* Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost' [Linguistic consciousness: dynamics and variability]. Moscow, RAS (Russian Academy of Sciences) Institute of Linguistics publ., 2011, 252 p.

*Shaposhnikova I.V.* K voprosu ob instrumentarii dlya sblizheniya lingvisticheskogo obrazovaniya s praktikoy zhizni (na materiale SIBAS – russkoy regional'noy assotsiativnoy bazy dannykh) [Narrowing the Gap between Linguistic Education and Life Experience (on the material of SIBAD – Russian Regional Associative Database)]. Voprosy psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics], 2014, no 2 (20), pp. 28-41.

**ОБРАЗ «КИТАЕЦ» В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ  
СВОЕЙ И ЧУЖОЙ КУЛЬТУРЫ  
(НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСОВ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)<sup>1</sup>**

**Хуан Тяньдэ**

Аспирант, отдел психолингвистики Института языкознания РАН  
Москва, Б. Кисловский пер. д.1/1  
*tiande-88@yandex.ru*

Рассматривается содержание образа «китаец» в материалах Национальных корпусов китайского и русского языков. Привлечение данных двух языков позволяет выявить универсальное и специфическое в репрезентации образа «китаец» в китайской и русской национальных культурах. Проводится статистический анализ полученных данных, выявляются типичные представления китайцев о себе и русских о китайцах. Делается вывод, что образ «китаец» в русском языковом сознании находится на его периферии, поскольку большинство обнаруженных коллокаций являются единичными. Исследование образа «китаец» у представителей русской и китайской культур позволяет выявить специфику стереотипных представлений друг о друге, предотвратить потенциальные конфликты и облегчить взаимопонимание в межкультурных контактах.

**Ключевые слова:** языковое сознание, образ китайцев, корпусы китайского и русского языков, этнокультурный стереотип.

### **1. Введение**

Китай играет одну из главных ролей в современном мире. В связи с этим, образ Китая (китайцев) должен быть объектом целенаправленного формирования. Образ «китаец» в сознании китайцев и иностранцев, как социальный стереотип, представляет собой фрагмент языкового сознания с аффективно окрашенным содержанием поскольку, как указывает Е.Ф. Тарасов, «в основе каждой культуры лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем» [Тарасов 2008: 8].

Тексты той или иной культуры включают большой объем культурной информации, являются одним из средств хранения и передачи культуры. Иными словами, анализ материалов Национальных корпусов разных языков представляет собой один из возможных подходов к выявлению образов разных этносов и открывает перед нами возможность выявить специфику образов сознания той или иной нации, т.е. «в определенном смысле, систему их ценностей и специфику самих образов сознания» [Уфимцева 2009: 99].

Как пишет В.П. Захаров, «все более широкое распространение корпусной лингвистики наблюдается, как материала и метода, – на всю сферу гуманитарных исследований...Социальный и культурный опыт человечества, зафиксированный

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при поддержке гранта 留金亚 [2014]9037 (Китай).

в текстах, в лице корпусной лингвистики получает инструмент, позволяющий надеяться, что мы научимся автоматически извлекать из текстов знания» [Захаров 2016: 157-158]. В настоящем исследовании мы используем Корпус китайского языка Пекинского Университета (CCL北京大学汉语语料库) ([http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl\\_corpus/](http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/)) и Национальный корпус русского языка (НКРЯ) (<http://ruscorpora.ru/>) для того, чтобы получить китайские и русские языковые данные, имеющиеся в текстах, и сопоставить образ «китаец» у китайцев и русских. Эти языковые корпуса включают несколько подкорпусов, мы выбираем их основные корпуса. В данном исследовании используются левые коллокации, правые коллокации не используются.

## 2. Образ «китаец» в сознании китайцев

На запрос по словосочетанию «(的)中国人/ (качественный признак) китаец», в Национальном корпусе китайского языка мы получили 5212 предложений. Найденные электронные языковые материалы были загружены с сайта Корпуса китайского языка Пекинского Университета (CCL北京大学汉语语料库) ([http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl\\_corpus/](http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/)). Мы провели статистическую обработку полученного материала с помощью специализированного программного обеспечения AntConc 3.4.4 (2014), применив в качестве объекта поиска словосочетание «(的)中国人/ (качественный признак) китаец» и установив значение расстояния слева 1, а значение расстояния справа 0, используя функции Collocates и Start, мы получили список коллокаций по частоте (См. таб.1).

Таблица 1

Список коллокаций «китаец» по частоте в корпусе китайского языка

<p>越来越多的/все больше и больше <b>87</b>; 台湾海峡两岸的/по обе стороны Тайваньского пролива <b>42</b>; 真他妈的/черт побери <b>32</b>; 伟大的/великий <b>26</b>; 更多的/еще больше, 丑陋的/злой <b>25</b>; 兄弟的/братский <b>23</b>; 先进的/передовой, 香港的/гонконгский, 今天的/сегодняшний <b>21</b>; 现在的/современный <b>18</b>; 当时的/сиюминутный <b>15</b>; 所有的/все, 21世纪的/(человек) 21 века <b>13</b>; 站起来的/стоящий, 占人类总数四分之一的/составляют четверть населения Земли <b>12</b>; 如今的/теперешний, 古代的/древний <b>10</b>; 富起来的/стал богатым <b>9</b>; 友好的/дружеский, 占世界人口四分之一的/составляют четверть населения земли, 勤劳勇敢的/трудолюбивый и смелый <b>8</b>; 海内外的/в Китае и за его пределами, 星条旗下的/под пятизвездным флагом, 新世纪的/(человек) нового века, 勇敢的/смелый <b>7</b>; 黄皮肤的/желтый, 那时的/тогдашний, 聪明的/умный, 现代的/современный, 灾难深重的/многострадальный, 闭关自守中挣扎的/борьба в эпоху закрытых дверей, 掌握了自己命运的/хозяин своей судьбы, 困惑的/недоумевающий, 勤劳朴实的/трудолюбивый и простой, 有经营意识的/имеет коммерческую жилку <b>6</b>; 黑头发的/черноволосый, 爱国的/патриотический, 这里的/здешний, 当今的/современный, 学习和生活的/учится и работает, 在美国的/в Америке, 善良的/добрый, 全世界的/всемирный, 传统的/традиционный <b>5</b>; 跨世纪的/на рубеже веков, 普通的/обычный, 巴勒斯坦人民永远不会忘记伟大的/Палестинский народ никогда не забудет величие, 在菲南部脱险的/спасаемый на юге Филиппин, 包括台湾同胞在内的/включая Тайваньских соотечественников, 先富起来的/богатеющий раньше всех, 热爱储蓄的/любящий</p>
---

сбергать, 豪迈的/героический, 中国共产党领导下的/под руководством Коммунистической партии Китая., 两岸的/на обоих берегах Тайваньского пролива, 世纪之交的/на стыке веков 4; 黑眼睛的/черноглазый, 马尼拉的/в Маниле, 抗击非典的/противостоящий атипичной пневмонии, 铁饭碗的/обеспеченный куском хлеба, 酒文化中的/культура питья пива, 转型期的/живущий в переходный период, 许许多多的/многочисленные, 坦桑尼亚的/в Танзании, 真正的/настоящий, 流动的/передвижной, 有骨气的/имеет свой характер, 有血性的/бодрый, 有良心的/совестливый, 智慧的/разумный, 历经文革的/переживший Культурную революцию, 数以亿计的/неисчислимый, 成千上万的/многотысячный, 第一位成功横渡英吉利海峡的/первый успешно переправился через Ла-Манш, 学习的/обучающийся, 多年前的/много лет назад, 遇难的/терпящий, 在荷兰的/в Голландии, 淘金的/моющий золото, 在伊拉克/в Ираке, 受过教育的/образованный, 撤离利比亚的/эвакуированный из Ливии, 参与阿富汗重建的/принимая участие в восстановлении Афганистана, 典型的/типичный, 有尊严的/величественный, 负责的/ответственный, 有良知的/нравственный, 平凡的/обыкновенный, 东亚病夫的/больные люди Восточной Азии, 不辱使命的/державший свое слово, 一代又一代的/от поколения к поколению 3; 饱经忧患的/измученный заботами 2...5212+92+743.<sup>2</sup>

Мы проанализировали вышеуказанные языковые данные по восьми признакам: количество населения, время, локальность, особенность, история, общество, положительная оценка и отрицательная оценка. Анализ полученных результатов показал следующее:

### 1) Количество населения

Мы заметили, что самый главный образ китайцев для самих китайцев – это «许许多多的/многочисленные» (3), «数以亿计的/неисчислимый» (3), «成千上万的/многотысячный» (3) «流动的/передвижной» (3), китайцев становится все больше и больше, китайцев «占人类总数四分之一的/составляют четверть населения Земли» (12). Из таблицы 1 мы видим, что слово «越来越多的/все больше и больше» (87) с самой большой частотой занимает первое место. Коллокация «更多的/еще больше» (25) также находится в числе частотных.

### 2) Время

Самое часто встречающееся слово – это «今天的/сегодняшний» (21), и большинство коллокаций касается настоящего времени, например: «现在的/современный» (18), «21世纪的/(человек) 21 века» (13), «如今的/теперешний» (10), «新世纪的/(человек) нового века» (7), 现代的/современный (6), «世纪之交的/на стыке веков» (4) и так далее. Естественно, что «古代的/древний» (10) китаец тоже зафиксирован в таких коллокациях, как «多年前的/много лет назад» (3) и «一代又一代的/от поколения к поколению» (3).

<sup>2</sup> Цифра после каждой коллокации указывает на ее абсолютную частоту встречаемости. В конце списка приведены количественные показатели: первая цифра – число предложений, вторая – число коллокаций, которые мы отобрали из предложений по их частоте, третья – общее число частоты отображенных коллокаций.

### 3) Локальность

Коллокации «台湾海峡两岸的/по обе стороны Тайваньского пролива» (42) и «香港的/гонконгский» (21) с большой частотой находятся в первом ряду. А также, «包括台湾同胞在内的/включая Тайваньских соотечественников» (4), «两岸的/на обоих берегах Тайваньского пролива» (4). Это, в определенной степени, доказывает, что Китай уделяет особое внимание китайцам Тайваня и региона Гонконг. Также, китайцы «海内外的/в Китае и за его пределами» (7) и «全世界的/всемирный» (5), например: китайцы «在美国的/в Америке» (5), «马尼拉的/в Маниле» (3), «坦桑尼亚的/в Танзании» (3), «在荷兰的/в Голландии» (3) и «在伊拉克/в Ираке» (3).

### 4) Особенности

В текстах для описания китайцев используются характеристики флага Китая, например: китайцы «星条旗下的/под пятизвездным флагом» (7), китайцы описываются и по расе и цвету кожи: «黄皮肤的/желтый» (6), «黑头发的/черноволосяый» (6), «黑眼睛的/черноглазый» (4).

### 5) История

Известно, что история Китая богата событиями, например, Опиумная война в Новой истории Китая. Перед этой войной китайцы еще жили в «闭关自守中挣扎的/борьбе в эпоху закрытых дверей» (6), и в этой войне китайцы «灾难深重的/многострадальные» (6) и «饱经忧患的/измученные заботами» (2). После того, как была создана Китайская народная республика, образ китайца изменился, он стал «站起来的/стоящий» (12), «掌握了自己命运的/хозяин своей судьбы» (6). Также коллокации касаются Новейшей истории: «在菲南部脱险的/спасаемый на юге Филиппин» (4), «抗击非典的/противостоящий атипичной пневмонии» (4), «历经文革的/переживший Культурную революцию» (3), «第一位成功横渡英吉利海峡的/первый успешно переправился через Ла-Манш» (3), «撤离利比里亚的/эвакуировавшийся из Ливии» (3) и «参与阿富汗重建的/принимающий участие в восстановлении Афганистана» (3).

### 6) Общество

Опираясь на следующие коллокации мы можем определить, какие образы китайцев существуют в китайском обществе. Первый и главный образ – это «富起来的/стал богатым» (9), «先富起来的/богатеющий раньше всех» (4), то есть «中国共产党领导下的/под руководством Коммунистической партии Китая» (4) экономика развивается быстро, и уровень жизни людей повышается с каждым днем, и китаец становится богаче, чем раньше. Типичный образ китайцев – это «热爱储蓄的/любящий сберегать» (4). Традиционные представления влияют на потребительскую концепцию людей. По данным Международного валютного фонда, коэффициент вклада граждан Китая в мировую экономику начиная с 70 годов 20-го века и до сих пор находится в первых рядах в мире. В 2015 году данные сборника «Общие мировые сведения» показывает, что коэффициент вклада граждан Китая в мировую экономику занимает третье место в мире.

Существуют и другие образы китайцев: «困惑的/недоумевающий» (6), «学习和生活的/учится и работает» (5), «传统的/традиционный» (5), «酒文化中的/культура питья пива» (4), «典型的/типичный» (3), «淘金的/моющий золото» (3) и т.д.

### 7) Положительная оценка

Как китайцы относятся к самим себе? Какие положительные оценки существуют в их сознании? Первая, самая высокая оценка – это «великий/великий» (26). Затем, дружеский: «兄弟的/братский» (23), «友好的/дружеский» (8), «巴勒斯坦人民永远不会忘记伟大的/Палестинский народ никогда не забудет величие» (4). Далее, хороший традиционный национальный характер: «勤劳勇敢的/трудолюбивый и смелый» (8), «勇敢的/смелый» (7), «勤劳朴实的/трудолюбивый и простой» (6), «善良的/добрый» (5), «豪迈的/героический» (4), «有骨气的/имеет свой характер» (3), «有尊严的/величественный» (3), «负责的/ответственный» (3), «有良知的/нравственный» (3), «不辱使命的/державший свое слово» (3). «真正的/настоящий» (3), «有血性的/бодрый» (3), «有良心的/совестливый» (3). Кроме того, умный и образованный: «先进的/передовой» (21), «聪明的/умный» (6), «有经营意识的/имеет коммерческую жилку» (6), «智慧的/разумный» (3), «学习的/обучающийся» (3), «受过教育的/образованный» (3).

### 8) Отрицательная оценка

Безусловно, существуют и отрицательные оценки, а именно: «真他妈的/черт побери» (32), «丑陋的/злой» (25) и «东亚病夫的/больные люди Восточной Азии» (3). Слово сочетание «东亚病夫的/больные люди Восточной Азии» впервые появилось в 1896 году в газете, основанной англичанами. На самом деле, это образ китайцев, созданный в истории другими нациями.

### 3. Образ «китаец» в сознании русских

При поиске слова «китаец» в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) (<http://ruscorpora.ru/>) было найдено 240 предложений, в которые это слово входило с различными прилагательными. Сразу бросается в глаза, что данных гораздо меньше, чем в корпусе китайского языка и они менее частотны, основную массу составляют словосочетания с частотой 1. Из этого можно сделать предварительный вывод, что образ китайца находится на периферии русского языкового сознания. Данные были обработаны также в ПО AntConc 3.4.4 методом, ранее использованным для корпуса китайского языка. Результаты приведены в таб.2.

Таблица 2

Список коллокаций «китаец» по частоте в национальном корпусе русского языка

молодой 25; старый 14; огромный 11; мудрый 8; крещеный 7; пожилой 6; фарфоровый 3; чистейший, умный, страшный, раненый, простой, обыкновенный, мнимый, знакомый, доверенный, добрый, голый, беленький 2; яванский, юркий, щуплый, шампанского, чёрный, черноглазый, чернобородый, чахоточный, цивилизованный, худощавый, худой, хороший, холостой, хитрый, феерический, урожденный, тучный, тощий, толстый, тихий, типичный, терпеливый, теперешний, согнутый, современный, слепой, серый, семидесятилетний, седой, северный, ряженой, рядовой, просвещенный, претолстый, престарелый, послушный, полуголый, очарованный, неутомимый, несчастный, настоящий, московский, мирный, маленький, ловкий, летний, кругленький, крохотный, коренастый, китайский, кислоглазый, кантонский, искусный, знатный, знаменитый, здоровенный, заячелищный, завтрашний, жесткокосый, желтый,
---

желтолицый, жалкий, единичный, древний, дородный, грузный, голубоглазый, голодный, голодающий, гигантский, веселый, вежливый, бритый, благочестивый, безгласный, бедный, базарный 1. 240+96+174.

Мы также проанализировали вышеуказанные языковые данные по восьми признакам: количество населения, время, локальность, особенность, история, общество, положительная оценка и отрицательная оценка. Анализ полученных результатов показал следующее:

#### **1) Количество населения**

Всем известно, что в Китае проживает большое количество людей. Это очевидный факт, который подтверждают такие коллокации, как «огромный» (11), «гигантский» (1).

#### **2) Время**

Что касается времени, есть образы, такие как: древний, современный и завтрашний китаец, именно «древний» (1); «терпеливый» (1), «современный» (1) и «завтрашний» (1).

#### **3) Локальность**

Какие места связаны с китайцами в сознании русских? Это «яванский» (1), «северный» (1), «московский» (1), «китайский» (1) и «кантонский» (1). Очевидно, на русских «московские китайцы» производят большое впечатление, как и «кантонские китайцы». Это происходит из-за того, что провинция Гуандон – одна из самых развивающихся провинций Китая, много русских едут туда заниматься бизнесом с кантонскими китайцами. Однако необходимо подчеркнуть, что все эти локации являются единичными, поэтому трудно выявить какую-то закономерность.

#### **4) Особенности**

Нам встретились следующие коллокации, характеризующие китайцев: о возрасте: «молодой» (26), «старый» (14), «пожилой» (6), «семидесятилетний» (1), «престарый» (1); о внешности и теле: «беленький» (2), «маленький» (1), «щуплый» (1), «чёрный» (1), «черноглазый» (1), «чернобородый» (1), «худощавый» (1), «худой» (1), «тучный» (1), «тощий» (1), «толстый» (1), «претолстый» (1), «крохотный» (1), «кругленький» (1), «коренастый» (1), «кислоглазый» (1), «желтый» (1), «желтолицый» (1), «дородный» (1), «грузный» (1), «голубоглазый» (1), «бритый» (1), «седой» (1), «здоровенный» (1); о характере: «простой» (2), «обыкновенный» (2), «типичный» (1), «рядовой» (1), «тихий» (1), «согнутый» (1); о культуре: «фарфоровый» (3).

#### **5) История**

Обращает на себя внимание тот факт, что мы не смогли отнести к признаку «история» никаких коллокаций из таблицы 2.

#### **6) Общество**

К признаку «общество» мы отнесли такие коллокации, как: «крещеный» (7), «знакомый» (2), «холостой» (1), «урожденный» (1), «голодный» (1), «голодающий» (1), «благочестивый» (1), «базарный» (1).

#### **7) Положительная оценка**

Как русские относятся к китайцам? Какие положительные оценки присутствуют в их сознании? «Мудрый» (8) находится на первом месте с большой частотой. Про ум и образованность китайцев встретились еще следующие коллокации: «умный» (2),

«цивилизованный» (1), «просвещенный» (1), «неутомимый» (1), «искусный» (1), «знатный» (1), «знаменитый» (1), «феерический» (1). Затем, о характере: «доверенный» (2), «добрый» (2), «чистейший» (2), «хороший» (1), «терпеливый» (1), «поплушный» (1), «очарованный» (1), «настоящий» (1), «мирный» (1), «веселый» (1), «вежливый» (1). Все эти образы зафиксированы в текстах и существуют в сознании русских, однако в силу их малой частотности трудно утверждать их общепринятость.

### 8) Отрицательная оценка

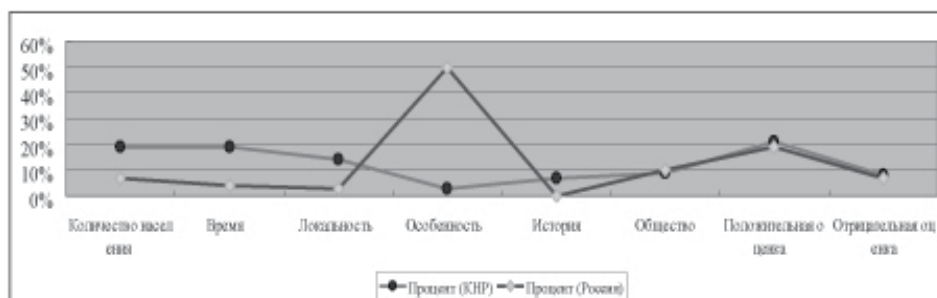
В русских текстах существуют такие отрицательные оценки: «страшный» (2), «мнимый» (2), «чахоточный» (1), «хитрый» (1), «несчастный» (1), «заячелимый» (1), «жесткокопый» (1), «жалкий» (1), «безгласный» (1), «серый» (1), «бедный» (1).

### 3. Сопоставительное исследование

Проведя статистическую обработку на основе частоты вышеуказанных языковых данных, мы получили следующий график:

График.1

Процент признаков коллокаций образа китайцев в китайском и русском языках



Мы видим, что в образе китайцев в русском языке самый большой процент – это признак «особенность» (50%), то есть, как они выглядят, какая у них внешность. А в китайском языке этот признак занимает последнее место (3%). Очевидно, что люди других наций сначала особо обращают внимание на внешность чужака. Например, в представлении русских китаец – это прежде всего «худой», «небольшой», «маленький» и др.

В образе китайцев в представлении самих китайцев признак «положительная оценка» занимает первое место (21%). Например, «伟大的/великий», «兄弟的/братский», «先进的/передовой», «友好的/дружеский», «勤劳勇敢的/трудолюбивый и смелый» и др. Это доказывает, что китайцы оценивают себя и свою нацию положительно и высоко. В представлениях русских о китайцах «положительная оценка» тоже занимает большой процент (19%): это «мудрый», «чистейший», «умный», «доверенный», «добрый» и т.д. Что касается признака «отрицательная оценка», то в русских и китайских текстах он имеет почти одинаковый процент (7% и 8% соответственно). Однако, содержание коллокаций разное: в русском языке – это «страшный», «мнимый», а в китайском – «真他妈的/черт побери» и «丑陋的/злой».



Признак «число населения» занимает большой процент как в китайском, (19%) так и русском (7%) языковом сознании. Это говорит нам о том, что в китайском и русском сознании образ китайцев – это «много», но у них разные коллокации. Например, в китайском языке это – «越来越多的/все больше и больше, «更多的/еще больше», в русском – «огромный». Вес признака «время» в китайском и русском языковом сознании сильно различается (19% и 4% соответственно). Китайцы часто связывают образ себя с коллокациями «сегодняшний» и «современный», а в русских текстах такая связь хоть и присутствует, но является единичной.

Признак «локальность» в китайских текстах имеет больший вес, чем в русских (14% и 3% соответственно), и у них совсем разные коллокации. В Китае особое внимание уделяется китайцам Тайваня и региона Гонконг. На русских большое впечатление производят «московские китайцы», как и «кантонские китайцы».

В китайском материале признак «история» имеет больший вес, чем в русском (7% и 0% соответственно), в русском материале нет этих коллокаций. Это может быть результатом недостаточного объема языковых корпусов. В определенной степени, мы можем узнать образ китайцев в истории с помощью коллокаций в китайских текстах, например: «站起来/стоящий», «灾难深重的/многострадальный» и т.д.

Что касается признака «общество», китайские и русские коллокации имеют почти одинаковый вес (9% и 10% соответственно), но у них разное содержание: в китайских текстах это – «富起来的/стал богатым», «热爱储蓄的/любящий сберегать», в русских – «крещеный», «знакомый» и др.

#### 4. Выводы

Проведя статистическую обработку языковых данных из корпусов китайского и русского языков, мы проанализировали образ китайцев в этих двух массивах текстов. Сопоставительный анализ показал, что образ китайцев в них существенно различается, и в русских текстах он находится на периферии, поскольку коллокации в основном единичные.

Результаты нашего исследования показывают, что русские больше обращают внимание на внешность китайцев, чем сами китайцы. Русские и китайцы так описывают образ китайцев: население большое и будет становиться больше и больше. Одновременно, они оценивают китайцев положительно, то есть образ китайцев в сознании русских и самих китайцев хороший, хотя у них разные оценочные слова. В Китае уделяют особое внимание китайцам Тайваня и региона Гонконг, а русские – московским китайцам и кантонским китайцам и т.д. Обращает на себя внимание тот факт, что типичный образ китайцев в признаке «общество» – это «热爱储蓄的/любящий сберегать». Традиционные представления влияют на потребительскую концепцию китайцев.

#### Литература

Тарасов Е.Ф. Предисловие // Образ России: извне и изнутри: сборник статей / Под ред. Е.Ф. Тарасов (ответственный редактор), Е.А. Аршавской, Н.В. Уфимцева. Калуга: Издательство «Эйдос», 2008. 316 с.

Уфимцева Н.В. Образ мира русских: Системность и содержание // Язык и культура, 2009. С. 98-111.

Захаров В.П. Пролегомены к корпусной лингвистике // Вопросы психолингвистики, 2016. №2. С. 150-161.

Корпус китайского языка Пекинского Университета [CCL 北京大学汉语语料库]. URL: [http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl\\_corpus/](http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/) (дата обращения: 10. 11. 2016 ).

Китайский финансовый сайт. URL: <http://finance.qq.com/cross/20160524/O55HW714.html> (дата обращения: 16. 12. 2016 ).

Национальный корпус русского языка [НКРЯ]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10. 11. 2016).

**IMAGE «CHINESE» IN THE CONSCIOUSNESS OF SPEAKERS  
OF OWN AND OTHER NATIONAL CULTURES  
(ON THE MATERIAL OF THE CHINESE AND RUSSIAN NATIONAL CORPUS)**

**Huang Tiande**

PhD student, The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences  
1 bld. 1 Bolshoi Kislovsky lane, Moscow, Russia  
[tiande-88@yandex.ru](mailto:tiande-88@yandex.ru)

The article deals with the contents of the image «Chinese» in the texts of the National Corpus in Chinese and Russian. We have revealed some common features and peculiarities of the Chinese image in the Chinese and Russian national cultures. The statistical analysis of the received data shows typical representation of the Chinese about themselves and the Russian about the Chinese. The image of «Chinese» in the Russian language consciousness is at periphery, and most of the detected collocations are unitary. The research on the image of «Chinese» of the Russian and Chinese cultural representatives can reveal specifics of stereotypes, prevent potential conflicts, and facilitate mutual understanding in intercultural contacts.

**Keywords:** language consciousness, Chinese image, National corpus in Chinese and Russian, ethnic and cultural stereotype.

**References**

*Tarasov E.F.* Predislovie [Preface] // *Obaz Rossii: izvne i iznutri: sbornik statej* [The image of Russia: from the outside and the inside. Collection of articles] / Pod red. E.F.Tarasov (otvetstvennyj redaktor), E.A. Arshavskoj, N.V.Ufimeceva. Kaluga: Izdatel'stvo «Jejdos», 2008. 316 p.

*Ufimeceva N.V.* *Obraz mira russkih: Sistemnot' i sodержanie* [Russians' world image: System and content] // *Jazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2009. pp. 98-111.

*Zaharov V.P.* *Prolegomeny k korpusnoj lingvistike* [Prolegomena to Corpus Linguistics] // *Voprosy psiholingvistiki*, 2016. №2. pp. 150-161.

Корпус китайского языка Пекинского Университета [CCL, Centre for Chinese Linguistics PKU ]. URL: [http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl\\_corpus/](http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/) (Data obrashhenija: 10.11.2016).

Kitajskij finansovyj sajt [Chinese financial website]. URL:<http://finance.jaja.com/cross/20160524/O55HShh714.html> (data obrashhenija: 16.12.2016).

Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [NKRJa, National corpus of Russian language URL: <http://ruscorpora.ru/>]. (Data obrashhenija: 10.11.2016).

**КОНЦЕПТ «СТРАХ» В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНОГО  
И МЕДИЙНОГО ДИСКУРСОВ  
(НА ПРИМЕРЕ ПОРТАЛА «ПРАВОСЛАВИЕ И МИР»)**

**Яровикова Владислава Олеговна**

аспирант кафедры стилистики русского языка

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

Москва, Моховая ул, д.9

*aurora\_yanavara@mail.ru*

Статья посвящена репрезентации концепта «страх» в рамках православного интернет-портала «Православие и мир». Использование концепта одновременно в бытовом и в институциональном контексте выполняет как публицистическую, так и катехизаторскую функцию. В ходе исследования нами анализируются публикации портала «Православие и мир», рассматриваются типологический, аргументационный, логико-композиционный и тропеический аспекты концепта «страх». Результаты текстуального анализа подкрепляются проведенным нами ассоциативным экспериментом, согласно которому институциональное понимание концепта «страх» различается от бытового понимания, зачастую основанного на субъективных переживаниях респондента. Методика проведенного ассоциативного эксперимента была разработана на основе подхода Н.В. Уфимцевой, представляющей ассоциативный эксперимент как одну из технологий моделирования языковой картины мира. В рамках проведенного эксперимента нами была определена собственная классификация реакций респондентов, а также корреляция с результатами контент-анализа портала «Православие и мир» как макротекста. По результатам сопоставления понимания концепта «страх» в структуре макротекста «Православие и мир» и в восприятии респондентов были выявлены различия, обусловленные институциональной направленностью православного интернет-портала «Православие и мир». Концепт, актуализированный в текстах портала, выполняет логико-композиционную, аргументационную, тропеическую и типологическую функции.

**Ключевые слова:** религиозный дискурс, медиадискурс, концепт, страх, ассоциативный эксперимент, макротекст, ПравМир, интернет-портал, аргумент

В рамках исследования ставится задача рассмотреть, как проявляется концепт «страх» в текстах портала «Православие и мир». Проблемой исследования является актуализация в медиатекстах концепта «страх» как одной из ведущих эмоций в деятельности человека. Соответственно, проблема актуальна потому, что важнейшая категория человеческого поведения рассматривается в русле одновременно двух важнейших социальных институтов, формирующих сознание человека – СМИ и церкви. А.С. Колпакова и Е.В. Пронина отмечают следующее: в рамках бихевиористических теорий (Г. Айзенк, А. Бандура, Ч. Спилбергер, Дж. Уотсон) страх рассматривается как результат травматического опыта взаимодействия человека с пугающим объектом. В рамках же психоаналитического направления (А. Адлер,

З. Фрейд и А. Фрейд, Г.С. Салливан) страх обусловлен прежде всего первичной родовой психотравмой. Философия экзистенциализма (А. Камю, С. Кьеркегор, П. Тиллих, М. Хайдеггер) определяет страх как важнейшую характеристику человеческого бытия, имеющую непосредственное значение для существования человека. А. Маслоу предполагал наличие связи между причинами возникновения страха и фрустрацией потребности в безопасности, в связи с которой создаются препятствия для самоактуализации личности. Соответственно, проблема нашего исследования актуальна, поскольку страх является одной из ведущих эмоций человеческой деятельности. Мы выявили несколько оттенков значения понятия «страх»: состояние испуга (1), сильное проявление чего-либо (2) и предмет, вызывающий состояние испуга (3).

Портал «Православие и мир», являющийся объектом, принадлежащем одновременно и религиозному и медийному дискурсу, становится пространством, в рамках которого концепт «страх» означивается в традиции двух дискурсов. Предметом настоящего исследования являются свойства и виды страха в понимании авторов портала «Православие и мир» («страх смерти», «страх неизвестности» и так далее). Объектом исследования является портал «Православие и мир» как единый динамичный (постоянно обновляемый) макротекст, постоянно доступный читателю при помощи сети Интернет. Эмпирическим объектом данного исследования стали проанализированные нами 116 статей, в которых было встречено понятие «страх» или близкие к нему. В выборке присутствуют статьи, опубликованные в период с 2009 по 2016 год (из опубликованных в данный период 17275 статей доля релевантных составила 0,67%).

Под религиозным дискурсом мы понимаем регламентируемую определенными историческими и социокультурными кодами (традициями) смыслообразующую и воспроизводящую деятельность, направленную на формирование, трансляцию и изменение догматического мышления, сакрального мироощущения и мистического опыта [Кожемякин 2009]. Для религиозного дискурса характерна ослабленная рациональность предмета обсуждения и априорная форма познания, субъективность, наделение безусловным авторитетом сакральных текстов и мистических фигур, презумпция искренности субъектности дискурсной практики, а также насыщенность высказываниями перформативного характера и сакрализованными высказываниями, направленными на актуализацию мистического трансцендентного опыта [Кожемякин 2011]. В. Ю. Балабушевич выделяет такие характеристики религиозных текстов: внутренняя неоднородность, эклектичность, закрытый характер, непереводаемость в современную понятийную сетку, многофункциональность, полисемантическую и притчевый характер [Балабушевич 1997].

Под медиадискурсом мы понимаем совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия [Добросклонская 2008]. Под медиатекстом – результат воплощения медиасобытия в языковую форму для трансляции в СМИ [Сметанина 2002].

Е. А. Кожемякин артикулирует два подхода к определению медиадискурса: «Согласно первому, медиадискурс – это специфичный тип речемыслительной дея-

тельности, характерный исключительно для информационного поля масс-медиа. <...> Согласно второму подходу, медиадискурс мыслится как любой вид дискурса, реализуемый в поле массовой коммуникации, продуцируемый СМИ» [Кожемякин 2010].

Следует отметить понимание нами портала «Православие и мир» одновременно как единого макротекстуального объекта и как гипертекста. Канал «Интернет» неслучайно выбран средой для развертывания объекта (в данном случае, портала «Православие и мир») в медиaprостранстве, поскольку именно данная среда обеспечивает наибольшую доступность и возможность наиболее частого обновления информации, входящей в состав макротекстуальной группы всего портала.

В исследовании нами был использован контент-анализ и филологический анализ для работы с содержанием статей и анализом используемых авторами лексических средств.

Частью нашего исследования стало проведение самостоятельного ассоциативного эксперимента. В качестве слова-стимула респондентам предлагалось слово «страх». Нами было опрошено всего 150 респондентов. Среди них были как читатели портала (60 человек), так и те, кто портал не читает (90 человек). Респонденты были также поделены на три возрастных группы — 20-35 лет, 35-50 лет и лица старше 50 лет.

Мы распределили реакции по тематическим группам, указав в скобках количество респондентов, представивших ту или иную реакцию.

Первую группу мы назвали «Чувства, сопутствующие страху»: таковыми являются боязнь (2), ужас (2), отчаяние (2), опасность, бессилие (2), одиночество (2), тревога (2), катастрофа, потеря, отступление, ожидание плохого, возможность, страшно, чувство, безысходность, фобия, паника, некомфортность, испуг, неуверенность, дрожь, съежиться, безумие, переживание, беспомощность, сковывает, защищает, слабость.

Вторая по распространенности группа отражает предметную направленность страха: страх за близких (потеря близких, потеря поддержки близких) (5), пауки (4), война (2), высота (2), террористы (2), боль (2), неизвестность, паутина, ответственность, змеи, война, гроза, плохое известие, страх за ребенка, болезнь близких, неудача, ссора, дурная весть, боюсь за детей, внезапность, слепота, смерть, насекомые, падение, беда, голод, ненужность, неожиданность, хаос.

Третья группа представляет индивидуальные реакции, отражающие достаточно нетривиальный ход мышления респондента: секс (2), ОМС, врач, измена, годы, бессмысленно прожитая жизнь, сектор Газа, тараканы прочь, повседневность, день прошел и ладно, стать бездомным, летать на самолете, борьба с самим собой, мультфильм, потеря в самом себе, внезапность, поступление, страх у тебя в голове.

Достаточно существенную долю реакций составляют реакции-визуализации: темнота (4), маска, мурашки, вода и огонь, «темное, мохнатое, щупальца» (в этом случае ассоциат является результатом осуществления метафорической стратегии).

Затем следуют реакции, связанные с вероисповеданием: страх Божий, ад, геенна, бог есть = бояться нечего, ярость Господа, а также реакции, опирающиеся на прецедентные тексты: Страх и ненависть в Лас-Вегасе, фильм Страх.ком.

Последнюю группу реакций мы бы назвали ассоциациями, рожденными непосредственно в ходе нашего взаимодействия с респондентами. Они подразделяются на поверхностные ассоциации (Росгосстрах), реакции-эпатаж (п\*\*\*\*ц, туалет, пустая кружка, первая жена, мокрые штаны, матан) и реакции-отрицание (у меня его нет, жить сегодняшним днем, комплексы).

Соответственно, нами была выявлена три частотных реакции (5, 4 и 4 респондентов), 10 реакций, названные одновременно двумя респондентами, и 58 единичных реакций.

### **Функции концепта страх в текстах портала**

В процессе анализа текстов мы выявили четыре основных функции употребления концепта: логико-композиционная (вокруг концепта выстраивается структура статьи), аргументационная (концепт выступает частью тезиса при аргументации), тропическая (концепт участвует в создании лексических выразительных средств, используемых в статье) и типологическая (определение страха и смежных понятий становится частью содержания статьи). Рассмотрим подробно перечисленные функции.

Логико-композиционная функция проявляется в схожей структуре статей – как правило, чаще всего ситуация наличия страха является тезисом, а аргументы подбираются догматические, институциональные, или же апеллирующие к жизненному опыту героя статьи. Это сближает данную функцию с аргументационной, в процессе использования которой «страх» становится причиной, по которой персонаж поступает тем или иным образом.

Эмпирическим объектом данной статьи является подборка статей, авторы которых используют разные типы аргументации, а именно — аргументацию к авторитету, аргументацию к источнику, а также эксплицитную и имплицитную аргументацию к опыту.

1. *Аргументация к авторитету.* Здесь примером может стать беседа митрополита Антония Сурожского о страхе Божиим, в которой митрополит Антоний ссылается на Авву Дорофея, который говорит о страхе Божиим так: «...бывает страх рабский, когда человек боится наказания и потому, пресмыкаясь, старается творить волю Божию только чтобы избежать наказания. // Есть другой страх: страх наемника, который старается творить волю своего хозяина, господина в надежде, что получит какую-то награду. // И есть третий род страха, который должен быть свойственен нам, верующим: это страх — как бы не огорчить любимого и любящего» (Интернет-портал «Православие и мир. <http://www.pravmir.ru>). Примером аргументации к авторитету в статье, написанной автором-мирянином, может стать изложение С.А. Белоусовым идеи испанского философа Х.Ортега-и-Гассета, который полагает, что «вся человеческая культура и искусство возникли для преодоления страха смерти», а также отсылка к антропологу и философу Э. Беккеру, считавшему, что «структура человеческого характера есть не что иное как система защиты от невыносимого страха смерти» (Интернет-портал «Православие и мир. <http://www.pravmir.ru>).

2. *Аргумент к источнику.* В одной из статей, рассуждая о сути Божьего страха, священник Георгий Чистяков ссылается на Евангелие от Иоанна, цитируя его: «Мы

познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее... В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх» (1 Ин 4:16-18)» (Интернет-портал «Православие и мир. <http://www.pravmir.ru>). Отсылка к Евангелию подкрепляет и рассуждения о. Георгия Чистякова о сути коленопреклонения верующего. Основная мысль этого рассуждения заключается в том, что страх (в данном случае богобоязненность) является позитивным чувством: «На самом деле, однако, в нем выражается не рабская зависимость, покорность или страх, а совсем другое чувство — восторг: «Яко возвеличишася дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси» (Псалом 103)» (Интернет-портал «Православие и мир. <http://www.pravmir.ru>).

Статья, написанная мирянином В. Судариковым, посвящена страху исповедания веры, победить который, согласно мнению автора, может «благодатное состояние человеческого сердца, проявляющееся в делах веры». Он ссылается на Евангелие от Матфея, где видит «...ясные наставления о том, что вера проявляется, прежде всего, как хождение человека перед Богом: *«когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно»* (Мф. 6:6)» (Интернет-портал «Православие и мир. <http://www.pravmir.ru>).

3. *Аргументация, основанная на опыте человека.* В этом случае она подразделяется на имплицитную текстовую аргументацию (опора на сюжеты, непосредственно составляющие основу текста, на опыт автора статьи) и эксплицитную текстовую аргументацию (опора на жития, опыт других людей и пр.).

В качестве примера имплицитной аргументации нами была выбрана статья «ЕГЭ: усталость, отупение и страх?», написанная российской школьницей. Девочка описывает свои чувства, связанные с итоговыми экзаменами: «Ну, и психологическая составляющая. Какие чувства стали для меня привычными за последний год? Страх, который возникает всегда, когда я вспоминаю, сколько времени остается до экзамена, или когда узнаю об очередном усложнении каких-то заданий в новом году. Усталость: я постоянно куда-то тороплюсь, езжу с курсов на курсы, опаздываю, все время хочу спать и не успеваю доучить. Безразличие. Все, что доставляло мне удовольствие, чем мне действительно нравилось заниматься из моей жизни, сейчас просто исчезло» (Интернет-портал «Православие и мир. <http://www.pravmir.ru>). В качестве примера статьи, основанной на эксплицитной аргументации, мы выбрали статью протоиерея Алексея Уминского. В статье отец Алексей подробно раскрывает поучение Аввы Дорофея: «Авва Дорофей говорит о том, что бывает два страха — это страх начальный и страх совершенный». После изложения слов аввы Дорофея, являющегося, в данном случае, обоснованием тезиса, прот. Алексей Уминский формулирует в виде тезиса собственное видение видов страха: «...*тот* новоначальный страх Божий не боится *этого* страха, он принимает от Бога эти наказания с величайшей благодарностью и любовью. И поэтому прежде чем начнется страх новоначальный, страх Божий, в человеке как раз должно совершиться воспитание мужества, принятие от Бога в этой жизни скорбей и наказаний с радостью...» (Интернет-портал «Православие и мир. <http://www.pravmir.ru>).

4. Обращаясь к *типологической функции* употребления концепта «страх», мы хотели бы сначала систематизировать и дать общую картину его употребления

на портале «Православие и мир». Таблица ниже иллюстрирует, с какими концептами связан концепт «страх» в текстах проанализированных статей.

<b>С чем ассоциирован концепт?</b>	<b>Количество публикаций</b>	<b>Процент от общего числа публикаций</b>
Смерть	19	16
Страх божий	14	12
Страх и семья (потеря близких)	11	9,5
Страх жизненных испытаний	11	9,5
Внутренняя политика	8	6,9
Болезнь, старость	8	6,9
Страх и вера	8	6,9
Геополитика, война	5	4,3
Страх согрешить	4	3,4
Одиночество	4	3,4
Социальные проблемы	4	3,4
Терроризм	3	2,5
Воцерковление	2	1,7
Прогресс, наука	2	1,7
Суеверия	2	1,7
Потеря	2	1,7
Бытовой страх	1	0,85
Неизвестность	1	0,85
Критика	1	0,85
Свобода	1	0,85
Насилие	1	0,85

Сравнив полученные данные с проведенным нами ассоциативным экспериментом, мы видим, что позиция «страх и семья (потеря близких)» одинаково часто встречается и как тема для публикаций портала «Православие и мир», и как реакция, полученная в ходе ассоциативного эксперимента. А ассоциативы «смерть», «страх божий», «страх жизненных испытаний», которые занимают лидирующую позицию и наиболее часто встречаются в текстах статей портала, в ходе ассоциативного эксперимента составили лишь единичные реакции. С другой стороны, «лидер» ассоциативного эксперимента («страх за близких») оказался лишь на пятом месте по частотности в материалах портала «Православие и мир». Концепты «боль» и «бессилие» (соотносимые нами с категориями «болезнь», «старость») встречаются достаточно часто в обоих случаях. На втором месте расположены концепты «пауки» и «темнота». Третье место по встречаемости в рамках ассоциативного эксперимента делят разные группы концептов — 1) боязнь, ужас, отчаяние 2) война, терроризм 3) боль, бессилие, тревога 4) одиночество 5) секс. При этом в материалах исследуемого нами СМИ наиболее частотными реакциями являются 1) страх согрешить, 2) одиночество, 3) социальные проблемы, 4) терроризм, 5) воцерковление, 6) прогресс, наука 7) суеверия. Такой результат обусловлен прагматической целью портала - делать акцент на актуальных проблемах религиозной жизни в обществе.



Единичные ассоциации, встречающиеся и в медиатекстах портала, и в реакциях респондентов, участвовавших в эксперименте, являются не столько отражением некоторых социальных тенденций, сколько выражением индивидуальных переживаний респондента или конкретного автора конкретной статьи.

И, наконец, *тропеический аспект* употребления слова «страх».

Нами были встречены следующие формы: «страшно», «не страшно, но очень не хочется!», «преодолеть страх смерти», «Погодки: страх» (Интернет-портал «Православие и мир. <http://www.pravmir.ru>), «страх, похожий на родительский», «благоговейный страх».

Следующую группу составляют тропы, использующие слово «страх» в своей основе. Прежде всего это метафоры: «в воздухе висит страх», «под страхом», «до смерти боюсь», «холодею», «бессознательной боязнью заразиться», «оставаться в плену своих страхов», «страх как болезнь», «излечить страх» (3 раза), «боящийся жизни убивает жизнь», «изгонять страх», «страх побеждается смиренной улыбкой», «не поддаваться страху», «узники страха». Отдельную подгруппу здесь представляют собой стертые метафоры («испытывать страх перед смертью», «религия поможет преодолеть страх», «побороть страх»). Существенную долю тропеического использования концепта страх составляют эпитеты: «Пустые страхи», «иррациональный страх», «страшная война», «страшная святость». Встречаются также противопоставления: «С чем обычно ассоциируется страх? С паникой, ужасом, состоянием подавленности, когда воля человека буквально парализована. Страх Божий со всем этим ничего общего не имеет» (Интернет-портал «Православие и мир. <http://www.pravmir.ru>), «страх Божий ничего общего не должен иметь с боязнью» (Интернет-портал «Православие и мир. <http://www.pravmir.ru>), «Страх тоже бывает разный – от панического ужаса до благоговейного трепета» (Интернет-портал «Православие и мир. <http://www.pravmir.ru>). В ряде случаев мы деконструируем измененное устойчивое прецедентное выражение: «без страха и предрассудков». Редко встречаются олицетворения: «Страх это враг. Он хитер и опасен» (Интернет-портал «Православие и мир. <http://www.pravmir.ru>), «Страх убивает» (Интернет-портал «Православие и мир. <http://www.pravmir.ru>). Также мы сталкиваемся с игрой слов (страх «бомжий» (Интернет-портал «Православие и мир. <http://www.pravmir.ru>), в том числе — с окказионализмами («Страхотерапия») [Интернет-портал «Православие и мир. <http://www.pravmir.ru>]. Для усиления выразительности используется тавтология («Все мои беременности — это страшный страх») [Интернет-портал «Православие и мир. <http://www.pravmir.ru>].

**Заключение** Итак, в завершение данной статьи мы хотели бы сделать следующие выводы. Прежде всего, в ходе анализа мы выделили четыре способа представления концепта «страх» в текстах. Во-первых, концепт «страх» используется при помощи собственно лексемы «страх» и ее словоформ. Во-вторых, при помощи однокоренных слов. Третью группу по мере удаленности от первоначальной формы составляют синонимы («ужас», «боязнь»). И четвертая группа — ассоциативно близкие слова («трусость», «кошмар»).

Вторым выводом из нашей работы является следующее: в ходе проведенного нами выше ассоциативного эксперимента мы получили результаты, отличающиеся

ся от результата текстуального анализа. Во-первых, большую группу ассоциаций составляют индивидуальные реакции, что в рамках анализа текста невозможно, так как именно авторская интерпретация проблемы и авторский контекст задают направление читательского восприятия и читательской интерпретации. Здесь следует отметить, что при личном контакте исследователя и респондента имеет место индивидуальная психологическая составляющая, которая в ходе нашего эксперимента проявлялась в трех основных вариантах реакций — реакция-эпатаж, реакция-«отписка» и реакция-«личный опыт». В текстах портала «Православие и Мир» наиболее часто читателям предлагается тоpos «страх перед Богом», при этом ассоциативный эксперимент не подтверждает актуальность данного христианского архетипа даже для верующих респондентов старшего поколения.

Доминирующим предметом страха в рамках публикаций портала «Православие и мир» является также тоpos «страх смерти». Несмотря на широко распространенную в православии веру в загробную жизнь, страх смерти оказывается для аудитории портала более актуальным, чем страх перед Богом, из чего мы можем заключить, что основываясь на приоритетах сообщества «Православие и мир» (в частности, приоритетах авторов и редакции, задающих тон тематической политике портала), мы вправе сделать вывод о том, что если проблемы жизни и смерти (рассматриваемые с точки зрения светского человека) являются более актуальными, чем проблемы мировоззренческого характера, то и портал «Православие и мир» в целом является скорее светским и публицистическим, чем выполняющим катехизаторскую и миссионерскую функцию.

Сочетая в себе публицистическую и миссионерскую функцию, портал «Православие и мир» является одновременно субъектом как религиозного, так и медийного дискурса, что проявляется одновременно на функциональном, прагматическом, композиционном, тематическом и аргументационном уровнях. То есть, портал выполняет одновременно функции и религиозного дискурса (катехизаторская, миссионерская) и медиадискурса (информативная, манипулятивная), ставит одновременно такие цели как приобщение к церковной жизни и адаптацию читателя в обществе; тексты, являясь прежде всего журналистскими материалами, являются одновременно инструментами воцерковления (в том числе, обладают проповеднической интенцией, содержат в себе ссылки на догмы, жития святых или примеры из жизни верующих людей); касаются как общезначимых тем (болезни, политика, образование, семья), так и специфических (опыт веры, православный стиль жизни, основы православного вероучения), используют как институциональную аргументацию (к священным текстам, к жизнеописанию признанных в рамках религиозного дискурса авторитетов), так и аргументацию, характерную для медиадискурса (обращение к актуальным общественным топикам, авторитетам из политической, культурной и научной сферы, использование рационального способа интерпретации окружающей действительности, в противовес сугубо априорному познанию, характерному для религиозного дискурса, подразумевающему, согласно Е.А. Кожемякину, презумпцию искренности субъекта дискурсной практики [Кожемякин 2011]).

### Литература

*Акименко Н.* ЕГЭ: усталость, отупение и страх. // Интернет-портал «Православие и мир». URL: <http://www.pravmir.ru/ege-ustalost-otupenie-i-strah> (дата обращения: 08.10.2015)

*Балабушевич В.Ю.* Религиозный текст: диалектика содержания и интерпретации: дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 1997, 153 с.

*Белорусов С.А.* Психология страха смерти. // Интернет-портал «Православие и мир». URL: <http://www.pravmir.ru/psihologiya-straha-smerti> (дата обращения: 19.11.2016)

*Белорусов С.А.* Страх – возможно ли преодолеть? // Интернет-портал «Православие и мир». URL: <http://www.pravmir.ru/strax-vozmozhno-li-preodolet> (дата обращения: 17.11.2016)

*Головки О., Гордеева К.* С каждым ребенком я становлюсь всё боязливей. // Интернет-портал «Православие и мир». URL: <http://www.pravmir.ru/s-kazhdyim-rebenkom-ya-stanovlyus-vse-boyazlivey> (дата обращения: 17.11.2016)

*Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М., 2008. 203 с.

*Зинова У.* Суицид – не выход: 10 советов родителям подростков. // Интернет-портал «Православие и мир». URL: <http://www.pravmir.ru/suitsid-ne-vyihod-10-sovetov-roditelyam-podrostkov> (дата обращения: 17.11.2016)

*Кожемякин Е.А.* Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородского государственного университета, 2010. №2 (73). С.13-21.

*Кожемякин Е.А.* Концептуально-методологическое обоснование дискурсивной формы бытия культуры: дис. ... докт. филос. наук. Белгород, 2009. 403 с.

*Кожемякин Е.А.* Лингвистические стратегии институциональных дискурсов // Современный дискурс-анализ, 2011. №3. URL: <http://www.discourseanalysis.org/st30.html> (дата обращения: 24.10.2016)

*Кожемякин Е. А.* Религиозный дискурс: методология исследования // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право, 2011. №2 (97). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/religiozным-diskurs-metodologiya-issledovaniya> (дата обращения: 27.01.2017).

*Митрополит Антоний Сурожский.* О страхе Божиим и об исповеди. // Интернет-портал «Православие и мир». URL: <http://www.pravmir.ru/mitropolit-antoniy-surozhskiy-o-straxe-bozhiem-i-ob-ispovedi> (дата обращения: 19.11.2016).

*Морозов Н.* Страх Божий: боязнь или любовь? // Интернет-портал «Православие и мир». URL: <http://www.pravmir.ru/strah-bozhiiy-boyazn-ili-lyubov> (дата обращения: 13.08.2015).

*Оболонкова А.* Страх «бомжий». // Интернет-портал «Православие и мир». URL: <http://www.pravmir.ru/strax-bomzhij> (дата обращения: 17.11.2016).

*Панюшкин В.* Погодки: страх. // Интернет-портал «Православие и мир». URL: <http://www.pravmir.ru/pogodki-strah> (дата обращения: 17.11.2016).

*Сметанина С.И.* Медиа-текст в системе культуры: динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX в. СПб, 2002.

*Судариков В.* О страхе исповедания веры. URL: <http://www.pravmir.ru/o-straxe-ispovedaniya-very> (дата обращения: 08.10.2015).

*Уминский А.* Когда страх согрешить убивает жизнь. URL: <http://www.pravmir.ru/kogda-strah-sogreshit-ubivaet-zhizn-protoierey-aleksiy-uminskiy-audio> (дата обращения: 17.11.2016)

*Уминский А.* Поучение аввы Дорофея «О страхе Божиим». // Фрагменты из приходских бесед. // Интернет-портал «Православие и мир». URL: <http://www.pravmir.ru/fragmentyi-iz-prihodskih-besed-pouchenie-avvy-dorofeya-o-straxe-bozhiem> (дата обращения: 04.10.2016).

*Чистяков Г.* Страх Божий и страхи человеческие. // Интернет-портал «Православие и мир». URL: <http://www.pravmir.ru/strax-bozhij-i-straxi-chelovecheskie> (дата обращения: 02.12.2015)

## CONCEPT «FEAR» IN RELIGIOUS AND MEDIA DISCOURSES BASED ON “PRAVOSLAVIYE I MIR” PORTAL

**Vladislava O. Yarovikova**

Postgraduate Student

Department of Russian Stylistics

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Mokhovaya ul, d.9

*aurora\_vanavara@mail.ru*

The article is dedicated to the representation of the concept of fear on the portal “Pravoslaviye i mir”. The usage of this concept both in everyday and institutional contexts serves publicistic and catechist purposes at the same time. While conducting the research we have analyzed materials of the portal “Pravoslaviye i mir”, and considered typological, argumentative, compositional and tropic aspects of the concept of fear. The results of textual analysis are supported by the associative experiment that we have conducted. According to it the institutional perception of the concept of fear differs from everyday understanding, which is often based on respondents’ internal emotional experience. The experiment helps us create our own unique classification of respondents’ responses, as well as find a correlation with the result of content-analysis of the “Pravoslaviye i mir” web-portal as macrotext.

**Keywords:** religious discourse, media discourse, concept, fear, associative experiment, macrotext, Pravoslaviye i mir, web-portal, argumentation.

### References

*Akimenko N.* YEGE: ustalost’, otupeniye i strakh [USE: fatigue, numbness and fear]. // Internet-portal «Pravoslaviye i mir». URL: <http://www.pravmir.ru/ege-ustalost-otupenie-i-strah>

*Balabushevich V.YU.* Religioznyy tekst: dialektika sodержaniya i interpretatsii [Religious text: the dialectics of content and interpretation]: dis. ... kand. filos.nauk. Novosibirsk, 1997. 153 s.

*Belorусov S. A.* Psikhologiya strakha smerti [The fear of the death psychology]. // Internet-portal Internet-portal «Pravoslaviye i mir». URL: <http://www.pravmir.ru/psihologiya-straha-smerti>

*Byelorusov S. A.* Strakh - vozmozhno li preodolet? [The fear: is it possible to overcome?]. // Internet-portal Internet-portal «Pravoslaviye i mir». URL: <http://www.pravmir.ru/strax-vozmozhno-li-preodolet>

*Golovko O., Gordeeva K.* S kazhdym rebenkom ya stanovlyus' vso boyazlivey [With every next child I am becoming more and more fearful] // Internet-portal Internet-portal «Pravoslaviye i mir». URL: <http://www.pravmir.ru/s-kazhdym-rebenkom-ya-stanovlyus-vse-boyazlivey>

*Dobrosklonskaya T. G.* Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI [Medialinguistics: systematic approach to the studies of the language of the media] // Moscow, 2008. 203 s.

*Zinova U.* Suitsid ne vykhod 10 sovetov roditelyam podrostkov [Suicide is not an option 10 tips to parents of teenagers]. // Internet-portal «Pravoslaviye i mir». URL: <http://www.pravmir.ru/suitsid-ne-vyihod-10-sovetov-roditelyam-podrostkov>

*Kozhemyakin E. A.* Mediadiskurs [Discourse of the media] // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. №2 (73). С.13-21.

*Kozhemyakin E. A.* Kontseptual'no-metodologicheskoye obosnovaniye diskursnoy formy bytiya kul'tury [Conceptual and methodological rationale of the discourse form of the culture entity] // Belgorod, 2009, 403 p.

*Kozhemyakin E. A.* Lingvisticheskiye strategii institutsional'nykh diskursov [Linguistic strategies of institutional discourses] // Sovremenniy diskurs-analiz, 2001, №3. URL: <http://www.discourseanalysis.org/st30.html>

*Kozhemyakin E. A.* Religioznyy diskurs: metodologiya issledovaniya // Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. 2011. №2 (97). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/religioznym-diskurs-metodologiya-issledovaniya>

Metropolitan Anthony of Sourozh. O strakhe bozhiyem i ob ispovedi [About the fear of God and about the shrift] // Internet-portal «Pravoslaviye i mir». URL: <http://www.pravmir.ru/mitropolit-antonyi-surozhskiy-o-strakhe-bozhiem-i-ob-ispovedi>

*Morozov N.* Strakh bozhiy: boyazn' ili lyubov'? [Fear of God: anxiety of love] // Internet-portal «Pravoslaviye i mir». URL: <http://www.pravmir.ru/strakh-bozhiy-boyazn-ili-lyubov>.

*Obolonkova A.* Strakh «bomzhii» [Fear of homeless]. // Internet-portal «Pravoslaviye i mir». URL: <http://www.pravmir.ru/strakh-bomzhii>

*Panyushkin V.* Pogodki: strakh [Siblings; the fear]. // Internet-portal «Pravoslaviye i mir». URL: <http://www.pravmir.ru/pogodki-strakh>

*Smetanina S.I.* Media-tekst v sisteme kul'tury: dinamicheskoye protsessy v yazyke i stile zhurnalistiki kontsa 20 v. [Text of media in the cultural system: dynamic processes in the language and style of the journalism at the end of 20<sup>th</sup> century] // Saint-Petersburg, 2002.

*Sudarikov V.* O strakhe ispovedaniya very [About the fear of worship]. URL: <http://www.pravmir.ru/o-straxe-ispovedaniya-very>

*Uminskiy A.* Kogda strakh sogreshit' ubivayet zhizn' [When a fear to sin kills the life]. URL: <http://www.pravmir.ru/kogda-strah-sogreshit-ubivaet-zhizn-protoierey-aleksiy-uminskiy-audio>

*Uminskiy A.* Poucheniye avvy Dorofeya «O strakhe Bozhiyem». // Fragmenty iz prihodskikh besed. [Abba Dorotheus sermon “About the dear of God”]. // Fragments of the parish conversations]. URL: <http://www.pravmir.ru/fragmentyi-iz-prihodskih-besed-pouchenie-avvyi-dorofeya-o-straxe-bozhiem>

*Chistyakov G.* Strakh Bozhiy i strakhi chelovecheskiye. [Fear of God and human fears]. // Internet-portal «Pravoslaviye i mir». URL: <http://www.pravmir.ru/strax-bozhij-i-straxi-chelovecheskie>

Щ л

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА XX ВЕКА И ЕЕ КОРИФЕИ.  
Б.А. СЕРЕБРЕННИКОВ: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО**

**Постовалова Валентина Ильинична**

главный научный сотрудник, ИЯз РАН

Москва, 125 009, Большой Кисловский переулок, д. 1, стр. 1

*aroni4@yandex.ru*

Статья посвящена характеристике жизненного пути, выдающего ученого и организатора науки Б.А. Серебрянникова (1915-1989), раскрытию его творческого лика и участия в становлении отечественной науки о языке. Рассматриваются основные черты стиля мышления Б.А. Серебрянникова – историзм, онтологизм, реализм, диалектизм и материализм, интерпретируемый им как адекватность лингвистического описания действительной природе языка. Анализируются принципы его научного подхода к постижению лингвистической реальности – неукоснительное стремление к истине, борьба против односторонних позиций в истолковании природы языка, системность мышления, соединение анализа конкретных эмпирических данных с их глубоким теоретическим осмыслением, принципиальность и демократизм в дискуссиях. Описывается борьба Серебрянникова против «нового учения» Н.Я. Марра и неомарризма, а также последствий сталинизма. Дается характеристика научного дискурса эпохи идеологического тоталитаризма. Рассматриваются идеи Серебрянникова о создании лингвистики антимарровской направленности на основе традиционного сравнительно-исторического учения о языке.

**Ключевые слова:** языкознание, лингвистическая историография, научный дискурс, лингвистическая палеонтология, неомарризм, сталинизм, идеологический тоталитаризм, историзм, онтологизм, диалектизм, материалистический подход.

*Человек есть живое духовное единство... Только исходя из центра его существа, можно понять смысл его судьбы, историю его жизни и ценность его творчества.*

К. В. Мочульский. Владимир Соловьев. Жизнь и учение

**1. Творческий лик, жизненные ценности и приоритеты.** 6 марта 2015 г. исполнилось сто лет со дня рождения академика Бориса Александровича Серебрянникова, выдающегося ученого и общественного деятеля нашего времени. Б.А. Серебрянников был родом из Холмогор, из Архангельской области, из мест, откуда вышел Михаил Васильевич Ломоносов, величайший русский ученый-энциклопедист, ставший символом русской науки. И Борис Александрович с его немосковским северным говором всегда представлял таким же гигантом и символом настоящей науки. Символом подлинной науки о языке.

Б.А. Серебрянников был лингвистом, из той редкой и драгоценной породы, каких называют лингвистами «милостию Божией». По складу своей личности он был историк, которого волновала жизнь языка в его генезисе и становлении. И он

был лингвист-полиглот<sup>1</sup>, которого интересовал не только Язык как таковой, но и языки в реальных формах их существования. Это позволяло Борису Александровичу в своих исследованиях объединять две специализации – общее языкознание и изучение конкретных языков и их семей<sup>2</sup>, а в области общего языкознания методологию сравнительно-исторического языкознания и философию языка, что было для него неразделимо<sup>3</sup>.

Предметом его изучения стал Язык как таковой, рассматриваемый в различных его аспектах и в единстве его проявлений в ликах конкретных языков<sup>4</sup>.

Серебрянников был лингвистом-теоретиком онтологического склада ума в исконно-греческом понимании теории как созерцания, или умозрения реальности. Для такого видения теория (ἡ θεωρία) и есть в первоначальном смысле этого слова «зрелище», «смотрение на зрелище», «рассмотрение», или «созерцание». Для Бориса Александровича это было умосозерцание лингвистической реальности. В годы, когда научное познание вступало на путь неклассического периода своего развития с его акцентированием высокой значимости принципа плюрализма и презумпции неединственности теоретико-эмпирического представления реальности, Б.А. Серебрянников всегда поражал глубинным реализмом своего научного мировоззрения. Своей непоколебимой убежденностью в способность науки о языке адекватно познавать лингвистическую реальность. В этой своей убежденности он оставался ученым, разделявшим позицию самосознания классической науки с ее верой в возможность видения реальности «как она есть», или, на языке философии науки, видения реальности с позиции «божественного наблюдателя».

Не будем забывать о греческих истоках лингвистических воззрений Б. А. Серебрянникова. В 1939 г. Борис Александрович закончил классическое отделение МИФЛИ (Московского института философии, литературы и истории), став «одним из первых филологов-классиков нового поколения» [Красухин 2003: 149]<sup>5</sup>. А в 1949 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Общие вопросы теории артикля и проблема семантики употребления артикля в древнегреческом языке». Центром его внимания в диссертации было функционирование артикля у Геродота.

---

<sup>1</sup> По свидетельству К. Г. Красухина, Б.А. Серебрянников, «обладая уникальными способностями полиглота... овладел примерно 30 языками» [Красухин 2003: 148]. Особенно глубоко он знал немецкий, английский, французский, финский и венгерский языки, а также язык коми – родной язык своего отца (коми по национальности). Читал по-грузински, китайски, японски, арабски [Там же].

<sup>2</sup> В 1956 г. Б.А. Серебрянников защитил докторскую диссертацию «Система времен в волжско-финских и пермско-финских языках». Позже по этой теме им были опубликована монография, посвященная пермским языкам [Серебрянников 1960]. В последующем темой его исследования становится система времен татарского глагола [Серебрянников 1963 б], а также историческая морфология мордовских языков [Серебрянников 1967] и сравнительно-историческая грамматика тюркских языков [Серебрянников, Гаджиева 2010].

<sup>3</sup> Выделяя в работах Серебрянникова в области языкознания две линии – методологию компаративистики и философские вопросы языка, К.Г. Красухин отмечал условность такого разделения. Ведь любое языковое явление Серебрянников рассматривал «на огромном количестве языков», стараясь показать его в историческом развитии [Красухин 2003: 153].

<sup>4</sup> О творческом пути Б.А. Серебрянникова см.: [Арутюнова, Кубрякова, Степанов 1985; Красухин 2000 и 2003; Широков 1989].

<sup>5</sup> Кафедра классической филологии была вновь открыта в 1934 г. после длительного перерыва (1917-1934 гг.).



Б.А. Серебренников обладал редким даром интуитивного видения языка в его жизненной конкретности. Характерно, что в своих работах он часто предпочитал сложному концептуальному обоснованию и рассуждению эмпирическое обоснование с помощью конкретных примеров. Так, в работе «Вероятностные обоснования в компаративистике» 1974 г., он раскрывает сущность нематематического (типологического) метода вероятностных обоснований, используемого при сравнительно-историческом изучении языков, на примере рассмотрения множества конкретных лингвистических гипотез. И в частности, гипотезы о существовании в индоевропейском языке одного гласного. Серебренников усматривает «главный порок» этой гипотезы в том, что она «не принимает во внимание некоторых типологических корреляций», того, что «в мире нет ни одного языка, который имел бы только один гласный» [Серебренников 1974: 341].

Наконец, что особенно значимо для понимания творческого лика и стиля мышления Б.А. Серебренникова, так это то, что по складу своего мироощущения он был природный диалектик. И опять же в исконно-греческом античном понимании этого слова. Ведь греческая диалектика (др.-греч. *διαλεκτική* – ‘искусство спорить’, ‘вести рассуждение’) родилась из искусства ведения споров и обнаружения истины путем столкновения двух противоположных мнений.

Как подлинный диалектик Серебренников в своем стремлении познавать лингвистическую реальность пребывал в постоянном противостоянии крайним мнениям. Его тексты – это настоящая критическая ретроспектива лингвистических воззрений XX в. по самым разным вопросам лингвистического знания в их противостоянии и противоборстве. При этом сам Борис Александрович в научной полемике был очень демократичен как в выборе своих оппонентов, так и сторонников. Он шел к научной истине, отбрасывая ложные ходы мысли и часто вообще мало обращая внимание на то, кем высказывалось то или иное суждение – всемирно известным ученым и философом или же исследователем, только начинающим свой путь в науке.

В работе «Об относительной самостоятельности развития системы языка» Б.А. Серебренников, выступая против чрезмерных претензий структурализма, утверждал, что «путь к наиболее объективному и верному познанию сущности языковых явлений предполагает не крайности, а всесторонний учет различных причин в их сложном переплетении» [Серебренников 1968: 8]. В этой работе он задался целью «показать на конкретных примерах роль внешних и внутренних факторов в истории различных языков» [Там же: 7].

Будучи убежденным противником всякого рода крайностей, Серебренников в своих практических описаниях и теоретических рассуждениях избегал односторонних позиций в истолковании природы языка. Так, по его мысли, в современном языкознании значительно преувеличена роль системных изменений. В языке многое изменяется «помимо системы и независимо от системы» [Там же: 125]. В частности, вне зависимости от системы в языке происходят фонетические изменения, направленные на облегчение произношения. По этой причине, утверждает Серебренников, «историческая фонология никогда не сможет вытеснить историческую фонетику», поскольку она «не в состоянии объяснить многие звуковые изменения, происходящие в языке» [Там же: 126]. По его словам, «изменения в

языке, отражающие изменение языковой системы, составляют лишь не особенно значительную часть всех изменений, происходящих в языке» [Там же: 125].

Крайне ошибочным Б.А. Серебренников считал устранение крайними структуралистами проблемы причинности. Ведь такое устранение, по его словам, лишает науку о языке возможности осознать «внутренний смысл сложного переплетения различных тенденций, действующих во внутренней сфере языка, которое только на первый взгляд кажется совершенно хаотичным и ничем не регулируемым» [Там же: 126].

Диалектический склад мышления Серебренникова проявлялся в его чутком внимании к наличествующим в языке противоречиям и поискам путей их преодоления. «Как разрешить это явное противоречие: язык ничего не отражает и в то же время он должен отражать?» – задается вопросом Серебренников [Серебренников 1988 б: 75]. И утверждает: «Было бы совершенно неправильно предполагать, что создание языкового знака абсолютно оторвано от процессов отражения... Весь секрет здесь заключается в том, что это частное отражение подчинено всецело техническому приему создания знака» [Там же: 76-77].

**2. Трагические баталии в науке о языке XX в.: «новое учение о языке» и борьба против последствий сталинизма.** «Историк никогда не должен забывать, что изучает он и описывает творческую трагедию человеческой жизни. Не должен, ибо и не может», – писал в «Путиях русского богословия» прот. Г. Флоровский [Флоровский 1991: XI]. Творческая и жизненная судьба отечественных лингвистов в эпоху, когда начинал свой путь в науке Б.А. Серебренников, была полна подлинного трагизма. Это было время претерпевания и последующего развенчания двух культур в языкознании – марризма и сталинизма, противостояние которым требовало высокой гражданской позиции и мужества. Такое гражданское мужество и проявил Б.А. Серебренников в развернувшейся в пятидесятых-шестидесятых годах прошлого века критике «нового учения о языке» Н.Я. Марра, а также в последующем признании и преодолении последствий сталинизма в языкознании.

«Новое учение о языке» Марра известно под названиями «яфетидология» (по имени Иафета, или Яфета – сына библейского Ноя), «яфетическое языкознание», «яфетическая теория», «теория стадиальности», или «теория происхождения, истории и классовой сущности языка». Но более часто в лингвистической историографии учение Марра именуется просто «новым учением о языке», противопоставляемым традиционному сравнительно-историческому языкознанию. Э.П. Свадост-Истомин предлагает называть концепцию Н.Я. Марра «теорией пирамидальности всемирной языковой эволюции», считая, что «это – самое точное ее название, подсказанное им же самим» [Свадост-Истомин 1968: 187]. Автор ссылается здесь на статью Марра «Основные достижения яфетической теории» (1924), где говорится: «По яфетическому языкознанию, зарождение, рост и дальнейшее или конечное достижение человеческой речи можно изобразить в виде пирамиды, стоящей на основании. От широкого основания, именно – праязычного состояния в виде многочисленных моллюскообразных зародышей-языков, человеческая речь стремится, проходя через ряд типологических трансформаций, к вершине, т.е. к единству языков всего мира» (цит. по: [Свадост-Истомин 1968: 187]).

Вот как описывает В.М. Алпатов события, связанные с участием Б.А. Серебренникова в развернувшейся борьбе против марризма:

– «Были и отдельные выступления, направленные непосредственно против Марра. В конце 1949 г. на заседании кафедры классической филологии филологического факультета МГУ молодой и мало кому тогда известный преподаватель Б. А. Серебренников вместо предписанного ему дежурного выступления, прославляющего Марра, остро и убедительно раскритиковал его метод и многие его положения. Выступление произвело эффект разорвавшейся бомбы, немедленно Серебренников попал в число прорабатываемых» [Алпатов 2004: 165].

– «Б.А. Серебренников (в первые месяцы 1950 г. – *В.П.*) был вообще уволен с факультета (правда, ему разрешили дочитать до конца учебного года свой курс)» [Там же: 167]. В газете «Правда» была объявлена публичная дискуссия по проблемам языкознания. «Часть статей заказывалась, но появлялось и то, что в редакциях называют “самотеком”. Так, Б.А. Серебренников, узнав о дискуссии в “Правде”, написал туда письмо (по его собственному свидетельству, от отчаяния), во многом повторявшее его доклад на кафедре. Тем не менее не прошло и двух недель, как письмо было напечатано в “Правде”» [Там же: 169].

Критическое выступление против учения Марра сыграло судьбоносную роль в становлении жизненного и творческого Б.А. Серебренникова. В 1952 г. он был избран член-корреспондентом Академии наук СССР. Был назначен заместителем директора Института языкознания, а затем и директором Института (1960-1964), где организовал два сектора: Сектор общего языкознания и Сектор финно-угорского языкознания, которыми заведовал до конца своих дней.

Для самого Серебренникова такое выступление было защитой подлинной науки и истины в науке, которая была высшей ценностью для самого Бориса Александровича. Как он утверждал в своей программной антимарровской статье 1952 г.: «Подлинная наука... дорожит всем тем, что хотя бы в какой-то мере проливает свет на истину» [Серебренников 1952: 264]. Сам Серебренников свято верил в причастность подлинно научного знания истине. Как он полагает: «Для историка древних периодов оказывается ценным нередко совершенно незначительный документ, который при критическом отношении к нему, как к историческому источнику, помогает отыскать какую-то часть истины. Поэтому любой, даже... приблизительно сконструированный архетип, но сконструированный по всем правилам лингвистической науки, все же проливает известный свет на истину, отражает какую-то часть истины» [Там же]<sup>6</sup>. И подлинная наука, утверждает Серебренников, «ничего общего не имеет с той теоретической путаницей и бестолковщиной, которую создали Н.Я. Марр и его последователи» [Там же].

Согласно концепции моногенеза Марра слова всех языков в результате «звуковой революции» в ходе трудовой деятельности человека произошли от четырёх элементов – изначальных «трудовых выкриков» САЛ, БЕР, ЙОН, РОШ, использовавшихся в магических целях. В бакинском «Общем курсе учения о языке» Марр так писал об этом: «Четыре элемента, возникшие вместе с другими искусстваами в

---

<sup>6</sup> Критическое рассмотрение сравнительно-исторического метода в языкознании см. в ранней работе Б.А. Серебренникова: [Серебренников 1950].

эволюции трудового процесса, представляющего собой магию, не имели первоначально и долго не могли иметь никакого словарного значения, ибо звуковых слов еще не было, как не было звуковой речи...» (цит. по: [Концевич 1991: 567]). А в работе «Язык» (1927) он так пояснял смысл и мотивацию именовании этих элементов: «Первичное диффузное произношение каждого из четырех элементов, как единого цельного диффузного звука, пока не выяснено. Нам эти четыре элемента доступны в многочисленных закономерных разновидностях, из которых для четырех элементов выбраны как условное наименование четыре их формы, по одной для каждого элемента: *сал, бер, ион, рош*, что указывается латинскими буквами в порядке их перечисления А = сал, В = бер, С = ион, D = рош. Выбор сделан по созвучию с известными племенными названиями, в состав которых они входят без изменения или с позднейшими частичным перерождением, именно: “сар-мат” – сал (А), “и-бер” – бер (В), “ион-яне” – ион (С), “эт-руск” – рош (D)» [Там же].

Анализ по четырем элементам явился основой «семантической палеонтологии речи» Н.Я. Марра. Его лингвистическая палеонтология бралась возводить любое слово к одному (или нескольким) из четырёх элементов путем достаточно произвольной замены и перестановки звуков. Эта часть «нового учения» Марра, по словам Л.Р. Концевича, «ввиду его абсурдного и фантастического характера не была принята даже его ближайшими последователями» [Концевич 1991: 567]. Такую позицию разделял и Б.А. Серебренников. По его словам, гипотеза Марра о «существовании первоначальных четырех элементов, общих для всех языков, полна противоречий и не выдерживает никакой критики» [Там же: 280].

Суть нового учения о языке Н.Я. Марра, а также сам исторический путь марризма, его возвышения и разгрома как антинаучного направления детально описаны и проанализированы в современной лингвистической историографии<sup>7</sup>.

Полагая, что «марризм реабилитации не подлежит» и что «учение о четырех элементах давно никого не привлекает», В.М. Алпатов в своих поздних дополнениях 2003 г. к своему историко-научному исследованию «История одного мифа: Марр и марризм» допускает, однако, возможность того, что в будущем у Марра «могут оказаться востребованными какие-то гениальные прозрения и озарения» [Алпатов 2004: 220, 262]. Так, полагает Алпатов, «гипотеза академика Т.В. Гамкрелидзе о том, что марровские четыре элемента – предсказание еще неизвестной в 20 – 30-е гг. структуры генетического кода (элементов там тоже четыре), вполне правдоподобна, хотя ее и нельзя доказать» [Там же]<sup>8</sup>.

Об этой гипотезе Т.В. Гамкрелидзе упоминает и В.П. Руднев в своем «Словаре русской культуры XX века». По словам Руднева, «по неуловимой логике судьбы самое скандальное и примитивное в теории Марра — сведение всех слов к четырем элементам — в какой-то степени предварило открытие четырех элементов генетического кода» [Руднев 1997]. В.П. Руднев ссылается на следующее

---

<sup>7</sup> Детальная библиография по данному вопросу приводится в исследовании В.М. Алпатова [Алпатов 2004: 222-231, 278-279]. Реконструкцию лингвофилософских воззрений Н.Я. Марра см. в исследовании Я.М. Шилкова [Шилков 2013], где автор выделяет в философии языка Марра три основных топика: 1) палеонтология языка, 2) формирование речевой способности человека, 3) язык и сознание.

<sup>8</sup> В.М. Алпатов ссылается здесь на работу Т.В. Гамкрелидзе: [Гамкрелидзе 1988].

высказывание Гамкрелидзе: «... теория Марра не имеет под собой никаких рациональных оснований, она противоречит и логике современной теоретической лингвистики, и языковой эмпирии... Но теория эта, представляющая своеобразную модель языка, весьма близкую к генетическому коду... может послужить иллюстрацией проявления в ученом интуитивных и неосознанных представлений».

В.М. Алпатов подчеркивает, что отмечаемые исследователями озарения и прозрения у Н.Я. Марра не были результатом «нормальной деятельности ученого», которая вообще не была свойственна Марру [Алпатов 2004: 262]. Люди такого типа, по словам Алпатова, «могут быть пророками, создателями религиозных учений, выдающимися революционерами, полководцами, харизматическими политиками, поэтами, но никак не учеными» [Там же: 263]. И в науке, утверждает Алпатов, Марр «мог быть пророком, но не исследователем» [Там же]. По складу своего характера Марру, как полагает Алпатов, было вообще «противопоказано заниматься наукой» [Там же]. А его административная деятельность в области гуманитарной науки оказалось глубоко трагичной. Амбивалентный образ Марра как ученого и организатора науки так рисует И.М. Дьяконов: «Николай Яковлевич Марр – страстный (а потому и пристрастный) человек, страстный в своих убеждениях ученый, страстный, великий организатор науки – сыграл, во благо и во зло, такую громадную роль в нашей гуманитарной науке, какую, пожалуй, не сыграл никто иной» [Дьяконов 1988: 179].

Такое полное несоответствие ментальности Марра научному стилю мышления глубоко ощущал и Б.А. Серебренников. В своей антимарровской статье 1952 г. он резко выступает против абсолютного гиперисторизма позиции Марра. По мысли Серебренникова, хотя любое явление в истории языка действительно может быть «увязано с историей народа», однако «не каждый импульс, вызывающий то или иное явление в языке, вызывается историческими причинами» [Серебренников 1952: 277]. Произвольным построениям лингвистической палеонтологии Н.Я. Марра Б.А. Серебренников противопоставляет традиционный сравнительно-исторический метод в языкознании, обращаясь в этой статье к данным более пятидесяти языков и наречий, что свидетельствует о высокой лингвистической эрудиции и компетенции автора<sup>9</sup>.

В свое время А.А. Реформатский, оценивая свое отношение к новому учению Н.Я. Марра, говорил о себе: «Я не марровец и не антимарровец, я амарровец» [Алпатов 2004: 138]. Борис Александрович мог твердо сказать о себе: «Я – антимарровец». Он выступал как яростный противник этого учения, которое перечерки-

---

<sup>9</sup> Назовем эти языки, упоминаемые в антимарровской статье Б.А. Серебренникова 1952 г., перечислив их для иллюстративной простоты в алфавитном порядке. Это – албанский, английский, англо-саксонский и армянский. Болгарский, бретонский и венгерский. Готский, греческий, грузинский и зырянский. Идиш (еврейский), исландский и древнеисландский, испанский и итальянский. Казахский, камско-булгарский, караимский и коми-зырянский. Латгшский и литовский. Марийский и мордовский. Немецкий, ненецко-самоедский, новогреческий, норвежский и древненорвежский. Персидский, позднелатинский, польский, португальский, провансальский и прусский. Румынский, русский и древнерусский. Санскрит и старославянский. Таджикский, татарский, турецкий и туркменский. Удмурдский и узбекский. Финский и древнефинский, французский и старофранцузский. Цыганский, чешский, чувашский и древне-чувашский. Шведский и эстонский.

вало все его представления о языке и его бытии в культуре и общественной жизни. Можно без преувеличения сказать, что это творческое «анти» составило содержание практически всей последующей научной жизни и научных интересов Б.А. Серебренникова, будучи было направлено на созидание лингвистики антимаррровской направленности. Расценивая новое учение о языке Марра как антинаучное и глубоко ошибочное и последовательно опровергая в своих работах разных лет ошибочные тезисы данного учения, Серебренников развивает идеи традиционного сравнительно-исторического учения о языке. Он воссоздает эскиз понимания лингвистики как науки, базирующейся на диалектике универсального и этнолингвистического, и диалектике внутренних и внешних факторов в развитии языка. Среди последних он выделяет, помимо социальных факторов, факторы биологические (удобство произношения) и психологические (ассоциации разного рода).

В русле антимаррровского противостояния Б.А. Серебренниковым были теоретически и эмпирически осмыслены многие стержневые проблемы лингвистики. К ним сам Серебренников относит такие вопросы, как: социальная природа языка, проблема языкового знака и значения, проблема типов мышления, проблема идиоэтнического и универсального в языках мира, проблема стадий в развитии языков мира, связь явлений языка с историей общества, особенности развития человеческого мышления и языковой структуры, праязык, типические явления в языках мира [Серебренников 1983: 3].

И даже когда отгремели антимаррровские баталии, Серебренников продолжал чутко реагировать на различные рода проявления маррровских представлений и говорил об опасностях неомарризма. Закljučая свою книгу «О материалистическом подходе к явлениям языка», он утверждает, что «марризм в деятельности неомарристов принимает более утонченные и завуалированные формы», и полагает, что «неомарризм явно тянет советское языкознание к идеализму времен Н.Я. Марра» [Там же: 317]. В книге «Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление» Б.А. Серебренников поставил перед собой двойную задачу: «освободить советское языкознание от пережитков марризма, которые, к сожалению, в отдельных случаях еще имеют место», и – попытаться «представить некоторые процессы и явления языка в новом свете» [Серебренников 1988а: 4].

К пережиткам марризма Серебренников относит неадекватное разрешение вопроса о существовании так называемых имманентных (внутренних) законов существования языка. По его словам, «термин “имманентные законы языка” считается в нашем языкознании одиозным», и «многие советские языковеды и философы считают, что никаких имманентных законов в языке нет» [Там же: 148]. Но, как утверждает Серебренников, «критика имманентных законов и их огульное отрицание отражает глубокое непонимание сущности человеческого языка» [Там же: 160].

Говоря о языке как общественном явлении, Б.А. Серебренников упоминает о «методологических извращениях, допущенных в свое время Н.Я. Марром и его последователями» [Серебренников 1970: 429]. К таковым он относит теорию Марра о классовости языка и его надстроечном характере. Утверждению Марра о том, что «нет языка, который не был бы классовым, и, следовательно, нет мышления, которое не было бы классовым» [Марр 1934: 91] Серебренников противопоставляет свой тезис: «Язык по своей природе не является классовым и не может быть классо-

вым» [Серебрянников 1970: 429]. Странники теории классовости языка, утверждает Серебрянников, не учитывают того положения, что язык есть не «идеологический продукт», а «способ выражения любого содержания». Категории, лежащие в основе средств выражения связей между словами, «абсолютно нейтральны по отношению к какой бы то ни было классовости» [Там же]. И значение «абсолютно преобладающего числа слов, входящих в словарный состав любого языка, идеологически нейтрально» [Там же]. По этой причине язык «оказывается пригодным как для выражения суждений сугубо идеологического характера, так и выражения суждений, лишенных идеологического характера» [Там же].

Несостоятельным, по мысли Серебрянникова, является и утверждение Марра и его последователей о надстроечном характере языка. Такое утверждение, по выражению Серебрянникова, «знаменует собой полное непонимание особенностей исторического развития языков», в частности, «незнание того, что возникновение грамматических форм или различие их языкового оформления причинно не связаны с особенностями экономической структуры общества» [Там же].

Высокая гражданская позиция Б.А. Серебрянникова проявилась и в преодолении последствий сталинизма в языкознании. В статье «О ликвидации последствий культа личности Сталина в языкознании» Серебрянников говорит о необходимости освободиться от «некоторых методов и привычек, унаследованных от сталинской эпохи» [Серебрянников 1964: 113]. Призывая к необходимости ликвидации последствий культа личности Сталина в языкознании, Борис Александрович фактически приносил покаяние от имени всего Отделения литературы и языка АН СССР, разделявшего догматическую ментальность и идеологические искажения в науке эпохи сталинизма. И – покаяние от себя лично за свои ошибки, испытав на себе и своем творчестве весь гнет «тлетворного влияния сталинского режима» [Там же: 109].

К последствиям, подлежащим преодолению в научном менталитете лингвистов, он относит априоризм суждений и выводов, догматизм и робость, лень мысли и всевозможные страхи. Как утверждает Б.А. Серебрянников со своей обычной прямотой: «Можно без преувеличения сказать, что сталинский период оказал влияние в большей или меньшей степени на всех советских языковедов. Этому влиянию, несомненно, подвергались и мы, руководители Отделения литературы и языка АН СССР. Нам также в свое время были свойственны догматизм и робость. Мы знали о недостатках сталинского учения о языке, но часто боялись о них говорить и их замалчивали» [Там же: 109].

По словам Серебрянникова, лейтмотивом исследований некоторых языковедов был «суеверный страх впасть в идеализм» [Там же: 110]. Так, многие лингвисты, по его наблюдению, опасались принимать знаковую теорию языка из-за страха получить обвинение в том, что данная теория является разновидностью так называемой «теории иероглифов» – гносеологической концепции физиологического идеализма, упоминаемой В.И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм» (гл. 4, § 6). Согласно данной теории, «ощущения являются условными знаками (символами, иероглифами) вещей», а отнюдь не отражением их объективных свойств [Ярошевский 1962: 239]. «Теория иероглифов» была разработана Г.В. Плехановым и изложена в примечаниях к его переводу книги Ф. Энгельса «Людвиг

Фейербах и конец классической немецкой философии», где Плеханов утверждает: «Наши ощущения – это своего рода иероглифы, доводящие до нашего сведения то, что происходит в действительности. Иероглифы не похожи на те события, которые ими передаются. Но они могут совершенно верно передавать как самые события, так – и это главное – и те отношения, которые между ними существуют» [Плеханов 1956: 486-487]<sup>10</sup>.

В работе «Об относительной самостоятельности развития системы языка» Б.А. Серебренников упоминает еще об одном страхе – «боязни» отступления от принципа историзма в его марровском понимании. Это проявляется, по мысли Серебренникова, в ошибочном истолковании термина «относительная самостоятельность развития» языка. По его наблюдению, в языкознании в данный термин «вкладывается примерно такое же понятие, какое в него вкладывалось в начале пятидесятых годов» [Серебренников 1968: 124]. Другими словами, полагается, что «в общем, все зависит от истории общества, но в каких-то отдельных случаях наблюдается меньшая степень этой зависимости, некоторая самостоятельность, которая получила название относительной самостоятельности» [Там же: 124-125].

Подобное истолкование, по утверждению Б.А. Серебренникова, «зародилось еще в период нового учения о языке и является отражением боязни отрыва языковых явлений от истории народа» [Там же: 125]. Считая такое истолкование неадекватным, Серебренников избирает другой путь рассуждения. «Под относительной самостоятельностью изменения следует понимать нечто другое, – утверждает он. – Действие внутреннего импульса может встретиться с действием внешнего импульса, что может отразиться на характере языкового изменения» [Там же: 125]. И резюмирует: «Отсутствие гарантии абсолютной самостоятельности и составляет в данном случае содержание относительной самостоятельности развития» [Там же]<sup>11</sup>.

Всякая наука и в особенности наука гуманитарная, вольно или невольно запечатлевает в своих парадигмах и конструктивных построениях дух и мыслительные привычки своего времени. Эпоха тоталитаризма приносила в языкознание идеологизированные клише-ярлыки и разрушительные штампы демагогической логики. Лингвистике и лингвистам предстояло избавиться от этих привнесений, от которых в особенности пострадали философия языка и лингвистическая историография. Современному читателю трудно даже представить себе, каким был научный дискурс того времени, когда в соответствии с гласным и негласным научным этикетом эпохи культа личности все научные публикации включали как свой необходимый компонент обязательный риторический энкомий – славословие «кумира» и соответственно – поношение «врагов», именуемых «горе-марксистами» и подобными именами-кличками. Так, пишет В.М. Алпатов, «славословия Марру были обязательными, особенно в статьях итогового и юбилейного характера» [Алпатов 2004: 116].

---

<sup>10</sup> О теории иероглифов см.: [Грэхем 1991], а также [Зеньковский 1991: 40].

<sup>11</sup> Что же касается истолкования самого понятия развития, то оно, по свидетельству Б.А. Серебренникова, «во многих лингвистических работах остается неопределенным» [Серебренников 1968: 124].



Но своего апогея эта тенденция достигает в эпоху сталинизма, когда каждая научная публикация строилась по принципу идеологической рамочной конструкции – начинать с восхваления роли вождя и его идей в развитии науки и завершать таким же восхвалением. Так, коллективная монография «Вопросы языкознания в свете трудов И.В. Сталина» 1952 г., вышедшая в издательстве Московского университета под редакцией академика В.В. Виноградова, где и была напечатана программная статья Б.А. Серебренникова о критике четырехэлементного анализа Н.Я. Марра, начинается характерным для этого времени пассажем: «Возрожденная гениальными трудами И.В. Сталина по вопросам языкознания советская лингвистика находится на подъеме и движется к славному будущему» [ВЯ 1952: 3].

Для истории науки особый интерес данной книги заключается в том, что в ней научная и идеологическая критика одного культа (марризм) проводится на научном и идеологическом языке другого культа (сталинизм). Такой идеологизированный штамп характерен и для антимарровской статьи Серебренникова, где автор, отметив установку академика Н.Я. Марра и его последователей на «искоренение сравнительного метода из практики изучения истории различных языков» под предлогом невозможности использования сравнительно-исторического метода в советском языкознании как идеалистического по своей сущности, пишет: «Теперь, когда великий Сталин нанес сокрушительный удар учению Н.Я. Марра, освободив науку о языке от идеализма и мистики, настало время для объективной и трезвой оценки того и другого метода исследования» [Серебренников 1952: 245].

В соответствии с идеологическим каноном эпохи тоталитаризма языкознание разделялось на «советское» и «буржуазное». Такое разделение принимается и у Б.А. Серебренникова, который говорит, в частности, о «советском языкознании» и «буржуазном сравнительном языкознании» [Там же: 273, 274]. Подобное разделение распространяется у него и на область методологии научного исследования. По словам Серебренникова, «советский сравнительно-исторический метод должен быть более точным по сравнению с сравнительно-историческим методом, практикуемым в зарубежном сравнительном языкознании» [Там же: 275]. И если «зарубежные компаративисты недифференцированно подходили к изучению различных областей языка, в результате чего лексика, морфология и синтаксис одинаково вводились к праязыковой плоскости», утверждает он, то «советский компаративист должен учитывать наличие в языке сфер более проницаемых и менее проницаемых» [Там же: 274].

После 1950 г. термин «буржуазное языкознание» постепенно перестает употребляться в науке о языке. С этого времени термин «буржуазная лингвистика», по выражению К.Г. Красухина, «не то, чтобы вышел из употребления (его применяли к некоторым направлениям структурализма), но утратил свое зловещее звучание» [Красухин 2003: 151].

Современная историография, не принимая разделения науки на идеологические варианты, поднимает вопрос о возможности существования национальных вариантов науки и философии и их отдельных направлений. Так, Ю.С. Степанов говорит о специфике национальных школ в истолковании так называемого Нового реализма. И, в частности, Нового русского реализма, а также американского Нового реализма [Степанов 1998: 718, 693-694]. Свое рассмотрение он предваряет

размышлениями П. Серию о национальных вариантах структурализма и, прежде всего, его «русского варианта» [Серийо 1995: 323]. Как утверждает Серийо: «... структурализм русских пражан, полностью вписываясь в *атмосферу эпохи*, в то же время небезразличен и к *атмосфере места*, к интеллектуальной атмосфере России (Курсив П. Серийо – *В.П.*). Весьма расплывчатое понятие *атмосферы места*, места, которое находится одновременно в Европе и вне ее, позволяет верно поставить вопрос о соотношении частей и целого в европейской науке. Ведь пражский структурализм вовсе не находится на периферии европейской науки, наоборот, он находится в самом ее центре» [Там же: 338].

\* \* \*

В своей книге «История одного мифа: Марр и марризм» В.М. Алпатов писал: ««История идей» и «история людей» – разные дисциплины, которые нередко смешивают, особенно у нас. Однако нередко объекты этих дисциплин перекрещиваются. Судьба ученого может влиять на его идеи и методы, что мы особенно хорошо видим на примере многих советских ученых» [Алпатов 2004: 264]. Эта максима касается и творческого пути Бориса Александровича Серебренникова – выдающегося ученого и общественного деятеля отечественной науки XX века.

### Литература

Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. 2 изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. 288 с.

Арутюнова Н.Д., Кубрякова Е.С., Степанов Ю.С. Академик Б.А. Серебренников (к 70-летию со дня рождения) // Известия АН СССР СЛЯ. М., 1985. № 4. С. 246-247.

Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина / Под ред. акад. В.В. Виноградова. МГУ, 1952. 412 с. (ВЯ).

Гамкрелидзе Т.В. Р.О. Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами // Вопросы языкознания, 1988. № 3. С. 5-8.

Грэхэм Л.Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991. 480 с.

Дьяконов И.М. По поводу воспоминаний О.М. Фрейденберг о Н.Я. Марре // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1988. С. 178-181.

Зеньковский В.В. История русской философии. Т. II. Ч. 2. Ленинград: Прометей, 1991. 259 с.

Концевич Л.Р. Примечания // Поливанов Е.Д. Труды по восточному языкознанию. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 565-586.

Красухин К.Г. Серебренников как компаративист // Вопросы филологии. – М., 2000. № 3 (6). С. 5-13.

Красухин К.Г. Борис Александрович Серебренников // Отечественные лингвисты XX века: Сб. ст. // РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. научн.-информ. исслед. Отд. языкознания. М., 2003. Ч. 2: (М – С). С. 148-162. (Сер. Теория и история языкознания).

Марр Н.Я. Избранные работы. В 5-тт. Т. 3: Язык и общество. М. - Л.: ГСЭИ, 1934. 423 с.

*Мочульский К.В.* Владимир Соловьев. Жизнь и учение. – Париж: YMCA-Press, 1936. 264 с.

*Плеханов Г.В.* [Предисловие к первому изданию («От переводчика») и примечания к книге Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»] // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. В 5-т. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1956. 845 с.

*Руднев В.П.* Словарь русской культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 384 с.

*Свадост-Истомин Э. П.* Как возникнет всеобщий язык? М.: Наука, 1968. 288 с.

*Серебрянников Б.А.* К вопросу о недостатках сравнительно-исторического метода в языкознании. ИЛЯ, 1950, № 3.

*Серебрянников Б.А.* Сравнительно-исторический метод и критика так называемого четырехэлементного анализа Н.Я. Марра // Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина. МГУ, 1952. С. 245-288.

*Серебрянников Б.А.* Категории вида и времени в финно-угорских языках пермской и волжской группы. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 300 с.

*Серебрянников Б.А.* Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963а. 391 с.

*Серебрянников Б.А.* Система времен татарского глагола: к изучению дисциплины. Казань: КГУ, 1963б. 76 с.

*Серебрянников Б.А.* О ликвидации последствий культа личности Сталина в языкознании // Теоретические проблемы современного советского языкознания. М.: Наука, 1964. С. 109 – 113.

*Серебрянников Б.А.* Историческая морфология мордовских языков. – М.: Наука, 1967. 262 с.

*Серебрянников Б.А.* Об относительной самостоятельности развития системы языка. М.: Наука, 1968. 128 с.

*Серебрянников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. М.: Наука, 1974. 352 с.

*Серебрянников Б.А.* О материалистическом подходе к явлениям языка. М.: Наука, 1983. 320 с.

*Серебрянников Б.А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988а. 242 с.

*Серебрянников Б.А.* Язык отражает действительность или выражает ее знаковым способом? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988б. С. 70-86.

*Серебрянников Б.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. 3 изд. М.: Либроком, 2010. 304 с.

*Серио П.* Лингвистика и биология. У истоков структурализма: биологическая дискуссия в России // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 321-341.

*Степанов Ю.С.* Язык и Метод: К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.

*Флоровский Г.*, прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. 601 с.

*Шилков Ю.М.* Философия языка Н.Я. Марра // Шилков Ю.М. Язык и позна-

ние: Когнитивные аспекты. СПб. Владимир Даль, 2013. С. 131-146.

*Широков О.С.* Борис Александрович Серебрянников (6 марта 1915 – 28 февраля 1989) // Вестник Московского университета, сер. 9 «Филология». М., 1989. № 4. С. 73-75.

*Ярошевский М.* [Г.] Иероглифов теория // Философская энциклопедия. В 5 тт. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1962. С. 239- 240.

## RUSSIAN LINGUISTICS OF THE XX<sup>th</sup> CENTURY AND ITS PROMINENT FIGURES. B.A. SEREBRENNIKOV: HIS LIFE AND SCIENTIFIC WORK

**Valentina I. Postovalova**

Principal Research Fellow, Institute of Linguistics of RAS  
1 bld. 1 Bolshoi Kislovsky lane, 125009 Moscow, Russian Federation  
[aroni4@yandex.ru](mailto:aroni4@yandex.ru)

The present paper is devoted to B.A. Serebrennikov who was an outstanding scholar and at the same time a top-rank organizer of science. Particularly, it highlights some aspects of his life and characterizes his role in the development of Russian linguistics. Special attention is paid to the main features of his mode of thinking – historicism, ontologism, realism, dialecticism, and materialism, which B.A. Serebrennikov interpreted as a complete correspondence between a linguistic description and the real nature of language. The paper focuses on the principles of the scholar’s approach to the analysis of linguistic reality – his vigorous pursuit of truth, his struggle against one-sided standpoints in the study of language, his systemic way of thinking, his methods of synthesizing the concrete empiric data with the in-depth theoretical analysis, his adherence to principle and democratic ways of moderating scientific discussions. B.A. Serebrennikov’s struggle against N.Ya. Marr’s “new theory” and Neomarrism as well as consequences of Stalinism are outlined. Moreover, the scientific discourse of the epoch of the ideological totalitarianism is also described. The present paper dwells on B.A. Serebrennikov’s ideas about the creation of “anti-marr” linguistics on the basis of the traditional comparative-historical study of language.

**Keywords:** linguistics, linguistic historiography, scientific discourse, linguistic paleontology, Neomarrism, Stalinism, ideological totalitarianism, historicism, ontologism, dialecticism, materialistic approach.

### References

*Alpatov V.M.* Istorija odnogo mifa: Marr i marrizm [The history of one myth: Marr and Marrism]. 2 izd. Moscow: Editorial URSS, 2004. 288 p.

*Arutjunova N.D., Kubrjakova E.S., Stepanov Ju.S.* Akademik B.A. Serebrennikov (k 70-letiju so dnja rozhdenija) [Academician B.A. Serebrennikov (to the 70<sup>th</sup> anniversary celebration)]. Izvestija AN SSSR SLJa, 1985, no 4, pp. 246–247.

Voprosy jazykoznanija v svete trudov I. V. Stalina [The issues of linguistics in the light of I. V. Stalin’s works]. V.V. Vinogradov (ed.). Moscow, MGU, 1952. 412 p.

*Gamkrelidze T.V.* R.O. Jakobson i problema izomorfizma mezhdu geneticheskim kodom i semioticheskimi sistemami [R.O. Jakobson and the problem of isomorphism between the genetic code and semiotic systems]. *Voprosy jazykoznanija*, 1988, no 3, pp. 5–8.

*Grjehjem L.R.* Estestvoznanie, filosofija i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskom Sojuze. [Natural science, philosophy and sciences about human behavior in the Soviet Union]. Moscow: Politizdat, 1991. 480 p.

*D'jakonov I.M.* Po povodu vospominanij O.M. Frejdenberg o N.Ja. Marre [D'jakonov I.M. On O.M. Frejdenberg's reminiscences about N.Ja. Marr]. *Vostok – Zapad. Issledovanija. Perevody. Publikacii*, 1988, pp. 178–181.

*Zen'kovskij V.V.* Istorija ruskoj filosofii [The history of Russian philosophy]. T. II. Ch. 2. Leningrad: Prometej, 1991. 259 p.

*Koncevich L.R.* Primechanija [Comments]. Polivanov E.D. *Trudy po vostochnomu jazykoznaniju* [Polivanov E.D. Works on Eastern Linguistics]. Moscow: Nauka. Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1991, pp. 565–586.

*Krasuhin K.G.* Serebrennikov kak komparativist [Serebrennikov as a specialist in comparative linguistics]. *Voprosy filologii*, 2000, no 3 (6), pp. 5–13.

*Krasuhin K.G.* Boris Aleksandrovich Serebrennikov [Boris Aleksandrovich Serebrennikov]. *Otechestvennye lingvisty XX veka* [The Russian Linguistics of the XXth century]. Moscow: RAN. INION. Centr gumanit. nauchn.-inform. issled. Otd. Jazykoznanija, 2003, ch. 2: (M–S), pp. 148–162. (Ser. Teorija i istorija jazykoznanija).

*Marr N.Ja.* Izbrannye raboty [The selected works]. V 5-tt. T. 3: Jazyk i obshhestvo [Language and society]. Moscow-Leningrad: GSJeI, 1934. 423 p.

*Mochul'skij K.V.* Vladimir Solov'ev. Zhizn' i uchenie [Vladimir Solov'ev. Life and doctrine]. Paris: YMCA-Press, 1936. 264 p.

*Plehanov G.V.* [Predislovie k pervomu izdaniju («Ot perevodchika») i primechanija k knige F. Jengel'sa «Ljudvig Fejrbah i konec klassicheskoj nemeckoj filosofii»] [The foreword to the first edition (“The translator's comments”) and annotations to F. Engels's book “Ludwig Feuerbach and the end of classical German philosophy”]. *Plehanov G.V. Izbrannye filosofskie proizvedenija*. V 5-tt. Moscow: Gos. izd-vo politicheskoj literatury, 1956. 845 p.

*Rudnev V.P.* Slovar' ruskoj kul'tury XX veka [The dictionary of the Russian culture of the XXth century]. Moscow: Agraf, 1997. 384 p.

*Svadost-Istomin Je. P.* Kak vzniknet vseobshhij jazyk? [How does the universal language emerge?]. Moscow: Nauka, 1968. 288 p.

*Serebrennikov B.A.* K voprosu o nedostatkah sravnitel'no-istoricheskogo metoda v jazykoznanii [Towards the question of drawbacks of the comparative-historical method in linguistics]. *ILJa*, 1950, no 3.

*Serebrennikov B.A.* Sravnitel'no-istoricheskij metod i kritika tak nazyvaemogo chetyrehjelementnogo analiza N.Ja. Marra [The comparative-historical method and the critical view of N.Ja. Marr's so-called four-element analysis]. *Voprosy jazykoznanija v svete trudov I. V. Stalina, MGU*, 1952, pp. 245–288.

*Serebrennikov B.A.* Kategorii vida i vremeni v finno-ugorskih jazykah permskoj i volzhskoj grupy [The categories of aspect and tense in the Finno-Ugric languages of the Perm and Volga group]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1960. 300 p.

*Serebrennikov B.A.* Istoricheskaja morfologija permskih jazykov [The historical morphology of the Permian languages]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1963 a. 391 p.

*Serebrennikov B.A.* Sistema vremen tatarskogo glagola: k izucheniju discipliny [The system of tenses of the Tatar verb: on the study of discipline]. Kazan: KGU, 1963 b. 76 p.

*Serebrennikov B.A.* O likvidacii posledstvij kul'ta lichnosti Stalina v jazykoznanii [On the elimination of consequences of Stalin's cult of personality in linguistics]. Teoreticheskie problemy sovremenno go sovet skogo jazykoznanija, 1964, pp. 109–113.

*Serebrennikov B.A.* Istoricheskaja morfologija mordovskih jazykov [The historical morphology of the Mordvinic languages]. Moscow: Nauka, 1967. 262 p.

*Serebrennikov B.A.* Ob odnositel'noj samostojatel'nosti razvitija sistemy jazyka [On the relative independence of the language system development]. Moscow: Nauka, 1968. 128 p.

*Serebrennikov B.A.* Veroyatnostnye obosnovanija v komparativistike [Probabilistic grounds in comparative linguistics]. Moscow: Nauka, 1974. 352 p.

*Serebrennikov B.A.* O materialisticheskom podhode k javlenijam jazyka [On the materialistic approach to the language phenomena]. Moscow: Nauka, 1983. 320 p.

*Serebrennikov B.A.* Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i myshlenie [The role of human factor in language: Language and thinking]. Moscow: Nauka, 1988 a. 242 p.

*Serebrennikov B.A.* Jazyk otrazhaet dejstvitel'nost' ili vyrazhaet ee znakovym sposobom? [Does language reflect the reality or express it by means of signs?]. Rol' chelovecheskogo faktora v jazyke: Jazyk i kartina mira [The role of human factor in language: Language and a picture of the world]. Moscow: Nauka, 1988 b., pp. 70–86.

*Serebrennikov B.A., Gadzhieva N.Z.* Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov [The comparative-historical grammar of the Turkic languages]. 3 izd. Moscow: Librokom, 2010. 304 p.

*Serio P.* Lingvistika i biologija. U istokov strukturalizma: biologicheskaja diskussija v Rossii [Linguistics and biology. The beginnings of structuralism: the biological discussion in Russia]. Jazyk i nauka konca 20 veka: Sb. statej. Moscow: Ros. gos. gumanit. un-t, 1995, pp. 321–341.

*Stepanov Ju.S.* Jazyk i Metod: K sovremennoj filosofii jazyka [Language and method: towards the contemporary philosophy of language]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 1998. 784 p.

*Florovskij G.*, prot. Puti russkogo bogoslovija [Ways of Russian theology]. Vilnius, 1991. 601 p.

*Shil'kov Ju.M.* Filosofija jazyka N.Ja. Marra [N.Ja. Marr's philosophy of language]. Shil'kov Ju.M. Jazyk i poznanie: Kognitivnye aspekty. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2013, pp. 131–146.

*Shirokov O.S.* Boris Aleksandrovich Serebrennikov (6 marta 1915 – 28 fevralja 1989) [Boris Aleksandrovich Serebrennikov (6 March 1915 – 28 February 1989)]. Vestnik Moskovskogo universiteta, ser. 9 «Filologija», 1989, no 4, pp. 73–75.

*Jaroshevskij M.* [G.] Ieroglifov teorija [The theory of hieroglyphs]. Filosofskaja jenciklopedija. V 5 tt. T. 2. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija, 1962, pp. 239–240.

## ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО АЛИКА ЛЕОНТЬЕВА С 5-ТИ ДО 9-ТИ ЛЕТ

Автор неизвестен

Статья представляет собой публикацию рукописи неизвестной исследовательницы из Психологического института, которая в 1940-х годах составила описание “литературного творчества Алика Леонтьева с 5-ти до 9-ти лет”. Эта оригинальная психолингвистическая работа периода второй мировой войны, в которой исследовательница фиксирует образцы детских текстов на протяжении 4 лет (начиная с 1941-ого) и связывает их с обстоятельствами жизни маленького мальчика и его семьи в этот период.

**Ключевые слова:** одаренность, Алексей Леонтьев, детское литературное творчество, советское детство, военное детство.

**Обстоятельства исследования.** Среди сохранившихся материалов детского и юношеского архива А.А. Леонтьева обнаружена машинописная рукопись неизвестной исследовательницы (или исследователя), которая по всей видимости наблюдала его несколько лет в 1940-х годах. К сожалению, имя исследовательницы не сохранилось – фрагмент листа порван посередине фамилии “Н. Черн<...>” и восстановить ее личность пока не удается.

Алексей Леонтьев рассказывал о том, что в детстве был отнесен к группе “вундеркиндов” по проявлению своих способностей. Подробности неизвестны, но, по свидетельству Виктории Соломоновны Юркевич (личное сообщение), в 6 лет Алексея Леонтьева “смотрел” Натан Семенович Лейтес, работавший тогда в лаборатории Б.М. Теплова в Психологическом институте. Он отмечал, что к 6 годам мальчик уже читал энциклопедии и демонстрировал опережающий тип развития. Возможно, рабочие материалы Натана Семеновича еще будут обнаружены и дополнят картину.

Н.С. Лейтес упоминает, что мать Алика Леонтьева<sup>1</sup>, Маргарита Петровна Леонтьева (Лобкова) работала какое-то время в их лаборатории (Натан Семенович..., 2014, с.8). Вероятно, исследовательница была достаточно близко знакома с Маргаритой Леонтьевой, так как записывала достаточно много семейных событий, а также очевидно была с семьей и коллективом коллег в эвакуации.

Полный текст рукописи неизвестен, это машинописные страницы средней и плохой (оборванные края) сохранности, использованные с двух сторон. Рукопись обрывается на 35 странице, 2 листов из середины также нет. Обращает на себя внимание подчеркнуто формальный текст, как будто исследовательница активно дистанцируется от военных обстоятельств, соблюдая строгий универсальный для своего времени характер научного изложения. Текст дан в редакции и с несколькими сокращениями (до четверти страниц) относительно однотипных примеров детских

---

<sup>1</sup> Мы будем иногда использовать домашнее имя «Алик» описывая детские события Алексея Алексеевича Леонтьева

текстов. В рукописи перемежаются соображения исследовательницы и запись примеров в авторской редакции, однако в целях удобства публикации, полностью исходное форматирование не сохранено. Все комментарии исследовательницы даны курсивом, примечания публикатора в скобках обозначены инициалами АЛ.

**Биографические обстоятельства Алексея Леонтьева.** Как известно из дневниковых записей А.Н.Леонтьева (Леонтьев и др., 2003), вся семья Леонтьевых, включая отца А.Н.Леонтьева и «обеих бабушек», уехала из Москвы вместе с коллективом сотрудников Института Психологии в рамках ашхабадской эвакуации МГУ. Время этого отъезда известно довольно точно – середина декабря 1941 года, когда Алику Леонтьеву было 5 лет и 11 месяцев. Эвакуация всего университета происходила с октября этого года, а летом 1942 года университет перебирается в Свердловск (см. письмо в настоящем очерке от 8 августа 1942).

В нашем распоряжении есть рукопись автобиографии А.А. Леонтьева, где он, среди прочего, описывает свои воспоминания этого периода. Приведем их полностью:

«Итак, война... Что от нее осталось в памяти?

Первое воспоминание: лето, дача в Отдыхе по казанской железной дороге. Вырытая на нашем участке «щель» - кто сейчас знает, что это такое? Поэтому поясню: индивидуальное (или на 3-4 человека) бомбоубежище глубиной примерно в человеческий рост, накрытое сверху досками или бревнами и засыпанное небольшим слоем земли. Цветные плакаты с «профилем» и «фасом» наиболее распространенных немецких военных самолетов – в памяти остались «Хейккель», «Мессершмит», «Фокке-Вульф». Звук сирены...

Осенью я тяжело заболел, корью, и мои родители из-за этого не смогли эвакуироваться до декабря. (зачеркнуто «во время») Яркое воспоминание этого времени: меня выносят на руках из бомбоубежища (оно было через двор от нашего дома). Я смотрю в небо и вижу лучи прожекторов, пересекающие темноту, и вспышки зенитных снарядов где-то около их скрещения (непонятно только, как я мог оказаться во дворе если тревога явно еще не кончилась?)

... Где-то около 10 декабря, когда Москва была уже спасена, мы все-таки уехали в эвакуацию. Весь Московский университет находился тогда в Ашхабаде.

... Ночной эшелон, освещенная платформа не то в Пензе, не то в Куйбышеве. То, что она была освещена, запомнилось после московского затемнения..

...Грозный мост через Волгу в Сызрани..

...Остановка на станции «Аральское море». Само это море рядом с железной дорогой - ярко-синее, до боли в глазах...

... недельное пребывание в Ташкенте, где три семьи эвакуированных московских психологов, в том числе папа, жили в гардеробе Среднеазиатского университета или короче САГУ. В вещах отца сохранился номерок, взятый на память из этого гардероба. Лет через двадцать, уже взрослым человеком, я вновь оказался в Ташкенте и попытался найти этот гардероб (зданий САГУ было несколько). Но таки не нашел...

...Ашхабад, тихая одноэтажная улочка на окраине, обращенной к хребту Копет-Даг, где нас поселили в доме пожилой русской женщины. В этом доме я за-



стал кучу старых книг: запомнил из них только две - о породах и содержании кур (до сих пор помню 4 главных породы) и кое-что о наступлении танковых подразделений...».

К счастью, в семье никто не пострадал, и после войны они вернулись в тот же дом, хотя А.Н. Леонтьев уехал раньше и в домашнем архиве сохранилось несколько писем к нему от Алика.

Зарисовки неизвестной исследовательницы рисуют жизнь мальчика чувствительного и восприимчивого, с готовностью принимающего и творчески переосмысляющего окружающие его культурные формы. Так, среди текстов Алексея обращает внимание огромное жанровое разнообразие – рассказы о людях, животных, поэзия, басни, мифы, пьесы, загадки, фельетоны, детективы, сочинение языков, культур и стран, имитация газет, плакатов и пр. с тонким воспроизведением жанровых особенностей. При этом круг явлений, составляющих детский мир Алексея Леонтьева, можно назвать довольно типичным для советского ребенка: это животные, это повсеместные образы военного детства, включая “Сталина”, “родину”, “Гейббельса”. Подробнее узнать о сохранившихся свидетельствах детства А.А. Леонтьева, включая период эвакуации, можно в архивном разделе сайта<sup>2</sup>, а также из биографии А.Н.Леонтьева, написанной А.А.Леонтьевым (Леонтьев и др., 2003).

Публикатор: Анна Леонтьева

### Литература

Натан Семенович Лейтес – Ученый и Учитель. Проблема индивидуальных различий и одаренности: современный взгляд. Материалы Круглого стола памяти Н.С. Лейтеса. ПИ РАО 22 апреля 2014 г. / Ред. Н.Л. Карпова, комп. ред. Е.С. Семеновукова. – М.: ПИ РАО, 2014. – 102 с. (с фотоматериалами). [url: <http://www.pirao.ru/images/news/2014/04/docs/materialy-kruglogo-stola.pdf>]

Леонтьев А. А., Леонтьев Д. А., Соколова Е. Е. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность.— М.: Смысл, 2005.

### Н.Черн<.>

#### “Литературное творчество Алика Леонтьева с 5-ти до 9-ти лет”.

1. *Первые впечатления, явившиеся импульсом к литературному творчеству Алика.*

*В нашем распоряжении имеется материал литературного творчества Алика Л., начиная с 1941 г., т.е. когда ему было всего 5 лет, он уже дал образцы первой пробы пера в виде рассказа на тему: “Как жили дети на даче” и кратких фрагментов о “Жизни: Аля, Травиата, Майя”.*

*В первом рассказе отразилось одно из первых “сильных переживаний” или событий в жизни ребенка, которое имело место за год до написания соответствующего рассказа, когда Алику было 4 года. В это время Алик с матерью и бабушкой жили на даче недалеко от железнодорожной станции. Алик любил провожать мать на вокзал к поезду. Однажды, подойдя к станции, они узнают, что поезда не ходят – “упала мачта”.*

---

<sup>2</sup> [Aaleontiev.smysl.ru](http://Aaleontiev.smysl.ru)

*Нервное состояние, выраженное в непосредственной реакции матери в связи с невозможностью попасть на службу передалось мальчику и он проявил нервное возбуждение. Он спрашивал, какая мачта упала, спрашивал о крушении поезда И с этого дня перестал провожать мать на станцию и вообще на станцию больше не ходил. Следовательно, здесь имело место чувство неприятного, детское понимание опасности.*

*Через год он написал свой первый рассказ, отразив в нем это событие, которым, очевидно, был травмирован на продолжительное время.*

*Второй рассказ, также написанный в возрасте 5-ти лет “Жизни: Аля, Травиата, Майя” написан в форме фрагментов. Этот рассказ – фантазия, по догадке матери, возможно, навеянная сновидением. Имена “Травиата” и “Майя” возможно были им услышаны по радио, появились в сознании ребенка как-то внезапно для окружающих.*

*Фрагменты 2-го рассказа Алик в заголовке называет “неправильные рассказы” (очевидно это означает на детском языке – неправдашние рассказы, выдуманные).*

*Таким образом, 5-летний автор имел уже наивное представление о рассказах вымышленных, отличая их от рассказов, основанных на описании реально происшедших событий. Под знаком “неправильных рассказов” протекает в основном все литературное творчество Алика.*

*Образцы сочинения Алика приводятся здесь с сохранением орфографических ошибок. Грубые орфографические ошибки у Алика встречаются только в возрасте 5-ти лет. Уже в 6-и летнем возрасте отмечается огромный скачок: в плане литературного развития Алика появление относительного многообразия литературных форм соответственно ... впечатлениями детским переживаниям. Отсутствие орфографических ошибок, также наступает внезапно.*

**КАК ЖИЛИ ДЕТИ НА ДАЧЕ.**

Крушение началось.

Жили были Майя и Аля у самого вокзала. Они поправляли крушение. Как настоящие работники. Сторожа.

Однажды упала мачта. Что делать? Не знают!

Сторож говорит “нельзя позвать детей”

И что же? Нет!

Майя и Аля спасают поезд.

Едет поезд с паровозом, дети бегут и спасают поезд.

Здесь едет прямо в ... со всех ног бежит сторож. Дети видели электричку.

Сели и поехали на отдых.

Там они стали жить-поживать да ума наживать.

Благодарность.

В Отдыхе их благодарили за то, что они спасли поезд: там были: мама, папа, бабушка и дедя (конец).

А.А.Леонтьев

Содержание:

о Майе и Але....

Крушение....

Майя и Аля спасают поезд....  
Электричка...  
Благодарность.....

*Этот рассказ оформлен пятилетним Аликом в виде книжки с иллюстрациями.*

*Таким образом первое сочинение Алика было почерпнуто из жизни. Событие на станции произвело на него такое сильное впечатление, что отразилось в его первых попытках писать на свободную тему.*

ЖИЗНЬ АЛЯ ТРАВИАТА МАЙЯ.

Все про детей.

Неправильный рассказ.

Травиата закричала “смотрите, я вспомнила старую жизнь”

Ребята удивились. Как же это она вспомнила. Только Аля – нет.

Неправильный рассказ.

Дети уехали в Москву.

Майя сказала, а что же мы там будем делать. Аля сказал “ничего страшного”.  
“Что же” сказала Травиата “будем хоть жить”.

Неправильный рассказ

Аля спал. Он устал. *(текст дальше поврежден — АЛ)*

Неправильный рассказ.

Так жили дети в Москве.

Жили-были на даче ребята как и я. Аля Травиата и Майя все.

Оглавление и содержание

Что говорили ребята.

Портрет Майи.

Почему так случилось.

Так жили дети в Москве.

*Если в возрасте 5-ти лет Алик пытался отразить события и и интересы из своей жизни и даже в заголовке его сочинения стояло слово “жизнь”, то в возраст 6-т лет после того, как он прочел подаренные ему трехтомник Брэма “Жизнь животных”, он в своей литературной продукции стал отражать материал, почерпнутый из книг. И в центре его внимания оказались “звери”, овладевшие его воображением очевидно на длительный период времени, даже уже после поступления в школу. При этом он эмоционально вживался в материал, вычитываемый из книг, и создавал свои образы. Таким путем из Брэма возникли его собственные уже образы зверей.*

*Как видно из вышеприведенных уже фрагментов, они являются примером сочинения пятилетнего мальчика в своем роде уникальны. Прежде всего они обнаруживают способность усвоения орфографии и связного письменного рассказа, а также <...> (текст далее поврежден — АЛ). Орфографических ошибок очень мало. К грубым ошибкам следует отнести слово «жызнь» через «ы». Эту ошибку Алик впоследствии через год не повторял. Определение «неправильный рассказ» очевидно имеет в виду подчеркнуть, что это рассказ не правдивый, т. е. вымышленный,*

*является результатом его фантазии. Здесь имеют место описание, повествование, передача разговора.*

*Значительно больше литературной продукции Алика сохранилось от 1942 года, когда автору исполнилось 6 лет, и он к этому времени самостоятельно читал Брэма, уже овладел значительным разнообразием своего рода видов и форм литературного творчества, в пределах прозы: в форме письма рассказа/ реалистического описания/ фантастического рассказа, форма афиши с материалом выступления «актеров», «концерт в норке и ящике». Имеются строки, обнаруживающие раздражительную тенденцию, например: «У миссис Лео Хонтор» (из Чарльза Диккенса).*

*Затем много материала, претендующего на наукообразие и переплетающегося с фантастическими добавлениями. Сюда относятся: Зоологическая лекция в виде обращения к читателям, ... <длинное перечисление-классификация с примерами рассказов с.5 — с.9, сокращено — АЛ>*

#### ПРИМЕР ПИСЬМА

8 августа, суббота 1942 г.

Здравствуй дорогая Наташа! К сожалению оказалось мы приедем в 1943 г. Я живу хорошо, но не в самом городе, а во втуз – городке Субботнике. Вот, ты и получила от меня весточку!

...

Живем мы хорошо. Сада нет, вместо него 2 лужайки. Из них 1-ая через улицу, а 2-ая на этой стороне. Рынок дает нам изобилие овощей, мы прикреплены к столовой и к ресторану “спорт”. Часто бывает лапша, также навага (рыба). Флора (мир растений) здесь большая. Чего тут нет! Одуванчики, ромашки, клевер, подорожник, трава полынь, крапива – все это население наших лужаек. Из насекомых здесь бабочки, мухи, новооткрытые клопы и комары. Наш адрес: общежитие, учреждение Уральский Индустриальный институт им.С.М.Кирова. Этаж 4, купэ 410. Здание #3. Втуз–городок Субботник.

Аля Леонтьев. Наташе Каркиной.

Жду письмо и телеграммы.

Присылай мне все то, что возможно.

1942-1943 г.

#### РАССКАЗ В ФОРМЕ НАИВНОЙ ИСТОРИИ БОЛЕЗНИ:

Про болезнь Анюты.

Анюта была молодой девочкой. Ей было 8 лет. Заболела. Сейчас же нашелся “доктор” и “хирург”. Это были Рульгута и Таграй. Зделали операцию. Все прошло благополучно. Уложили Анюту, а затем стали готовить скарлатиновый вазелин. Дали покушать.

1943-1944 г.

#### ПРИМЕР СЛОВОТВОРЧЕСТВА (ЗАУМНЫЙ ЯЗЫК)

Странный случай (выписка из “Кошки” по-кошачьему и по-русски)

Ервнемджанфисн приздши фьеутнфатхе самайфй ситрц. Квартафич расиджа

(Однажды произошел странный случай его виной была...) <и т.д. с расшифровкой после каждого предложения, сокращены примеры с.11-14 – АЛ>

Событием из жизни Алика, давшим толчок его фантазии и направившим его творческое воображение по пути заумного словотворчества было первое знакомство с иностранным языком на занятиях немецким языком в группе Энишельберг. Таким образом его фрагменты с кошачьим языком <..> нельзя считать заумным словотворчеством. Это по существу та же подражательная тенденция, благодаря которой возникли из Брэма Алины звери. Здесь он создает свой чужеземный язык. Его впечатлительность, тонкая восприимчивость, эмоциональная возбудимость служат причиной появления этого нового мотива в его творчестве.

В 4-ые года Алика поразила “катастрофа” на станции, данная только намеками и развившаяся в его воображении в событие, связанное с несуществовавшим крушением. В 6 лет его поразило содержание книги Брэма и создало основной поток его звериных образов, дав пищу его неисчерпаемой иногда “неустовой фантазии”, которая ежедневно порождает новые рассказы, с фигурирующими в них животными. Животные берут на себя свойства и дела людей, например, белая цапля и попугай перед фактом объявления войны. В 7 лет случилось новое событие в жизни Алика- знакомство с иностранным языком. Это событие также нашло свое отражение в его литературном творчестве: как мы уже видели в его попытках создать кошачий язык. В этом же возрасте событием было появление в доме котенка. В связи с этим новый эмоциональный взрыв порождает целую серию “кошачьих” образов в рассказах и стихах.

#### КОТЕНОК

##### 1. Штаны

Котенок маленький, играющий штанами  
Вы скажете нет, не играет он!  
Сейчас он только лишь когтями все хватает  
И он идет на всякий шум, треск, звон.

##### 2. Шестой

От матери его отняли  
И взяли мы его домой.  
Ему мы кушать тотчас дали,  
Всех нас есть пять, а он шестой.

##### 3. Лапша

Бежит он за лапшой, ее он не догонит  
Вот наконец схватил: ап-ап! Ее не стало!  
Большую частью есть его лишь жадность гонит,  
И он – котенок – объедало!

##### 4. Сон

Сон. Он спит, ножки подобрал  
А тронешь ты его – хе-хе и он проснется  
Ко мне всегда он подлизнется  
Во время сна он выглядит прав?

<...>

1943 г.

СЛОВА НА В 3 М

(ВСЕСОЮЗНОМ ЗВЕРИНОМ МИТИНГЕ)

Кот: Товарищи, покорится ли нам людям?

Весь зал: Нет.

Бурый медведь: Товарищи, где мы будем жить?

Весь зал: В домах.

Лиса корсак: В какой стране мы будем жить?

Кот (поднимает лапу): можно мне сказать?

Лев: Можно.

Кот: Мы будем жить в Испании.

Весь зал (аплодирует): Молодец, Василий Петрович!

Лев: Переходим к следующему вопросу (начинает корсак).

Корсак: Товарищи, нам надо организовать “человеческую” жизнь.

Весь зал: Хорошо.

Теперь мы скажем читателям, где они собрались жить (*рисунки географической карты*)

*<Еще пример пьесы (отрывок) с.17-18, сокращено — АЛ>*

*Еще три события в жизни Алика, отраженные в литературном творчестве:*

- 1. Знакомство с географической картой.*
- 2. Усвоение литературной формы, передающей речь разговор, диалог в виде пьесы, благодаря следующим обстоятельствам: присутствовали на митинге. Был в театре.*

СНОВА О ЖИВОТНЫХ.

ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ

Лебедь – речная птица. Я осмеливаюсь сказать, что она сильно заслуживает рассмотрения, хотя он известен почти всем. Область распространения- Австралия. Он заслуживает названия “черный” так как он действительно совершенно черный.

А.А. Леонтьев

*Одно из свойств, характеризующих интеллектуальную жизнь Алика, непрерывно отражающуюся в его литературном творчестве, это его изобретательность и формальная одаренность.*

*Он не останавливается на передаче взволновавшего его содержания, он все время изобретает, придумывает новые формы для этого содержания. Но эти формы отчасти подсказываются извне: форма фельетона из газеты, загадки, стихи пьесы и т.д. Следовательно наряду с эмоциональной возбудимостью, насыщающей содержание его сочинений, он обладает активным изобретательным умом и творческим воображением.*

*Одной из любимых форм его сочинений является загадка, обнаруживающая большую долю остроумия.*

ПРИМЕР ХУДОЖЕСТВЕННО ОФОРМЛЕННОЙ ЗАГАДКИ: БЕЛКА

Жила была белка. Звали ее “Белочка – пушистый хвостик”. Жила она жила и однажды к ней прилетела ласточка. “Белочка пушистый хвостик” - сказала она, - “под твоей елью стоит гриб-мухомор. Что ты его не используешь?”

- А как его использовать? - спросила белочка

“Это долго рассказывать. Сама догадайся”.

Догадались ли вы как можно белке использовать этот гриб?

Отгадка:

Она могла гриб использовать: под стол, зонт, беседку и парашют.

*Подражание мифологии.*

*Своеобразная мифология, в которой фигурируют излюбленные звери Алика:*

ТИГР И ЕГО ПОТОМКИ

- ТИГР, ВИВЕРРА, ПАНТЕРА, ГЕПАРД.

(ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗЕМЛИ)

Давным-давно в небе появилась стая птиц. Из них произошли планеты. А из планет произошли богиня Виверра и бог Тигр. Родили они бога Гепарда. Избрал он себе в супруги богиню Пантеру.

- НАД МИРОМ ВОЦАРЯЮТСЯ ЛЕВ И ЛЬВИЦА.

(НАСЕЛЕНИЕ МИРА)

А у Пантеры роился сын лев и дочь львица. Поженились брат и сестра. Свергли они с трона отца своего Гепарда.

Письмо, которое получил Лев:

Дорогой наш царь Лев и царица Львица! Просим вас освободить нашего отца Гепарда. Просим вас очень. Гиена г.Александрия.

Разгневался лев и велел поехать и заключить саму гиену, но гиена укрылась за морем.

*<далее идут образцы других жанров: примеры афиш, другие стихи, рассказы, почтовые карточки в адрес попугая в зоосаду и даже пример фильма на тему войны — сокращено с.20- 23 АЛ>*

2 часть.

Патриотическое

НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕМЫ

Военному прокурору Заречкого района Просьба.

Прошу Вас мобилизовать меня в действующую армию и отвести мне место службы. Маршал 1-ой армии (Леонтьев)

МЫ ЛЮБИМ НАШУ АРМИЮ И ФЛОТ

Как нам дорога наша армия!

Чем дорога? - спросит кто-нибудь.

Она нам дорога тем, что она защищает нашу родную республику – ответите вы. И правда она нам дорога тем, что защищает СССР нашу страну от фашистской Германии.

Москва. А.А. Леонтьев.

На рисунке: Наши танкисты идут в бой.

### СТАЛИН – ЗАВЕТНОЕ ИМЯ!

Сталин – заветное имя! Сталин наш вождь, вождь нашей великой СССР. Мы его никогда не забудем. За него в огонь и в воду.

Сталин – заветное имя.

Москва, т. Леонтьев

### ТОВАРИЩИ МАКСИМУМ НАПРЯЖЕНИЯ

На всех плакатах есть надпись:

Товарищи, максимум напряжения!

Больше хлеба, больше вооружения!

Это верно. На всех заводах прозвучало это. Все заводы на это откликнулись.

Призыв- призывом.

### ГЕББЕЛЬС - БОЛТУН

Геббельс – болтун. Он недавно говорил, что “немцы устроили в Красноярске газовую атаку”. Все это – ложь! Ложь!

Что не делай Геббельс, мы тебя знаем!!!

*<еще два стихотворения сокращены — АЛ..>*

### Карикатура “ВОИН И ПИСАТЕЛЬ”

Сидит писатель в комнате и мысль ему пришла:

Разгромить война. Но как? Мысль не шла.

Он пошел на война и начал писать

Захватил пятьсот я танков, двести самолетов,

Захватил пятьсот я пушек, триста пулеметов,

Захватил у война душу. А воин не писал, а действовал.

<..>

1944 г.

Описание и исторический очерк тюльпанной империи и государств Дурия, Унмии и Среведнии.

#### 1. История Тюльпанской Империи.

В 1000 году до Хр.Эры из наносов реки Муррей (Австралия) образовался небольшой остров. Он все углублялся по отношению к морю и укорачивался по отношению к берегу Австралии. Наконец, он оказался недалеко от центра Тихого океана.

Остров был похож по форме на яйцо, но назвали его Тюльпановым, так как на нем росли тюльпаны.

Племена, которые жили на нем (это были по преимуществу гавайцы и чилийцы) выдвинули своего царя. Его звали Эммилем I. Это произошло в 1266 г. От него пошли все, до теперешнего царя Эммилема 20.

2. История Дурии Унмии и Среведнии. В следующем – третий Тюльпанцы назвали эти острова Дурией (от слова “дурак”), Унмий (от слова “умный”) и Среведнией (“средний”). На этих островах собирались беглецы, дезертиры и убийцы, предатели и воры. Так образовались 3 самостоятельные страны.



3. Политико-административный обзор Т.И.Д., Ун., С.

Тюльпанская империя и Дурия с Унемией, с одной стороны и Среведняя, с другой, всегда враждовали друг с другом. Но после 1923 г. Тюльпаниа осталась одна: Дурия и Унмия примкнули к Свереднии.

Тюльпаниа делится на пять графств, причем половина государства управляется гл.маршалом и главным администратором: у них тут поместья.

1. Графство Брабант лежит на северо-востоке, столица Брабант.

2. Бурбон – на юго-западе со столицей Брубон.

3. Называется северный Центр Бюльпан, в то же время и столица империи.

Два остальных графства: Луковица с центром Стебель и Стебель с центром Луковица. Графством Луковицы управляет Шате, Барабантом – Лено, Бурбоном – Кекс, Лукопицей – Липер, Стеблем – Мадера.

У маленьких государств административного деления нет. Только Дурия делится на Драндивский и Арегонский округа: там столицы Араганск, в Унмии – Вальви, в Свередии – Середна. Ее в шутку тюльпанцы называют “Селедка”.

4. Фирический обзор Тюльпаниа, Д., и У. с С.

Середина Тюльпанского острова – гора. Самые низкие места в 100-150 м. Два вулкана: в Барабанте и Бурбоне. Река Мол... с притоками Мах и Зуб. Острова представляют собою возвышения: они величиной в 3 км; а большой остров – 10.

5. Военные силы тюльпанской империи.

Маршалы: Васнимо Дигиро, Ваниви,

Гл.Маршал: Саям, Вомар, Вимар

Полковники: Дюнело, Волон, Айн, Накрин, Се, Вери, Гавас, Берг Мути, Эле Сере, Гойн, Диге, Воске, Свеге, Гессен, Элле, Гир, Зоне, Закре, Вир, Час, Югарн, 24 000 солдат.

Адмиралы: Кори, Кори, Бихо/Картес/Фернай, Гопеск, Гонйск, Бочйрс, Васар, Мосель, Гугель, Бокио.

Гл. адмирал: Шлеб, Донис, Докус. 48 капитанов, 61 корабль.

К свед. Чит. Мною будет изд.бюлл. о д. в Т.И. и Д., У., С. Тюлий

Исследователь страны А.Л.

### НА ПАРОХОДЕ

В первый раз встретился с ним в Москве. Он имеет высшее образование и представление о животных. Его зовут Петя Звонарев. Однажды он мне рассказал одну удивительную историю, которую я записал, чтобы показать вам:

Однажды я был за границей в Вене. Там я жил на берегу Дуная. Как-то вижу плывет по реке пароход. На капитанском мостике стоит слон. А матросы – обезьяны. По бокам в виде спасательных кругов – устрицы. Но потом я узнал к великому моему сожалению, что звери убежали из зоопарка и нечаянно отправились в данное путешествие. А слона я купил. Он у меня живет и сейчас.

...

А сейчас я расскажу что делалось в это время. Из зоопарка убежали слон и 20 обезьян. Испугавшись погони, они вспрыгнули на пустое судно. Оно отплыло. Вот и все. С почтением,

Сергей Сергеевич.

Из газеты “Знамя”, сочиненной Аликом 8 октября 1944 года.  
<...> (далее пропущена страница №29)

### СТИХИ

ЗИМА.

Зима! Крестьянин торжествует (Пушкин)

Средина декабря. Мороз.  
Весь проникает до костей.  
Снег белый выпал к нам на двор  
Большая радость для детей.  
Вот сани едут. А на них.  
Мужик сидит с кнутом в руке.  
А сам-то глуп и очень глуп!  
Что толку в этом дураке!  
Ну вот и вечер. Дети все  
Домой идут и гаснет свет.  
В домах вокруг. На мельнице заснули  
И старый мельник, и его вода.  
Летают совы. Время ведь когда  
Они все вылетают на работу.

### ПЕСНЯ О РОДИНЕ

(поясняет: “Первая строка взята из известной песни”)

Широка страна моя родная  
Враг не разобьет ее вовек,  
Но победит страну любую  
Простой советский человек.

Шуточная “Мурзилка”

Мурзилка богатым стал.  
Он дачу не плоху снял,  
продуктов много закупил  
и сладко, сладко в ней зажил.

Загадка

Где Владивосток не разделяется с Сан-Франциско водным пространством  
(водой)?

Отгадка: на карте (политической)

Загадка:

Надо перевернуть огородное растение, чтобы получился пограничный город  
в Таджикской ССР.

Отгадка: горох – Хорог.

Загадка:

Какие два слова взаимно изменяются.

Отгадка: вода – водка

#### НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕМЫ ИНОГДА БЫВАЕТ

На станции Н. Прибыл поезд. Его ставят в тупик, потому что в нем селедки. Таким образом, поезд ставят в тупик из-за беседок и выпускают его на селедки. Не верите? Приведем еще один случай. На ту же станцию прибыл другой поезд: он был гружен солью. С ним сделали то же самое, что и с первым: поставили в тупик и выпустили из тупика.

Заведующая карт.бюро М. Однажды зашла в магазин и ей пришла в голову “замечательная” мысль: ведь талоны проходят через мои руки” и она воспользовалась этим.

22/10-44

#### МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

Как-то в начале этого года Геббельс выступил с речью:

– Игра начата. Кости брошены.

Теперь сам Геббельс окончательно подобран союзниками, так же, как его союзники.

#### РАЗГОВОР

Почему Хорти – Адмирал?

Ведь в Венгрии нет морей!

– Зато он большой специалист  
по простым мокрым делам.

#### КНИГА

Предисловие автора. Для нас много великих ученых: Линней, Кювье и т.д. и т.д. пытались хорошо изучить зоологию – науку о животных. Вопрос о классификации животных не разрешен и сейчас: в разных книгах – разные классификации. Я выпускаю свою книгу с целью помочь читателям этих книг (правда и у меня на верное есть ошибки).

На обложке: А.А.Леонтьев. Собачий питомник в Аляске.

Для фабрик и заводов и для комсомола, и школьников, и дошкольников.

Собачий питомник находится на юге полуострова Аляски. Величины он 3000 километров.

На самой середине главной улицы находится больница, дальше – театр. Еще дальше – школа для обучения собак разнообразным штучкам.

Жилые дома выкрашены в разные цвета.

Оглавление:

Глава 1. Питомник и его учреждения

Глава 2. Особенности питомника.

Глава 3. Окрестности питомника.

Глава 4. Летний отдых собак.

Глава 5. ....

Приложение...

#### БЮЛЛЕТЕНЬ

Состояния здоровья Германской империи.

1. Состав Германской империи в 1933-1941 г.

Германия, Польша, Чехословакия, Финляндия, Норвегия, Дания, Франция. Бельгия, Голландия, Люксембург, Италия, Югославия, Албания и Румыния.

При том в Европе существовали нейтральные страны: Швеция, Испания, Португалия, Швейцария, Болгария.

2. Описание болезней Г.Империи.

Зимой 1941-1942 года Германия получила заразную болезнь: они из-за нее к лету 1944 года оказались в Молдавии.

А летом 1944 года на немцев нашел паралич, потому что союзники высадились в Нормандии.

И, наконец, в ноябре этого года на самого Гитлера напал паралич.

#### УЧЕБНИК РУССКОГО ЯЗЫКА

*Материал литературного творчества Алика за 1944 г. Отличается от сочинений дошкольного периода тем, что помимо подражания газетному материалу, Алик имеет еще другой образец подражания: учебник. Его фантазия работает в направлении оформления им самим выдуманного учебника. Образцом такого рода творчества служит "Учебник русского языка". Затем попытка написать книгу о животных "Собачий питомник" (предисловие автора и т.д.). Сочинение о стране Тюльпани навеяно книгой "О Моравии" и опять содержит в себе элемент подражания.*

*Таким образом, на основании сохранившихся сочинений Алика за время с 1941 по 1944 год мы установили следующие события в жизни Алика, повлиявшие на развитие его литературного творчества.*

1. Переживания из жизни самого Алика вследствие происшествий, которые произвели на него особенно сильные впечатления: а. Происшествие на станции; б. Котенок в доме

2. Книги: Брем. Жизнь животных. Твардовский. Страна Муравия. Папанин Жизнь на льдине Множество детских книг и пьес.

3. Посещение зоопарка.

4. Занятия немецким языком порождают сочинения на кошачьем и др. фантастических языках.

5. Газета. Разговоры о политике. Начинает писать фельетоны, сатирические четырехстишия и т.д.

6. Географическая карта. Изучил карту для своего возраста хорошо.

7. Учебник. Если для обыкновенного со средними способностями ребенка газета, географич. карта, учебник являются фактами естественными, которые он приемлет... каждое событие в жизни Алика находит свое преломление в его литературном творчестве. В основе некоторых – познавательный интерес.

Относительно его склонности к поэтическому и художественному твор-

честву еще нет достаточно оснований утверждать наличие у него одаренности именно в этой области. Его сочинения обнаруживают подражание образцам большей частью нехудожественного порядка. Однако стихотворения “Котенок”, “Зима” затем некоторые рассказы о животных принимая во внимание ранний возраст автора обнаруживают элемент художественности. Если у Алика есть стихийная потребность писать, то это не есть потребность эстетического происхождения. Эта потребность, связанная с развитием интеллекта.

Воображение изобретателя, но не художника. Возможно, это вполне естественно для данной стадии развития и не исключает впоследствии склонности к творчеству в области художественно литературы.

Уже в дошкольном возрасте до 1940 года Алик проявляет способность к юмору и пониманию карикатуры.

Он в своем литературном творчестве нередко изображает смешное и принимает сатирический тон.

Здесь необходимо добавить, что если для обыкновенного со средними способностями ребенка газета, географическая карта, учебник являются не событием, но фактом, перед

(здесь рукопись обрывается – на 35 странице – АЛ).

П П Л

Рецензия на книгу В.Д. Попкова «Покидая пределы этничности. Постсоветская эмиграция в Германии» (Изд-во «Посев», Франкфурт-на-Майне, 2016, 484 с.)

**Уфимцева Наталья Владимировна,**  
Зав. сектором этнопсихолингвистики,  
Институт языкознания РАН  
Профессор,  
Москва, Б. Кисловский пер., 1, стр. 1  
*nufimtseva@yandex.ru*

Исследования русскоязычных групп мигрантов в Европе по-прежнему остаются одной из актуальных тем, к которой обращаются многие исследователи. Книга Вячеслава Попкова посвящена русскоязычным эмигрантам «четвертой волны», которые начали переселяться в ФРГ из бывшего Советского Союза и, в последующем, со всего постсоветского пространства начиная с эпохи горбачевской перестройки до середины 2000-х годов. Свое внимание автор концентрирует на трех группах русскоязычных эмигрантов: это «русские немцы», «русские евреи» и «россияне». В первую категорию попадают т.н. «немецкие поздние переселенцы», которые образуют наиболее значительную группу русскоязычных эмигрантов с пространства бывшего Советского Союза. Ко второй категории автор относит «контингентных беженцев». К ней относятся эмигранты с постсоветского пространства, сумевшие доказать принимающей немецкой стороне свою этническую принадлежность как евреев. Данная группа относительно невелика и в количественном отношении сильно уступает «русским немцам». Наиболее интересной, на наш взгляд, группой эмигрантов из бывшего СССР и стран-наследниц Советского Союза представляет третья категория, которая фигурирует в монографии как группа «россиян». Под «россиянами» автор понимает всех остальных русскоязычных, которые не относятся к разряду «этнически привилегированных эмигрантов» и приезжают в ФРГ по общим для всех иностранцев иммиграционным правилам. Следует отметить, что такое разграничение не является общепринятым в современных исследованиях, поскольку основное внимание уделяется, чаще всего, именно «русским немцам» и «русским евреям».

В своем исследовательском проекте, проведенном при поддержке фонда Александра Гумбольдта, автор использует качественные методы сбора информации. Вся работа посвящена исключительно случаю русскоязычных эмигрантов в Мюнхене.

В первых главах книги, автором проводится впечатляющий анализ современной немецкоязычной и англоязычной литературы по адаптации русскоязычных эмигрантов в Германии. Практически ни одна из анализируемых в монографии работ зарубежных исследователей транснациональных русскоязычных пространств не переведена на русский язык и не доступна широкому кругу исследователей, в то же время интерес к этой теме очень велик. В этом смысле, работа автора, в которой подробно анализируется опыт зарубежных исследователей русскоязычных

групп, является весьма своевременной научной работой, выполненной на высоком профессиональном уровне.

Ключевым пунктом исследования является стремление автора показать роль этнических идентичностей русскоязычных мигрантов и их советской культуры при переезде и в их последующей жизни в Германии. По мнению В.Д. Попкова, именно сложность и неоднозначность этнической идентичности эмигрантов из бывшего СССР притягивала внимание исследователей. Особенно это касалось тех стран, в которых сформировались большие постсоветские анклавы, в частности, Германии. Несмотря на неизбежные процессы ассимиляции более чем после 20 лет начала массовой эмиграции с территории бывшего СССР, символические границы между русскоязычными эмигрантами и принимающим немецким обществом никуда не исчезли. Как замечает автор, русскую речь по-прежнему можно слышать в публичной сфере. Услуги различных служб, начиная от клиник с русскоязычными докторами до вечерних школ и туристических агентств, предлагаются эмигрантам их бывшими соотечественниками, образуя обширное русскоязычное транснациональное пространство.

Интересным выводом монографии является то, что этничность эмигрантов, служащая «входным билетом» в немецкое общество, сильно переоценена в большинстве исследований. Как полагает автор, большинство эмигрантов относятся к тому, что они «немцы», «евреи», «русские» или кто-то еще достаточно инструментально и значимость их этничности сильно зависит от актуальной ситуации. Поэтому автор не без основания полагает, что основным идентификационным маркером русскоязычных эмигрантов является не этничность (в данном случае, немец, еврей или русский), а культурная память и культура, в которой происходила социализация эмигрантов. В данном случае, автор имеет в виду советскую культуру, к образцам которой большинство эмигрантов, независимо от этничности, обращаются постоянно, часто не осознавая этот факт.

Значительный интерес заслуживает раздел монографии, в котором приводится критический обзор литературы по теме интеграции русскоязычных эмигрантов в Германии. Автором подробно рассматриваются подходы, доминирующие в исследованиях европейских и российских авторов и показываются их отличия в понимании проблемы русскоязычных эмигрантов. Критически рассматривается понятие интеграции, служащее краеугольным камнем в современных исследованиях и высказывается позиция о недостаточной обоснованности данного подхода для ситуации транснациональных сообществ мигрантов. Как справедливо указывает автор, на сегодняшний момент времени наблюдаются сильные разночтения в понимании термина «интеграция». Причем, проблема не только в отсутствии его четкой дефиниции. Сам термин сильно политизирован, что существенно усложняет его применение как основу для исследования миграционных сообществ. В этом смысле монография является остроактуальной работой, создающая новые концептуальные рамки для исследования миграционных сообществ.

Привлекает внимание попытка автора провести комплексный анализ иммиграционной политики в современном немецком обществе и показать те трудности, с которыми оно неизбежно сталкивается, принимая за основу взаимодействия

с эмигрантами интеграционную парадигму. Именно здесь можно увидеть интересные рассуждения автора о проблеме определения эмигрантов из бывшего СССР как «русских» и их «русской идентичности», которые имеют своей целью выяснение культурных практик русскоязычных эмигрантов разных исторических периодов и их связь с их этничностью.

Современные русскоязычные эмигранты представляются автором как сообщество со своей собственной субкультурой. Как и другие субкультуры, субкультура русскоязычных групп находится на периферии немецкого общества и закрыта для внешних акторов. Множество цитат из интервью русскоязычных эмигрантов подтверждают этот тезис и делают книгу особенно живой и интересной для читателя.

Возможно, работа стала бы еще более интересной, если бы автор попытался более подробно рассмотреть влияние Русского зарубежья на интеграцию русскоязычных эмигрантов последнего исхода в общество поселения, поскольку, как прослеживается в монографии, фактор «старых» эмигрантов для построения Русского мира остается недооцененным. Однако на этот факт автор обращает недостаточно внимания. Поэтому остается надеяться, что вслед за представленным интересным и ценным исследованием мы увидим дальнейшие работы автора, затрагивающие данный аспект, как, впрочем, и другие проблемы русскоязычных эмигрантов.





Рецензия на монографическое исследование В.И. Шаховского «Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции» (Волгоград: издательство ИП Поликарпов И.Л., 2016. 504 с.)

**Волкова Полина Станиславовна**

кандидат филологических наук

доктор философских наук

доктор искусствоведения, профессор

член Союза композиторов РФ, г. Краснодар,

*polina7-7@yandex.ru*

Книга профессора В.И. Шаховского удивляет своей масштабностью и глубиной. Сама постановка проблемы настолько значима для современной социокультурной ситуации, что, по сути, монографическое исследование отечественного ученого отвечает не только лучшим традициям российской академической науки, но и являет собой образец высокого гражданского мужества.

В первом случае речь идет о комплексном подходе к диссонансу экологичности, приметы которого обнаруживают себя в коммуникативном круге, представленном языковым носителем, собственно языком и человеческими эмоциями. Во втором – о личности ученого. Откликаясь на звучащий вокруг него мир, Виктор Иванович сумел почувствовать надвигающуюся на человечество опасность, которая таится в недрах языка, ибо качество речи россиян напрямую связано с качеством их жизни: *talis hominibus fuit oratio, qualis vita*.

Всестороннее рассмотрение речевой культуры наших сограждан, осуществляемое сквозь призму модуса экологичности, обусловило структуру монографии, которая состоит из шести частей, где I, II, III, V и VI части включают в себя по две главы, IV часть – три главы. Каждая из глав раскрывает предмет исследования автора с разных сторон. Имеются в виду исторический, методологический, функциональный, коммуникативный, аналитический, лексикографический, психолингвистический, социолингвистический и методический ракурсы. Особое значение в монографическом исследовании обретают Приложения, в которых автор:

1) обобщает информацию, связанную с актуальными для исследования терминами, терминопонятиями и терминологическими сочетаниями, расширяя языковую компетенцию читателя (Приложение 1);

2) демонстрирует асимметрию экологических (+) и неэкологических (–) номинаций современных дискурсов (фреймовая структура), обеспечивая возможность осознать, что, например, представленный в разделе «Фрейм дискурса “СМИ”» слот 35 «Забывшие слова» демонстрирует выпадение из нашего сознания таких экологически маркированных номинаций, как сердоболитие, совесть, сострадание, стыд и т.п. (с. 487). В свою очередь, предуведомление к фрейму дискурса «Наука и образование» приобщает нас к информации, согласно которой, «к сожалению, в прессе не функционируют никакие положительные экологемы в комментариях по науке и образованию» (с. 505) (Приложение 2);

3) выявляет маркеры идентификации неэкологичной коммуникативной личности, что позволяет посмотреть на себя со стороны (Приложение 3);

4) знакомит читателя с поучительной историей о ранах, нанесенных словами, одаривая нас мудростью опытного Учителя (Приложение 4).

Достаточно ознакомиться с названиями разделов монографического исследования, в котором нашел свое воплощение грандиозный замысел представителя отечественной эмотивной лингвистики, чтобы понять огромную роль эмоций в человеческом общении ибо, по мнению В. И. Шаховского, «Вначале была эмоция...». Помимо триединства экологии, валеологии и лингвистики как основы эмотивной лингвоэкологии, в этой книге бытия языка имеются страницы, посвященные амбивалентной экологичности вербальной и невербальной любви. Более того, на фоне истории становления эмотивной лингвоэкологии через кластирование таких смежных лингвистике наук, как риторика, культура речи, лингвистика эмоций, страноведение, культурология, концептология, коммуникология, речеведение, в том числе, сквозь призму негативного и позитивного типов общения В. И. Шаховский выступает создателем новых номинаций человека говорящего.

В целом книга В. И. Шаховского обогащает отечественную лингвистику такими понятиями, как *homo sentiens*, *homo mentions (fallens)*, *homo vulgaris*, *homo debiles*. Последние являются отражением спиралевидного развития языка: ухода лексики на периферию языковой картины мира россиян, возврат советизмов, замена испорченных слов на эвфемизмы ватной семантики. Именно в данном контексте, по мнению В. И. Шаховского, отдельные слова обретают способность безотчетно вызывать неприятные ощущения, чувствования и, как следствие дискомфорт, в рамках которого доминирующей эмоцией становится раздражение. В итоге игнорирование экологической направленности языка становится одним из факторов, провоцирующих не только речевую агрессию, но и агрессию поведенческую.

Скрупулезный анализ самых разных видов общения, в числе которых политическое, дипломатическое, религиозное, массмедийное, бизнесовое, спортивное, художественное и бытовое, позволяет автору сделать неутешительный вывод о том, что сфера экологичного общения сужается, а значит, сужается пространство человеческой личности, на смену которой приходит живущая в опоре на базовые рефлексы говорящая особь. Главным аргументом, подтверждающим безоговорочную правоту авторской позиции, становится следующее обстоятельство: культура речи россиян выступает в качестве зеркала той, отмеченной несообразностями, парадоксами и провокациями реальности, которой исполнена наша повседневность.

Поднимая вопросы экологического сознания, мышления, интеллекта, опасности и безопасности речи, экологической функции языка и его дезэкологизации, Виктор Иванович пытается привлечь внимание представителей разных Министерств Российской Федерации – образования и науки, здравоохранения и социального развития, культуры, а также депутатов обеих палат парламента РФ на одну простую истину. Если будущее «богатство языка... тесно сопряжено с образованностью гражданской, с просвещением, и следственно – с благоденствием страны, славнейшей и обширнейшей в мире» (К. Н. Батюшков), то оскудение языка, опознаваемое за счет доминирования неэкологичного общения, – знак ее (страны) болезни.

При этом одним из показателей нездоровья, которым отмечены все социальные структуры, является разъедающая основы государственности ложь. Важно

заметить, что, поднимая проблему лживой коммуникации, В.И. Шаховский выступает продолжателем идей М.М. Бахтина, который писал в своих черновиках о том, что «ложь – наиболее современная и актуальная форма зла» [Бахтин М.М. Собрание сочинений. Работы 1940-начала 1960 годов. М., 1996. Т. 5. С. 69.], Подобное положение обусловлено тем, что именно ложь формирует «зазор между внешней речью и внутренней, зазор, субстанциально возникающий раньше, чем возникает собственно внутренняя речь» [Пешков И.В. Введение в риторику поступка. М., 1998. С. 52]. Налицо девальвация языка и, как следствие, засилье коммуникативного пространства словесной шелухой, посредством которой мыслеречевая деятельность подменяется актом говорения.

Другими словами, в дискурсивной плоскости, очерченной понятием «общество спектакля» (Ги Дебор), присутствует ряд феноменов, указывающих на особый характер общественных отношений, реализуемых на уровне речевого взаимодействия. Среди них наиболее значимыми оказываются «игра», «подобие», «нереальное», «вымышленное», в целом отвечающие понятиям «симулякр» и «симуляция». При этом собственно симуляция выступает в качестве непреложного пантерриториального и пантемпорального атрибута, являя собой одну из движущих сил бытия современного потребителя, дьявольским соблазном, уводящим от необходимости быть причастным божественному призванию всех вещей обрести смысл.

Отчетливо осознавая, каким образом можно избежать трагедии, В. И. Шаховский пишет свой уникальный труд, обращаясь ко всем, кто еще не утратил способность слышать! Его послание, адресованное настоящему и будущему России – культурный подвиг мастера, который у края бездны пытается остановить оголтелое большинство. Главное здесь – успеть понять, что, с одной стороны, преодоление кризиса невозможно без совместного комплексного решения проблем, первостепенными из числа которых оказываются:

- смена негативного вектора общения на позитивный вектор;
- экологическое воспитание родителей, которое необходимо осуществлять задолго до того, как они реализуют свое отцовство и материнство;
- воспитание у наших сограждан чувства языка, требующее обращения к богатейшему культурному наследию россиян;
- формирование речевой культуры чиновников всех государственных структур, представителей РПЦ, работников СМИ;

С другой стороны, каждый из нас поставлен перед необходимостью быть готовым осознанно принять на себя ответственность за свою речевую собственность. Только в этом случае речевой произвол перестанет быть приметой нашей действительности.

Принимая во внимание тот факт, что 2017 год объявлен в России Годом Экологии, становится очевидным как современность, так и своевременность монографического исследования В.И. Шаховского «Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции». Более того, кардинально раздвинув горизонты смысла самого понятия экология, Виктор Иванович сделал его актуальным не только для самого широкого круга гуманитарных наук, но и поставил его в центр общения людей как на уровне локального диалога, так и на уровне диалога глобального, вовлекающего в свое пространство СМИ и художественное

творчество. Действуя практически в унисон с М. М. Бахтиным, настаивающим на том, что «три области человеческой культуры – наука, искусство и жизнь – обретают единство только в личности...» [Бахтин М.М. Искусство и ответственность //М.М. Бахтин. Работы 1920-х годов. Киев, 1994. С.7], В.И. Шаховский делает акцент на *языковой личности*, чьей отличительной особенностью являются ее эмоции – психолингвистический феномен, который современной наукой изучен совершенно недостаточно.

Имеющий уши да услышит!

П П Л

## ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Рукопись должна быть отправлена по электронной почте на адрес редколлегии журнала: [editorial-vpl@yandex.ru](mailto:editorial-vpl@yandex.ru).

Текст должен быть хорошо вычитан. Статьи, содержащие ошибки и опечатки, к рецензированию и публикации не принимаются.

Рукопись проходит обязательное рецензирование. О результатах рецензирования автору сообщается по контактными адресам и/или телефонам.

Об очередности опубликования статей, получивших положительный отзыв рецензента, принимает решение редколлегия.

Научные статьи в журнале публикуются бесплатно.

Рукописи оформляются по данному ниже образцу.

УДК

### ЗАГОЛОВОК СТАТЬИ

Фамилия, имя, отчество автора

должность, место работы

адрес

электронный адрес

**Аннотация на русском языке (150-250 слов)**

(Структура аннотации должна быть в соответствии с логикой статьи: тема, предмет/объект, цель, методы, результаты, итог)

**Ключевые слова на русском языке**

Основной текст статьи

Рекомендуемая структура основного текста:

Введение

Тематические подзаголовки

Дискуссия (обсуждение)

Резюме (выводы)

**Литература (на языке оригинала источника)**

Название статьи на английском языке, сведения об авторе/авторах на английском языке, аннотация на английском языке, ключевые слова на английском языке и транслитерированная (с переводом) литература помещаются **после основного текста статьи**.

Аннотация на английском языке должна быть переводом аннотации на русском языке.

### **ЗАГОЛОВОК СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Фамилия, имя, отчество автора **на английском языке**

должность, место работы **на английском языке**

адрес **на английском языке**

электронный адрес

Abstract (англ.)

Keywords (англ.)

References (англ.) – транслитерация (см. <http://ru.translit.ru/?account=bgn>) и [перевод на англ. яз].

### ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ОСНОВНОГО ТЕКСТА

Общий объем текста статьи – до 40 000 знаков.

Текст статьи набирается на компьютере; гарнитура – NewTimesRoman, Размер шрифта – 14; поля – 2,5 см. с каждой стороны; интервал между строками – 1,5 см.; абзацный отступ – 1.25.

Абзацный отступ необходимо задавать автоматически. Знаками табуляции и клавишей пробела при установлении абзацного отступа не пользоваться.

В тексте должны различаться прописные и строчные буквы, а также символы: О (буква) и 0 (цифра); 1 (единица) и I (римская единица или прописная буква «i»), - (дефис) и – (тире).

Век обозначается римскими цифрами (XIX в.).

Цифры, числа и дроби, математические символы набираются прямым стандартным шрифтом.

#### Таблицы

Таблицы используются исключительно для представления данных, которые не могут быть описаны в тексте.

Слова в таблицах пишутся полностью.

Указание номера таблицы *Таблица №* дается перед таблицей (выравнивание по правому краю, точка после номера не ставится).

Ниже дается название таблицы (выравнивание по центру, точка после названия не ставится).

Размер шрифта текста в таблице – 12, интервал между строками – 1,0 см.; абзацный отступ – «нет».

Ниже дан образец оформления таблицы.

*Таблица №1*

Название таблицы

Название таблицы	

#### Сноски

Оформление текста сносок: Размер шрифта – 10; строками – 1,0 см.; абзацный отступ – 1.25.

Ссылка на грант дается в сноске после названия статьи по образцу: *Исследование выполнено при поддержке гранта (финансирующая организация) №, название.*

#### Иллюстрации

В качестве иллюстраций допускаются только четкие рисунки, графики и схемы, а также фотографии. На все иллюстрации должны быть ссылки в тексте статьи.

Размер одного штрихового рисунка не должен выходить за рамки текстовых границ. Все детали рисунка при его уменьшении должны быть хорошо различимы.

Иллюстрации нумеруются единой порядковой нумерацией и снабжаются краткими и точными подписями.

#### Литература

Литература оформляется в соответствии с действующими нормами ГОСТ Р 7.0.5-2008 (для e-library).

Список литературы дается в алфавитном порядке с указанием количества страниц для каждого источника.

Номер источника по порядку не ставится.

Лексикографические источники и интернет-документы указываются в общем списке источников.

Ссылка на источник в тексте дается в квадратных скобках непосредственно после цитаты (автор, год, страница): [Иванов 2000: 18].

Источники на русском языке

**Статья в журнале (сборнике):**

*Адорно Т.В.* К логике социальных наук // *Вопр. философии.* – 1992. – № 10. – С. 76-86.

**Монография:**

*Тарасова В.И.* Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2006. – С. 305-412.

**Диссертация:**

*Фенухин В.И.* Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона : дис... канд. полит. наук. – М., 2002. – С. 54-55.

**Автореферат диссертации:**

*Глухов В.А.* Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. – 18 с.

**Интернет-документ:**

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации [СПб.], 20052007. URL: <http://www.nlr.rifawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

**Источники на английском или другом иностранном языке (оригинал)**

**Монография:**

*Baker, M.* (1992). In *Other Words*. London: Routledge. 301p.

**Статья:**

*Alexieva, B.* (1997). A Typology of Interpreter-Mediated Events. *The Translator* Vol. 2. No. 2. 153–175.

**Источники с транслитерацией и переводом на английский язык**

Монография:

*Nenashev M.F.* Poslednee pravitel'stvo SSSR [Last government of the USSR]. Moscow, Krom Publ., 1993. 221 p.

**Статья:**

*Zagurenko A.G., Korotovskikh V.A., Kolesnikov A.A., Timonov A.V., Kardymon D.V.* Tekhniko-ekonomicheskaya optimizatsiya dizaina gidrorazryva plasta [Techno-economic optimization of the design of hydraulic fracturing]. *Neftyanoe khozyaistvo – [Oil Industry]*, 2008, no. 11, pp. 54–57.

## УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Рады сообщить, что Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки России журнал «Вопросы психолингвистики» включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов (2015 год), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Также сообщаем, что журнал «Вопросы психолингвистики» включён в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science. Полный список журналов, вошедших в RSCI, доступен по ссылке:

[http://wokinfo.com/media/pdf/RSCI\\_Journal\\_List.pdf](http://wokinfo.com/media/pdf/RSCI_Journal_List.pdf)

а также при поиске на e-library:

[http://elibrary.ru/projects/blogs/post/2015/12/17/WoS\\_7.aspx](http://elibrary.ru/projects/blogs/post/2015/12/17/WoS_7.aspx)

Оформить подписку на журнал «Вопросы психолингвистики» можно в любом отделении Роспечати. Подписной индекс 37152.

Свои вопросы и предложения Вы можете отправлять на электронный адрес редакции [editorial-vpl@yandex.ru](mailto:editorial-vpl@yandex.ru)

*Редколлегия*









# ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

**2017**  
**1 (31)**

Ψλ